

К 1375942

Ю. К. Некрасов

ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ И БУРЖУАЗИЯ ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ



Вологда
«Русь»
2005



*Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всеобщей истории
Вологодского государственного
педагогического университета*
Юрий Клавдиевич Некрасов

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Ю. К. Некрасов

Торговые компании и буржуазия
Южной Германии

В НАЧАЛЕ ПУТИ ОТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
К ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
1450 – 1550

Вологда
«Русь»
2005

Научный редактор – к.и.н., доцент **А.Ф. Чуянов**

Н 47

Некрасов Ю. К. Торговые компании и буржуазия Южной Германии. В начале пути от средневековой к индустриальной цивилизации. 1450–1550. – Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 2005 – 292 с.

ISBN 5-87822-261-2

ББК 63.3 (4 Герм) 4 – 2

Монография выходит в связи с 70-летним юбилеем автора и отражает результаты его почти полувековой работы над историей формирования немецкой буржуазии в общественный класс на начальном этапе перехода Западной Европы от Средневековья к Новому времени, от феодализма к капитализму. Судьбы этой буржуазии рассматриваются на поле ее профессиональной деятельности по материалам источников купеческих и торгово-промышленных компаний Южной Германии XV–XVI вв. Автор делает это, исследуя организационную структуру предприятий и их участие в торговых операциях на международных рынках Европы и в горном деле австрийских владений Габсбургов.

Особое место в монографии отведено вопросу о происхождении крупных бюргерских состояний, взаимоотношениям нарождающейся буржуазии с городской общиной, позиции различных ее группировок во время Реформации, участию буржуазии в феодальном землевладении и в средневековых корпорациях, менталитету ранней буржуазии.

Книга адресована студентам исторических факультетов университетов, учителям истории средних школ и широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Примечания	10
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	13
1.1. Источники	13
1.2. Историография	18
Примечания	44
ГЛАВА ВТОРАЯ. СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ КОМПАНИЙ	52
2.1. Типы торговых компаний	53
2.2. Структура компаний	63
2.3. Организация компаний	80
Примечания	90
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КОМПАНИИ НА РЫНКАХ ЕВРОПЫ	96
3.1. Компании на рынках германских земель	96
3.2. Компании на рынках Италии, Испании, Франции и Нидерландов	106
3.3. От Средних веков к Новому времени: некоторые вопросы европейской торговли на рубеже XV–XVI вв.	127
Примечания	139
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ В ГОРНОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТИРОЛЯ, КАРИНТИИ И КРАЙНЫ	147
4.1. Компании в откупных операциях с металлами	152
4.2. Промышленно-предпринимательская деятельность компаний	166
Примечания	184
ГЛАВА ПЯТАЯ. БЮРГЕРЫ ИЛИ БУРЖУА? К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА НЕМЕЦКОЙ БУРЖУАЗИИ (на примере имперского города Аугсбурга)	191
5.1. Происхождение крупных бюргерских состояний и проблема генезиса капитализма	192
5.2. Купечество и городская община	201
5.3. Торговая буржуазия и Реформация	218
5.4. Купцы-капиталисты и феодальное землевладение	233
5.5. Бюргеры-буржуа и средневековые корпорации	247
Примечания	252
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	268
Примечания	276
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	278
Источники	278
Литература	279
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	291

ВВЕДЕНИЕ

Примерно со второй половины XV в. и по крайней мере до середины XVI столетия германские земли переживали экономический подъем, который совпал по времени с начальной стадией кризиса «системы феодализма». В социально-экономической жизни позднесредневековых городов кризис проявил себя в процессах полярной направленности: с одной стороны, разложения мелкотоварного ремесла и так называемого «замыкания цехов»; с другой — первоначального накопления и генезиса капитализма в том же ремесленном производстве. Эти процессы сопровождались возникновением в ряде отраслей народного хозяйства новых производственных отношений, которые являлись предвестниками движения Западной Европы от феодализма к капитализму, от ценностей средневековой цивилизации к ценностям индустриальной цивилизации. Как оказалось, этот путь был долгим и трудным и завершился только с победой промышленной революции и вступлением самого капитализма в машинную стадию. Пока что мы находимся лишь в начале этого пути, что определяет цели и задачи исследования.

Научная актуальность исследования исторических явлений переходной от Средневековья к Новому времени эпохи настолько очевидна, что не нуждается в особых разъяснениях. Главным при изучении начальной стадии в истории капитализма, по словам В. И. Ленина, является установление самого факта, откуда и как именно он возникал.¹ С этим тезисом Ленина вполне можно согласиться, поскольку проблема происхождения капитализма и сегодня не утратила актуальности. Правда, перед автором настоящей монографии стоит более узкая задача: пролить свет на роль и значение купеческого, или торгово-банковского, капитала в движении общества к капитализму и ценностям новой индустриальной цивилизации на примере деятельности южно-немецких торговых и торгово-промышленных компаний. Решение этой задачи в известном смысле облегчается существованием тогда таких исторических антиподов торговых предприятий, какими являлись Равенбургская компания, с одной стороны, и южно-немецкие (прежде всего аугсбургские) торговые и торгово-промышленные предприятия, — с другой. По характеру деятельности первый тип компаний (Равенбургская компания) представляет собою яркий образец накопления ради накопления, тогда как второй тип (аугсбургские предприятия) может служить конкретным примером перехода самих компаний к раннекапиталистическому предпринимательству.

Изучение природы купеческого капитала может служить ключом и к выбору методологии исследования обозначенной выше проблемы, в этой связи отметим, что еще К. Маркс полагал, что «торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще»². В то же время купеческий капитал обладал известной самостоятельностью по отношению к господствующему, по марксистской терминологии, способу производства, или спо-

собу общения, с точки зрения оппонентов марксизма.³ В этой связи прежде всего необходимо отметить, что купеческий капитал возник задолго до появления самого капитализма. Поэтому сам по себе этот капитал отнюдь не тождественен капитализму, хотя существование и этого капитала в недрах «системы феодализма» является определенным «... историческим условием для развития капиталистического способа производства 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому, что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли»⁴, то есть, другими словами, купеческий капитал стимулировал развитие производства для сбыта его продуктов на рынке. Следовательно, сосредоточение денежных богатств в руках отдельных хозяйствующих субъектов было одним из тех условий, без которого невозможен первый толчок, положивший начало капиталистическому способу производства (или общения). Правда, при этом следует иметь в виду, что самостоятельное развитие купеческого капитала, взятое вне связи с общим направлением поступательного исторического движения, недостаточно для объяснения перехода от феодального общества средневековой цивилизации к буржуазному обществу индустриальной цивилизации. Поэтому целью настоящего исследования должна стать не столько «реконструкция» модели купеческого капитала как такового, сколько установление его роли на ранней стадии перестройки экономики (экономического базиса, согласно марксистской терминологии) феодального общества, перестройки, которая была обусловлена эволюцией общественного производства от простого товарного к расширенному воспроизводству, что было возможно только в рамках капиталистического способа производства (или общения).

В «Капитале» К. Маркс писал о двух возможных вариантах перехода от феодализма к капитализму. При первом варианте, по его словам, «производитель становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цеховыми путями ремеслу средневековой городской промышленности. Это, – утверждает Маркс, – действительно революционный путь». Но такой путь развития был возможен только при условии, когда цеховая регламентация утрачивала уравнилительный характер, а предприниматель, сам вышедший из рядов мелких производителей, получал возможность выгодно продавать на рынке не только изделия собственного предприятия, но и покупать в качестве товара рабочую силу. Второй вариант состоит в том, что «купец непосредственно подчиняет себе производство». Маркс относится к такому варианту развития довольно скептически, так как, по его мнению, «как ни велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени ... все же этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку»⁵. При последнем варианте купец подчиняет себе производство, оставляя, однако, организацию этого производства в прежнем виде; купеческий капитал здесь может играть и консервативную

роль, превращаясь в препятствие на пути прогресса. В таком случае устаревшие формы общественного производства, искусственно поддерживаемые купеческим капиталом, преследующим собственные интересы, также гибнут по мере роста и усиления позиций действительно капиталистических форм общественного производства, хотя сам переход от простого товарного производства к капиталистической мануфактуре в подобных условиях занимает «исторический отрезок времени большой протяженности».

Впрочем, указанными выше вариантами не исчерпывается, как полагают основоположники исторического материализма, роль купеческого капитала в переходную от феодализма к капитализму эпоху, поскольку, по их мнению, существует третий вариант, когда «купец непосредственно становится промышленником»⁶. В «Дополнениях» к третьему тому «Капитала» Ф. Энгельс отмечает, что в таких отраслях народного хозяйства, как горнорудная, судостроительная и текстильная, уже в позднее Средневековье было положено «начало существования промышленного капитала», подчеркивая при этом, однако, «замкнутый, монополично-корпоративный характер горных промыслов»⁷ и имея в виду особый исторический путь их развития.

Суждения К. Маркса и Ф. Энгельса о судьбах общественного производства в Западной Европе, переживавшей переходную стадию от феодализма к капитализму, обращены к теоретически возможным вариантам развития, которыми, однако, не исчерпывается все многообразие эволюции экономической структуры общества на переходной стадии от средневековой к индустриальной цивилизации. В этой связи вполне правомерно указать на тот очевидный факт, что на ранней стадии самого мануфактурного капитализма, то есть в конце XV – первой половине XVI в., когда купец почти повсюду играл главную роль в общественном производстве, сильно давали о себе знать или даже преобладали консервативные тенденции в развитии капиталистических форм хозяйства. Это уже само по себе свидетельствует о двойственности социальной природы купеческого капитала и его роли в процессе генезиса капитализма, между тем трансформация товарного производства, по словам Маркса, «становится капиталистическим процессом, деньги превращаются в капитал только в том случае, если 1) товарное производство ... есть всеобщая форма производства; если 2) труд есть наемный труд; 3) если объективные условия ... сами продукты противостоят труду ... как чужая собственность и таким образом по форме – капитал»⁸. В то же время необходимо иметь в виду, что повсюду, где на авансцену истории вступают купец и купеческий капитал, мы сталкиваемся с большими или меньшими отклонениями от процесса, который, казалось бы, логически рассуждая, можно было рассматривать как наиболее вероятный.

Дело в том, что далеко не всегда теория выдерживает испытание на практике, в частности, в странах Западной Европы, в том числе в Германии, одновременно протекали два исторических процесса, пункты назначения которых

были разными. Итогом процесса первоначального накопления являлась аккумуляция в руках немногих владельцев крупных денежных богатств, потенциально способных выполнять функции промышленного капитала, с одной стороны, и образование армии экспроприированных мелких производителей, свободных от всяких форм личной зависимости и обладавших возможностью продажи своей рабочей силы как товара, – с другой. Только в процессе генезиса капитализма происходило соединение этих различных по направлению процессов и становление капиталистических форм хозяйства. Соединение этих во многом полярных по своей сути процессов в целях организации производства, распределения и обмена с необходимостью ведет к капитализму, выступавшему в виде экономического уклада или способа производства (общения). Причем сама по себе концентрация денежных богатств в руках отдельных хозяйствующих субъектов еще не может быть бесспорным аргументом в пользу существования капитализма, так как другим критерием оценки данного явления служат отношения между владельцами этих богатств, создателями прибавочной стоимости, образующей эти богатства, то есть характер отношений собственности и способ производства (или общения). Прогрессивная роль купеческого капитала в процессе первоначального накопления не вызывает сомнения. Гораздо сложнее вопрос о его роли в образовании отличного от Средневековья типа промышленных предприятий. Двойственной природой купеческого капитала в известной степени объясняется и тот факт, что в большинстве стран Западной Европы характер перехода к новому способу производства был далеким от «простой смены формы», поскольку влияние купеческого капитала на социально-экономические реалии исторической действительности происходило в двух направлениях: с одной стороны, этот капитал удерживал и сохранял унаследованные от прошлого консервативные тенденции в общественном производстве, с другой – разрушал натуральный и мелкотоварный хозяйственные уклады, расчищая тем самым дорогу тому же капитализму. Противоборство этих двух тенденций порождало в южно-немецких городах уже с XIV в. острые социальные конфликты⁹, участие в которых нарождавшейся буржуазии представляет несомненный научный интерес.

Кардинальным переменам в образе жизни, особенно в экономической сфере, общество в условиях западноевропейской средневековой цивилизации обязано прежде всего городу¹⁰. Именно благодаря городу в эпоху раннего капитализма начался процесс эволюции рынка как категории простого товарного производства в категорию капиталистического хозяйства. Такое превращение могло успешно совершаться при следующих условиях: 1) когда рабочая сила становится товаром и обращается на рынке в количестве, достаточном для ее систематического применения; 2) когда в сферу рыночного обращения вовлекаются средства производства и условия труда, в том числе земля; 3) когда национальный рынок становится частью образующегося мирового рынка. На значение последнего фактора вполне правомерно указывает К.

Маркс, когда пишет о том, что «мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала»¹¹. Начало всех этих метаморфоз в экономической секторе экономической жизни Западной Европы можно датировать еще XIV в. Однако только примерно с середины XV в. они почти повсеместно приобретают массовый характер, хотя завершение процесса этих метаморфоз относится к более позднему времени и знаменует собою переход самого капитализма от мануфактурной к машинной стадии развития.

Упомянутые выше метаморфозы общественного производства тесным образом связаны с развитием рыночных отношений и, следовательно, торговли. Радикальные перемены в характере европейской торговли имели принципиальное значение и для деятельности южно-немецких компаний. Однако радикальному повороту в развитии торговли предшествовали другие важные перемены в экономической жизни позднесредневекового общества. Дело в том, что еще в XIV в. возникла зависимость некоторых отраслей промышленности, работавших на массового потребителя, от экспортной торговли, выполнявшей функции сбыта изделий местного производства на «дальних рынках» и импорта с таких же рынков, например, для нужд текстильной промышленности городов Южной Германии и их сельских округ сырья и полуфабрикатов (хлопка, шелка-сырца и льняной пряжи, красителей индиго, вайды, шафрана). Причем если в XIV в. подобные явления носили по преимуществу эпизодический характер, то со второй половины XV в. наступила новая эпоха в истории европейской торговли: если раньше купец выступал лишь в роли силы, регулирующей рыночные отношения, теперь само существование ряда отраслей сначала текстильной промышленности, а затем и горнорудных промыслов стало напрямую зависеть от инвестиций в эти отрасли капиталов, возникших в торговле товарами и деньгами. Это, хотя бы отчасти, объясняет, почему купеческому капиталу удалось овладеть командными позициями в ряде отраслей позднесредневекового народного хозяйства. По этой же причине исследование экономической деятельности, организации и структуры торговых и торгово-промышленных компаний, выполнявших, к тому же, и банковские функции, представляет большой научный интерес. Этот интерес обусловлен и тем, что приобщение к новым формам хозяйственной деятельности было сопряжено с изменением менталитета «человека Средневековья», в том числе купца-предпринимателя, и зарождением у него мировоззрения человека новой, идущей на смену средневековой индустриальной (или постиндустриальной) цивилизации¹². На социально-психологическом уровне это означало эволюцию общественного сознания купца-капиталиста от коллективистского к индивидуалистскому и изменение этических норм и правил его профессионального поведения. На практике это было сопряжено с преодолением средневековой корпоративности, заняло длительный отрезок времени и потребовало больших личных усилий со стороны «нового человека» постсредневековой цивилизации.

Не в меньшей мере актуальна также постановка проблемы эволюции социального статуса купца, его роли в общественной жизни в XV–XVI вв. Исследование данной проблемы представляется необходимым по следующим соображениям. Во-первых, в эпоху раннего капитализма богатый купец порою выступал в роли не только оптового торговца и банкира, но и предпринимателя-капиталиста. Это не может не вызывать к нему интереса как социальному типу реальной действительности того времени. Во-вторых, постановка и попытка решения этой проблемы позволит пролить дополнительный свет на социальную природу буржуазии эпохи раннего капитализма и установить степень ее способности и готовности решать злободневные вопросы тогдашней жизни в интересах капитализма. Поэтому первостепенное научное значение имеет исследование проблемы общественной активности зарождавшейся буржуазии, которая проявлялась в ее участии в «большой политике», городском самоуправлении, реформационном движении и в ее отношении к массовым народным движениям переходной от феодализма к капитализму эпохи.

Правда, тут же следует оговориться, что не на все сформулированные выше задачи могут быть решены сегодня на практике и не на все поставленные здесь вопросы можно получить однозначные и точные ответы. К. Маркс не без основания писал о сущности исторических процессов этой переходной эпохи, что «переворот в общественном способе производства, этот необходимый продукт преобразования средств производства протекает среди пестрого хаоса переходных форм. Такой ход исторического процесса ставит исследователя перед настоящей необходимостью осмысления основных траекторий движения этого «пестрого хаоса переходных форм»¹³. Причем обозначенная выше цель может быть достигнута только в том случае, если будут использованы результаты комплексного конкретно-исторического рассмотрения темы с привлечением широкого круга разнообразных источников. Только такой выбор подхода к самой проблеме исследования, по убеждению автора этих строк, открывает перспективу максимального приближения к истине.

Поэтому автор настоящей монографии намерен направить усилия на то, чтобы «реконструировать» по возможности предельно близкий к реальной действительности образ ранней буржуазии на примере Южной Германии и установить основные параметры ее социально-психологического менталитета. Это он попытается сделать, опираясь главным образом на материалы по истории имперского города Аугсбурга, который переживал полосу длительного экономического подъема, сопровождавшегося возникновением первоначальных и уже в силу данного обстоятельства примитивных форм капиталистического производства в текстильных ремеслах. Поэтому интересно проследить, какое участие ранняя буржуазия приняла в процессах первоначального накопления и генезиса капитализма, поскольку именно благодаря ее участию в этих процессах Аугсбург приобрел значение одного из форпостов раннего капитализма не только в Швабии, но и всей Германии. На первом этапе движения

к капитализму предприимчивые бюргеры этого города (купцы и зажиточные цеховые мастера) использовали приобретенные в торговле и кредитно-банковских операциях денежные средства для формирования «системы раздач» в текстильном ремесле, особенно бумазейном производстве¹⁴. На втором этапе этого движения, умножив свои богатства на поле экономической деятельности в роли «капиталистов-раздатчиков», они инвестируют свои капиталы в горное дело. Тесные связи с передовыми отраслями промышленности того времени придают историческому опыту аугсбургских «бюргеров-буржуа» особую значимость и обуславливают необходимость его осмысления. В то же самое время следует иметь в виду, что начальная стадия генезиса капитализма совершалась в условиях преобладания купеческого капитала над промышленным капиталом, что и дало основание для концепции так называемого «торгового капитализма»¹⁵. Этот факт выразился также в том, что буржуазия уже на ранней стадии формирования в общественный класс распалась на две во многом противостоящие друг другу фракции – торговую и промышленную, в такой же мере, в какой в эпоху раннего капитализма купеческий капитал в системе общественного производства преобладал над промышленным капиталом, торговая буржуазия подчиняла своему экономическому влиянию мануфактурную буржуазию. Последняя представляла собою тончайшую прослойку позднесредневекового общества и не пользовалась в этом обществе, находившемся на начальной стадии движения от феодализма к капитализму, от средневековой к индустриальной цивилизации, сколько-нибудь заметным влиянием. Данное обстоятельство накладывало отпечаток на многие стороны жизни города и горожан, образ мышления и линию общественного (в том числе предпринимательского) поведения людей того времени; поступки и действия людей той эпохи, которые сегодня не так-то легко понять и особенно принять. Однако для того, далеко от нас отстоящего времени, такие поступки и действия могли быть обычными и даже заурядными. Именно по причине неординарности, применительно к современности, эти поступки и действия до сих пор привлекают внимание исследователей, которые видят в них отражение своеобразия самой общественной атмосферы давно минувшей эпохи. Однако с приближением Нового времени в поступках и действиях человека все чаще начинают проявляться черты, все более доступные и понятные сознанию современного человека. Вместе с тем этот путь от ментальности человека Средневековья к ментальности человека Нового времени, как показал ход исторического процесса, оказался долгим и трудным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.и. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. С. 380.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. ч. 1. С. 170.

³ Яковец Ю.В. История цивилизаций. 2-е изд. М., 1997. С. 44 след.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 25. ч. 1. С. 359.

⁵ Там же. С. 367.

⁶ Там же. С. 368-369.

⁷ Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 477-478.

⁸ Там же. С. 515.

⁹ Этот сюжет автор настоящей монографии затрагивает в другом своем труде (см.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации: Позднесредневековый город и ранний капитализм /по материалам Швабии и Швейцарского Союза XIV–XVI вв.). Вологда. 2003. С. 366-375/.

¹⁰ Город в условиях средневековой западноевропейской цивилизации играл прогрессивную роль в становлении и развитии последней. Причем сначала он выступал в качестве центра ремесла, а затем – инициатора и источника явлений раннего капитализма. Впрочем, прогрессивное значение города не ограничивалось сферой материальной культуры – общественного производства и рыночной экономикой. Это значение города распространялось и на другие стороны жизни общества того времени, в том числе духовную. Многогранная роль города в истории средневековой цивилизации побуждает обратить внимание на недавно изданный четырехтомный коллективный труд об этом городе, в котором затрагиваются различные стороны жизни самого города и его обитателей. Некоторые разделы данного труда непосредственно касаются проблематики настоящей монографии. Поэтому назовем те из них, которые представляют для автора последней, пожалуй, особенно большой интерес при решении исследовательских задач, вставших перед ним при написании книги (см.: Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма, М., 1999. С. 9-41; Бойцов М.А. Города Германии до конца XV века // Там же. С. 73-92; Немилев А.Н. Образ города в немецкой гуманистической культуре XV–XVI веков // Там же. С. 161-168; Хачатурян Н.А. Политическая организация города // Там же. С. 313-340; Сванидзе А.А. Торговля и купечество: контуры «общественного обмена вещами» западноевропейского Средневековья // Там же. Т.2: Жизнь города и деятельность горожан. М., 1999. С. 8-26; Она же. Ярмарки // Там же. С. 33-36; Она же. Торговые компании // Там же. С. 36-46; Ролова А.Д. Торговое делопроизводство: бухгалтерия, торговые книги, переписка // Там же. С. 26-30; Гуревич А.Я. Средневековый купец // Там же. С. 46-79; Тушина Е.В. Городское землевладение // Там же. С. 279-289; Ястребицкая А.Л. «Низшие социальные слои»: Бедность и бедняки // Там же. С. 294-317; Уваров П.Ю. Община горожан: структура и конфликты // Там же. Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей, М., 2000. С. 8-40; Он же. Социальное единство и социальный контроль внутри городских стен // Там же. С. 166-192; Негуляева Т.М. Зарождение правосознания и чувства личности у немецких бюргеров в XII–XIII. // Там же. С. 254-259; Сванидзе А.А. Стратегия удержания власти; к вопросу о «демократии» в средневековом городе XV века // Там же. Т. 4. Extra muros. Город, общество, государство. М., 2000. С. 80-87; Пололяк Н.Г. Ганза // Там же. С. 125-150; Балакин В.П. Швабский союз городов /1376-1380/ // Там же. С. 150-158). В этот же ряд урбанистических исследований можно поставить также статью А.Л. Ястребицкой, посвященную проблеме менталитета предпринимателя эпохи раннего капитализма /см.: Ястребицкая А.Л. Tauscher и Tauscher/Verlag в немецком книгопечатании XV–XVI веков // Другие Средние века: К 75-летию А.Я.Гуревича. М.: СПб., 2000. С. 421-438.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. ч. 2. С. 453-454.

¹² Гуревич А.Я. Человек Средневековья // История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992. С. 686-687; Он же. Средневековый купец ... С. 60 след.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 25. ч. 2. С. 454-455.

¹⁴ Процесс возникновения, развития и превращения так называемых «раздач» в систему производственных отношений, которая на завершающей стадии исторического развития совершала метаморфозу в примитивную форму капиталистической мануфактуры рассеянного типа, в текстильной промышленности, порою реализуя на практике централизацию одной или нескольких операций производственного цикла, в южном регионе германских земель крайне редко перерастала в централизованную мануфактуру. Такую тенденцию развития автор этих строк достаточно обстоятельно рассмотрел на примере льноткацкой и бумажевной промышленности городов и их сельских округ в Швабии и Швейцарском Союзе (см.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 79 след. 134 след. 163-165. 179-183).

¹⁵ Представления об исторической роли купечества в развитии общественного производства и о «торговом капитализме», сформулированные в отечественной историографии советского периода (см.: Корхов Ю.А. Купечество // СИЭ. 1965. Т. 8. С. 299-301; Он же. Торговый капитал // Там же. 1973. Т. 14. С. 347-348), сегодня «устарели» и с достаточной степенью очевидности нуждаются в ревизии. «Новые представления» о роли купеческого капитала и самого купца истории средневековой цивилизации изложены в уже упомянутых выше трудах А.Я. Гуревича и А.А. Сванидзе /см.: Гуревич А.Я. Человек Средневековья ...; Он же. Средневековый купец ...; Сванидзе А.А. Торговля и купечество .../.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. ИСТОЧНИКИ

Автор настоящей монографии для решения исследовательских задач привлекает и использует довольно широкий круг разнообразных источников. Эти источники условно могут быть разделены на несколько типов (или групп), каждый из которых отличают ярко выраженные особенности. Поэтому представляется целесообразным дать краткую характеристику каждого из этих типов.

Прежде всего необходимо выделить документы, сообщающие сведения по преимуществу экономического характера. Они представляют исключительный интерес, так как для решения, например, вопроса о природе купеческого капитала, сфере его приложения, характера экономических связей между отдельными странами, регионами той или иной страны недостаточно привлечения документов торгового права и актов городского законодательства, поскольку они не дают конкретной и в достаточной мере достоверной картины динамики развития рыночных отношений. Дело в том, что законы и предписания властей порою свидетельствуют не столько о том, то было на самом деле, сколько о том, что рисовалось воображению их авторов как нужное и полезное. В таких случаях необходимо использовать источники других типов, среди которых наибольший интерес представляют торговые книги и деловая корреспонденция, то есть документы, вводящие нас в повседневную практику компаний, сообщающие о подлинном положении вещей и придающие этой практике черты «живой истории». Возможность статистической обработки деловой документации позволяет в ряде случаев проследить за развитием торговой и предпринимательской деятельности компаний и благодаря этому пролить свет на те сдвиги, которые происходили в экономической жизни Западной Европы на заре эпохи капитализма в XV-XVI вв. Правда, в отличие от Италии, где такие документы сохранились в значительном числе, для Германии того же времени они – большая редкость. До наших дней сохранилось лишь несколько торговых книг, которым по своему содержанию близки бумаги Равенсбургской компании. Материалы этой компании автор настоящей монографии использует, пожалуй, с наибольшей интенсивностью.

Известный немецкий историк-экономист и специалист по средневековому торговому праву А.Шульте в 1923 г. опубликовал бумаги «Большой Равенсбургской компании»¹, обнаруженные еще в 1909 г. в замке Залем в Южной Германии. Вместе с этими бумагами были напечатаны хранившиеся в архивах немецких, швейцарских и испанских городов документы, в которых содер-

жаты сведения о деятельности этого торгового предприятия. Материалы Равенбургской компании, являясь важным и интересным источником не только по истории торговли городов Южной Германии, но и по истории европейской торговли в целом, включают в себя деловую переписку правления компании с факториями и факторий с «централом», отчеты о деятельности отдельных факторий, материалы ревизий, которые проводило руководство торгового предприятия в факториях, инструкции агентам компании и содержат сведения о характере торговых операций товарищества на рынках Нидерландов, Испании, Италии и на ярмарках Франкфурта-на-Майне, Нюрнберга и Нердлингена в Германии. Хронологически бумаги компании охватывают период времени большой протяженности с 1380 по 1530 г., то есть с момента основания до дня ее роспуска. Однако сведения о деятельности компании в целом носят довольно отрывочный и эпизодический характер. Наиболее полно представлены материалы, относящиеся к 1472-1480, 1503-1507, 1510-1511 и 1527 г. Но и они не позволяют воссоздать полную и достоверную картину деятельности торгового предприятия, так как в них имеются ничем невосполнимые лакуны. Вместе с тем это обстоятельство не может умалять ценность для историка бумаг торговой компании, хотя упомянутую выше особенность ее документации приходится принимать во внимание при решении исследовательских задач.

Определенный корректив в картину деятельности Равенбургской компании во Франкфурте-на-Майне вносят записки о торговых операциях, которые были осуществлены нюрнбергским купцом Паулем Мулихом, выступавшим в роли контрагента компании на весенней ярмарке 1495 г. в этом городе. Записки Мулиха опубликованы Ф. Реригом², предпославшим публикации вступительную статью.

Большой интерес представляют «Торговые обычаи мира», которые можно назвать настольной книгой немецких купцов, содержащей сведения о центрах международной торговли конца XV – первой половины XVI в. Этот труд по большей части составлен богатым купцом и предпринимателем-капиталистом, бюргером Аугсбурга бароном Гансом Паумгартнером-младшим. «Торговые обычаи» позволяют исследователю извлечь из них прежде всего сведения о деятельности швабских купцов на европейских рынках, системах мер и весов, курса валют различных стран и даже отдельных регионов и городов. Необходимо также отметить, что труд Паумгартнера отличается лаконичный, ясный и точный язык, свойственный деловому человеку.

К тому же типу источников следует отнести такой любопытный документ, как «Дневник Лукаса Рема» (1494-1541 гг.)⁴. Дневник этого аугсбургского купца и предпринимателя носит характер деловых записок и содержит сведения не только о жизненном пути его автора, но и о структуре основанного братьями Ремами торгового товарищества. Особую ценность имеют данные источника о норме торговой прибыли как компании Вельзеров, пайщиком которой в течение нескольких лет был сам автор «Дневника», так и пред-

приятия, основанного братьями Ремами. Представляет также большой интерес и его свидетельства об инвестициях семейства Ремов в землевладение и различные ренты «сеньориального происхождения». Отсюда же можно почерпнуть информацию о положении служащих компании Ремов.

«Инвентура фирмы Фуггеров 1527 г.», которая в начале прошлого столетия была опубликована Я. Штридером⁵, представляет собою описание движимого и недвижимого имущества, принадлежавшего этому аугсбургскому торговому дому, его активов и пассивов на международных европейских рынках, инвестиций в торговлю, банковские операции, производство и землевладение. «Инвентура» позволяет исследователю получить ценные сведения о характере торговой деятельности компании Фуггеров, ее участии как в банковских операциях, так и ее капиталовложениях в горнорудную промышленность. Балансовые счета, завершающие описание, дают возможность установить общую массу капиталов компании и их инвестиций в разные отрасли народного хозяйства. К сожалению, из серии подобных «инвентур» компании Фуггеров опубликована только одна, что исключает возможность проследить эволюцию деятельности компании и рост ее богатств на материале такого достоверного и надежного источника.

Несомненный интерес для исследователя представляют записки пробирных мастеров в тирольском Халле Кристиана и Себастьяна Андорферов о поставках владельцами и арендаторами плавлен серебра местному княжескому монетному двору⁶, а также деловые записки владельца компании Ганса Паумгартнера-младшего и его фактора в Шваце Ганса Плана, которые приведены К.О. Мюллером в публикации источников по истории этого торгового дома.⁷ Если первый из упомянутых выше источников позволяет сформулировать выводы принципиальной научной значимости о деятельности крупных южно-немецких компаний в горнорудной промышленности Тироля, второй – сообщает сведения, которые делают возможным внесение определенных корректив в научные представления о характере деятельности этих предприятий в горнорудной промышленности Тироля и других австрийских владений Габсбургов. Отметим также, что публикация Мюллера отличается большим разнообразием представленных в ней материалов, которые позволяют создать достоверный образ Паумгартнеров – банкиров, крупных оптовых торговцев и предпринимателей-капиталистов.

Завершая характеристику источников первого типа, следует также упомянуть о списках вкладчиков компании братьев Цангмейстеров из Меммингена, который в приложении к одной из своих статей приводит Л. Вестерман⁸. Это – весьма ценный, но, к сожалению, редкий исторический материал, который может дать более или менее точный ответ на вопрос о роли и месте инвестиций «третьих лиц» в структуре собственности и ценные бумаги крупных торговых и торгово-промышленных компаний Южной Германии XV и XVI столетий.

Второй тип источников включает документы, носящие официально-правовой характер, то есть распоряжения и предписания властей (прежде всего австрийских) и законодательные акты. Их дополняет и уточняет переписка чиновников той же австрийской администрации между собой и с частными лицами, донесения чиновников эрцгерцогу и императору. Данный тип источников включает также различные деловые соглашения (контракты). Без привлечения этих источников, хотя их и отличает известное единообразие и односторонность, невозможно решение ряда задач принципиальной научной значимости, относящихся к теме настоящего исследования. Такие документы занимают видное место в уже упоминавшейся выше публикации источников К.О. Мюллером и приведены в качестве приложений к трудам М. Янзена, Р. Эренберга, Я. Штридера, А. Егера и Л. Шойермана⁹. К тому же типу источников следует отнести законодательные акты и постановления правящего совета имперского города Аугсбурга¹⁰. Необходимо отметить также, что многие документы второго типа использованы автором настоящей монографии в изложении (пересказе) городских хронистов. Особый интерес в таком случае представляют комментарии хронистов к законодательным актам властей и их политике.

Третий тип источников образуют программные документы общественных движений эпохи Реформации и Крестьянской войны XVI в. в германских землях. Автором монографии использованы указы депутатам ландтага, жалобы (Beschwerden) городских и сельских общин, статьи требований «Меранской программы» оппозиционных сословий Тироля и «Земское Устройство» предводителя восставших крестьян и горняков в альпийских землях Михаэля Гайсмайера¹². Источники, в которых отражено отношение современников к деятельности аугсбургских торговых компаний, имеют принципиальное значение для рассмотрения социальных аспектов поставленной в исследовании задачи. Достижению этой же цели служит использование в качестве источников судебных материалов, в этой связи сошлемся на весьма характерный пример – судебную тяжбу между баронами Паумгартнерами и тирольскими горнозаводчиками по поводу разработки железного рудника на территории сеньории Хозншвагау в том же Тироле. Материалы тяжбы, проливающие достаточно яркий свет на отношения собственности в этом горнорудном районе, приведены в уже упоминавшейся выше публикации К.О. Мюллера. Содержание документов городских судов Южной Германии текстуально или достаточно точно и подробно воспроизводят в своих трудах также хронисты этих городов.

Четвертый тип источников – нарративные памятники, которые особенно широко представлены прежде всего хрониками XV-XVI вв. имперского города Аугсбурга. Автором настоящей монографии привлекаются тексты городских хроник Буркарда Цинка¹³, Гектора Мюлиха¹⁴ и его «продолжателей»¹⁵, анонимную хронику города¹⁶, «Хронику новых историй» Вильгельма Рема¹⁷,

хроники Клеменса Зендера¹⁸, аугсбургского художника Георга Прястаршего¹⁹, Пауля Гектора Майра²⁰ и «Семейной хроники Фуггеров» анонимного автора²¹. Городские хроники²² написаны людьми, которые сами были свидетелями или даже участниками событий, или писали об этих событиях «по их свежим следам». И хотя хроники требуют критического к ним отношения и проверки некоторых содержащихся в них фактов и особенно – интерпретации этих фактов авторами хроник, в целом – это богатые по содержанию источники, бросающие яркий свет на события и открывающие исследователю возможность передать своеобразные черты далеко отстоящей от нас исторической эпохи. Благодаря дошедшим до нас трудам хронистов многие коллизии социальных и политических конфликтов того времени обретают дыхание живой истории, участниками событий которой, в частности, выступали и представители богатейших семейств южно-немецких городов и прежде всего Аугсбурга, которые являлись владельцами или пайщиками крупных торговых компаний. К тому же, хронисты обычно проявляли большой интерес к экономической жизни тогдашнего общества и порою сообщали ценные сведения о деятельности компаний.

Городские хроники XV-XVI вв. образуют первую подгруппу нарративных памятников, вторая подгруппа этих памятников представлена сочинениями писателей-хронистов XVIII в., потомками старинных патрицианских родов Аугсбурга: Давида Лангенмантеля²³, Пауля фон Штеттена-старшего²⁴ и Пауля фон Штеттена-младшего²⁵. Ценность их трудов состоит прежде всего в том, что они текстуально или в пересказе воспроизводят многие неопубликованные или даже утраченные документы той эпохи. Последнее обстоятельство придает их трудам особую значимость.

В заключение краткой характеристики источников, использованных автором монографии, сделаем некоторые общие выводы.

Во-первых, при решении вопроса о характере торговой деятельности южно-немецких компаний исследователь вынужден использовать для этой цели преимущественно материалы Равенсбургской компании, так как гроссбухи и иная отчетная документация других торговых предприятий Южной Германии того времени в более или менее полном виде не сохранились. По этой же причине из практической деятельности компаний, занятых в горнорудной промышленности, может быть более или менее обстоятельно освещена только одна ее сторона – участие этих компаний в откупных операциях с металлами. Что же касается торговли самими металлами, она по большей части оказывается вне поля зрения исследователя.

Во-вторых, к сожалению, исследователь постоянно сталкивается со скудостью и известной односторонностью информации об организации торговых и торгово-промышленных компаний и характере их деятельности в горнорудной промышленности. Это, в частности, относится к взаимоотношениям ком-

паний с горными товариществами предпринимателей и трудовыми артелями рудокопов-лезнхауэров.

В-третьих, отрывочность и разрозненность материалов источников позволяет лишь эпизодически использовать статистический метод исследования. Это ограничивает историка в возможности использования важного средства познания исторических явлений и процессов и открывает перспективу «реконструировать» лишь относительно приближенной к научной истине картины реальной действительности.

И, наконец, в-четвертых, следует высказать критическое замечание по поводу подхода издателей к технологии публикации источников. Дело в том, что, например, А. Шульте, извлекая из архива документы о закупочных операциях агентов Равенбургской компании у кемптенских ткачей, вместо списка ремесленников-ткачей с конкретными данными о масштабе и характере каждой сделки, приводит только сводные цифры. К сожалению, такой же подход в ряде случаев присущ и ценной публикации К.О. Мюллера документов по истории торгового дома Паумгартнеров. Это обстоятельство серьезно затрудняет установление подлинной картины деятельности компаний.

В то же самое время лакуны в материалах источников, ограниченность самой возможности применения сравнительно-статистического метода исследования, известная односторонность и даже предвзятость авторов некоторых документов не могут поколебать твердого убеждения, что сформулированные выше задачи исследования имеют достаточно широкую и надежную источниковую базу, опираясь на которую и используя комплексный подход к свидетельствам источников, автор настоящей монографии, есть основания так полагать, в состоянии осветить некоторые важнейшие стороны деятельности южно-ненемецких торговых компаний XV-XVI вв., «реконструировать» образ ранней буржуазии и показать ее роль в процессе генезиса капитализма и общественной жизни того времени. С другой стороны, анализ источниковой базы исследования указывает и на возможные пределы познания исторических явлений далекого прошлого.

1.2. ИСТОРИОГРАФИЯ

Историческая литература, так или иначе относящаяся к теме настоящего исследования, обширна и даже необъятна. Однако автор последнего далек от мысли, чтобы дать полный и обстоятельный историографический обзор. Он подчиняет этот обзор обоснованию научной актуальности темы исследования и ее проблематики. Центральными для него проблемами являются: во-первых, вопрос о связи деятельности торговых и торгово-промышленных компаний с процессами первоначального накопления и генезиса капитализма; во-вторых, вопрос о характере деятельности компаний в горнорудной промышленности; в-третьих, вопрос о социально-политическом облике крупной торговой бур-

жуазии, ответ на который он намерен дать на примере ее судеб в крупном имперском городе Аугсбурге. Решением этих задач обусловлено и содержание самого историографического обзора.

Организация и структура южно-немецких компаний XV-XVI вв. давно уже стали объектами пристального внимания со стороны историков. Еще в конце XIX в. немецкий историк катедер-социалист Г. Шмоллер, примыкавший к «исторической школе права», точнее – ее «экономическому направлению»²⁷, вполне резонно подчеркивал, что основной причиной появления торговых компаний, которые организационно все более и более порывали со старыми средневековыми купеческими гильдиями и итальянской комендой, являлось повсеместное распространение в народном хозяйстве товарно-денежных отношений и возникновение на их почве, прежде всего в экспортных отраслях ремесленного производства, явлений раннего капитализма²⁸. Однако самого Шмоллера в первую очередь интересовала преемственность предприятий нового типа с их предшественниками и особенно комендой. Такая постановка проблемы исследования позволила ему более или менее точно установить место «новых компаний» в системе западноевропейского торгового права, но она не имела целью выявление их связей с экономическим развитием стран Западной Европы и зарождением раннекапиталистических отношений, о которых в его труде сказано как бы между прочим. В конечном счете деятельность компаний с развитием сначала товарно-денежных отношений, а затем и процессом генезиса капитализма этим историком не столько обосновывалась и доказывалась, сколько только постулировалась.

Следующий шаг в изучении деятельности и организации южно-немецких компаний был сделан Р. Эренбергом²⁹, обратившим внимание на некоторые принципиально новые стороны в экономической истории Западной Европы XVI-XVII вв. Новые тенденции в экономическом развитии Западной Европы Эренберг связывал с появлением предприятий нового типа, которые вели дела с невиданным до сих пор размахом. Однако и этот историк фактически не затрагивал вопроса об участии компаний в раннекапиталистическом предпринимательстве, внимание Эренберга привлекли прежде всего банковские и торговые операции компаний. Масштабы этих операций он склонен воспринимать как «плод гения Якоба Фуггера»³⁰ и подобных последнему денежных магнатов Германии и других стран Европы. Интерес к внешней форме торговых предприятий у Эренберга преобладает над всем прочим. Поэтому историческая сущность этих предприятий как бы ускользает с поля зрения исследователя, что с неизбежностью ведет к отказу от постановки вопроса о месте и роли купеческих компаний в процессах первоначального накопления и генезиса капитализма.

Иной характер носит труд немецкого историка-экономиста Я. Штридера³¹, который предпринял попытку установить тесную связь деятельности компаний с возникновением капитализма в Германии. В его труде категория

капитала как денежного богатства тождественна капиталу как категории политэкономии и расширенного производства. Для Штридера торговые компании еще до прихода в горнорудную промышленность являлись субъектами, ведущими капиталистическое хозяйство³², и представляли собою ни что иное, как первоначальную форму акционерных обществ XIX в.³³ На основании текстов договоров владельцев крупных торговых домов друг с другом или с представителями имперских и княжеских властей о монопольной продаже товаров с целью поддержания высоких цен на некоторые из них (в первую очередь на продукты горнорудной промышленности) историк делает вывод, что начало картелирования в Германии должно быть отнесено еще к XVI в.³⁴ Отсюда, по мнению Штридера, исторически неизбежным было появление современных капиталистических объединений – трестов и синдикатов. Так под пером этого исследователя, руководствовавшегося прежде всего формально-юридическими соображениями, средневековые монополии превратились в категорию развитого капиталистического хозяйства. Такие выводы проистекают из идеализации исторической роли купеческого капитала в переходную от Средних веков к Новому времени эпоху и модернизаторского подхода к экономическим явлениям далекого прошлого.

Концепция Я. Штридера вызвала возражения К. Бауэра, который, в отличие от Штридера, полагает, что торговые предприятия Германии XVI в. еще нельзя считать более или менее развитыми предшественниками современных акционерных обществ. Акционерные общества, отмечает Бауэр, предполагают полное отделение друг от друга капитала и сотрудничества пайщиков предприятия, определяя участие последних в распределении прибыли лишь размером инвестированного в предприятие капитала, тогда как средневековые компании – неразрывную связь капитала с личным участием в деятельности предприятия³⁵. Однако модернизаторских увлечений не избежал и Бауэр. В конечном счете его не удовлетворили лишь «крайности» теории Штридера. Бауэр также считает, что уже в XVI в. «экспортная торговля и горное дело дают образцы капиталистических организационных форм». Такой вывод Бауэра делает возможным предположение, что и этот историк ставит в один ряд разные исторические явления. Если метаморфоза «Gewerkschaften» из трудовых артелей по добыче руды в раннекапиталистические предприятия действительно имела место, то компании, занятые в экспортной торговле и сбыте металлов на «дальних рынках», еще нельзя отнести к капиталистическим предприятиям в подлинном смысле этих слов по той причине, что сферой их деятельности являлось прежде всего не производство, а рыночный обмен и денежное обращение. Поэтому можно говорить об элементах капиталистического предпринимательства в деятельности этих компаний лишь в тех случаях, когда они выступали в роли «раздатчиков», то есть брали на себе функции организаторов мануфактур рассеянного типа в текстильной промышленности, или выступали в горном деле не только в качестве откупщиков и торговцев

металлами, но и участников-пайщиков товариществ, ведущих добычу руды, и организаторов плавильного производства. Только занятия последними родами деятельности превращали их в промышленных капиталистов. Во всех остальных случаях самый образцовый бухгалтерский учет и совершенство форм управления предприятиями не могут служить аргументом капиталистического характера их деятельности.

Из трудов других историков, так или иначе затрагивающих проблематику настоящего исследования, следует отметить монографии М. Янзена³⁷, статьи О. Петерки³⁸ и Г. Лирмана³⁹, в которых речь идет о различных сторонах организации деятельности крупнейшей аугсбургской компании Футгеров XV-XVI вв.. В том же контексте задач и целей настоящего исследования представляют интерес труды историков и о других южно-немецких предприятиях: Я. Хартунга об аугсбургском торговом товариществе Хаугов, Линков и Лангенауэров⁴⁰, А. Вестермана о компании братьев Цангмейстеров⁴¹, А. Шульте о Равенбургской компании⁴², Э. Керна о знаменитом торговом доме Хохштеттеров⁴³ и И. Лутцман о торговой компании братьев Розенбергеров из Аугсбурга⁴⁴. Поскольку все эти труды не содержат принципиально новых решений, автор настоящего исследования обращается к данной литературе только по мере надобности.

Еще одной темой, которую следует рассмотреть в историографическом введении к исследовательским главам монографии, является вопрос о характере деятельности торговых компаний в горнорудной промышленности. Знакомство с литературой по данному вопросу позволяет не только установить различие в подходах к проблеме исследования западных историков, но и методологическую направленность их трудов. Немецкие и австрийские авторы, писавшие о горнорудных промыслах времени их бурного развития в XV-XVI вв., так или иначе высказываются как о своем отношении к деятельности торговых компаний в данной отрасли народного хозяйства, так и формулируют собственную точку зрения на явления раннего капитализма. Отвечая на эти вопросы, они выдвигают тезис, во-первых, об «извечности капитализма» (что делает их «правоверными допшианцами»); во-вторых, – положение, согласно которому пороки, свойственные капитализму в прошлом, или изжиты к настоящему времени, или могут быть преодолены в будущем вполне мирными средствами. В этой связи нельзя не отметить тех позитивных результатов, которых достигла западная историография в изучении истории горного дела, превратившегося в германских землях на рубеже XV-XVI вв. в передовую отрасль народного хозяйства.

Уже Р. Эренберг и Я. Штридер вводят в научный оборот большой архивный материал источников, красноречиво свидетельствующих о многообразии форм экспансии торгово-банковского капитала в горнорудную промышленность. Штридер использовал факты, почерпнутые из источников, чтобы построить широкие исторические обобщения. Поскольку же для него, как о том

уже сказано выше, торговые компании еще до появления в горнорудной промышленности являлись субъектами, ведущими капиталистическое хозяйство, участие же этих компаний в горных предприятиях еще более усиливало капиталистическую тенденцию в их деятельности. Владельцы торговых домов, по мнению Штридера, сыграли выдающуюся роль в истории раннего европейского капитализма. В деятельности последних он видел «наиболее яркое проявление пробуждающегося капиталистического духа»⁴⁵, одновременно связывая с деятельностью крупных торговых компаний сам факт наступления в Западной Европы «капиталистической эры».

Определенный интерес представляют также труды уже упомянутых выше М. Янгена и Л. Шойермана⁴⁶, в которых речь идет о деятельности Фуггеров в горнорудной промышленности. Если первый из этих авторов добросовестно излагает фактическую сторону истории предприятия Фуггеров, избегая широких обобщений, то второй проявляет в оценках чрезвычайную осторожность. Поэтому и Шойерман оказывается в плену исторического эмпиризма. Правда, заслуживает внимания тот факт, что в отличие от Я. Штридера, отождествлявшего купеческий капитал с промышленным капиталом, Шойерман вполне правомерно указывает на то, что «торговая деятельность Фуггеров не может служить веским аргументом, характеризующим их как промышленных капиталистов»⁴⁷. Однако и этот историк не избежал модернизаторских веяний, которые были так сильны в оценке экономического развития Германии XV–XVI вв. в историографии конца XIX – начала XX в. Влияние модернизаторской тенденции в труде Шойермана выразилось в том, что в ряде эпизодов положение дел в горных промыслах австрийских земель он изображает все же красками, которые в большей мере присущи индустриальному обществу XIX в., чем позднесредневековой Германской империи. С другой стороны, рисуя достаточно точно картину деятельности крупных южно-немецких компаний в горнорудной промышленности Тироля и Каринтии, Шойерман все же отказывается признавать за купеческим капиталом вообще какую-либо роль в процессе эволюции социальной структуры этой отрасли народного хозяйства.

Особого мнения в ходе дискуссии в австро-германской историографии о раннем капитализме и роли купеческого капитала в процессе генезиса капитализма придерживался А. Циха⁴⁸, который отвергал вывод Р. Эренберга о том, что горная промышленность Тироля в конце XV – начале XVI в. переживала подъем только благодаря инвестированным в нее торговыми компаниями капиталам⁴⁹. Циха полагал, что такой вывод Эренберга не отражал реального положения вещей. Факты, как считал Циха, красноречиво свидетельствуют о том, что горная промышленность Тироля достигла больших успехов еще до того, как в нее пришли южно-немецкие торговые компании в роли «участников» (Gewerker) горных разработок и владельцев плавильен⁵⁰. Он, по всей видимости, прав, указывая на возникновение и развитие элементов раннего капитализма в горном деле Тироля еще в первой половине XV в. Однако он же

определенно заблуждался, представляя в явно гипертрофированном виде роль «иноземного капитала» в процессе «развала» горнорудной промышленности этого альпийского княжества в конце XVI – XVII вв. и отказываясь признавать за крупными торговыми компаниями вообще какое-либо положительное значение в развитии горных промыслов⁵¹.

Уже знакомый нам Г. Шмоллер предпринял попытку проследить эволюцию таких институтов горнорудных промыслов, как регально-княжеская власть и ее административный аппарат, «участники» горных разработок и владельцы горнорудных предприятий (особенно плавильен), наемные рабочие и установить характер их взаимоотношений в условиях генезиса капитализма в данной отрасли народного хозяйства. На таким образом поставленный вопрос, казалось бы, следовало ожидать и соответствующим образом аргументированного ответа. Однако Шмоллер, привлекая главным образом публично-правовые документы (горные уставы и постановления княжеского бергамта) и не принимая в достаточной мере во внимание всю совокупность социально-экономических факторов, оказывавших влияние на развитие горного дела, рисует картину, довольно далекую от реальной действительности. Отводя регальным властям роль регулирующей силы в горнорудной промышленности и посредника в отношениях между работодателями и наемными рабочими, Шмоллер приходит к ошибочному выводу, что горная администрация будто бы всегда вставала на сторону «слабых», а княжеское горное законодательство носило благоприятный для горняков характер на протяжении всего XVI в.⁵² Между тем деятельность аугсбургских торговых компаний в горнорудной промышленности Тироля и Каринтии свидетельствует скорее об обратном. Княжеская администрация Верхней Австрии на самом деле не только не встала на путь политики протекционизма и защиты интересов горнорабочих, но и, руководствуясь прежде всего соображениями фискального порядка, постоянно приносила в жертву швабским кредиторам интересы как наемных рабочих, так и местных капиталистов-предпринимателей.

В современной исторической литературе не утратил также актуальности вопрос о роли и месте крупных южно-немецких компаний в судьбах германских земель переходной от феодализма к капитализму эпохи и характере их деятельности. Так, если обратиться к многотомному труду о Фуггерах Г. фон Пельница⁵³, то можно заключить, что его автор задается целью показать влияние Фуггеров на политику Габсбургов. Пельниц обстоятельно рассматривает эту тему и рисует вполне достоверную картину зависимости Габсбургов от кредитов аугсбургских банкиров, но необоснованно, как полагает автор этих строк, отказывается от рассмотрения проблемы роли Фуггеров и подобных им банкиров, купцов и предпринимателей эпохи раннего капитализма не только во влиянии на политический курс Габсбургов, но и на их значение в экономической и социально-политической истории Германской империи в XVI в. Как показывает тот же Пельниц, связь и взаимозависимость

Габсбургов и Фуггеров были многообразными и имели следствием экспансию последних в горнорудную промышленность австрийских земель. Пельниц приводит убедительные факты, указывающие как на конфликты, которые сопровождали экспансию Фуггеров в горное дело, так и на окружение, в обстановке которого протекала экономическая деятельность аугсбургских купцов-капиталистов и банкиров. В то же время для самого Пельница все это – лишь сюжеты второго плана, которым он не придает принципиального значения, всегда оставляя в центре внимания читателя только Фуггеров и их личные судьбы.

Другую крайность представляет собою труд австрийского историка Г. Виснера, в котором речь идет о судьбах горнорудной промышленности входившей в Верхнюю Австрию Каринтии⁵⁴. Автор этого труда обстоятельно воспроизводит в первую очередь историю самих горных разработок, особенно их технологию, и по существу не затрагивая социально-экономической истории горнорудных промыслов. Узкий техницизм подхода к объекту исследования отчетливо проявляется в том, что единственную причину упадка горнодобывающей промышленности Каринтии он видит в исчерпании богатых металлами горных пород⁵⁵. Виснер отказывается от каких-либо выводов, в том числе о причастности «иноземных компаний» к процессам как подъема, так и упадка этой отрасли народного хозяйства, хотя, казалось бы, имеющиеся в его распоряжении многочисленные свидетельства источников дают основания для обобщений самому осторожному исследователю.

Иной характер носит труд другого австрийского историка – Ф. Тремеля⁵⁶, предпринявшего попытку подвести своего рода методологический фундамент под проблему раннего капитализма. Тремель рисует впечатляющую картину процессов первоначального накопления и генезиса капитализма, не скрывая пороков, которые являлись продуктами этих процессов. В то же самое время его трактовка некоторых явлений в экономической жизни общества той поры вызывает сомнения. Этот историк вслед за Я. Штридером и другими авторами «модернистского направления» все же преувеличивает роль торговых компаний, приписывая бурный подъем горнорудных промыслов австрийских земель по преимуществу именно их деятельности. Правда, по мнению Тремеля, импорт капиталов имел двойственное значение: с одной стороны, он способствовал тому, что купцы и банкиры Верхней Швабии открывали для австрийских промышленных изделий новые рынки сбыта, с другой – появление конкурентов затрудняло успешную деятельность и наносило ущерб местному бюргерству в лице купцов и предпринимателей, над которыми также «вital демон, представлявший экономическую власть и находивший радость в приобретательстве и влиянии на экономическую жизнь Восточных Альп». В то же время пришедшие капиталисты, как утверждает Тремель, сталкивались с правительством Габсбургов, которое, руководствуясь принципами экономической этики, брало под защиту «малых и слабых» и препятствовало созда-

нию действительно крупных предприятий. Экспансия южно-немецких капиталов в горное дело австрийских земель, продолжает Тремель, разрушало средневековые формы организации промышленности и сметало ограничения со стороны государственной власти, а жесткая необходимость, заставлявшая эрцгерцогов прибегать к услугам кредиторов-капиталистов, «... означала победу финансового капитала над княжеской властью, капиталистического приобретательства над средневековым образом мышления»⁵⁷.

Уже приведенные выше цитаты дают основание сказать, что Ф. Тремелю нельзя отказать ни в наблюдательности, ни в верности и точности многих суждений и обобщений. Однако Тремель, вероятно, все же ошибается в оценке социальной политики австрийской администрации в горнорудной промышленности. Политика защиты «малых и слабых», о которой историк говорит с таким пафосом, в действительности была проявлением обычной для любой власти социальной демагогии и отражением ментальности людей Средневековья, от которой не были свободны и «сильные мира сего», то есть феодальные властители и княжеские чиновники. Как правило, защита «малых и слабых» сводилась к риторике. На практике австрийская администрация проявила полное бессилие перед «нашествием» швабских компаний и не защитила от него местное население. Вряд ли можно согласиться с Тремелем и в том случае, когда он рассматривает деятельность южно-немецких компаний в горнорудной промышленности исключительно как капиталистическую. На самом деле эту деятельность нельзя безоговорочно назвать такой по своей сущности, поскольку она отмечена печатью кредитно-банковских сделок с имперскими и княжескими властями и участием в откупках металлов, которые находили опору в регальном праве и средневековых монополиях. Все эти виды деятельности, взятые сами по себе, имели мало что общего с раннекапиталистическим предпринимательством.

Автор настоящей монографии привлекает также труды немецких и австрийских историков «старой школы» (А. Егера. Ф. Добеля. Г. фон Вольфстригль-Вольфскрона, Ст. Вормса и М. Иссер-Гаудентентурм)⁵⁸. Эти труды, не имея сегодня особой научной ценности, используются прежде всего как своего рода исторические справочники, в которых приведены необходимые для решения исследовательских задач факты.

Для автора настоящей монографии несомненный интерес представляет полемика Р. Дитриха⁵⁹ с Я. Штридером и Т.Г. Вернером⁶⁰ о судьбах раннего капитализма в горнорудной промышленности германских земель в XV-XVI вв. В хотя Вернер и Дитрих строят свои научные концепции по преимуществу на материале промышленности Рудных Гор (Erzgebirge), их выводы имеют значение и для решения ряда принципиальных вопросов развития горнорудных промыслов всех германских земель, в том числе австрийских владений Габсбургов. Именно в силу данного обстоятельства обзор австро-

немецкой историографии названной выше темы следует завершить кратким изложением содержания этой полемики.

Поставив перед собою задачу – показать роль и значение «чужого капитала» в горном деле и торговле металлами в Аннабергском районе, Т.Г. Вернер утверждает, что у местных горнозаводчиков еще до 1500 г. оказалось недостаточно средств для самостоятельного ведения добычи руды на большой глубине с использованием технических приспособлений и механизмов для откачки воды из забоев и подачи туда свежего воздуха. В такой ситуации они вынуждены были обращаться за помощью к торговцам металлов и получали от последних необходимые средства. Именно это, как полагает Вернер, имело самые благоприятные последствия для местных горных промыслов, так как без инвестиций «чужих капиталов» эти промыслы «не смогли бы получить такого значительного развития», продолжали влечить, как и прежде, жалкое существование мелких предприятий, организованных на ремесленной основе. Именно богатые купцы и банкиры, создавшие систему авансирования для местных рудокопов и участников разработок (Gewerken), своей деятельностью утверждали капиталистические начала в горнорудной промышленности. Торговля паями (Kuxen) горных товариществ (Gewerkschaften) представляется Вернеру наиболее выразительным показателем капитализма, который получил бурное развитие с проникновением в горное дело именно купеческого капитала. Причем представителями этого капитала в основном выступали южно-немецкие компании Фуггеров и Вельзеров из Аугсбурга, Фюгеров из Нюрнберга, сыгравших выдающуюся роль в развитии горного дела и внесшие решающий вклад в успехи горнорудного производства не только австрийских владений Габсбургов, но и Саксонии. Местным предпринимателям-капиталистам Вернер отводит скромную роль всего лишь «застрельщиков» (schrittmacher)⁶¹ общего поступательного движения. Однако направление в исторической литературе, которое придает решающее значение в расцвете горного дела, генезисе и развитии в горнорудных районах раннекапиталистических отношений инвестициям капиталов «иноземных компаний», наиболее одиозным представителем которого является Вернер, вызвало серьезные возражения и критику со стороны Дитриха. Последний в своем труде высказал соображения, во многом отличные от взглядов не только Вернера, но и Штридера.

Как известно, Р. Дитрих пришел к выводу об ошибочности самой теории Я. Штридера и Т.Г. Вернера о решающей роли в успехах горнорудной промышленности германских земель в XV-XVI вв. инвестиций «чужого капитала», согласно которой южно-немецкие компании изначально являлись «рассадниками раннего капитализма» в данной отрасли народного хозяйства. Анализируя источники по истории горнорудных промыслов Саксонии, Дитрих утверждает, что эти источники содержат веские свидетельства против концепции Вернера о решающем влиянии швабских компаний на развитие

горнорудной промышленности Эрцгебирге⁶². В качестве обоснования своей точки зрения Дитрих приводит аргументы двух порядков.

С одной стороны, Р. Дитрих старается показать, что местные предприниматели-капиталисты принимали самое активное участие в горнорудных предприятиях, причем особенно энергично в этом направлении действовали жители горных городов самой Саксонии. «Мелкое бюргерство этих небольших городов, – полагает он, – в меру своих сил, но с удивительным размахом участвовало в разработках новых серебряных рудников». Подъем, который переживала горнорудная промышленность Саксонии, совершался за счет внутренних ресурсов и благодаря усилиям прежде всего местных капиталистов-предпринимателей. Наглядное подтверждение такой точки зрения исследователь находит в головокружительной карьере бюргера Мартина Ремера из Цвикау и быстром обогащении фрейбургских бюргеров семейства Альнпекков⁶³. С другой стороны, Дитрих тщательно проверяет факты, которые приводит Т.Г. Вернер об участии южно-немецких компаний в торговле металлами, изделиями металлообрабатывающей промышленности региона Рудных Гор, и приходит к заключению, что Вернером роль этих компаний сильно преувеличивается. Подвергая сомнению мнение последнего о выдающейся роли Вельзеров и Фугтеров в горном деле Саксонии, Дитрих отмечает, что факторы южно-немецких компаний Иероним Вальтер и Андреас Мальштет не только представляли здесь интересы торговых домов Южной Германии, но и вели торгово-банковские операции на собственный страх и риск. В Мальштете Дитрих вообще видит самостоятельного торговца и предпринимателя, который лишь эпизодически выступал в качестве комиссионера компании Фугтеров⁶⁴. И этим, как полагает Дитрих, контакты Мальштета с владельцами южно-немецких капиталов и ограничивались.

С проблемой источников инвестиций в горное дело Саксонии тесно связан вопрос о происхождении капиталов, находивших применение в этой отрасли народного хозяйства. Р. Дитрих отвергает теорию Я. Штридера, согласно которой аккумуляция денежных средств, послуживших затем предпосылкой и базой для образования крупных состояний в горнорудной промышленности, могла возникнуть только в экспортной торговле и отчасти городских ремеслах. Дело в том, что хроники горных городов, на которые ссылается Дитрих, содержат большое число достоверных примеров, как быстро текли деньги в карманы счастливых основателей рудников – выходцев из числа местных жителей⁶⁵. Таким образом, как полагает Дитрих, теория Штридера только в том случае может претендовать на истину, если успехи горнорудной промышленности «приписывать только крупному капиталу, если обращать внимание только на Фугтеров, Вельзеров и компании подобного им ранга и только в них видеть воплощение германского варианта раннего капитализма». Критикуя своих оппонентов, Дитрих утверждает, что точка зрения Штридера и Вернера вообще не выдерживает проверки фактами, в том числе при рас-

смотрении вопроса о происхождении капиталов, «которые самостоятельно развивались из (самих) горнорудных предприятий»⁶⁶. Сквозь пелену полемики Дитриха с оппонентами можно все же разглядеть, что речь идет о роли в развитии горных промыслов купеческо-банковского капитала, с одной стороны, и промышленного капитала, – с другой. Если Штридер и Вернер решающую роль в этом процессе отводят первому, то Дитрих интуитивно стремится показать выдающееся значение промышленного капитала. В этом контексте примечательна полемика Дитриха с Вернером. Последний убежден, что приход лейпцигских бюргеров в горное дело Аннаберга был обусловлен в первую очередь их участием в экспортной торговле⁶⁷. Однако факты, возражает Дитрих, вступают в очевидное противоречие с данной гипотезой. Тот же Дитрих высказывает заслуживающую внимания мысль, что быстрым ростом богатств Лейпциг прежде всего обязан не своим знаменитым ярмаркам, а инвестициям капиталов в горные разработки, плавильное производство и торговлю металлами⁶⁸. Этот вывод исследователя можно признать вполне правомерным, поскольку и на самом деле именно успехи горной промышленности дали дополнительный толчок развитию торговли. Обратная связь и обратное влияние хотя и возможны, но вряд ли здесь играли заглавную роль.

Итак, концепция Р. Дитриха, с точки зрения автора этих строк, содержит ряд верных наблюдений и выводов. Вместе с тем некоторые положения и его концепция раннего капитализма, обоснованием которых служит история горного дела Саксонии, вряд ли можно назвать безупречными, и вызывают возражения.

Прежде всего необходимо отметить, что сам Р. Дитрих не придает своей концепции универсального характера, так как развитие горного дела в Венгрии, Тироле и Испании, по его мнению, происходило вполне в соответствии с концепцией Я. Штридера, поскольку в этих горнорудных районах действительно рано появились южно-немецкие компании, было установлено безраздельное господство Фугтеров и были инвестированы капиталы, аккумулированные за пределами горно-рудных промыслов, которые развивались благодаря инвестициям «чужих капиталов». Горнодобывающая промышленность Саксонии развивалась по другому пути. Подъем последней, начавшийся с середины XV в., был движим капиталом, возникшим в самих горных предприятиях и торговле металлами. Даже медеплавильное производство Мансфельда хотя и создавалось при спекулятивном участии «чужого капитала», отличалось от организации медеплавильного производства других горнорудных районов тем, что здесь инвестиции в это производство в значительной степени были вызваны спросом металлообрабатывающей промышленности Нюрнберга на сырье⁶⁹, то есть были обусловлены производственным фактором. Таким образом, в Саксонии, по Дитриху, развитие горнорудных промыслов совершалось в условиях преобладающего влияния не купеческого, а промышленного капитала.

Попытка Р. Дитриха установить черты своеобразия развития горного дела Саксонии вполне понятна. Однако участие в нем «чужих» или «местных» инвестиций еще не исчерпывает ответа на вопрос о тенденциях развития горной промышленности германских земель в XV-XVI вв. География происхождения капиталов, инвестированных в горное дело, еще не определяет направления эволюции социальной структуры данной отрасли народного хозяйства. Важнее вопрос о природе инвестированных в горные промыслы капиталов, характере деятельности и социальном статусе их владельцев. Факты, о которых сообщает Дитрих, порою свидетельствуют против его же концепции и требуют внесения в нее корректив.

Одним из основных аргументов Р. Дитриха, как мы знаем, служит история обогащения Мартина Ремера и семейства Альнпекеров. В этой связи обратимся к некоторым фактам их биографий. Известно, что Ремер, в течение многих лет являясь горнозаводчиком, одновременно занимал высокие должности в бергамте, пользовался доверием со стороны саксонских князей, сумел получить монополию на торговлю серебром и еще до того, как стал участником горных разработок и владельцем плавильни в Шнееберге, подвизался в роли банкира при дворе саксонских курфюрстов и вел крупную оптовую торговлю металлами на европейских рынках. Капиталистическое предпринимательство в горных промыслах Ремер успешно совмещал с банковской деятельностью в Нюрнберге, Аугсбурге, Франкфурте-на-Майне, и, таким образом, «местное» происхождение капиталов этого выходца из бюргерской среды отнюдь не было препятствием для инвестиций не только в промышленное производство, но и как в торговлю, так и банковский сектор экономики. Деятельность самого Ремера обнаруживает удивительное сходство, в чем нам еще предстоит убедиться, с деятельностью аугсбургских купцов и банкиров в Гироле по признаку их близости к институту регальных властей. Разница состоит лишь в том, что если Ремер сам был чиновником бергамта, то южно-немецкие капиталисты обычно добивались влияния на княжескую администрацию другими средствами. Что же касается Альнпекеров, они, аккумулировав большие богатства в торговле металлами, разработке рудников и плавильном производстве, часть своих капиталов инвестировали в землевладение за городскими стенами, и Дитрих вынужден все же признать, что в этом «нельзя не видеть их сходства с Фуггерами»⁷⁰, а мы вправе дополнить: и с некоторыми другими владельцами южно-немецких компаний. Иными словами, Альнпекеры в конце концов совершили тот же обратный путь от капитализма к феодализму, что и ряд владельцев крупных аугсбургских торговых компаний.

Приток в бурно развивавшуюся горнодобывающую промышленность инвестиций, принадлежавших торговцам металлами и банкирам, являлся выражением исторической необходимости, и Р. Дитрих, который не может отрицать этого факта, когда речь идет, например, об организации медеплавильного производства Мансфельда, пишет, что «потребность горного дела и вызван-

ное этим проникновение в него («чужих капиталов») были неразрывно связаны друг с другом, и оба эти фактора приняли участие в создании новых капиталистических предприятий». Рассказывая о создании мансфельдского «медного синдиката», историк делает весьма примечательный вывод: «Этот пример ясно показывает, что горное дело и соответственно торговля металлами становятся рентабельными благодаря постоянным и значительным инвестициям. Существовавшее до этого управление производством с помощью системы авансирования мелких производителей было заменено системой крупных предприятий, а производство и торговля были объединены в рамках капиталистических мануфактур. Необходимые для этого капиталы смогли предоставить только крупные капиталисты». Такие объединения возникали при активном участии торговых компаний, и ссылка Дитриха на «мансфельдский синдикат» как исключение из правила не меняет положение дела. Более того, появление «синдиката» было вызвано к жизни ожесточенной конкуренцией со стороны Фугтеров, которые, осуществляя свои планы завоевания европейских рынков в торговле медью, уже успели утвердиться на рынках Бреслау, Штеттина и Данцига, что больно затрагивало интересы лейпцигских горнопромышленников и торговцев металлами. К тому же, Дитрих делает оговорку, что им не был затронут вопрос о фугтеровских плавильнях в Хохкирхене и Георгентале в системе плавильного производства Эрцгебирге. Это побуждает предположить: влияние деятельности Фугтеров на развитие горного дела в Саксонии все же было более значительным, чем полагает историк. Впрочем, не имеет принципиального значения, кто представлял купеческий капитал и его интересы: южнонемецкие или лейпцигские купцы и банкиры, так как в том и другом случае природа этого капитала оставалась одной и той же. И пример того же «мансфельдского синдиката» свидетельствует о том, что проникновение в медеплавильное производство капиталов крупных торговых компаний сопровождалось строительством плавильных и поглощением предприятий, производительность и рентабельность которых уступали первым⁷¹. Такими же, судя по всему, были и результаты деятельности аугсбургских компаний в Тироле и других австрийских землях. Впрочем, об этом речь ниже.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Критика Р. Дитрихом концепций Я. Штридера и Т.Г. Вернера убеждает, с одной стороны, в том, что попытки последних втиснуть сложный процесс генезиса капитализма в горно-рудной промышленности в прокрустово ложе надуманной схемы не имеет под собою достаточных оснований. С другой стороны, хотя Дитрих при решении ряда вопросов проявляет большой реализм в подходе к историческому материалу, ему также не удалось избежать ошибок и сформулировать выводы, которые, казалось бы, с необходимостью следовали из анализа находившихся в его распоряжении источников. Дело в том, что черты своеобразия развития горных промыслов Саксонии, которые были установлены и на высоком ис-

следовательском уровне представлены историком, не были в состоянии поставить под сомнение общие закономерности, определявшие эволюцию социальной структуры и характер производственных отношений в данной отрасли народного хозяйства в переходную от феодализма к капитализму эпоху. Одним из проявлений этих закономерностей было преобладание купеческого капитала над промышленным, хотя последний в некоторых горнорудных районах получил значительное для того времени самостоятельное развитие. При определенных условиях купеческий капитал обнаруживал тенденцию трансформации в промышленный капитал. Именно этим обстоятельством обусловлен наш интерес к содержательному труду немецкого историка.

Обозначенная в заглавии настоящей монографии тема долгое время не привлекала внимания отечественных историков и приобрела для них научную актуальность только после дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войне в германских землях. Инициатором дискуссии на страницах центрального печатного органа советских историков – журнала «Вопросы истории» – выступила О.Г. Чайковская⁷², хотя, по всей видимости, первым эту проблему в повестку дня все же поставил С.М. Стам⁷³. В дискуссии приняли участие также такие советские историки, как М.М. Смирин, А.Д. Эпштейн, Ю.М. Григорьян и чехословацкий – Й. Мацек. Причем дискуссия о Реформации и Крестьянской войне была, можно сказать, логическим продолжением и развитием предшествовавшей ей дискуссии о так называемом «раннем капитализме»⁷⁵. Обращение к материалам упомянутых выше дискуссий позволит уточнить задачи исследования и, известным образом, расширить его границы, в этой связи представляет интерес вопрос, какие оценки участники дискуссии о Реформации давали уровню экономического развития германских земель в XV-XVI вв.

В ходе дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны О.Г. Чайковская высказала мнение, что Германия эпохи Реформации являлась «одной из феодально отсталых стран Западной Европы»⁷⁶. По вполне понятным причинам такая точка зрения вызвала возражения других участников дискуссии, М.М. Смирин, сославшись на известное высказывание Ф. Энгельса о том, что в конце XV и начале XVI вв. Германия находилась в экономическом отношении вполне на уровне современных ей передовых стран Западной Европы⁷⁷, с достаточным на то основанием подчеркнул, что высказывание Энгельса «соответствуют данным источников»⁷⁸. Впрочем, В.В. Стоклицкая-Терешкович еще в 30-е годы прошлого столетия писала, что «... Германия не была экономически отсталой страной. Через нее проходила важнейшая артерия европейской торговли. Значительная часть произведений ее промышленности становилась объектом широкого торгового оборота»⁷⁹. С этим трудно не согласиться.

По поводу полемики историков об уровне экономики германских земель на рубеже XV-XVI вв. в сравнении с другими странами того времени следует

сказать, что при том состоянии источниковой базы, когда статистические данные скудны и отрывочны, вряд ли возможно сопоставление экономических потенциалов стран Западной Европы, хотя можно считать вполне достоверным и общепризнанным фактом экономический подъем, который примерно с середины XV в. переживали германские земли, причем особенно впечатляющими были успехи горнорудной промышленности. Дискуссионным, однако, до сих пор остается вопрос, когда началась стагнация, а затем и упадок немецкой промышленности, торговли и экономики в целом, каковы были их причины. На эти вопросы историки дают неоднозначные ответы.

Еще в конце XIX в. А. Буфф высказывался против бытовавшего тогда в историографии мнения о губительных последствиях для экономики германских земель географических открытий. Он, в частности, утверждал, что «аугсбургские купцы и предприниматели обладали достаточным умом, опытом и деловыми качествами, а главное – крупными состояниями, чтобы успешно преодолеть возникшие затруднения». Правда, тот же Буфф, отмечая начавшийся еще в XV в. и продолжавшийся в первой половине XVI в. рост бюргерских состояний, вынужден был все же признать, что именно с середины XVI в. процесс роста бюргерских богатств протекает более медленными темпами, чем в первой половине того же столетия⁸⁰, что свидетельствует по крайней мере и о замедлении темпов экономического развития. А.Д. Эпштейн формулирует вывод, что основную причину упадка немецкой экономики следует искать в торжестве феодальной реакции⁸¹. Так ли это было на самом деле?

В этой связи нельзя не обратить внимания на отчетливо проявившуюся с начала 60-х годов XX в. в западногерманской историографии тенденцию игнорирования экономических последствий Реформации как неудавшейся социальной революции. Так, В. Абель, рисуя обобщающую картину социально-экономического развития позднесредневековой Германии⁸², выступает с критикой австрийского историка-экономиста П. Момберта, полагавшего, что экономический упадок Германии начался уже со второй половины XVI в. и в числе прочих имел социальные причины⁸³. Согласно концепции Абеля, на экономике Германии на протяжении всего XVI в. крайне неблагоприятно отражались прежде всего неудачно для нее сложившаяся внешнеполитическая ситуация, образование «запустений» (Wustungen) в ее аграрном секторе и особенно эпидемии чумы и их последствия. Однако вопреки действительно неблагоприятному стечению обстоятельств, полагает Абель, экономика Германии и после 1550 г. вплоть до Тридцатилетней войны продолжала успешно развиваться⁸⁴. Такой же точки зрения придерживается и Ф. Лютге⁸⁵. Впрочем Абель, отмечая «рост общей массы национального продукта», вслед за А. Буффом все же признает сокращение этого «продукта» во второй половине XVI в.⁸⁶ Однако в конечном счете ни Абель, ни Лютге не склонны видеть в Реформации и последовавшей за нею социально-политической неустроенно-

стью Германии одну из причин экономического упадка страны. Подобная точка зрения получила обоснование и в последнем монографическом исследовании Абеля⁸⁷. В этом смысле дискуссия о Реформации и Крестьянской войне в Германии еще раз подчеркнула актуальность обозначенной выше научной проблемы.

Именно данным обстоятельством обусловлен интерес к вопросу о степени зрелости и уровне развития раннекапиталистических отношений как в промышленном производстве XV-XVI вв. в целом, так и в отдельных его отраслях. У большинства участников дискуссии о характере Реформации сам факт возникновения и успешного развития этих отношений не вызывает сомнения. Так, например, Й. Маецек отмечает, что «... в экономике Германии начала XVI в. явственно видны зародыши капиталистических производственных отношений»⁸⁸. По мнению М.М. Смириня, в Германии на рубеже XV-XVI вв. «энергично распространялась капиталистическая форма рассеянной мануфактуры и в то же время встречались отдельные крупные мастерские, а также предприятия смешанного типа, связанные с системой раздач в городах и главным образом вне их»⁸⁹. Следовательно, ростки новых производственных отношений приобретали форму различных типов мануфактуры, среди которых, что вполне соответствовало закономерности развития капитализма на ранней его стадии, преобладала рассеянная мануфактура. Появление мануфактуры дало основание М. Штейнмецу сделать вывод, что именно в это время в «горнорудной и текстильной промышленности происходит образование промышленного капитала»⁹⁰. Однако Штейнмецем это положение лишь постулируется и нуждается в более веской аргументации. В поисках такой аргументации исследователю необходимо получить ответы на следующие вопросы: Какое место занимает капиталистическая мануфактура в общем масштабе общественного производства? Какой характер носили ее отношения со средневековыми торгово-ремесленными корпорациями? И, наконец, какими были конкретные формы этой мануфактуры в различных отраслях промышленного производства?

Прежде всего необходимо отметить, что в Германии мануфактура уже существовала на рубеже XV-XVI вв. По крайней мере это можно считать вполне установленным фактом, когда речь идет о южных территориях германских земель, где она появляется как в городе, так и сельской местности. Поэтому только неосведомленностью в действительном положении вещей можно объяснить, что О.Г. Чайковская, по-своему истолковав текст «Крестьянской войны в Германии» Ф. Энгельса, посвященный экономическому положению страны накануне Реформации⁹¹, делает вывод, что будто бы Энгельс имел в виду не капиталистическое развитие Германии и даже не возникновение элементов капитализма, а исключительно «расцвет цехового средневекового ремесла»⁹². Такая точка зрения вступает в очевидное противоречие со свидетельствами многочисленных источников, которые рисуют принципиально иную картину.

При этом необходимо иметь в виду, что производство в рамках ремесленных корпораций в городах и мелких производителей за их стенами не только продолжало существовать, но и, по всей видимости, на его долю приходилась большая часть промышленных изделий. К. Маркс находил объяснение такому явлению в том, что в переходную от феодализма к капитализму эпоху мануфактура «... не была в состоянии ни охватить общественное производство, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»⁹³. В то же время заблуждением было бы переносить представления о цехах классического Средневековья на организацию городского ремесла и промышленности Германии XVI в. Цехи, уравнивательные принципы которых уже были попорчены и стали достоянием прошлого, если еще продолжали доминировать в правовом сознании средневекового бюргерства, то требования их упразднения, поскольку они превратились в тормоз на пути развития производительных сил, выдвигались все с большей настойчивостью теми, кто связывал свои настоящие и особенно будущие интересы с капитализмом. При этом возможны были два варианта. При первом варианте цехи формально сохранялись, но над ними устанавливалась власть крупных оптовых торговцев и «раздатчиков», которые одновременно обычно являлись скупщиками полуфабрикатов и готовых изделий. Типичным примером такого варианта развития может служить самый многочисленный в Аугсбурге цех ткачей, выдвигавший из своей среды капиталистов-предпринимателей, которые эксплуатировали собратьев по корпорации из числа «бедных ткачей». Как на факт, характерный для городов Южной и Юго-Западной Германии, В.В. Стоклишкая-Терешкович указывает на появление в корпорациях ткачей этих городов богатых мастеров, которые крепко держали в своих руках оптовые закупки сырья и «раздавали» (verlegeten) это сырье тем же «бедным ткачам»⁹⁴. Так возникли предпосылки для «капиталистического перерождения» городского ремесленного производства и превращения этих мастеров в капиталистов. При втором варианте упразднение цеховой организации ремесла становилась задачей общественного движения и приобретала характер программного требования. Так, 28-ая статья проекта реформ, выдвинутого сословиями Тироля во время Крестьянской войны и известного под названием «Меранской программы», требовала «отмены всех братств и цехов ремесленников с их порядками и наказаниями, так как среди них поддерживаются странные обычаи, которые наносят ущерб простому человеку; (это необходимо сделать также) для того, чтобы впредь каждый (человек) мог работать по своей воле»⁹⁵. По сути дела эта статья «Меранской программы» предполагала отмену цеховых монополий, «цехового принуждения» (Zunftzwang), стеснительной регламентации ремесла и торговли, провозглашала свободу экономической (в том числе предпринимательской) деятельности.

Отсюда возникает настоятельная необходимость ревизии традиционных представлений о роли цеховых организаций, особенно в эпоху Позднего Средневековья. Бытующие и сегодня представления сформировались под влиянием риторических установок цеховых уставов. Между тем еще В.В. Стоклицкая-Терешкович писала, что изучение источников «в корне подрыывает старую точку зрения и рисует совершенно иную картину производственных отношений»⁹⁶. Последнее обстоятельство настоятельно ставит в повестку дня вопрос о возникновении в средневековом ремесле явлений раннего капитализма.

В 50-е – 70-е годы прошлого столетия наиболее заметных результатов отечественная историография достигла в исследовании социально-экономических отношений в горнорудной промышленности германских земель XV-XVI вв. В роли пионера в исследовании этой проблемы выступил Ю.М. Григорьян⁹⁷, который, во-первых, с марксистских позиций поставил вопрос о развитии социальных отношений и классовой борьбы в горнорудных районах; во-вторых, пришел к имеющему принципиальное значение выводу, что горнорудные и металлургические предприятия германских земель уже в XV-XVI вв. представляли собою «капиталистические предприятия типа централизованной мануфактуры»⁹⁸. На эту же тенденцию развития горнорудных промыслов обратил внимание еще в своей дискуссионной статье М.М. Смирин, который уже тогда считал, что «в Германии в то время четко определились черты капиталистического уклада в этой отрасли промышленности»⁹⁹. С начала 60-х годов Смирин обратился к исследованию социально-экономических отношений в горнорудной промышленности германских земель XV-XVI вв. Сначала в статьях¹⁰⁰, а затем и в монографии¹⁰¹ он не только рассмотрел ряд проблем, касающихся судеб данной отрасли народного хозяйства, но и дал ответы на вопросы, имеющие непосредственное отношение к социально-экономическому развитию германских земель в целом. Под пером Смиринна абстрактная схема Г. Шмоллера приобрела, образно выражаясь, дыхание живой истории, и столь же абстрактные умозаключения немецкого историка о соотношении и взаимозависимости различных элементов самой структуры горных промыслов получают разрешение в острых социально-политических конфликтах. Исследование явлений раннего капитализма в горнорудной промышленности Саксонии получило также продолжение в трудах С.А. Фараджевой¹⁰².

Результаты, достигнутые исследованиями Ю.М. Григорьяна, М.М. Смиринна и С.А. Фараджевой, не оставляют сомнения в том, что капиталистические отношения в горнорудной промышленности германских земель уже к концу XV – началу XVI в. находились на достаточно высоком для мануфактурной стадии самого капитализма уровне. Препятствием на пути развития этой тенденции было существование феодального по своей сущности института горных регалий, сдерживавшего прогресс в данной отрасли народного

хозяйства. Тому же режиму горных регалий обязана своим происхождением откупная система, имевшая следствием появление монополий, которые и создавали барьеры на пути свободной конкуренции в торговле металлами.

Другой ведущей отраслью народного хозяйства германских земель в XV-XVI вв. была работавшая на массового потребителя текстильная промышленность. Первой в отечественной историографии к исследованию явлений раннего капитализма в этой отрасли еще в 30-е годы XX в. обратилась В.В. Стоклицкая-Терешкович. Она установила, что в конце XV в. «в Германии встречаются случаи объединения под одной кровлей ремесленников всех или почти всех специальностей, участвовавших в изготовлении шерстяных тканей»¹⁰³, указав тем самым на факт возникновения капиталистической мануфактуры. Правда, долгое время начинание Стоклицкой-Терешкович не получало достаточно убедительного продолжения¹⁰⁴, а сама тема оказалась почти забытой. Судьбы городских текстильных ремесел изучала в 60-е годы минувшего столетия на материале Нюрнберга В.И. Юркина¹⁰⁵, Франкфурта-на-Майне – Л.Б. Потанина¹⁰⁶. Однако обе были далеки от того, чтобы в судьбах этого ремесла видеть отражение явлений раннего капитализма. Позднее, с конца 70-х годов, именно этот сюжет привлек внимание автора настоящей монографии¹⁰⁷.

Между тем уже в ходе дискуссии о Реформации и Крестьянской войне ее участниками высказывалось мнение об успешном развитии раннекапиталистических отношений, особенно в отраслях, которые работали на «дальние рынки» сбыта своих изделий, а также о том, насколько эти успехи зависели от экспортной торговли, ее характера, масштабов и направления. Поэтому о торговле и ее значении в развитии общественного производства следует сказать отдельно.

Торговля, обслуживая сферу товарного обмена и денежного обращения, сама по себе вряд ли определяла способ производства. Однако в тех случаях, когда торговля играла роль органической составной части производственного цикла, она оказывала на производство достаточно сильное влияние. Пример развития швабской текстильной промышленности и особенно бумазейного производства¹⁰⁸, которому сильный толчок дало успешное развитие экспортной торговли, может служить достаточно убедительным аргументом в пользу сформулированного выше тезиса. Бумазейное производство не могло развиваться без привозного хлопка. Решение этой задачи было не под силу мелкому производителю, который именно в силу данного обстоятельства попадал в крепкие путы зависимости от «раздатчика» сырья и скупщика готовых изделий или полуфабрикатов, то есть крупного оптового торговца и «капиталиста-раздатчика». Отсюда проистекает научная значимость вопроса о характере и роли торговли в общественном производстве того времени. По мнению А.Д. Эпштейна, «внешнюю торговлю Германии XV-XVI вв. никак нельзя отождествлять с транзитной»¹⁰⁹. Этот вывод Эпштейна вполне правомерен. Немецкие

купцы в значительных для того времени масштабах экспортировали из страны изделия текстильной промышленности (особенно бумажные и льняные ткани), металлы и металлические изделия. Большое значение имел также, как мы видели, импорт в Германию текстильного сырья. Торговлю этими товарами вряд ли есть основания считать транзитной. Это, однако, не означало, что последняя утратила для немецкого купечества практическое значение. Германия, по крайней мере до середины XVI в., продолжала извлекать выгоды из своего положения в центре Европы. Немецкое купечество в XVI в. энергично и с большой выгодой для себя занималось посреднической торговлей восточными, а затем и колониальными пряностями, а также предметами роскоши, которые производились в Италии и других странах Европы, экспортируя, в частности, из стран северной части континента в страны Средиземноморья изделия успешно развивавшейся текстильной промышленности, в том числе германских земель.

Более сложна проблема формирования в политически неустроенной «Священной Римской империи немецкой нации» единого национального рынка. Правда, еще в конце XIX в. известный немецкий историк К. Лампрехт, подвергнув сомнению бытовавшие тогда в историографии представления об экономически самодовлеющих территориях средневековой Германии, писал: «Если еще в XIII в. можно было говорить о наполовину замкнутых областях торговли по Рейну, Дунаю и Эльбе, отныне (то есть с конца XV в. - Ю.Н.) эти границы оказываются разрушенными и остается только большое различие между южно-немецкой торговлей Нюрнберга, Аугсбурга, Страсбурга, Франкфурта (на Майне), с одной стороны, и северо-немецкой торговлей Ганзы – с другой, пока отчасти и это различие не было нарушено проникновением южно-германцев в Венгрию, Польшу и Россию»¹¹⁰. А.Д. Эпштейн, опираясь главным образом на труды немецких историков первой половины XIX в., приходит к выводу, что приведенные последними факты «позволяют констатировать процесс формирования единого национального рынка, успешно протекавший в XV и XVI веках. Незавершенность этого процесса, насильственно прерванного к концу XVI в., отнюдь не меняет ни его значения, ни его направленности»¹¹¹. Вслед за Эпштейном М. Штейнмец также указывает на тесную экономическую связь между различными регионами Германии. Север с Югом связывали две магистральные линии. Западная линия использовала рейнскую речную систему до Кельна и затем проходила в северном направлении через Дортмунд и Оснабрюк на Бремен, Любек и Гамбург. Главными пунктами восточной магистрали Юг – Север были Аугсбург, Нюрнберг, Лейпциг, Кельн-на-Шпрее, Франкфурт-на-Одере и Штеттин. Равенсбург, Аугсбург, Пассау, Линц и Вена образуют южную ветвь путей, которая проходила по Дунаю и связывала Аугсбург с Линцем через Мюнхен и Зальцбург. Связь между верхне-германской и рейнской торговыми магистралями осуществлялась через Ульм, Карлштадт и Шпейер. Торговый путь Регенсбург –

Цюрнберг – Вюрцбург связывал Дунай с Майном. От этой магистрали и из Нюрнберга тянулись многочисленные ответвления на столицу Чехии Прагу. С конца XV столетия все большее значение приобретала торговля между Западной и Восточной Европой, самым крупным рынком которой в Средней Германии являлся Лейпциг. Польские города Познань и Бреславль (Бреслау) служили начальными и одновременно конечными пунктами двух торговых путей, которые вели к Лейпцигу: один путь шел через Лигниц, Герлиц и Баутцен, другой – через Глагау, Заган и нижней дорогой через Торгау (Торунь) или Франкфурт-на-Одере на Лейпциг. Отсюда торговый путь проходил в юго-западном направлении через Наумбург, Эрфурт и Готу на Эйзенах, где он раздваивался и вел через Херсфельд и Марбург на Кельн или через Фульду к Франкфурту-на-Майне¹¹². Все приведенные выше факты свидетельствовали об интенсивно протекавшем процессе формирования единого национального рынка, что стало к тому времени для Германии одной из первоочередных исторических задач. Более того, эта задача решалась на практике, хотя на рубеже XV-XVI вв. мы находимся лишь у истоков данного процесса. Однако возникает вопрос, был ли этот процесс и на самом деле насильственно прерван, когда и каким образом это произошло?

Рассмотренные выше факты дают основание сделать вывод, что экономическая обособленность отдельных регионов германских земель к рубежу XV-XVI вв. обнаружила очевидные трещины. Однако особый хозяйственный уклад различных территорий страны по-прежнему сохранялся. «Проникновение» южно-немецких компаний в Северную Германию, о чем писал К. Лампрехт, имело своей целью не только установление тесных экономических связей с этим регионом, но и вытеснение Ганзы из бассейна торговли Европы, долгое время находившегося в сфере безраздельного влияния Ганзы. Торговые пункты, образовывавшие конечные станции на магистралях, которые служили, как и в прошлом, прежде всего средством извлечения выгод из географического положения Германии в самом центре европейской торговли, еще сохраняли свое значение. Впрочем, процесс складывания единого национального рынка зависел и от других факторов.

Одним из таких факторов являлись политические условия, в которых протекал этот процесс. Поэтому И. Миттенцвей вполне правомерно в ходе дискуссии обратила внимание на то обстоятельство, что в отличие от Германии в Англии и Франции явления раннего капитализма возникали в условиях централизованных государств. Это создавало хотя бы относительно благоприятные возможности для процесса формирования единых национальных рынков; благодаря именно данному обстоятельству на определенном историческом отрезке времени раннекапиталистические отношения в целом развивались вполне успешно и в условиях господства «системы феодализма»¹¹³. В то же самое время неблагоприятная политическая обстановка в Германии и политическая раздробленность страны служили тормозом на пути прогресса форми-

рования единого национального рынка, участие в завершении которого сильной и авторитетной государственной властью являлось настоятельной необходимостью. Однако эта необходимость в XV-XVI вв. так и не получила реализации на практике.

В связи с переменами в экономической жизни германских земель в XV-XVI вв., особенно под влиянием явлений раннего капитализма, большой интерес представляет постановка вопроса о роли и месте в этих переменах торговых и торгово-промышленных компаний Южной Германии. Первый шаг в этом направлении в отечественной историографии, как известно, сделала Е.К. Некрасова, которая выступила со статьей, посвященной деятельности Фугтеров¹¹⁴. Она дала оценку их деятельности с позиций марксистской методологии истории. С другой стороны, следует отметить, что не все положения ее труда с научной точки зрения можно признать безупречными. Некрасова поставила перед собою задачу поколебать «распространенную в буржуазной исторической литературе точку зрения на Фугтеров, как промышленных капиталистов по преимуществу»¹¹⁵. Такая точка зрения действительно в то время имела место в австро-германской историографии, но она не была ни единственной, ни общепринятой. Известно, что некоторые историки (например, Л. Шойерман) придерживались иного мнения и не видели в Фугтерах промышленных капиталистов по преимуществу, другие (особенно Г. Виснер) – вообще отказывались от оценки характера предпринимательской деятельности Фугтеров и других крупных торговых компаний Южной Германии. Поэтому нуждается также в уточнении и тезис Некрасовой о том, что торговый и ростовщический капитал играют «значительную роль в образовании необходимых для капитализма предпосылок»¹¹⁶. Это верно, но неточно, дело в том, что купеческий и ростовщический капитал, «как первые действительно свободные формы капитала вообще», образуют предпосылку капитализму независимо от той стадии, через которую совершается историческая эволюция самой системы феодализма, так как первоисточником купеческого капитала может служить любая форма простого товарного производства, между тем уже на рубеже XV-XVI вв. была вполне реальной перспектива трансформации в передовых отраслях общественного производства купеческого капитала в промышленный капитал. С точки зрения Ю.М. Григорьяна, «в горной промышленности влияние торгового и ростовщического капитала на складывание капиталистических отношений была гораздо большим, чем в других отраслях промышленности»¹¹⁷. И с этим его выводом вполне можно согласиться.

Между тем дискуссия о Реформации и Крестьянской войне выявила различные и даже исключавшие друг друга точки зрения в оценке деятельности торговых компаний и роли купеческого капитала в развитии раннекапиталистических отношений. О.Г. Чайковская, для которой «централизация горно-рудных предприятий, как правило», была лишь «чисто внешней» и «механической», полагает, что купеческий капитал в горнорудное производство при-

влекали только огромные прибыли¹¹⁹. Поэтому она отвергает какую-либо положительную роль за этим капиталом на любой стадии развития общественного производства. Аналогичной точки зрения придерживался и историк ГДР Г. Хайц, считавший, что «проникновение торгового капитала в горную промышленность Средней Германии (то есть Саксонии и Мансфельда) было вызвано прежде всего конъюнктурными обстоятельствами, и поэтому изменение торговых путей (в Западной Европе) привело к еще большему обособлению этого капитала от промышленного производства»¹¹⁹. Отрицательную оценку исторической роли торгового капитала дает и М. Штейнмец, который пишет, что «торговый капитал всегда служил феодализму, даже если этот капитал и способствовал распространению самого капитализма, он и в таком случае не только не вступал в противоречие с усиливавшейся княжеской властью, но и сотрудничал с нею»¹²⁰.

Мнение О.Г. Чайковской и Г. Хайца о только внешней связи торговоростовщического капитала с горнорудными промыслами, по всей видимости, следует признать ошибочным. На самом деле эта связь была гораздо глубже, чем это полагают оба историка. Поэтому, вероятно, ближе к истине мнение Ю.М. Григорьяна, указывавшего на тесную связь купеческого капитала с горным делом, «новая сложная для того времени техника, – отмечает он, – требовала значительных капиталовложений. Для приобретения топлива и вспомогательных материалов, оплаты рабочей силы необходимы были значительные денежные средства, этим в значительной степени объясняется и тот факт, что в процессе образования крупных предприятий мануфактурного типа ростовщический капитал, – повторяет Григорьян уже ранее сформулированный им же вывод, – сыграл очень большую роль, гораздо большую, чем в какой-либо другой отрасли промышленности»¹²¹. Следует признать также односторонней точку зрения и М. Штейнмеца, по существу смешивающего два разных вопроса: тесную связь владельцев торговых компаний с Габсбургами и княжескими администрациями, с одной стороны, и историческую роль купеческого капитала, который служил не только феодализму, но и поднимающемуся капитализму, – с другой. В достаточной мере очевиден тот факт, что именно инвестиции купеческого капитала в горнорудную промышленность способствовали созданию в данной отрасли народного хозяйства мануфактур централизованного типа. Более того, без инвестиций крупных торговых компаний трудно представить развитие в горном деле мануфактурного капитализма. Поэтому в оценке роли купеческого капитала в процессе генезиса капитализма вполне закономерно существует точка зрения, отличная от той, которой придерживаются Чайковская, Хайц и Штейнмец.

В наиболее жесткой форме тезис о прогрессивной роли крупных торговых компаний в развитии горного дела и вообще в экономической жизни Германской империи того времени сформулировал А.Д. Эпштейн¹²². Он пришел к парадоксальному выводу, что «крупные торговые дома, независимо от ре-

зультатов их деятельности, выступают носителями свободы конкуренции»¹²³. Однако источники скорее все же свидетельствуют о другом. Европейская буржуазия пройдет длительный путь, прежде чем свобода предпринимательства станет требованием и лозунгом ее деятельности, которые Эпштейн без достаточных на то оснований переносит в XVI в. Деятельность торговых компаний Южной Германии, по его мнению, только потому нельзя безоговорочно признать исторически прогрессивной, что значительная часть мобилизованных ими средств была направлена «на финансирование дворов (княжеских и императорского – Ю.Н.) и захватнических дворянских войн»¹²⁴. Этой оговоркой, однако, отнюдь не исчерпываются, если так можно сказать, негативные черты в деятельности крупных торговых компаний. При решении вопроса о влиянии этих компаний на ход исторического процесса генезиса капитализма необходимо также иметь в виду, что они являлись монополистами, которые, используя близость к феодальным властителям, прибрали к рукам торговлю отдельными товарами. В этой связи вопрос о монополиях, как показала Н.В. Савина¹²⁵, приобрел особое значение и получил отражение в негативных оценках деятельности крупных торговых компаний современниками. Более того, ограничение и даже закрытие компаний стало требованием общественного движения.

Между тем монополии, как утверждает А.Д. Эпштейн, «способствовали развитию производительных сил, встречая активное и все возрастающее противодействие со стороны мелкого купечества, банкиров-ростовщиков и мелких производителей, естественных противников свободной конкуренции и единого рынка»¹²⁶. Эпштейн вслед за О.Г. Чайковской склонен рассматривать решения Нюрнбергского рейхстага 1522 г. и требование «Гейльброннской программы»¹²⁷ (первое ограничивало учредительный капитал компаний 50000, второе – даже 10000 гульденов) как восстание средневекового бюргерства против поднимавшегося капитализма. В такой оценке, по мнению автора этих строк, проявилась не совсем верная трактовка борьбы, которая тогда велась в немецком обществе по вопросу о так называемых «монополиях». Когда программные документы общественного движения выдвигали требование ограничения основного капитала компаний 50-ю или даже 10-ю тысячами гульденов (обе суммы, особенно первая, по тому времени – огромные), авторы таких требований вряд ли руководствовались мотивом защиты интересов средневекового цехового бюргерства. Скорее все же в этих требованиях следует видеть стремление капиталистических и прокапиталистических элементов оградить свои интересы от посягательств компаний-монополистов. Именно по этой причине оценка деятельности компаний-монополистов Эпштейном вызвала возражения со стороны С.М. Стама, по мнению которого, «в условиях первоначального накопления деятельность купеческих компаний играла известную положительную роль, но она не была главным началом капиталистического уклада», поскольку «чем дальше, тем больше эти средневековые

влекали только огромные прибыли¹¹⁹. Поэтому она отвергает какую-либо положительную роль за этим капиталом на любой стадии развития общественного производства. Аналогичной точки зрения придерживался и историк ГДР Г. Хайц, считавший, что «проникновение торгового капитала в горную промышленность Средней Германии (то есть Саксонии и Мансфельда) было вызвано прежде всего конъюнктурными обстоятельствами, и поэтому изменение торговых путей (в Западной Европе) привело к еще большему обособлению этого капитала от промышленного производства»¹¹⁹. Отрицательную оценку исторической роли торгового капитала дает и М. Штейнмец, который пишет, что «торговый капитал всегда служил феодализму, даже если этот капитал и способствовал распространению самого капитализма, он и в таком случае не только не вступал в противоречие с усиливавшейся княжеской властью, но и сотрудничал с нею»¹²⁰.

Мнение О.Г. Чайковской и Г. Хайца о только внешней связи торговоростовщического капитала с горнорудными промыслами, по всей видимости, следует признать ошибочным. На самом деле эта связь была гораздо глубже, чем это полагают оба историка. Поэтому, вероятно, ближе к истине мнение Ю.М. Григорьяна, указывавшего на тесную связь купеческого капитала с горным делом, «новая сложная для того времени техника, — отмечает он, — требовала значительных капиталовложений. Для приобретения топлива и вспомогательных материалов, оплаты рабочей силы необходимы были значительные денежные средства, этим в значительной степени объясняется и тот факт, что в процессе образования крупных предприятий мануфактурного типа ростовщический капитал, — повторяет Григорьян уже ранее сформулированный им же вывод, — сыграл очень большую роль, гораздо большую, чем в какой-либо другой отрасли промышленности»¹²¹. Следует признать также односторонней точку зрения и М. Штейнмеца, по существу смешивающего два разных вопроса: тесную связь владельцев торговых компаний с Габсбургами и княжескими администрациями, с одной стороны, и историческую роль купеческого капитала, который служил не только феодализму, но и поднимающемуся капитализму, — с другой. В достаточной мере очевиден тот факт, что именно инвестиции купеческого капитала в горнорудную промышленность способствовали созданию в данной отрасли народного хозяйства мануфактур централизованного типа. Более того, без инвестиций крупных торговых компаний трудно представить развитие в горном деле мануфактурного капитализма. Поэтому в оценке роли купеческого капитала в процессе генезиса капитализма вполне закономерно существует точка зрения, отличная от той, которой придерживаются Чайковская, Хайц и Штейнмец.

В наиболее жесткой форме тезис о прогрессивной роли крупных торговых компаний в развитии горного дела и вообще в экономической жизни Германской империи того времени сформулировал А.Д. Эпштейн¹²². Он пришел к парадоксальному выводу, что «крупные торговые дома, независимо от ре-

зультатов их деятельности, выступают носителями свободы конкуренции»¹²³. Однако источники скорее все же свидетельствуют о другом. Европейская буржуазия пройдет длительный путь, прежде чем свобода предпринимательства станет требованием и лозунгом ее деятельности, которые Эпштейн без достаточных на то оснований переносит в XVI в. Деятельность торговых компаний Южной Германии, по его мнению, только потому нельзя безоговорочно признать исторически прогрессивной, что значительная часть мобилизованных ими средств была направлена «на финансирование дворов (княжеских и императорского – Ю.Н.) и захватнических дворянских войн»¹²⁴. Этой оговоркой, однако, отнюдь не исчерпываются, если так можно сказать, негативные черты в деятельности крупных торговых компаний. При решении вопроса о влиянии этих компаний на ход исторического процесса генезиса капитализма необходимо также иметь в виду, что они являлись монополистами, которые, используя близость к феодальным властителям, прибрали к рукам торговлю отдельными товарами. В этой связи вопрос о монополиях, как показала Н.В. Савина¹²⁵, приобрел особое значение и получил отражение в негативных оценках деятельности крупных торговых компаний современниками. Более того, ограничение и даже закрытие компаний стало требованием общественного движения.

Между тем монополии, как утверждает А.Д. Эпштейн, «способствовали развитию производительных сил, встречая активное и все возрастающее противодействие со стороны мелкого купечества, банкиров-ростовщиков и мелких производителей, естественных противников свободной конкуренции и единого рынка»¹²⁶. Эпштейн вслед за О.Г. Чайковской склонен рассматривать решения Нюрнбергского рейхстага 1522 г. и требование «Гейльброннской программы»¹²⁷ (первое ограничивало учредительный капитал компаний 50000, второе – даже 10000 гульденов) как восстание средневекового бюргерства против поднимавшегося капитализма. В такой оценке, по мнению автора этих строк, проявилась не совсем верная трактовка борьбы, которая тогда велась в немецком обществе по вопросу о так называемых «монополиях». Когда программные документы общественного движения выдвигали требование ограничения основного капитала компаний 50-ю или даже 10-ю тысячами гульденов (обе суммы, особенно первая, по тому времени – огромные), авторы таких требований вряд ли руководствовались мотивом защиты интересов средневекового цехового бюргерства. Скорее все же в этих требованиях следует видеть стремление капиталистических и прокапиталистических элементов оградить свои интересы от посягательств компаний-монополистов. Именно по этой причине оценка деятельности компаний-монополистов Эпштейном вызвала возражения со стороны С.М. Стама, по мнению которого, «в условиях первоначального накопления деятельность купеческих компаний играла известную положительную роль, но она не была главным началом капиталистического уклада», поскольку «чем дальше, тем больше эти средневековые

монополии становились тормозом развития конкуренции и капиталистического предпринимательства»¹²⁸. Однако такую оценку деятельности торговых компаний в эпоху раннего капитализма следует признать односторонней: она принимает во внимание их связь с монополиями, порожденными еще системой феодализма, но не учитывает изменение характера деятельности самих компаний.

Исторический путь, пройденный этими предприятиями, схематически может быть очерчен следующим образом: от торговой и банковско-кредитной деятельности компании переходят к капиталистическому предпринимательству сначала в текстильном производстве, а затем – в горном деле (совмещая это предпринимательство с двумя первыми родами деятельности). В дальнейшем, под влиянием прежде всего начавшегося экономического спада, владельцы южно-немецких компаний изымают капиталы из промышленного сектора общественного производства, свертывают торговлю и инвестируют денежные средства в землевладение, которое к концу XVI в. приобретает для многих из них исключительное значение. Поэтому когда А.Д. Эпштейн пишет, что «поражение Карла V (Эпштейн имеет в виду Шмалькальденские войны и отречение императора от трона – Ю.Н.) повлекло за собою неизбежный поворот в экономической политике и означало вместе с удушением компаний и удушение капиталистического уклада»¹²⁹, он тем самым не только преувеличивает роль крупных торговых компаний в историческом процессе, но и меняет местами причину со следствием. Конечно же, не компании определяли экономический строй страны, а характер их деятельности был обусловлен уровнем и тенденциями экономического развития германских земель. На характер деятельности компаний оказывали влияние и обстоятельства политического порядка. И все же обвинение С.М. Стамом Эпштейна в том, что последний сознательно обходит молчанием вопрос о «варварском разрушении производительных сил», к чему будто бы прибегали Фуггеры¹³⁰, нельзя признать справедливым: Фуггеры вряд ли все же делали это злонамеренно. Стам, по всей видимости, имеет в виду «Raubbau» (то есть хищнические разработки горных пород). Такие разработки, являясь одной из примечательных черт эпохи первоначального накопления и генезиса капитализма, вместе с тем не могут служить критерием, определявшим характер их деятельности в горнорудной промышленности. Фуггеры действовали так, как это им позволяли объективные обстоятельства и власти различных уровней. Линия предпринимательского поведения Фуггеров принципиально не отличалась от линии поведения других крупных горнозаводчиков того времени. Следовательно, вопрос об исторической роли и месте торговых компаний в социально-экономическом развитии германских земель в XV-XVI вв. можно было отнести к числу недостаточно исследованных и осмысленных к началу 60-х годов минувшего столетия научных проблем в отечественной историографии. Решение этой проблемы следовало искать в расширении источниковой базы и более глубо-

ком изучения документов той эпохи. И уже в те же 60-е годы XX в. были сделаны первые шаги в указанном направлении.

Одним из первых таких шагов была статья Н.З. Чуркиной, в которой речь шла о развитии раннекапиталистических отношений в словенских землях. Автор статьи, установив, что особенностью этих отношений была зависимость местной промышленности (прежде всего горнорудной и металлургической) от «иноземных компаний» (главным образом южно-немецких), формулирует вывод о подчинении ведущих отраслей народного хозяйства кустеческому, а не промышленному капиталу¹³¹. Непосредственное отношение к обозначенной в заглавии настоящей монографии теме исследования имеет упоминавшаяся выше книга М.М. Смирин, который отводит значительное место деятельности торговых компаний и их роли в развитии раннекапиталистических отношений в горном деле¹³². Большое внимание данной теме уделяет и А.Д. Эпштейн, под пером которого южно-немецкие компании (прежде всего благодаря успехам Футсеров) вообще превратились в решающий фактор в экономической жизни Германии на рубеже XV-XVI вв.¹³³ В 60-е годы прошлого столетия увидели свет также исследования автора этих строк¹³⁴ и Н.В. Савиной¹³⁵. Из научных трудов отечественных историков особо следует отметить книгу Савиной¹³⁶ – первое в отечественной историографии монографическое исследование, посвященное крупным торговым компаниям Южной Германии XV-XVI вв.¹³⁷ Она исследовала организацию и структуру, торгово-банковскую и предпринимательскую деятельность этих компаний, установила тесную связь их деятельности с явлениями раннего капитализма, прежде всего в горнорудной промышленности как в германских землях, так и за их пределами. В то же самое время вряд ли есть основания считать, что тема исторических судеб южно-немецких компаний и торговой буржуазии эпохи раннего капитализма современной историографией, в том числе исследованием Савиной, исчерпана.

Дело в том, что некоторые стороны жизнедеятельности крупных торговых компаний Южной Германии XV-XVI вв. все же остались в отечественной историографии вне поля зрения как Н.В. Савиной, так и ее предшественников. В первую очередь это относится к установлению менталитета, образа жизни, линии предпринимательского поведения и мировоззрения владельцев этих предприятий. Савина, используя в одной из своих статей в характеристике последних дефиницию «раннекапиталистические элементы»¹³⁸, в названной выше монографии отказывается и от нее. Она не дает ответа на вопрос, кем же были владельцы и пайщики этих компаний – бюргерами средневекового города или буржуа раннего Нового времени? По сути дела Савина избегает даже постановки на материале источников по истории южно-немецких компаний проблемы первостепенной научной значимости – генезиса немецкой буржуазии в условиях начальной стадии перехода Западной Европы от феодализма к капитализму, от средневековой к индустриальной цивилизации. Автор на-

стоящего исследования по мере возможности намерен восполнить этот пробел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft: 1380-1530. Bde 3. Stuttgart; Berlin, 1923. О значении купеческой переписки и торговых книг в качестве источников см.: Ролова А.Д. Торговое делопроизводство ... С. 27-28.

² Rörig F. Das Einkaufsbuchlein Nürnberger-Lubecker Mulichs aus der Frankfurter Fastmess des Jhres 1495 // Idem. Wirtschaftskräfte im Mittelalter. Weimar. 1959.

³ Welthandelsbräuche / Hrsg. von K.O. Müller. 2. Aufl. Wiesbaden. 1962.

⁴ Rem Lucas. Tagebuch aus den Jahren 1494-1541 / Hrsg. von B. Greiff // Jahresbericht des Historischen Vereins von Schwaben und Neuburg. Augsburg, 1861.

⁵ Inventur der Firma Fugger aus dem Jahre 1527 / Hrsg. von J. Strieder. Tübingen, 1905.

⁶ Jäger A. Beitrag zur tirolisch-salzburgischen Bergwerksgeschichte. Beiträge // AÖG. 1875. Bd. 53 Русский перевод этих источников см.: Лесников М.П. Раннеевропейский капитализм // Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время, М.; Л., 1929.

⁷ Quellen zur Handelsgeschichte des Paumgartner von Augsburg. / Hrsg. von K.O. Müller. Wiesbaden, 1955.

⁸ Westermann A. Die Zahlungseinstellung der Handelsgesellschaft der Gebrüder Zangmeister zu Memmingen 1560. Beilage 1 // VSWG. 1908. Bd. 6.

⁹ Ссылки на их труды см. ниже в историографическом обзоре.

¹⁰ Urkundenbuch der Stadt Augsburg / Hrsg. von Chr. Meyer. Bd. 2. Augsburg, 1878.

¹¹ «Acta Tirolensia». Bd. 3: Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Deutschland 1525 / Hrsg. von H. Wopfner. Innsbruck, 1908.

¹² Первым «Земское Устройство» опубликовал В. Хонольд, затем – Г. Франц; и, наконец, оно увидело свет в русском переводе со вступительной статьей А.Ф. Чуянова и научными комментариями Ю.К. Некрасова. /См.: Honold W. Die Meraner Artikel. Tübingen, 1936. S. 136-147; Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges. / Hrsg. von G. Franz. München, 1963. S. 280-290; Земское устройство Тироля. // Германская история эпохи Реформации: исследования и документы. Вологда, 1993. С. 105-117. «Земское Устройство» давно (еще с середины XIX в.) привлекло внимание историков. Содержание этого документа и личность его автора – предводителя восставших крестьян и горняков Тироля и Зальцбурга Михаэля Гайсмайера – до сих пор вызывают противоречивые оценки и острую научную полемику (об этой полемике см. ниже: С. 255, 264-265, прим. 130).

¹³ Zink Burkard. Die Chronik der Stadt Augsburg (1368-1468) // CDS. 1866. Bd. 2/5.

¹⁴ Müllich Hector. Die Chronik der Stadt Augsburg /1368-1487// CDS. 1892. Bd. 3/22.

¹⁵ Fortsetzungen der Chronik Hector Müllich ... CDS. 1894. Bd. 4 /23.

¹⁶ Anonyme Chronik der Stadt Augsburg (991-1483) // CDS. 1893. Bd. 3 /22.

¹⁷ Rem Wilhelm. Cronika der newer geschichten // CDS. 1894. Bd. 5/25.

¹⁸ Sender Clemens. Die Chronik der Stadt Augsburg von den ältesten Zeiten bis zum Jahre 1536 // CDS. 1894. Bd. 4/23.

¹⁹ Die Chronik des augsburger Malers Georg Preu des Älteren // CDS. 1906. Bd. 9/29.

²⁰ Mair Paul Hector. Chronika, angefangen nach Christie vnsern Lieben herrn und haylands geburt/ als man zait N.D.XIII jar // CDS. 1917. Bd. 10/22.

²¹ Die Chronik der Familie Fugger vom Jahre 1599 / Hrsg. von Chr.Meyer. München, 1902.

²² Хроники средневековых немецких городов уже давно привлекли внимание современных исследователей: Lorenz O. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit dem 13. Jahrhundert. Stuttgart, 1886; Joachimsen P. Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung unter dem Einfluss des Humanismus. Leipzig; Berlin, 1910; Dirr P. Clemens Jäger und seine Augsburger Ehrenbücher und Zunftchroniken // ZHV. 1910. Bd. 36; Srbick H.R., von Geist und Geschichte von Humanismus bis Gegenwart. München; Leipzig, 1950. Bd. 1; Schnith H. Die Augsburger Chronik Burkard Zink: Eine Untersuchung zur reichsstädtischen Geschichtsschreibung des 15. Jahrhundert. München, 1958; Schmidt H. Die deutschen Städtchroniken als Spiegel des bürgerlichen Selbstverständnisses im Spätmittelalter. Göttingen, 1958; Menke J.B. Geschichtsschreibung und Politik in der deutschen Städten des Spätmittelalter. // JbGMO. 1958. Bd. 33. S. 1-84; Bd. 34. S. 85-194; Czok K. Die Bürgerkämpfe und Chronistik im deutschen Spätmittelalter. Ein Beitrag zur Herausbildung bürgerlichen Geschichtswissenschaft // ZfG. 1962. H. 3. S. 637-645; Люблинская А.Д. Источниковедение истории Средних веков. Л., 1955. С. 203; Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография, М.; Л., 1964. С. 222-224, 325-326. К исследованию различных сторон содержания немецких городских хроник XV-XVI вв. и их значения в качестве источников, в том числе проблемы достоверности сообщаемых хронистами фактов, неоднократно обращался также и автор этих строк /см.: Некрасов Ю.К. Городские хроники первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41. С. 121-142; Он же. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии /по материалам хронистики XVI в./ // Вестник МГУ. Истор. сер. 1977. № 4. с. 63-79; Он же. Социально-политические вопросы в освещении немецких хронистов XVI в. // ЕФИ. 1977. М. 1978. С. 189-201; Он же. Городские хроники XV-XVI вв. как источники по истории Германии // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995. С. 160-165; Он же. Реформа или революция? ... С. 55-56; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации: Позднесредневековый город и ранний капитализм (по материалам Швабии и Швейцарского Союза XV-XVI вв.). Вологда. 2003. С. 53-61, 72-76, (прим. 115-155), 379-382. О содержании и характере архивных документов, которыми пользовались при написании своих трудов городские хронисты, см.: Левинсон К.А. Чиновники в городах Южной Германии XVI-XVII вв.: опыт антропологии бюрократии, М., 2000. С. 27 след., 47-48.

²³ Langenmantel David. Historic des Regiments in Augsburg. Frankfurt; Leipzig, 1725.

²⁴ Sstetten Paul-ältere, von. Geschichte der Freien Reichsstadt Augsburg. Frankfurt; Leipzig. 1743.

²⁵ Stetten Paul-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter in der Freien Reichsstadt Augsburg. Augsburg. 1789.

²⁶ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 457-458.

²⁷ Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков (середина XIX – 1917 г.). М., 1974. С. 43. 63-66. 113-116. 127. 136.

²⁸ Schmoller G. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung // JGVV. 1890/93. Bd. XII.

²⁹ Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger: Geldkapital und Creditverkehr im XVI. Jahrhundert. 3.Aufl. Bde 2. Jena. 1922.

- ³⁰ Ibid. Bd. 1. S. 410.
- ³¹ Strieder J. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften in Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. München; Leipzig. 1925.
- ³² Ibid. S. 20-21.
- ³³ Ibid. S. 114-115.
- ³⁴ Ibid. S. 189.
- ³⁵ Bauer C. Unternehmung und Unternehmungsformen im Spätmittelalter und beginnenden Neuzeit // Münchener volkswirtschaftlichen Studien. NF. Jena, 1936. H. 23. S. 84.
- ³⁶ Ibid. S. 12.
- ³⁷ Jahnsen M. Anfänge der Fugger /bis 1494/. Leipzig, 1907; Idem. Jacob Fugger der Reichen. Leipzig. 1910.
- ³⁸ Peterka O. Zum handelsrechtlichen Inhalt der Gesellschaftsverträge Jacob Fugger der Reichen // Zeitschrift für gesammte Handels- und Konkursrecht. Stuttgart. 1913. Bd. 73.
- ³⁹ Liermann H. Zur Rechtsgeschichte der Fuggerischen Stiftungen. // ZWLG. Bd. 18.
- ⁴⁰ Hartung J. Aus Geheimbuch einer deutschen Handelshauses im XVI. Jahrhundert // VSWG. 1898. Bd. 6.
- ⁴¹ Westermann A. Die Zahlungseinstellung ...
- ⁴² Schulte A. Geschichte ... Bd. 1-2.
- ⁴³ Kern E. Studien zur Geschichte des augsburger Kaufmannshauses des Höchstetters. Leipzig; Berlin. 1935.
- ⁴⁴ Lutzmann I. Die augsburger Handelsgesellschaft Hans und Marquard Rosenberger /1535-1560/. Kallmünz. 1937.
- ⁴⁵ Strieder J. Studien ... S. 46.
- ⁴⁶ Jahnsen M. Anfänge der Fugger ...; Idem. Jacob Fugger ...; Scheuermann L. Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten. München; Leipzig. 1929.
- ⁴⁷ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 38-39.
- ⁴⁸ Zycha A. Zur neusten Literatur über Wirtschafts- und Rechtsgeschichte der deutschen Bergbaues // VSWG. 1907/08. Bd. 15-16.
- ⁴⁹ Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger ... Bd. I. S. 187.
- ⁵⁰ Zycha A. Zur neusten Literatur ... S. 259.
- ⁵¹ Ibid. S. 287.
- ⁵² Schmoller G. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung ... H. VIII-IX. S. 64-65.
- ⁵³ Pölnitz G., von. Jacob Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutsche Renaissance ...; Idem. Anton Fugger ... Tübingen, 1949/63.
- ⁵⁴ Wiessner H. Geschichte der Kärntner Edelmetallbergbaues. Klagenfurt, 1950.
- ⁵⁵ Ibid. S. 153.
- ⁵⁶ Tremel F. Frühkapitalismus in Innerösterreich. Graz, 1954.
- ⁵⁷ Ibid. S. 85, 135, 11, 104, 146.
- ⁵⁸ Jäger A. Beitrag zur tirolisch-salzburgische Bergwerkgeschichte // AÖG. 1875. Bd. 53; Dobel F. Über Bergbau und Handel des Jacob und Anton Fugger in Kärnten und Tirol /1495-1500// ZHV. 1883. Bd. 9; Wolfstrigl-Wolfskron M., von. Die Tiroler Bergbau im XV. Jahrhundert. Wien. 1904; Isser-Gaudententurm M. Schwazer Bergwerkgeschichte // Berg- und Hutten jarbücher. Wien. 1904/05. Bd. 52-53.

⁵⁹ Dietrich R. Untersuchungen zum Frühkapitalismus in Mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel // Jahrbücher für Geschichte Mittel- und Ostdeutschland. Tübingen. 1958/61. Bd. VII-IX.

⁶⁰ Werner T.G. Das Fremde Kapital in Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrhunderts: Berücksichtigung der Kuxspekulation und der Verhältnisse in anderen erzbergischen Bergstädten // Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde. Dresden. 1936/37. Bd. 57-58.

⁶¹ Ibid. Bd. 57. S. 121, 115, 170, 122; Bd. 58. S. 1-2, 15, 40 ff.

⁶² Dietrich R. Untersuchungen ... Bd. VII. S. 167.

⁶³ Ibid. Bd. VIII. S. 115, 95; Bd. VII. S. 173, 182, 91.

⁶⁴ Ibid. Bd. VIII. S. 108-109.

⁶⁵ Ibid. Bd. VII. S. 205-206.

⁶⁶ Ibid. Bd. VIII. S. 94.

⁶⁷ Werner T.G. Das Fremde Kapitel ... Bd. 58. S. 32.

⁶⁸ Dietrich R. Untersuchungen ... Bd. VIII. S. 95-96.

⁶⁹ Ibid. Bd. IX. S. 165-166.

⁷⁰ Ibid. Bd. VII. S. 176, 178, 181; Bd. VIII. S. 91.

⁷¹ Ibid. Bd. IX. S. 128, 139, 165, 147, 149, 194, 140.

⁷² Чайковская О.Г. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в советской историографии последних лет // В.И. 1956. № 12.

⁷³ Стам С.М. О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии // УЗ СГУ. 1954. Т. 39. Ср. также: Он же. Чем же в действительности была Реформация в Германии? // В.И. 1958. № 4.

⁷⁴ Смирин М.М. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации // В.И. 1957. № 6; Эпштейн А.Д. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны как буржуазной революции // В.И. 1957. № 8; Григорьян Ю.М. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // В.И. 1958. № 1; Мацек Й. К дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // В.И. 1958. № 4.

⁷⁵ Дискуссия о «раннем капитализме» была реакцией отечественных историков на выход в свет монографии В.И. Рутенбурга, в которой проблема возникновения раннекапиталистических отношений была поставлена и рассмотрена на материале по истории флорентийских компаний XIV в. /см.: Рутенбург В.И. Очерки по истории раннего капитализма: Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951. В дискуссии приняли участие такие историки-медиевисты, как А.Д. Эпштейн, В.В. Стоклицкая-Терещурвич, Л.М. Баткин, А.Н. Чистозонов и В.И. Рутенбург. См.: Эпштейн А.Д. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. // СВ. 1953. Вып. IV; Стоклицкая-Терещкович В.В. Н вопросу о раннем капитализме во Флоренции // СВ. 1954. Вып. V; Баткин Л.М. Письмо читателя // СВ. 1955. Вып. VI; Чистозонов А.Н. Исследовать явления в их исторической самобытности и связях // Там же; Рутенбург В.И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV-XV вв. // Там же/. Она стимулировала исследование явлений раннего капитализма не только в Италии, но и других странах Западной Европы. Эти исследования показали, что города Средней и Северной Италии (Тосканы и Ломбардии) сравнительно недолго оставались единственными бастионами раннего капитализма, так как их примеру последовали передовые городские центры и в других странах Западной Европы, в том числе Южной

Германии, где в ряде отраслей народного хозяйства также возникали аналогичные явления и развивались раннекапиталистические отношения.

⁷⁶ Чайковская О.Г. К вопросу ... С. 132.

⁷⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т, 21. С. 417-418.

⁷⁸ Смирин М.М. О характере ... С. 96.

⁷⁹ Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города XIV-XV вв. М.; Л., 1936. С. 10.

⁸⁰ Buff A. Augsburg in der Renaissancezeit. Bamberg. 1898. S. 2-4.

⁸¹ Эпштейн А.Д. К вопросу ... С. 132.

⁸² Abel W. Zur Entwicklung des Sozialprodukts in Deutschland im XVI. Jahrhundert // JNOS. 1961. Bd. 173. S. 448-449.

⁸³ Mommsen P. Geschichte der Nationalökonomie. Jena. 1927. S. 158.

⁸⁴ Abel W. Zur Entwicklung ... С. 489.

⁸⁵ Lutge F. Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart. 1963. S. 286, 339.

⁸⁶ Abel W. Zur Entwicklung ... С. 489.

⁸⁷ Abel W. Massenarmut und Hungerkrisen in vorindustriellem Europa: Versuch einer Synopsis. Hamburg; West-Berlin. 1974. S. 94 ff.

⁸⁸ Матек Й. К дискуссии ... С. 117.

⁸⁹ Смирин М.М. О характере ... С. 96.

⁹⁰ Steinmetz M. Die frühbürgerlichen Revolution in Deutschland /1476-1535/: Thesen // Die frühbürgerlichen Revolution in Deutschland in ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Berlin. 1961. S. 9.

⁹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 346-348.

⁹² Чайковская О.Г. К вопросу ... С. 133.

⁹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 381.

⁹⁴ Стоклицкая-Терешкович В.В.. Очерки ... С. 90 след. Проблема превращения предприимчивых и удачливых представителей верхушки корпорации ткачей Аугсбурга и других городов Южной Германии, которые в начале пути к богатству сами «сидели за ткацкими станками», в оптовых торговцев, банкиров и «капиталистов-раздатчиков», инвестировавших свои капиталы в текстильное производство, привлекла также внимание и автора настоящей монографии /см.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 79-84. 86-89. 93-97, 101-102. 293-305/.

⁹⁵ «Acta Tirolensia» ... Bd. 3. S. 42.

⁹⁶ Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки ... С. 100.

⁹⁷ Основные выводы и наблюдения, которые были сформулированы Ю.М. Григорьяном еще в защищенной в 1955 г. кандидатской диссертации («Горная промышленность и горнорабочие Германии в конце XV и в XVI в.»), он изложил в опубликованной в ГДР статье (см.: Grigorian Ju.M. Aus Geschichte des Genesis der kapitalistischen Verhältnisse in Deutschland /der Bergbau XV. und XVI. Jahrhunderten/ // ZfG. 1958. Н. 8).

⁹⁸ Григорьян Ю.М. Горная промышленность ... С. 378.

⁹⁹ Смирин М.М. О характере ... С. 96.

¹⁰⁰ См.: Смирин М.М. Социальные отношения в горной промышленности Фрейбергского района Саксонии в 40-х – 80-х годах XV в. // СВ. 1961. Вып. XX; Он же. Развитие социальных противоречий в горной промышленности Саксонии в конце XV – начале XVI в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963; Он же. Социальная борьба в горных районах Саксонии в конце XV – начале XVI в. и во время Великой

крестьянской войны // СВ. 1963/64. Вып. 24/25; Он же. Борьба горнорабочих Тироля и социально-политическая программа Михаила Гайсмайера // СВ. 1966 Вып. 29.

¹⁰¹ Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях /XV-XVI вв./ М., 1969. Подробнее об этой монографии Смирин и его концепции явлений раннего капитализма в германских землях автор этих строк сказал в другом месте (см.: Некрасов Ю.К. Проблемы раннего капитализма в Германии в освещении М.М. Смирин // ЕГИ. 1971. М., 1973. С. 438-448. Ср. также: Он же. Реформа или революция? Реформа и Крестьянская война в германских землях XVI века. Вологда, 1998. С. 31).

¹⁰² Фараджева С.А. Политика саксонских курфюрстов в горном деле /вторая половина XVI – начало XVII в./ // Из истории западноевропейского Средневековья. М., 1972; Она же. К вопросу об эволюции «дирекционного принципа» в горном деле Саксонии XVI в. // СВ. 1977. Вып. 41; Она же. Раннекапиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в. // Генезис капитализма в позднее Средневековье в Англии и Германии. М., 1979; Она же. Зарождение раннекапиталистических отношений в горнорудном производстве Саксонии в XVI в. // Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI-XVII вв. М., 1981.

¹⁰³ Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки ... С. 7-8, 88, 101-103, 323. Ср. также: Она же. Немецкий город в эпоху Крестьянской войны // Вестник МГУ. Сер. обществ. наук. 1950. Вып. 2. С. 53-54.

¹⁰⁴ Еще одним историком, который до научных дискуссий 50-х годов минувшего столетия о раннем капитализме в Италии и Реформации в Германии обращался к данному сюжету (главным образом на примере Кельна), был Ф.Я. Полянский (см.: Полянский Ф.Я. Отношение цехов к капитализму в период их расцвета // ВИ. 1947. № 7. С. 98-113; Он же. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII-XV вв. М., 1952. С. 23-31. 58-62, 126 след.).

¹⁰⁵ Юркина В.И. К вопросу о положении свободного и присяжного ремесла в Нюрнберге // УЗ МОПИ. 1963. Т. 133; Она же. К вопросу юридического и экономического положения подмастерьев города Нюрнберга в Средневековье // Там же. Исторический факультет. 1965. Т. 121. Вып. 5.

¹⁰⁶ Потанина Л.Б. Организация ремесла во Франнфурте-на-Майне во второй половине XIV – первой половине XV в. // УЗ МГПИ. 1969. С. 294.

¹⁰⁷ См.: Некрасов Ю.К. Возникновение и развитие системы раздач в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XIV-XVI вв. // Генезис капитализма в Англии и Германии ...; Он же. Цеховое ремесло и ранний капитализм (об одном аспекте социальной дифференциации ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV-XVI вв.) // СГ. 1981. Вып. 6; Он же. Сельские промыслы и ранний капитализм (на материале текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV-XVI вв.) // Развитие капиталистической мануфактуры ...; Он же. Реформа или революция? ... С. 83-90. Проблема возникновения и развития явлений раннего капитализма в текстильном производстве (прежде всего по материалам источников южно-немецких городов и сопредельных с Южной Германией кантонов Швейцарского Союза) получила также освещение в недавно увидевшей свет монографии автора этих строк (см.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 80-121. 134-151, 163-170. 293-305, 373-374).

¹⁰⁸ «Бумазейное производство, – как утверждает Ф. Рериг, – даст в высшей степени показательный пример тому, как в Средние века вся промышленность зависела не от локального рынка, а от капиталистическим способом организованной торговли и ее

судеб». В конечном счете для этого историка «душой организации средневекового хозяйства был купец, а не производитель» (см.: Röbig F. *Mittelalterliche Wirtschaft: Blüte und Ende Wirtschaftperiode* // Idem. *Wirtschaftskräfte im Mittelalter ...* S. 364, 365). Выдающаяся роль купца, который импортировал на местный рынок сырье (хлопок) и экспортировал на «дальние рынки» высококачественные изделия ремесла, в организации бумазейного производства не вызывает сомнения. Однако прав ли Рериг, так резко противопоставляя друг другу купца-предпринимателя и ремесленника-производителя, особенно когда речь идет о их роли в хозяйственной системе того времени и средневековом способе производства? Правомерно ли отрицание Реригом самостоятельного мелкотоварного производства в процессе формирования раннекапиталистических отношений? Была ли экспортная торговля единственным или главным рычагом прогресса в общественном производстве? Попытки дать ответы на поставленные выше вопросы, представляющие несомненный научный интерес, займут значительное место и на страницах настоящей монографии. Насколько убедительны ответы на эти вопросы, судить читателю.

¹⁰⁹ Эпштейн А.Д. К вопросу ... С. 131.

¹¹⁰ Lamprecht K. *Verständnisse wirtschaftlichen und sozialen Wandlungen in Deutschland von XIV. bis XVI. Jahrhundert* // VSWG. 1893. Bd. 1. S. 197.

¹¹¹ Эпштейн А.Д. К вопросу ... С. 134.

¹¹² *Deutsche Geschichte*. Bd. 1: *Von den Anfängen bis 1789*. Berlin, 1967. S. 467.

¹¹³ Mittenzwei I. *Bemerkungen zum Charakter von Reformation und Bauernkrieg* // *Die frühbürgerlichen Revolution ...* S. 102.

¹¹⁴ См.: Некрасова Е.К. Характер капиталистической деятельности аутсбургского торгового дома Фуггеров // *Из истории западноевропейского феодализма: Известия академического государственного института материальной культуры, М., 11., 1934.*

¹¹⁵ Там же. С. 90.

¹¹⁶ Там же. С. 61.

¹¹⁷ Григорьян Ю.М. *Горная промышленность ...* С. 245.

¹¹⁸ Чайковская О.Г. К вопросу ... С. 140.

¹¹⁹ Heitz G. *Zu einigen wirtschaftlichen Fragen der frühbürgerlichen Revolution* // *Die frühbürgerlichen Revolution ...* S. 63.

¹²⁰ Steinmetz M. *Die frühbürgerlichen Revolution ...* S. 10. В то же самое время нельзя не отметить, что суждения М. Штейнмеца об исторической роли купеческого капитала не отличается последовательностью, в другом месте он отводит южно-немецким торговым компаниям, особенно Фуггерам, выдающуюся роль в установлении «действенной связи между Севером и Югом страны» (см.: *Deutsche Geschichte*. Bd. 1. S. 463) т.е. по существу признает их активное участие в процессе формирования единого национального рынка. Если торговые компании Южной Германии действительно решали хотя бы только одну эту задачу первостепенной исторической значимости, то и тогда тезис Штейнмеца о фатальной приверженности купеческого капитала феодализму не имел бы под собою достаточно веских оснований. Сомнение в фатальной приверженности купеческого капитала феодализму еще больше усиливает, о чем свидетельствуют источники и труды современных историков, «причастность» этих компаний к раннекапиталистическому предпринимательству. Об этом же достаточно обстоятельно пойдет речь на страницах настоящей монографии.

¹²¹ Григорьян Ю.М. К вопросу ... С. 126-127.

¹²² Эпштейн А.Д. История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 года. М., 1961. С. 31-32.

¹²³ Эпштейн А.Д. К вопросу ... С. 137-138.

¹²⁴ Там же. С. 135.

¹²⁵ Савина Н.В. Купеческие компании и общественное движение в Германии в первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. М., 1979. С. 196-233.

¹²⁶ Эпштейн А.Д. К вопросу ... С. 138.

¹²⁷ Ермолаев В.А. Гейльброннская программа: Программа радикального немецкого бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986.

¹²⁸ Стам С.М. Чем же была Реформация? ... С. 110.

¹²⁹ Эпштейн А.Д. К вопросу ... С. 140.

¹³⁰ Стам С.М. Чем же была Реформация? ... С. 110.

¹³¹ См.: Чуркина Н.В. Развитие промышленности и торговли в Словении XVI в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1965. С. 128, 137.

¹³² См.; Смирин М.М. К истории раннего капитализма ... Главы третья и пятая. С. 120-213, 310-401.

¹³³ Эпштейн А.Д. История Германии ... Рецензенты книги А.Д. Эпштейна – С.Д. Сказкин, М.А. Барг и В.М. Лавровский – отмечают, что в ней подлинных творцов капиталистического способа производства «... заслонила широкая спина Якоба Фуггера» (см.: ВИ. 1963. № 7. С. 151).

¹³⁴ См.: Некрасов Ю.К. Большая Равенбургская компания на рынках Западной Европы (последняя четверть XV – первая треть XVI в.) // УЗ ВПИ. 1967. Вопросы всеобщей истории. С. 32-60; Он же. Горные предприятия аугсбургских торговых компаний в Тироле и Каринтии в первой половине XVI в. // Там же. 1968. Вып. 2: Гуманитарные науки. С. 40-67; Он же. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в Античную эпоху и Средние века. М., 1975. С. 179-203.

¹³⁵ См.: Савина Н.В. Два типа купеческих компаний Южной Германии на рубеже XV-XVI вв. // СВ. 1973. Вып. 37. С. 250-270; Она же. Южно-немецкий торгово-ростовщический капитал в горном деле за пределами германских земель (XVI в.) // СВ. 1976. Вып. 40. С. 111-134.

¹³⁶ См.; Савина Н.В. Южно-немецкий капитал в странах Европы и испанских колониях (XVI в.). М., 1982.

¹³⁷ Свое мнение об этом и других трудах Н.В. Савиной автор этих строки изложил в рецензии на упомянутую выше ее монографию (см.: Некрасов Ю.К. Советский историк о «германском варианте» раннего капитализма // СВ. 1984. Вып. 47. С. 342-348). Ср. также: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 46, 230, 357 (прим. 288).

¹³⁸ См.: Савина Н.В. Купеческие компании ... С. 226, 204.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ КОМПАНИЙ

В соответствии с творческим замыслом автору настоящей монографии при рассмотрении проблемы исторической роли и месте торговых компаний в эпоху, переходную от феодализма к капитализму, от средневековой к индустриальной цивилизации, необходимо решить задачу о соотношении формы и содержания, организации и характера деятельности этих компаний. Объектом такого исследования он избрал предприятия Южной Германии второй половины XV – первой половины XVI в. В том же контексте исследования возникает вопрос, к какому социальному статусу следует относить владельцев компаний: к средневековому бюргерству или буржуазии раннего Нового времени? На этом трудном пути поисков истины ему предстоит исследовать как торговую практику, так и участие компаний в раннекапиталистическом предпринимательстве. Однако прежде всего он намерен обратить внимание на их структуру и организацию.

Исследование организационных форм южно-немецких компаний XV–XVI вв., которые являлись не только торговыми, но и, хотя бы отчасти, промышленными предприятиями, представляет научный интерес по следующим соображениям. Во-первых, изучение структуры и организации компаний может быть полезным и даже в определенной мере поучительным не только для историка торгового права, но и историка-экономиста, так как появление и функционирование подобных предприятий было вызвано к жизни сдвигами и переменами не только в южно-немецкой, но и всей западноевропейской торговле и общественном производстве. Во-вторых, именно организационные принципы и формы компаний отождествляются некоторыми историками с развитыми капиталистическими предприятиями. Причем такая модернизаторская тенденция, о чем уже сказано выше, имеет в качестве неизбежного следствия искажение подлинной картины начальной стадии движения Западной Европы от средневековой к индустриальной цивилизации. В-третьих, историк, избравший темой исследования генезис капитализма в промышленном секторе общественного производства, вряд ли может рассчитывать на сколько-нибудь заметное продвижение по этому пути, не принимая во внимание чисто внешних форм организации предприятий, которые выступали в роли более или менее развитых предшественников капиталистических предприятий машинной стадии в истории самого капитализма.

Особенности как структуры, так и организации южно-немецких компаний XV и XVI столетий объясняется не только тем, что они были порождены историческими условиями простого товарного производства и многими видимыми и невидимыми нитями связаны с экономической структурой феодального общества, но и тем, что в эпоху раннего европейского капитализма тор-

говый и торгово-банковский капитал безраздельно господствовал над рядом отраслей позднесредневекового ремесленного производства, ориентированного на экспорт своих изделий на «дальние рынки». Даже одним только этим может быть оправдан и обоснован интерес исследователя к данной теме.

2.1. ТИПЫ ТОРГОВЫХ КОМПАНИЙ

Вопрос о типах южно-немецких торговых компаний XV-XVI вв. хотя и не представляет, казалось бы, особой сложности и уже давно является объектом изучения исследователей, трактуется, однако, в современной историографии довольно противоречиво. Дело в том, что стремление некоторых историков установить правовой статус той или иной компании, руководствуясь прежде всего постулатами современного торгового права, неизбежно толкает их на путь абстрактных построений и ведет к попыткам объяснить исторические явления с модернизаторских позиций. При таком подходе изучение подлинной социально-правовой природы торговых компаний приносится в жертву тонкостям историко-юридических наблюдений. Поэтому автор настоящего исследования ставит своей целью показать, насколько это позволяют сделать источники, наиболее распространенные типы торговых компаний Южной Германии XV-XVI вв., то есть, во-первых, тот тип предприятий, которые источники называют «товариществами» (Gesellschaften) или «торговыми товариществами» (Handelsgesellschaften); во-вторых, особый тип торговых и торгово-банковских объединений, получивших в современной историографии не совсем правомерное наименование «консорциумов».

Торговые предприятия первого типа можно подразделить на следующие подвиды: 1) «семейные компании», то есть «товарищества», участниками и пайщиками которых являлись члены одной семьи: отец и сын (сыновья), родные братья; 2) «семейные компании», в которых наряду с членами одного или нескольких родственных семейств участвовали также пайщики, не состоявшие в кровном родстве с учредителями предприятия; и, наконец, 3) компании, участниками и пайщиками которых являлись купцы и предприниматели, не состоявшие в родстве (их юридические документы того времени называют «третьими лицами»). Как полагает Я. Штридер, «семейные компании» служили той формой организации торговых и торгово-промышленных предприятий, которая явно преобладала в эпоху раннего капитализма в германских землях над всеми прочими и была особенно свойственна одной из цитаделей этого капитализма – крупному имперскому городу Аугсбургу¹. В качестве предприятия данного типа можно привести компанию Фугтеров.

Первый договор, юридически оформивший существование «семейной компании» Фугтеров «в узком составе», относится к 1494 г., когда Ульрих, Георг и Якоб Фугтеры «дружески, по-братски и добровольно объединились друг с другом и договорились вести эту братскую торговлю и компанию»².

Срок действия торгового товарищества устанавливался в шесть лет, в течение которых каждый участник и пайщик предприятия получал равную долю прибыли и нес такую же долю убытков в соответствии с размером основного капитала, инвестированного каждым пайщиком в дело, то есть участие в прибылях (равным образом и убытках) компании определялось величиной инвестиций учредителей предприятия. В то же время все братья объявлялись в тексте договора участниками с равными правами. Каждый из них мог выполнять при определенных обстоятельствах функции главы предприятия³ и «обладать полнотой власти и влияния во всех делах вместе (с другими) и каждый (в отдельности)», то есть каждый из братьев имел право участвовать в принятии решения по всем вопросам практической деятельности предприятия (увольнению и найме служащих, заключении договоров с другими компаниями или юридическими лицами)⁴. Казалось бы, текст договора вполне определенно декларировал равноправие компаньонов. Так ли это было на самом деле?

Уже текст договора об образовании «семейной компании» Футтеров в 1494 г. содержал «тенденцию к автократии», которая в конечном счете, как это еще в начале прошлого века утверждал О. Петерка, «привела к торжеству монархического начала в управлении предприятием»⁵. Согласно условиям того же договора 1494 г., в случае смерти одного из членов товарищества, капитал последнего оставался в компании еще в течение трех лет, если бы даже наследники покойного и не пожелали дальше участвовать в предприятии. Предприятие после смерти одного из пайщиков продолжало функционировать, «как если бы все мы трое были живы»⁶. Более того, двое или даже один из оставшихся в живых пайщиков должны были обладать на срок действия договора фактически неограниченными полномочиями в торговой компании⁷. В особых пояснениях о горных предприятиях к договору тех же братьев Футтеров от 1502 г. выделяется особая категория «правителей» (*verwalter, verweser und regierer*) которые относительно «этой торговли распоряжаются и делают так, чтобы не отчитываться перед другими; они также не должны предоставлять прочим некоторые (тайные) счета или посвящать (их) во (все) дела этой торговли; напротив, прочие должны доверять и верить им просто на слово»⁸. Таким образом, компания, первоначально являвшаяся, казалось бы, товариществом равноправных участников и пайщиков, превращается в предприятие, в котором все нити управления сосредотачиваются в руках главы компании. И если договор 1502 г. еще провозглашает принцип, согласно которому каждый из членов торгового товарищества обладает «точно такими же правами, как и все другие вместе взятые»⁹, текст договора, составленного десять лет спустя (в 1512 г.), требует от членов компании беспрекословного подчинения воле «правителя». Якоб Фуггер вменяет в обязанность своим племянникам и компаньонам «вести торговлю не иначе, как по моему приказу и распоряжению, и ничего не предпринимать, на что не было приказа, полно-

мочий или распоряжения»¹⁰. Однако такой была роль «правителя» не в одной только компании Фугтеров.

Принцип авторитаризма не в меньшей степени присущ и компании Паумгартнеров. И дело здесь не только в личных качествах Якоба Богатого или Антона Фугтеров, Ганса Паумгартнера-младшего (хотя и они, конечно же, имели определенное значение), сколько в экономических условиях, в которых протекала деятельность аугсбургских торговых компаний. Процесс первоначального накопления на рубеже XV и XVI в. уже зашел так далеко, что открыл перед наиболее удачливыми купцами, банкирами и предпринимателями перспективу ведения крупных по масштабам для того времени коммерческих и банковско-кредитных операций, не прибегая к помощи извне и сотрудничеству с «третьими лицами». С другой стороны, нетрудно заметить, что те же обстоятельства экономического порядка, которые открывали перед отдельными богатыми купцами возможность ведения дел на собственный страх и риск, создавая «малые семейные компании», побуждали менее обеспеченных денежными средствами купцов объединяться в более широкие образования, так как только это давало возможность этим купцам мобилизовать необходимые оборотные средства для реализации деловых планов и намерений. В таком случае деньги в одно предприятие инвестировали как близкие родственники, так и «третьи лица». Четких границ и принципиальных различий между этими двумя разновидностями торговых товариществ, вероятно, на практике не существовало, так как организационная структура предприятий данного типа могла развиваться в том или ином направлении в зависимости от объективно сложившихся обстоятельств и субъективных качеств участников (особенно руководителей) предприятий. Любопытно, что Лукас Фугтер, внук переселившегося из швабской деревни Грабен в Аугсбург ткача Ганса Фугтера, «совместно со своими сыновьями с большим размахом вел торговлю венецианскими пряностями, кармезином, шелком-сырцом и шелковыми тканями в Нюрнберге, Лейпциге и по (всему) Рейну и столь же счастливо торговал в Антверпене шелковыми тканями». Известно также, что в компанию Лукаса Фугтера, кроме его сыновей, также входили аугсбургские купцы Ганс Келлер, Маркс Мюлих и Маркс Циммерман, которые являлись пайщиками предприятия и выполняли функции факторов компании. И это, по словам анонимного автора «Семейной хроники Фугтеров», немало способствовало тому, что для товарищества «торговля повсюду шла так счастливо и успешно»¹¹. Таким образом, и Фугтеры, прежде чем образовать в конце XV в. «семейную компанию в узком составе», вынуждены были привлекать в свое предприятие «чужие капиталы» других купцов города.

В XV в. аугсбургские купцы образуют торговые товарищества для решения различных задач. Так, в 1435 г. отец городского хрониста Гектора Мюлиха, Йорг Мюлих, совместно с Эрхартом Варасом (между прочим, также будущим городским хронистом) и Гансом Мойтингом инвестируют свои капи-

талы в торговлю благородными металлами (серебром и золотом) и совместно ведут торговлю ими в Нюрнберге¹². В 1436 г. Ганс Мойтинг-старший, Ульрих Мойтинг, Ганс Мойтинг-младший и зятя Ганса Мойтинга-старшего Клаус Грандер, Людвиг Хорнлин и Конрад Рауд образовали «новую компанию» и обещали «быть похвально верными друг другу, о чем принесли клятву перед Богом, святыми и присягнули на Библии, обязуясь придерживаться установленного договором порядка, выполняя (все), что из него следует и (в нем) предусмотрено. Верно, без обмана обязаны они оставаться и состоять в этом нашем объединении и товариществе в течение пяти лет»¹³. Главой предприятия договор называет «правителя старой компании» Ганса Мойтинга-старшего¹⁴. К 1437 г. «новая компания» стала самой крупной в Аугсбурге. В ней участвовали не только представители семейства Мойтингов или лица, находившиеся с ними в родстве, но в компанию охотно принимали и других богатых и зажиточных бюргеров. В этой связи отметим, что в 1441 г. на службу в компанию Мойтингов поступил купец и будущий городской хронист Буркард Цинк, который одновременно стал и пайщиком торгового предприятия¹⁵. Стремление руководителей этой аугсбургской компании к привлечению инвестиций «третьих лиц» и новых компаньонов можно объяснить следующим. Компания Мойтингов, предоставив в 1456 г. крупный кредит Габсбургам, тут же приступила к откупным операциям с металлами. Это потребовало увеличения оборотных средств предприятия. Впрочем, вступление в компанию новых пайщиков не изменило ее организации; она продолжала оставаться семейным торговым товариществом Мойтингов. Поэтому компания использовала торговый знак последних, а Ганс Мойтинг-старший, как и прежде, вел дела исключительно от своего имени.

Несомненный интерес представляет также организация компании, которая осенью 1506 г. была основана нюрнбергскими бюргерами Йоргом Колером, Йоргом Кресом и миланским купцом и предпринимателем Амвросио де Сарано. Все трое, как сказано в тексте договора об учреждении компании, «единодушно объединились и обязались составить друг с другом товарищество на последующие четыре года». Заключив такое соглашение, «каждый (из них) должен быть верен друг другу и обязан соблюдать из слова в слово статьи (договора)»¹⁶. Главой и «правителем» предприятия текст договора называет Колера. Он получает от своих компаньонов «полномочия (действовать) по собственному усмотрению во всех делах, касающихся нашей торговли, когда речь идет о закупках или продажах (товаров), доходах и расходах». На Сарано возлагается обязанность «ведения дел в Милане и повсюду в Ломбардии». По «всем делам» Сарано только раз в году отчитывается перед «правителем» компании Колером¹⁷. Отсюда можно заключить, что договор наделяет Сарано широкими полномочиями и предоставляет ему большую свободу действий.

Нельзя также не отметить и того факта, что союз миланского купца с нюрнбергскими негодантами имел под собою вполне реальную почву, так

как между Германией и Италией давно сложились тесные, в том числе экономические, связи. Однако источники свидетельствуют о том, что тип торгового предприятия, который объединял в одной компании нескольких купцов, проживавших в нескольких географических пунктах (известный под названием *Fernhandelsgesellschaft*), широко распространенный в ганзейских городах, был довольно редким явлением в Южной Германии. Большинство южно-немецких компаний вели торговлю как в том же Милане, так и других городах Северной и Средней Италии (Венеции, Генуе, Комо, Флоренции и других) с помощью собственных факторий, не привлекая в свои предприятия местных купцов в качестве полноправных участников и пайщиков, а заключая с ними контракты на участие в торговых операциях в качестве комиссионеров. Впрочем, это отнюдь не означает, что элементы «*Fernhandelsgesellschaft*» не были свойственны южно-немецким компаниям вовсе. Так, например, 3 июля 1515 г. Ганс Паумгартнер-старший, его сын Ганс Паумгартнер-младший, Вольфганг Рудольф, Кристоф Релингер (все бюргеры Аугсбурга) и Ганс Хетцер из Нюрнберга «составили друг с другом торговое предприятие и товарищество сроком на два года и дали друг другу обязательство»¹⁸. По истечении двух лет (4 июля 1517 г.) Ганс Паумгартнер-младший, Кристоф Релингер и Ганс Хетцер подписали новый договор (уже без Ганса Паумгартнера-старшего и Вольфганга Рудольфа) сроком на четыре года. По истечении последнего срока компаньоны решили произвести расчет друг с другом в соответствии с инвестированным каждым из них в предприятие капиталом¹⁹. Однако в обоих случаях одним из пайщиков предприятия являлся нюрнбергский купец Хетцер, который представлял в родном городе интересы аугсбургских компаньонов и всего предприятия. Это и дает основание торговую компанию, во главе которой стояли Паумгартнеры и в которой полноправным пайщиком и участником выступал Хетцер, отнести к типу «*Fernhandelsgesellschaft*» (товарищество дальней торговли).

Интересна по организационной структуре «Большая Равенбургская компания». Как полагает К. Бауэр, она являлась «семейной компанией с несколькими членами-семьями»²⁰, поскольку в состав этой компании в разные годы входили от 22 до 47 купцов-пайщиков, бюргеров не только Равенсбурга и Констанца, но и других городских центров Верхней Швабии. Так, к примеру, с Равенбургской компанией тесным образом были связаны семейства вангенского купечества Кольбов, Вальдманов и Хиндерофенов. Упоминаются в ее бумагах и представители других семейств того же Вангена – Клейны и Арнольды²¹. Вместе с тем долгое время (до середины XV в.) ключевые позиции в ней занимали и определяли характер деятельности предприятия представители богатейших купеческо-патрицианских родов Равенсбурга и Констанца (Хумписы, Мунпраты и Метелли), на смену которым пришли названные выше Хиндерофены и купцы другого поколения. Однако Равенбургская компа-

ния не была единственным примером торгового товарищества подобного рода.

Другим примером предприятия того же типа может служить не менее знаменитая компания Вельзеров, в которую в 1508 г. входили 18 пайщиков. Ее пайщиками являлись богатые бюргеры Аугсбурга, Ульма и Меммингена²². Близка последней по своей организационной структуре, пожалуй, одна из самых известных компаний Южной Германии – торгово-банковский дом Хохштеттеров. Участниками и пайщиками этого предприятия в 1514–1520 гг. были не только представители семейства, давшего наименование товариществу, но и аугсбургские купцы и предприниматели Лукас Рем, Ганс Унгельтер, Филипп Гаснер, Ганс Паумгартнер-старший и некий Габлер из Нюрнберга²³. Торговля санкт-галленским полотном являлась основной целью создания еще в XV в. нескольких купеческих компаний, самой крупной из которых было торговое товарищество, во главе которого стояли представители патрицианских семейств Дисбахов из Берна и Ваттов из Санкт-Галлена. Пайщиками этой компании выступали бюргеры Санкт-Галлена, Берна, Базеля и далекого от Швейцарии Бреслава. Компания имела фактории в Женеве, Авиньоне, Валенсии и Сарагосе на Западе, Венеции и, вероятно, Генуе – на юге, Праге, Бреславле и Кракове – на востоке²⁴. 1 сентября 1531 г. договор об основании компании сроком на шесть лет подписали аугсбургские купцы Антон Хаут-старший, Ганс Лаугингер и Ульрих Линк, хотя уже с первого года существования этого торгового товарищества его полноправными участниками и пайщиками стали еще 14 купцов и предпринимателей. Компания занималась торговлей швабской бумазеей, итальянскими шелковыми тканями, египетским хлопком, левантийскими и колониальными пряностями, в своем «централе» и факториях вела торгово-банковские операции и занималась предпринимательской деятельностью в горнорудной промышленности²⁵. В данном случае пайщики компании не состояли в кровнородственных узак друг с другом.

Итак, рассмотренные выше тексты договоров об учреждении компании не оставляют сомнения в том, что формы (или типы) торговых товариществ довольно разнообразны, хотя тут же следует оговориться, что в любом случае основой их организационной структуры является принцип совместного и постоянного сотрудничества членов товарищества, как тогда говорили, «трудом и капиталом» на протяжении установленного договорами срока (от двух до шести лет). Короче, компании выступают в качестве постоянных объединений оптовых торговцев и предпринимателей, которые имеют в своем распоряжении необходимый аппарат служащих и обладают соответствующими характеру их деятельности оборотными средствами.

Рассмотрением вопроса о типах торговых компаний еще не исчерпывается и не решается проблема их организационных форм на примере Южной Германии XV–XVI вв. Обращение к материалам источников позволяет также

установить существование объединений, которые включали несколько компаний. В исторической литературе, о чем уже сказано выше, эти объединения получали название «консорциумов». Появление таких объединений в странах Западной Европы в эпоху раннего капитализма было обусловлено особенностями экономических отношений и структуры собственности, которая по преимуществу продолжала оставаться феодальной. При этом исключительное значение приобретали условия и правила общественного кредита. Подлинная природа такого типа объединений южно-немецких банкиров и предпринимателей, как «консорциумы», может быть установлена только путем анализа материалов источников, проливающих свет на правовую основу и характер деятельности объединений данного типа.

В августе 1496 г. император Максимилиан I заключает договор с аугсбургскими торговыми компаниями Госсенбротов, Гервартов и Фугтеров о продаже «при посредничестве братьев Паумгартнеров из Аугсбурга» 24000 мейлеров меди на венецианском рынке²⁷. В данном случае аугсбургские компании выступают в роли комиссионеров по продаже меди, и еще в феврале 1500 г. тирольское казначейство продолжало выплачивать Паумгартнерам деньги за «это посредничество и торговые расходы»²⁸ по реализации товара на венецианском рынке. В данном эпизоде компании вступают в соглашение как с казначейством императора, так и друг с другом, используя находившийся в их распоряжении аппарат служащих торговых компаний, а равным образом и княжеских чиновников бергамта, для выполнения одной значительной по масштабам торговой операции. В этой связи большой интерес представляет и договор Фугтеров от 16 марта 1499 г. с десятью крупнейшими тирольскими горнозаводчиками о поставках последними аугсбургской компании швацкой меди. «Плавильщики Шваца», согласно условиям контракта, берут на себя обязательство поставлять в течение трех лет медь торговому дому Фугтеров с целью извлечения «большой (чем сейчас) выгоды для себя» (*das wir pessers unsers nutz*)²⁹. Здесь мы имеем дело со своего рода разделением труда между промышленниками, с одной стороны, и купцом-экспортером товара, – с другой. Причем купец диктует условия промышленникам и обязывает последних поставлять медь аугсбургскому торговому дому по твердо установленной цене³⁰. Только в случае производства меди сверх установленной договором квоты поставок Фугтерам тирольские горнозаводчики получали право продавать медь «по своему усмотрению», но и это право на самом деле ограничивалось продажей меди «только в германских землях». Договор запрещает им экспортировать медь в Боцен и на итальянские рынки³¹. Поскольку Максимилиан I, являясь сюзереном Тироля и обладателем горной регалии, имел право производить закупку металлов в первую очередь, он по договору «уступает» это право объединению швацких горнопромышленников и аугсбургского купца, пожаловав участникам «консорциума» специальную привилегию на торговлю медью³¹.

Появление таких объединений также было связано с новыми веяниями в экономической жизни Европы, которые получили реализацию в возникновении и развитии капитализма и открыли перед купцами-предпринимателями новые источники быстрого обогащения. В этом отношении интересны сведения, которые хронист Вильгельм Рем сообщает об участии немецких купцов в одной из первых колониальных экспедиций. Он рассказывает, как 25 марта 1505 г. король Португалии отправил девятнадцать кораблей за пряностями в Калькутту, «и с ними некоторые из немецких и итальянских купцов отправили три корабля за свой счет»³³. Снаряжение этих кораблей обошлось в 65400 дукатов, из которых 29400 дукатов внесли флорентийские и генуэзские negociantes и большую часть, 36000 дукатов – немецкие купцы. Самый большой пай в 20000 дукатов в этом предприятии принадлежал южно-немецкой компании Вельзеров и Фелинов. Из других участников предприятия («с немецкой стороны») по 4000 дукатов инвестировали Фугтеры и Хохштеттеры из Аугсбурга, по 3000 дукатов – Госсенброты из Аугсбурга и Имхофы из Нюрнберга, 2000 дукатов – Хиршфогели из Нюрнберга. Когда через год (22 марта 1506 г.) экспедиция благополучно возвратилась в Лиссабон, четвертую часть доставленных на зафрахтованных немецкими и итальянскими купцами кораблях перца и других пряностей «по праву королевской регалии» получил португальский монарх, а остальные пряности в соответствии с инвестированными ими капиталами – купцы³⁴. Как уверяет Рем, «слышавший от одного заслуживающего доверия человека, который в том (деле) также имел долю, что все они получили прибыль по 175 (дукатов) с (каждой) сотни дукатов»³⁵. Свидетельства Рема об этой колониальной экспедиции в Индию побуждают обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, тесное переплетение интересов короны и частного капитала; во-вторых, организационную структуру объединения немецких и итальянских купцов-предпринимателей. Это объединение («консорциум»), опять-таки, ограничено по времени проведением одной торговой операции и выполнением одной задачи, которая сводилась к подготовке колониальной экспедиции и получению пряностей. Реализацией приобретенных в результате успешной экспедиции в Индию «колониальных товаров» (прежде всего пряностей) каждая из участвовавших в ней компаний должна была заниматься самостоятельно.

Возникновение и развитие в горнорудных промыслах системы откупов металлов, появление которой было обязано господству феодально-регионального права, явившегося предпосылкой глубокого проникновения купеческого капитала в систему государственных финансов того времени. Достигалось это (особенно на первых порах) обычно при помощи объединения денежных средств нескольких купцов и банкиров. Наглядным тому примером может служить аренда с 1527 г. имуществ «Маэстрацгос», принадлежавших до недавнего времени духовно-рыцарским орденам Санкт-Яго, Алькантара, Калатрава и секуляризованных в свою пользу испанской короной,

«консорциумом» компаний Фугтеров и Вельзеров сроком на шесть лет. Фугтеры инвестировали в это предприятие 2/3 необходимого капитала, «Вельзеры – 1/3. Поэтому в течение первых четырех лет доходы от аренды «Маэстрацгос» получали Фугтеры, в последующие два года – Вельзеры»³⁶. «Консорциум» южно-немецких компаний, помимо прочего, получал в долгосрочную аренду Альмадийские рудники, управление которыми осуществлялось одной и той же администрацией как при Фугтерах, так и при Вельзерах³⁷. В данном случае вполне отчетливо проявляется тенденция превращения временного и непрочного образования («консорциума») в постоянно действующее предприятие с собственной системой управления и штатом служащих. И, действительно, многократное возобновление Фугтерами аренды «Маэстрацгос», правда уже без участия Вельзеров, превратило факторию Фугтеров в Испании в самостоятельный филиал аугсбургского торгового дома.

Большой интерес по форме организации и характеру практической деятельности представляет одно из объединений 30-х годов XVI в. Это объединение занималось поставками корабельного леса по Рейну из Шварцвальда в Нидерланды. История этого объединения такова. В начале 30-х годов монополия на торговлю строительным лесом по Рейну была передана императорской привилегией дворянину Гансу фон Мерклину, который отличился во время похода имперского войска против турок. В 1531 г. Мерклин получил исключительное (то есть монопольное) право клеймить корабельный лес, сплавливаемый по этой реке. Вскоре, однако, «монополия» у последнего была «откуплена» неким Людвигом Штинером, который привлек к этому делу братьев Розенбергеров из Аугсбурга и их капиталы³⁸. Договор, подписанный Штинером с фактором компании Розенбергеров в Антверпене Гансом Бауэром, предусматривал поставку «консорциумом» предприятия Штинера и компании Розенбергеров корабельного леса из Швейцарии и Шварцвальда в Дортрехт в течение десяти лет³⁹. К сожалению, какие-либо другие подробности о деятельности и судьбе этого объединения в известных нам источниках и исторической литературе отсутствуют.

Участие «консорциумов» кредиторов в откупах металлов, в том числе благородных, в XVI в. стало заурядным явлением. Так, в 1541 г. Фугтеры, Паумгартнеры, Алтон Хауг и Себастьян Нейдхарт подписали контракт с Габсбургами о предоставлении последним крупного займа в 120 тыс. гульденов, причем Фугтеры и Паумгартнеры дали по 40 тыс., Хауг и Нейдхарт – по 20 тыс. гульденов. За оказанную Габсбургам финансовую услугу «консорциум» откупщиков получал 54543 весовые марки серебра, а долг им погашался за счет княжеского побора в виде «обмена»⁴⁰. Необходимо обратить внимание и на тот факт, что в таких сделках иногда принимали участие и чиновники княжеской администрации. В качестве примера можно сослаться на контракт от 20 февраля 1525 г. казначая верхнеавстрийской администрации Якоба Виллингера фон Шонберга с Хохштеттерами. Виллингер принимал личное уча-

стие в торговле Хохштеттеров идрийской ртутью, получал пятую часть прибыли предприятия и возмещал пятую часть убытков, «как о том распорядиться Господь»⁴¹. Текст договора устанавливал основной капитал предприятия в 75 тыс. гульденов, из которых 15 тыс. гульденов обязывался внести Якоб Виллингер, остальные 60 тыс. гульденов – Хохштеттеры. В накладных расходах, связанных с организацией сбыта металлов, каждая из сторон участвовала в соответствии с долей инвестированного в предприятие капитала. Срок действия договора определялся соглашениями Хохштеттеров с австрийским эрцгерцогом, с одной стороны, тех же Хохштеттеров с участниками идрийских горных разработок – с другой⁴². В достаточной мере очевидно, что торговлю металлами вела компания Хохштеттеров, а участие в предприятии Виллингера, по замыслу Хохштеттеров, должно было обеспечить бесперебойное поступление в распоряжение торгового товарищества ртути и киновари.

Такого рода соглашения с представителями княжеской администрации были обычным явлением и в практике торгового дома Паумгартнеров. Еще в конце лета 1538 г. Ганс Паумгартнер-младший заключил подряд три контракта с горнопромышленниками Идрии в Каринтии о крупных закупках ртути и киновари: 14 февраля 1536 г. – на сумму в 32 тыс. гульденов, 14 июля 1538 г. – на 10 тыс. гульденов и 4 августа того же года – еще раз на 10 тыс. гульденов, то есть общая сумма контрактов Паумгартнеров с горнопромышленниками Идрии составила 52 тыс. гульденов. В этой связи примечателен тот факт, что по первым двум контрактам 1/4 часть «прибыли и убытков» приходилась на долю высокопоставленного чиновника австрийской администрации, доктора юриспруденции, члена королевского и зальцбургского советов, «которые заседает в Гмюнде», Николая Рибайзена⁴³. Это может служить еще одним примером тесного переплетения интересов торговых компаний и представителей княжеской администрации. Участие в контрактах чиновников создавало для деятельности этих компаний более благоприятную почву, чем в условиях свободной конкуренции. Именно это являлось причиной появления подобного рода «консорциумов».

Крупные южно-немецкие торговые компании были тесно связаны кредитно-банковскими сделками с Габсбургами, от которых за оказанные финансовые услуги они получали монопольные права на торговлю металлами (особенно серебром) и другие привилегии. Опираясь на монополии и привилегии, компании в горном деле альпийских земель вытесняли с поля предпринимательской деятельности своих конкурентов из числа местных горнозаводчиков. В то же время компании не только вели ожесточенную борьбу между собой за обладание этими правами и привилегиями, но и предпринимали попытки договориться друг с другом о разделе сфер влияния на рынках. Такие соглашения уже в первой половине XVI в. заключались неоднократно. В этой связи представляет интерес договор Антона Футтера с компанией Манлихов о поддержании высоких цен на медь на международных рынках, подписанный в

феврале 1548 г.⁴⁴ Соглашение предусматривало поставки меди в Португалию Фуггерами, во Францию – Манлихами («за исключением той меди, которую (господин Антон) Фуггер сможет отправить туда с Атлантического побережья и разных пунктов Италии»); на рынках Восточной Европы (в Бреславле, Кракове и Торуне) каждая компания должна была вести торговлю строго оговоренными сортами меди; «в Нидерландах как в Антверпене, так и Амстердаме» обе компании, – читаем в тексте договора, – «свободны (от каких-либо взаимных обязательств) и могут продавать медь по своему усмотрению», но с соблюдением интересов друг друга. Договор содержал также оговорку, что «Манлихи должны подождать с поставками меди в те места, где Фуггеры ее имеют (на складах), до тех пор, пока они не продадут ее полностью». Не следует преувеличивать значение этого договора между двумя крупнейшими торговыми компаниями Аугсбурга середины XVI в., выступавшими в этом и многих других эпизодах в роли конкурентов. Дело в том, что обе стороны так и не достигли компромисса относительно нидерландского рынка, который играл исключительную роль в сбыте меди. Антону Фуггеру, несмотря на настойчивые жалобы «на сильное отягощение», вызванное конкуренцией компании Манлихов на этих рынках в Антверпене и Амстеодавме, так и не удалось установить безраздельное влияние (монополии) на рынках этих городов, поскольку владелец конкурирующей компании – Матеус Манлих – категорически отказался прекратить поставки на них меди или, хотя бы, сократить их объем⁴⁵. Однако уже сама по себе попытка раздела в пределах Западной Европы рынков сбыта меди примечательна и свидетельствует о тех кардинальных переменах, которые происходили в экономической жизни Европы того времени. Эти же перемены красноречиво указывали на быстро возрастающее экономическое влияние крупной торговой буржуазии.

2.2. СТРУКТУРА КОМПАНИЙ

Исследование структуры компаний необходимо по той причине, что такое исследование позволит дать ответы на вопросы, проливающие свет на устройство южно-немецких торговых и торгово-промышленных предприятий. С этой целью следует установить положение участников (или пайщиков) компаний, круг их прав и обязанностей, а также рассмотреть вопрос о структуре капиталов торговых компаний и способах их функционирования. Выше уже было сказано, что основным условием существования любого торгового товарищества являлись инвестиции в предприятие его пайщиками денежных средств «на прибыль и убытки» на определенное договором время и участие самих пайщиков компании не только инвестированными в дело капиталами, но и «трудом», что предполагало их участие в повседневной практической деятельности компании. Пайщики с целью осуществления руководства пред-

приятием на общем собрании избирали его главу, которого тексты договоров называют «правителем».

В текстах договоров об учреждении компаний также скрупулезно оговариваются условия выхода из предприятия или изъятия пайщиками части основного капитала на личные нужды. Так, уже знакомый нам договор об основании аутсбургской компании Мойтингов (1436 г.) устанавливает, что «если один или несколько членов компании по истечении срока договора пожелают выйти из товарищества, другие (его члены), оставшиеся в компании, обязаны произвести с ними полный расчет в срок трех ближайших Франкфуртских ярмарок, не причиняя, (однако), оставшимся (пайщикам) какого-либо ущерба»⁴⁶, то есть капитал вышедших из компании пайщиков оставался в ней еще в течение полутора лет после истечения срока договора. Каждый пайщик Равенсбургской компании, пожелавший выйти из дела, получал инвестированный в торговое товарищество капитал в срок шести Франкфуртских ярмарок⁴⁷, то есть расчет предприятия с ним происходил только через три года после фактического разрыва участника с товариществом. По свидетельству Лукаса Рема, компания Вельзеров имела право задержать у себя капитал порвавшего с нею пайщика в течение двух лет⁴⁸. Эта сторона организации торговых компаний регламентируется и в договоре Колера с Кресом и Сарано. Поскольку срок действия последнего определялся в четыре года, «по истечении трех лет и трех отчетов каждый имеющий желание выйти из дела обязан поставить в известность о своем намерении других (компаньонов)»⁴⁹. Следовательно, как это можно заключить из текста документа, выход из компании Колера фактически был невозможен до истечения срока действия самого договора. Такая правовая норма сильно затрудняла разрыв пайщиков с предприятием.

Договоры устанавливают и максимальную величину денежных средств, которые имел право пайщик компании изъять из основного капитала «на личные нужды». К примеру, текст договора упомянутой выше компании нюрнбергских негоциантов Колера и Креса с миланцем Сарано гласит: «Каждый из нас может с согласия других членов компании изъять в течение года на собственные нужды ... семь гульденов из ста (инвестированных в компанию), но эта сумма выплачивается не в один срок, а четыре раза в течение года в соответствии с величиной основного капитала»⁵⁰. Возможность таких изъятий предусматривает и договор фуггеровского товарищества (1494 г.), который предусматривает, что каждый из членов компании «...имеет право брать из торговли средства, необходимые для ведения личного хозяйства и пропитание». Сумма изъятых из дела денег вычиталась из основного капитала участника предприятия, воспользовавшегося этим правом. Однако такие изъятия в течение шести лет не должны были превысить четвертой части основного капитала инвестора⁵¹, то есть – ежегодно не более 4 1/6 процентов этого капитала. Каждый из пайщиков компании Хохштеттеров имел право изымать в течение года не

более 4 процентов с лицевого счета принадлежавшего ему капитала⁵². Таким образом, в рассмотренных выше эпизодах ежегодные отчисления на личные нужды участников компаний составляли от 4-х до 7-ми процентов их основного капитала и, по всей видимости, по замыслу авторов текстов договоров, не только не должны были превышать, но и быть ниже годовой нормы прибыли, приходившейся на долю каждого участника (или пайщика) предприятия.

Обязанностью членов торговых товариществ, как о том свидетельствуют тексты договоров, был отказ от участия в других компаниях и даже самостоятельного ведения кредитно-банковских и торговых операций и занятий другими промыслами. Так, товарищество Мойтингов признает незаконной и запрещает своим компаньонам участие в иных торговых предприятиях лично или при посредничестве «третьих лиц» «ни тайно, ни публично или каким-либо другим образом»⁵³. Каждый член товарищества Колера, руководствуясь тем, «чтобы торговля шла хорошо и не приносила убытков», берет на себя обязательство «не заниматься (самостоятельно) особыми промыслами и торговлей»⁵⁴. Договор об образовании компании Фугтеров (1494 г.) также содержит строгое предписание, запрещавшее участнику этого предприятия «самому или с другими лицами заниматься торговыми промыслами и состоять в других товариществах, кроме указанной выше компании». Любопытно, что составители текстов договоров об учреждении компаний принимают во внимание возможность нарушения участниками предприятий подобных запретов. В таких случаях материальную ответственность брал на себя нарушитель договора. Так, только что упомянутый выше договор Фугтеров предусматривает, что если кто из братьев будет вести торговлю и совершать сделки «вне товарищества», «все это должно быть приписано или списано с его лицевого счета»⁵⁵. Это же требование к пайщикам в договоре компании Колера сформулировано следующим образом: «Никто из членов нашего товарищества не должен предоставлять займы из кассы товарищества, не поставив в известность и не получив согласия своих компаньонов. Однако, – читаем в документе, – если такое все же случится, это должно быть приписано (в виде долга) тому, кто дал кредит, и компания не должна нести (за него) никаких убытков»⁵⁶. Требование договоров, запрещавшее членам компаний участвовать в других предприятиях, скорее свидетельствует о желании их авторов (обычно «правителей» компаний) и является в большей степени данью традиции, чем отражает действительное положение вещей. По крайней мере уже в начале XVI в. участие купцов и предпринимателей в нескольких компаниях одновременно становится больше правилом, чем исключением. Такое положение можно проиллюстрировать на примере Паумгартнеров, которые не только владели «семейным» торговым товариществом, но и часто инвестировали капиталы «на страх и риск» и в другие предприятия, выступая в них в роли пайщиков. Запрет на участие в этих «других предприятиях», что вполне оче-

видно, постоянно нарушался и пайщиками Равенбургской компании. Поэтому ее «правители» пытались апеллировать к религиозным чувствам и христианскому благочестию членов предприятия, заявляя, что «спасется только тот, кто помещает деньги в одно товарищество»⁵⁷. Однако такие призывы и увещевания, по всей видимости, не оказывали должного воздействия на купцов и предпринимателей, которые настойчиво продолжали инвестировать капиталы в «другие предприятия».

Купцы городов Южной Германии, вступая в торговые товарищества, брали на себя также обязательство хранить все дела предприятия в полной тайне. В этой связи можно сослаться на договор компании Футгеров (1512 г.), по которому Якоб Футгер, как «правитель» предприятия, «с целью поддержания доброго состояния дел, отвращения убытков и умножения состояния (компания) обязан держать (дела) торговли в доброй и глубокой тайне и никому (ее) не разглашать»⁵⁸. Это требование выдвигал и договор об учреждении компании Хохштеттеров, который объявлял незыблемым условием успешной деятельности предприятия сохранение «в тайне всех (коммерческих и финансовых) сделок»⁵⁹. Текст последнего договора также особо подчеркивал необходимость хранить тайну как о прибылях, так и убытках компании⁶⁰. И, нужно сказать, купцы и банкиры хранили коммерческую тайну с гораздо большим рвением, чем соблюдали запрет на участие в других предприятиях, и это вполне понятно: в условиях спекулятивных торговых операций, зарождения биржи и преобладания в крупной оптовой торговле безналичного расчета, резких колебаний рыночной конъюнктуры коммерческая тайна и на самом деле в известной мере была залогом успешной деятельности торговых компаний.

Важным событием в жизнедеятельности торговых компаний было проведение отчетов или общих собраний пайщиков, на которых подводились ее итоги, устанавливалась норма прибыли и определялось участие в ее распределении пайщиков предприятия. Так, в компании Мойтинггов существовал порядок, согласно которому отчетные собрания «проводились не реже одного раза в три года или (чаще) по требованию всего товарищества или большинства его членов»⁶¹, в компании Хохштеттеров такие собрания созывались также один раз в три года⁶². Договор же нюрнбергских купцов (Колера и Креса) с миланским негодциантом Сарано обязывал «правителя» отчитываться перед компаньонами о своей деятельности «без всякого противодействия со своей стороны» по крайней мере не реже одного раза в год.⁶³ Интересные подробности об «отчетных собраниях» можно почерпнуть из бумаг Равенбургской компании. Из них мы, в частности, узнаем, что общее собрание пайщиков этого торгового товарищества началось в конце лета и продолжалось до глубокой осени 1477 г. (с 21 августа по 25 ноября), заседало неторопливо, сопровождалось обильными совместными трапезами и щедрыми возлияниями Вакху⁶⁴.

Договоры регламентируют и другие стороны жизни и деятельности торговых компаний, их служащих и пайщиков, решая, в частности, вопрос о расходах участников предприятий во время деловых поездок. Так, компания Колера с этой целью вводит так называемые «кормовые» (zierung), с которыми «должно обстоять так, что если кто из нас послан по делам нашей торговли или поставил (о таком намерении) в известность других (членов товарищества), тот вознаграждается (за труды) из имущества и доходов товарищества, и если с этой целью составлен письменный отчет о тех расходах, эти кормовые должны выдаваться из общей кассы и денег нашего товарищества». Договор той же компании предусматривает возмещение участнику предприятия расходов на «пропитание», заключение торговых сделок (в том числе, между прочим, подкуп чиновников), баню, ширюльника и транспорт. Любопытно, что, отправляясь в поездку по торговым делам, пайщик товарищества мог приобрести коня стоимостью до 25 гульденов, но при обязательном условии, что, завершив поездку, «купец продаст коня по самой высокой цене», в то же самое время компания Колера отказывается оплачивать «из общей кассы» расходы пайщиков предприятия во время тех же деловых поездок на одежду⁶⁵. Правда, в отличие от компании Колера Равенсбургская компания брала на себя и эти расходы, относя их, как можно полагать, к «издержкам производства». Однако поскольку «правителю» предприятия имели право наказывать «нерадивых» и «непослушных», не только служащие, но и полноправные члены этой компании неоднократно подвергались наказаниям денежными штрафами за чрезмерные расходы на дорогостоящую одежду⁶⁶. В этом факте можно видеть своеобразное проявление симбиоза борьбы средневекового бюргерства против роскоши, с одной стороны, и зарождения буржуазной бережливости и скопидомства, с другой стороны.

Несомненный интерес вызывает также вопрос, в какой степени торговые компании являлись организациями равноправных участников и пайщиков предприятия. Впрочем, уже правовое положение «правителей», особенно в компании Футтеров, может служить достаточно веским аргументом для предположения, что торговые компании вряд ли есть основания принимать за сообщества равноправных членов коммерческих предприятий. Однако более или менее полный и достоверный материал для ответа на поставленный выше вопрос можно почерпнуть, пожалуй, только в бумагах Равенсбургской компании.

Во главе Равенсбургской компании, которая объединяла несколько десятков купцов, стояли три «правителя». Правда, должность «первого правителя», которую неизменно занимал старший из рода Хумписов, была скорее данью традиции, чем служила практическим потребностям самого предприятия, так как представители семейства Хумписов стояли, если так можно сказать, у колыбели самой компании и в 1380 г. выступили в роли ее основателей. В действительности все нити управления находились в руках «второго правителя»

компании. «Третий правитель» фактически являлся главбухом и секретарем компании: он контролировал все отчетные материалы, вел grosbuch и переписку предприятия как с факторами, так и «третьими лицами», с которыми предприятие вступало в деловые отношения. В 1497 г. во время проведения общего собрания был избран «Комитет 9», «который распоряжался всеми делами товарищества»⁶⁷. «Комитет» включал в свой состав прежде всего наиболее влиятельных и богатых купцов Равенсбурга и Констанца. Однако в него не вошел «третий правитель». Это и неудивительно, потому что должность главного бухгалтера компании на протяжении многих лет занимал Алекс Хиллензон, происходивший «из семьи бедных сельских ткачей, которая совсем недавно поселилась в городе (Равенсбурге)»⁶⁸. В «Комитете» была представлена элита компании, крепко державшая в руках все нити управления предприятием и противопоставлявшая себя большинству как действующих участников» (tätigen geselen) так и тем, «кто сидит дома» (die geselen so husa sind)⁶⁹, то есть членам товарищества, которые отошли от активной деятельности по старости или состоянию здоровья, но сохранили в предприятии свои паи. Такая линия социального поведения верхушки компании была обусловлена тем обстоятельством, что она, как бы сегодня сказали, владела «контрольным пакетом акций» и чувствовала себя хозяйкой положения, принимая решения по всем важнейшим вопросам.

Об атмосфере, которая царила в компаниях, до нас дошли вполне достоверные свидетельства источников. Особо заслуживающим внимания примером тому может служить конфликт между Бартоломеусом Ремом и Амброзиусом Хохштеттером. Этот конфликт вызвал повышенный интерес со стороны современников и очевидцев событий.

Бартоломеус Рем, как о том сообщает хронист Клеменс Зендер⁷⁰, в 1514 г. вступил в компанию Хохштеттеров и инвестировал в нее в качестве пая 900 гульденов. За шесть лет этот капитал, по собственной оценке Рема, оказавшегося, кстати, бухгалтером компании и знавшего, «как и где обстоят дела», вырос до 33000 гульденов, то есть увеличился в несколько десятков раз. Однако когда Рем заявил о своем намерении выйти из компании, Амброзиус Хохштеттер, являвшийся в то время главой («правителем») предприятия, не пожелал начислить Рему более 26000 гульденов. Обиженный до глубины души Бартоломеус Рем «отказался взять эти деньги и обратился за помощью к императору, имперским князьям и получил большую поддержку со стороны дворян, которых он расположил к себе рассказом о том, какую удивительную прибыль получили купцы в такое короткое время». В этот конфликт вмешался правящий совет Аугсбурга, назначивший примирительную комиссию «из трех почтенных мужей», которые попытались найти «полюбовное» разрешение конфликта. Комиссия после долгих переговоров с участниками конфликта вынесла вердикт, который обязывал Амброзиуса Хохштеттера-старшего отдать Бартоломеусу Рему 30000 гульденов. Однако Рем вердикта комиссии не

признал и в поисках «справедливости» отправился ко двору испанского короля Карла I Габсбурга. Судя по всему, поездка в Испанию не увенчалась для него успехом, и Бартоломеус Рем нашел своеобразный способ отомстить ненавистным Хохштеттерам: он с вооруженным конным отрядом преследует купеческий караван, в котором находились две повозки с товарами, принадлежавшими компании Хохштеттеров (последние отправили эти товары в Вормс по случаю открывавшихся там заседаний рейхстага) и обрезал постромки у лошадей, запряженных в эти повозки. Финал случившейся купеческой драмы оказался трагическим. Имперский фискал арестовал Рема, в течение года содержал в вормской тюрьме, а затем отправил в Аугсбург, где Бартоломеус Рем «проел в заточении остаток жизни», так как «он не желал ничего другого, как получить 33000 гульденов».

Конфликт Бартоломеуса Рема с Амброзиусом Хохштеттером получил освещение и в «Хронике новых историй» Вильгельма Рема, который был посвящен во многие тайны деловой жизни Аугсбурга. Он рассказывает о несметных богатствах, которыми обладали местные купцы, объединявшиеся друг с другом в торговые компании. Однако, как утверждает хронист, «некоторые из них были неверны друг другу, похищая у своих компаньонов многие тысячи гульденов». «Старшие» (obristen) в товариществах, «которые вели счета, почти всегда были намного богаче тех, кто не присутствовал на отчетах». «Правителей» компаний хронист называет «большими ворами», которым вынуждены были верить на слово рядовые пайщики предприятий, так как последним не оставалось ничего иного, как «брать, что дают». Гневные инвективы хрониста имели под собою определенные основания. Воровство, обман и притеснения «младших компаньонов» (туппелтаппен) «старшими компаньонами» (obristen) и «правителями» (regierem), по всей видимости, и на самом деле имели место в деловой жизни южно-немецких городов того времени. Об этом, в частности, свидетельствуют записки еще одного представителя того же семейства – аугсбургского купца и предпринимателя Лукаса Рема, который в 1499 г. поступил на службу в компанию Вельзеров и находился на ней в течение восемнадцати лет (с 1502 г. являясь одновременно и ее пайщиком). Лукас жалуется: главные пайщики компании и ее руководители («правители») неверно производили расчет с другими компаньонами, а «на верную службу ответили мне черной неблагодарностью»⁷². Таким образом, торговые компании были теми ячейками позднесредневекового общества, которые вобрали в себя как дух имущественного и социального неравенства, присущего «системе феодализма», так и – беззастенчивого приобретательства, который принесла с собою эпоха первоначального накопления и генезиса капитализма. Между прочим, предвестниками наступления и даже строителями этого капитализма являлись сами торговые компании.

Исследуя организационную структуру торговых компаний, необходимо дать ответ на вопрос: что собою представлял инвестированный в эти компа-

нии капитал, каким был механизм распределения в них прибыли. По формам участия и способам привлечения этот капитал южно-немецких предприятий слагался из следующих составных частей:

1) первоначальный капитал «на прибыль и убытки» учредителей компаний, который в исторической литературе принято называть «основным капиталом»; 2) депозитных вкладов участников и полноправных членов компаний; 3) инвестиций «третьих лиц» «на прибыль и убытки»; 4) депозитных вкладов «третьих лиц» на условии выплаты годовых процентов в соответствии с договорами компаний с инвесторами; 5) сюда же следует отнести краткосрочные вклады на особых условиях и использованные в качестве вкладов векселей; 6) так называемые «Fürlegungen»; 7) вклады «на имя господ Бога» и благочестивые цели. Каждая из этих форм инвестированного в предприятие капитала имеет отчетливо выраженное своеобразие, требующее специального рассмотрения.

1. Первоначальный, или учредительный, капитал основателей торговой компании являлся своего рода «стартовой площадкой» и финансовой базой в деятельности предприятия. «Участники-основатели» и полноправные пайщики инвестировали капитал в компании «на прибыль и убытки», получали свою долю прибыли в соответствии с суммой инвестированного капитала, разделяли риски предприятия, принимали личное участие в его повседневной деятельности, платили налоги и пошлины, оплачивали транспортировку и страховку товаров, наемный труд служащих, то есть несли все расходы по функционированию предприятия. Свобода распоряжения пайщиком своей долей «основного капитала», как известно, была сильно затруднена, ограничена или вовсе исключена до истечения срока действия договора об учреждении предприятия.

2. Пайщики торгового товарищества могли инвестировать деньги в предприятие не только «на прибыль и убытки», но и на условиях выплаты по этим инвестициям установленного договором об основании предприятия процентов. Превращение инвестиций «на прибыль и убытки» в депозитные вклады происходило также в том случае, когда член торгового товарищества прекратил личное участие в повседневной деятельности предприятия, то есть из «действующего участника» (tätigen Gesellen) становился «неработающим пайщиком» (stiller Tielhaber). К примеру, когда в 1553 г. основатель одной из аугсбургских торговых компаний Ульрих Линк по причине преклонного возраста и пошатнувшегося здоровья прекратил участие в повседневной жизни и деятельности предприятия, торговое товарищество взяло на себя обязательство выплачивать ему с инвестированного в предприятие капитала 7,5 процентов годовых.

3. В торговые товарищества инвестировали деньги «на прибыль и убытки» и так называемые «третьи лица», которые, как правило, не являлись пайщиками предприятий и не принимали личного участия в их повседневной

деятельности. В таких случаях условия капиталовложений и выплаты по ним процентов обычно оговаривались особо договорами об учреждении компаний или специальными контрактами предприятий с инвесторами, в частности, компания Хохштеттеров в 1524 г. принимала депозитные вклады «...в торговлю от своих добрых друзей на риск и прибыль, однако (каждый) третий или четвертый пфенниг прибыли с их капитала начислялся (правителю предприятия) за заботы и труды»⁷³, то есть в данном случае третью или четвертую часть прибыли «тихого или неработающего участника» предприятий получал «правитель» компании. Вклады на таких же примерно условиях до 1557 г. принимала и аугсбургская компания Хаугов, Линков и Лангенауэров. Однако в конце 1556 г. общее собрание пайщиков этой компании приняло решение, в соответствии с которым ни у кого, кроме участников-основателей товарищества, не следовало принимать «вклады на прибыль и убытки», а привлекать инвестиции «третьих лиц», оговаривая выплату по ним только установленных контрактами компании с инвесторами процентов⁷⁴.

4. Исключительную роль в деятельности южно-немецких торговых компаний играли депозитные вклады, являвшиеся основной формой привлечения «чужого капитала», то есть денежных средств, принадлежавших лицам, которые не принимали участия в деятельности предприятий. Депозитные вклады, по которым компании выплачивали проценты в соответствии с условиями их контрактов с вкладчиками, позволяли этим компаниям мобилизовать оборотные средства в кратчайшие сроки и извлекать благодаря этому обстоятельству максимальную норму прибыли. Поэтому депозитные вклады охотно принимали почти все южно-немецкие компании. Так, в «Дневнике» Лукаса Рема содержится запись о том, что Барбара фон Динхайм (урожденная фон Аргон) инвестировала в 1525 г. в предприятие братьев Ремов 600 гульденов. По этому вкладу компания Ремов обязывалась платить ей по 10 процентов годовых: 30 гульденов 1 мая и столько же – 1 ноября каждого года. В 1532 г. та же Барбара фон Линхайм совершила вклад «на срок жизни» в товарищество Ремов в 1000 гульденов с условием выплаты по нему 5 процентов годовых, в том же году супруг Барбары – Вейганд фон Динхайм – инвестировал в компанию 400 гульденов, и братья Рема взяли на себя обязательство выплачивать по этому вкладу 10 процентов годовых, то есть «по 20 гульденов в каждый из двух сроков»⁷⁵. Особенно же энергично привлечением депозитных вкладов занимались Хохштеттеры, которые, по словам хрониста Клеменса Зендера, ежегодно производили расчет по депозитным пятипроцентным вкладам с капитала примерно в 300 тыс. гульденов⁷⁶. Правда, Э. Керн, который использовал материалы судебного процесса, проходившего в Аугсбурге после банкротства компании Хохштеттеров в течение полутора лет, утверждает, что названная Зендером цифра сильно преувеличена. Керн приводит данные о том, что депозитные вклады в банке Хохштеттеров в 1527 г. имели 47 вкладчиков на сумму в 112943 гульдена, а в 1528 г. – только 41 вкладчик на более чем в два раза

меньшую сумму в 53663 гульдена⁷⁷. Однако подсчеты Керна также нельзя признать безусловно точными и верными. Дело в том, что иски по краткосрочным вкладам (на один год или шесть месяцев) незначительных размеров (менее 50 гульденов), которые имели большое значение в практической деятельности Хохштеттеров как банкиров, не были им учтены по той причине, что иски по таким мелким вкладам судом, по всей видимости, вообще не рассматривались. К тому же, прежде чем признать себя банкротом, Хохштеттеры все же успели рассчитаться с частью своих клиентов.

Источники по истории компании Паумгартнеров (прежде всего расписки о получении процентов по депозитным вкладам) свидетельствует о том, каким широким был круг лиц, являвшихся инвесторами этой компании, пользовавшейся репутацией солидного и надежного предприятия. В компании имел вклад представитель церковной аристократии – архиепископ Зальцбурга Матеус Ланг фон Велленбург (происходивший из патрицианского семейства Аугсбурга), чиновник австрийской администрации – Амброзиус Морнауэр, доктора юриспруденции и советники Габсбургов – Конрад Ренц и Якоб Франкфуртер из Инсбрука, богатый каринтийский горнопромышленник – Вильгельм Путш, организатор первой немецкой почты – барон Йозеф фон Таксис, патриций, купец и предприниматель из Аугсбурга – Кристоф Релингер, патриций того же города – Вольфганг Лангенмантель, бюргеры – Иероним Браун из Нюрнберга и Иоахим Зайтер из Ландсберга⁷⁸. Примечательно также, что по всем этим вкладам инвесторы получали по 5 процентов годовых, за исключением Марии Мантель, вдовы аугсбургского бюргера и тирольского горнозаводчика Ганса Ауслассера, которая с вклада в 400 гульденов имела 16 гульденов (то есть 4 процента годовых)⁷⁹. В то же время руководители и владельцы торговых компаний Южной Германии, испытывая острую необходимость в увеличении общей массы оборотных средств, порою платили и более высокие проценты по депозитным вкладам. Об этом красноречивые свидетельства содержат материалы компании Цангмейстеров из Меммингена (см.: Табл. 1).

На основании данных этой таблицы можно заключить, что в начале второй половины XVI в. (в 1560 г.) депозитные вклады в компанию Цангмейстеров составляли 139742 гульдена, а число инвесторов этой категории равнялось 50; из них 19 были бюргерами Аугсбурга и им принадлежали вклады на сумму в 21092 гульдена, причем примечателен тот факт, что 17 аугсбургских инвесторов получали дивиденды по самым высоким банковским ставкам – в 8 и 9 процентов годовых; соответственно на долю 20 бюргеров Меммингена приходилось 64614 гульденов и 11 бюргеров других немецких городов 54036 гульденов. Среди инвесторов последней группы находились, в частности, бюргеры Ульма, Тюбингена и Франкфурта-на Майне, получавшие по этим вкладам от 5 до 10 процентов годовых. Нельзя при этом не отметить, что более половины выплат по депозитам (по 27 из 50) приходилось на высокие

ставки в 8 и 9 процентов годовых. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает значение («чужих капиталов»), служивших способом увеличения оборотных средств предприятий, в деятельности южно-немецких торговых компаний. С другой стороны, приведенные выше факты наглядно показывают, что час средневекового ростовщичества (сверхвысоких процентов, которые брали ростовщики за предоставленные займы деньги), пробил. На место средневекового ростовщичества пришли кредитные операции и банковские ставки по депозитным вкладам. Этот переход от средневекового ростовщичества к новым формам общественного кредита являлся одной из обязательных предпосылок успешного развития капитализма.

Таблица 1

Депозитные вклады в компании Цангмейстеров (1560 г.)*

Города	Условия помещения вкладов					
	5 %		6 %		7 %	
	Сумма вкладов в гульденах	Число вкладчиков	Сумма вкладов в гульденах	Число вкладчиков	Сумма вкладов в гульденах	Число вкладчиков
Аугсбург	800	1	—	—	1250	1
Мемминген	16013	11	47000	3	1101	8
Другие города	4090	5	100	1	—	—
	7,5 %		8 %		9 %	
Аугсбург	—	—	14160	14	4882	3
Мемминген	900	1	96135	5	—	—
Другие города	—	—	4400	5	—	—

*Westermann A. Die Zahlungseinstellung der Handelsgesellschaft der Gebrüder Zangmeister in Meimingen // YSWG. 1908.(Bd] 7. H. 4. S. 511-514.

5. В особую категорию депозитных вкладов следует выделить краткосрочные вклады («от ярмарки до ярмарки», то есть обычно на полгода. По этим вкладам компании платили по 2 или 3 процента. Сюда же можно отнести в качестве платежного средства вексели. Вкладами «от ярмарки до ярмарки» в аугсбургской компании братьев Розенбергеров в начале второй половины XVI в. пользовались такие известные местные купцы и предприниматели-капиталисты, как Ганс Пиммель и Ганс Лаугингер⁸⁰. К вкладам данного типа владельцы предприятий обычно прибегали в случае необходимости мобили-

зации крупных денежных средств в кратчайшие сроки, известно также, что в качестве вкладов порою выступали, как о том сказано выше, и вексели. К примеру, Лукас Рем принял однажды (дата этого эпизода в его записках не указана) в качестве платежного средства вексель, подписанный Якобом Фуггером⁸¹. Однако в то же время трудно избавиться от впечатления, что вексели в XV-XVI вв. не пользовались популярностью в среде кушцов и банкиров Южной Германии.

6. Особую разновидность вкладов в компании представляют собою так называемые «Fürlegungen». По определению Я. Штридера, под этими вкладами подразумевалась такая форма капитала, который инвестировался в предприятие на имя его пайщика или служащего, но юридическим собственником этого вклада являлся не участник или служащий, а компания⁸². К. Бауэр обнаруживает в «Fürlegungen» не только показатель прямой связи и зависимости организационной структуры компаний XVI в. с личным участием пайщиков в их повседневной деятельности, что было характерно вообще для всех средневековых торговых компаний, но и видит в этом институте свидетельство перехода предприятий от торговой деятельности к капиталистическому предпринимательству. Однако обратимся к рассмотрению свидетельств о «Fürlegungen» в источниках.

Прежде всего необходимо отметить, что такие вклады стали применяться в практике южно-немецких компаний еще в первой половине XV в. Так, например, аугсбургский купец Буркард Цинк, рассказывая о поступлении в 1439 г. на службу в компанию Ганса Мойтинга, пишет, что последний «...дал мне плату в 60 гульденов ежегодно и положил на мое имя 200 гульденов в товарищество». Когда же через пять лет (в 1444 г.) Цинк покинул компанию, он получил с этих 200 гульденов проценты, сами же деньги остались в предприятии⁸⁵. Алекс Хиллензон, поступаая в 1485 г. на службу в Равенбургскую компанию, взял на себя обязательство в течение пяти лет служить без вознаграждения, а на следующие пять лет на его имя было инвестировано 100 гульденов⁸⁶, с которых он стал получать проценты. В этой же компании «Fürlegungen» служили и средством поощрения успешно работавших участников предприятия. Так, «второй правитель» компании Ганс Хиндерофен имел «Fürlegungen» в 1000 гульденов, а факторы торгового товарищества Полаи Цвик – 700 гульденов, Батиста Затлер – 400 гульденов⁸⁷. К инвестициям в виде «Fürlegungen» прибегали и руководители аугсбургской компании Хауга, Линка и Лангенауэра, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице (см.: Табл. 2). Из этих данных видно, что доля «Fürlegungen» в основном капитале компании подвержена колебаниям и достигла самого высокого уровня в структуре основного капитала торгового предприятия к 1553 г., когда она составила почти треть его часть (32,9 процентов). Однако нельзя не обратить внимания и на другое. Как видно из данных таблицы, апогея в своей деятельности компания достигла к 1541 г., когда основной ее капитал превы-

сил 300 тыс. гульденов, а доля «Fürlegungen» в структуре этого капитала была минимальной (всего 11,6 процентов), в последующие двенадцать лет основной капитал компании сократился более чем в два раза, а доля «Fürlegungen» в то же время выросла на 12250 гульденов, то есть на 31,1 процентов по сравнению с 1541 г. Все это свидетельствовало об очевидных признаках кризиса данного института, являвшегося долгое время средством поощрения участников и служащих торгового товарищества, особенно молодых людей из небогатых семей, избравших коммерцию своей профессией. Именно поэтому, как можно полагать, в 1557 г. общее собрание участников и пайщиков компании приняло решение, в котором было записано: «Отныне мы (пайщиками компании) не желаем помещать fürlegungen ни для себя, ни для наших служащих»⁸⁸. Окончательно «Fürlegungen» в немецких торговых компаниях исчезают к концу XVI в.

Таблица 2
«Fürlegungen» в аугсбургской компании Хауга, Линка и Лангенауэра

Годы	Основной капитал в гульденах	Доля «Fürlegungen» в гульденах	Доля «Fürlegungen» в процентах
1533	90815	15869	16,7
1541	329404	38148	11,6
1553	154003	50698	32,9
1555	146246	21666	14,8

⁸⁸ Hartung J. Aus dem Geheimbuch eines deutschen Handelsgesellschaft im XVI. Jahrhundert // VSWG. 1898. Bd. 6. S. 65-67.

7. Менталитету человека Средневековья, купца в том числе, было присуще глубокое религиозное чувство. Поэтому купцы и предприниматели Южной Германии стремились привлечь к участию в своих предприятиях самого Бога, инвестируя на имя последнего определенные суммы «на прибыль и убытки» или, отчисляя в Его пользу твердый процент так же, как и по депозитным вкладам. Так, 1 января 1524 г. владельцы компании Хохштеттеров из ее основного капитала в 98943 гульдена особо выделили сумму в 4026 гульденов (4 процента от основного капитала предприятия). Эти деньги были занесены в «Тайную книгу» (Geheimbuch) как «основной капитал Господа Бога»⁸⁹. Обычно проценты с таких вкладов использовались на благотворительные цели, иногда владельцами и «правителями» самих компаний, или (чаще) передавались городским церквям, монастырям и богадельням. Аналогичные по содержанию записи о расходах на благотворительные цели можно найти и в бумагах Равенсбургской компании⁹⁰. Компания «Ульрих Фугтер и братья» открыла счета для двух аугсбургских церквей: Св. Морица и Св. Ульриха и Афры⁹¹. Тому же, если угодно, идеологическому стандарту, следовали бога-

тые купцы и предприниматели Меммингена, входившие в компанию братьев Цангмейстеров. Сами Цангмейстеры и их компаньоны также совершали вклады «в пользу нашего Господа Бога»⁹². Следовательно, «христианское благочестие» человека Средневековья и его менталитет в эпоху раннего капитализма находили проявление в том факте, что владельцы крупных торговых компаний Южной Германии в стремлении привлечь Всевышнего и святых католической церкви в качестве «соучастников» предприятий в гроссбухах компаний открывали особые счета «на имя Господа Бога» и святых (у Хохштеттеров этот счет назывался «unsere Hergots Hauptgut», у Вельзеров – «Konte unseres Hollands unnd seiner Diener», у Фуггеров – «Konte St. Ulrich»)⁹³.

Теперь обратимся к рассмотрению механизма распределения прибыли и банкротствам предприятий, проливающим дополнительный свет на жизнедеятельность южно-немецких торговых компаний XV-XVI вв.

Прибыль, приходившаяся на долю пайщиков компаний, зависела как от величины и формы инвестированных в предприятие капиталов, так и положения, которое занимали эти пайщики в самой компании. Как уже сказано выше, «старшие» («правители» и учредители торговых компаний), в чьих руках находились гроссбухи, зачастую использовали право на проведение «отчетов и балансов» в целях беззастенчивого обирательства «младших компаньонов». Впрочем, «старшие» имели вполне законные и «легальные» возможности для умножения своих состояний. Так, в 1514 г. собрание пайщиков Равенсбургской компании установило, что за три предыдущих года прибыль предприятия составила 21 процент от его основного капитала. Из общей суммы прибыли 10,36 процентов решением собрания были использованы «на вознаграждение участников (компании) за труды», то есть «правителей» и факторов компании; 1,61 процентов были выделены на благотворительные и религиозные цели, а остальные (88,03 процента) распределены между пайщиками торгового товарищества в соответствии с величиной инвестированного каждым из них капитала⁹⁴. Такая система распределения прибыли приводила к тому, что «правители» и факторы компании получали гораздо большую прибыль, чем рядовые пайщики («младшие компаньоны»).

Представляет интерес механизм распределения прибыли и участия в торговых расходах по договору Фуггеров со швацким бюргером Урбаном Майером (1536 г.) об учреждении компании для торговли продовольственными товарами на рудниках Фалькенштейна и в других поселениях горняков. Основной капитал этой компании составил 8000 гульденов. «Однако поскольку Урбан Майер, – читаем в тексте договора, – не располагал достаточными средствами, будучи отягощенным другими контрактами, господу Фуггеру по настоянию и просьбе (самого) Урбана Майера дали ему заем для торговли продовольствием в шесть тысяч гульденов (в звонкой) монете под особое долговое обязательство и при условии выплаты пяти со ста (гульденов годовых)»⁹⁵. Остальные 2000 гульденов были инвестированы в предприятие самим

Майером, на которого договором и возлагалась ответственность за ведение торговли продовольственными товарами в поселениях горняков. Что же касается Фугтеров, они отнюдь не ограничивались процентами с капитала, инвестированного ими в предприятие под долговую расписку. Договор содержал важную оговорку: «...если при доставке товаров по воде, суше или иным способом ...случится убыток, что, однако, всемогущий (Бог) должен милостиво отвратить, нести (убытки) и страдать от них (убытков) будет сам (Майер), а господа Фугтеры не должны делать какого-либо взноса (на возмещение его убытка)». Если же торговля в Фалькенштейне и других местах будет успешной, Урбан Майер с основного капитала товарищества «должен давать и начислять господам Фугтерам с каждой сотни прибыли и выгоды по десяти гульденов»⁹⁶. Отсюда следует, что «господа Фугтеры» прилагали все усилия чтобы, с одной стороны, избежать риска, полностью переложив этот риск на партнера, с другой – извлечь максимальную для себя выгоду. Этот вопрос имел принципиальное значение и в деятельности других компаний.

Оригинальный порядок распределения прибыли в 1557 г. был введен в аугсбургской компании Хауга, Линка и Лангенауэра. Он предусматривал такое участие в прибылях, когда «каждому (пайщику) с основного капитала начислялось по 5 процентов, а из того, что оставалось после каждого отчета в избытке, каждому начислялась его четвертая часть»⁹⁷. В этом случае, очевидно, выигрывали прежде всего пайщики, обладавшие небольшими капиталами, но, вероятно, они несли основную тяжесть забот и трудов, которые были связаны с практической стороной деятельности предприятия. Вознаграждение пайщиков компаний, занятых такой деятельностью, за счет прибыли предприятий, было обычным для того времени явлением. Так, «правители» компании тех же Фугтеров сверх прибыли с инвестированного ими лично капитала получали также 5 процентов со всей прибыли предприятия, независимо от того, как «велика или мала она была» – «за свое усердие, труды и прилежание»⁹⁸. Примерно такой же порядок вознаграждения «правителей» существовал и в других компаниях.

Дополнительный свет на характер деятельности торговых компаний Южной Германии проливает история их банкротств, которые с середины XV в. становятся особенно частыми, что было связано с изменением характера самой европейской торговли. Так, еще в 1456 г. разорился один из богатейших купцов Аугсбурга Ганс фон Хоу, долги которого к моменту банкротства, как утверждает хронист Клеменс Зендер, достигли огромной по тому времени суммы в 30 тыс. гульденов. Рассказ Зендера об этом событии позволяет установить обстоятельства, известным образом свидетельствующие о подлинной причине банкротства. Прежде всего оказывается, что «...он (Хоу) скупал хлопок в убыток другим купцам по цене дороже обычной». Однако надежда на успешное проведение торговой операции, явно носившей спекулятивный характер, не сбылась, так как «...потерпело кораблекрушение судно, груженое

(принадлежавшими) ему пряностями и другими товарами»⁹⁹. Узнав о кораблекрушении, кредиторы Хоу тут же появились в городской ратуше и предъявили к оплате подписанные банкротом вексели. По приказу правящего совета Аугсбурга городской фогт произвел опись движимого и недвижимого имущества купца-банкрота и наложил на это имущество арест. Зендер, живописно повествуя о банкротстве Хоу, заканчивает рассказ об этом событии нравоучительной сентенцией о божественном промысле и бессилии перед ним человека: «Так в один час оказался в большой опале (и стал) бедняком тот, кто был богат и великолепен»¹⁰⁰. Имущество обанкротившегося купца немедленно было продано с молотка, а сам «он, – по свидетельству анонимного городского хрониста, – по этой причине впал в (крайнюю) бедность и умер в нищете»¹⁰¹. В том же году вслед за Хоу разорился «бюргер и купец Кохингер», судя по всему, участвовавший в спекулятивной торговой операции вместе с Хоу. Кохингер также задолжал кредиторам весьма значительную по тому времени сумму в 5 тыс. гульденов, вынужден был спасаться от кредиторов бегством и умер на чужбине¹⁰². В том же ряду банкротств примечательно свидетельство Зендера о том, как в самом начале XVI в. «Ульрих, Леонхард и Иероним Штамлеры, братья и бюргеры, набожные люди и весьма состоятельные купцы, за короткое время совершенно разорились, умерли в изгнании и (полном) забвении». Причину банкротства Штамлеров хронист видит в утрате токов с товарами в результате кораблекрушения и спекулятивных сделках, которыми занимались эти купцы¹⁰³. Таким образом, основная причина банкротств (связанные с большим риском спекулятивные операции на рынке) вполне сознавались городскими хронистами, писавшими об этих банкротствах.

Как мы уже видели, судьба банкротов была незавидной. Еще один тому пример – рассказ городского хрониста Вильгельма Рема о молодом купце Гансе Лангенмантеле, который весной 1515 г. был арестован и закован в кандалы по приказу самого императора. Дело в том, что Лангенмантель «...взял в долг во многих местах деньги (в кредит) и не желал (их) возвращать», в заточении он провел около двух лет и был освобожден из-под стражи только в день св. Мартина (11 ноября) 1517 г., после того как мать узника полностью рассчиталась с кредиторами сына»¹⁰⁴.

Однако перспектива получения высокой нормы прибыли и быстрого обогащения подобно магниту притягивала в торговые компании как бюргеров, так и представителей других сословий, которыми также овладевал дух приобретательства и наживы. Используя экономический подъем, который со второй половины XV в. переживали германские земли, торговые компании Аугсбурга вели банковские и коммерческие операции на различных рынках Европы и с успехом их деятельности связывали свои надежды и благополучие люди, занимавшие различные общественное положение. Многие из них инвестировали деньги в эти компании «на прибыль и убытки» или под определенный договором с компаниями процент. В этом отношении, пожалуй, наиболее пока-

зательна судьба знаменитой компании Хохштеттеров, банкротство которой в конце 20-х годов XVI в. произвело неизгладимое впечатление на современников и оставило глубокий след в их памяти.

История банкротства компании Хохштеттеров свидетельствует о том, что привлечение краткосрочных вкладов «третьих лиц» не только открывало перед владельцами предприятий перспективу обогащения, но и, с другой стороны, было чревато опасными для них последствиями, особенно себя проявлявшими в банкротствах компаний. Предприятие, во главе которого стоял Амброзиус Хохштеттер-старший, можно даже связывать с попыткой создания «народного банка», так как в нем, по словам Зендера, «помешали деньги князья, графы, дворяне, бюргеры, крестьяне, слуги и служанки и получали (ежегодно) по 5 гульденов с сотни. У него помешали свои деньги и те, кто имел не более 10 гульденов, полагая, что деньги не только будут (находиться) в надежном месте, но и приносить ежегодно прибыль»¹⁰⁵. Большие суммы депозитных вкладов позволяли Хохштеттерам вести спекулятивные операции с большим размахом и извлекать из них высокую норму прибыли. Однако такие операции были порою сопряжены и с большим риском. Поэтому, как только весть о неудаче компании в далеком Антверпене и ее неплатежеспособности достигла стен Аугсбурга, кредиторы тут же приступили к осаде дома Хохштеттеров, требуя возвращения вкладов и начисления по ним процентов. Однако компания смогла произвести расчет далеко не со всеми инвесторами. «Те же вкладчики, – пишет хронист, – которые замешкались, а таких было около трехсот, понесли (одни только) убытки, так как им не выплатили ни основного капитала, ни процентов (с него)»¹⁰⁶. Толпа разгневанных вкладчиков появилась перед зданием городской ратуши и потребовала конфискации имущества компании, а самих Хохштеттеров – «вздернуть на виселице»¹⁰⁷. В конце концов глава семейства Амброзиус-старший, его сын Амброзиус-младший и племянник Йозеф Хохштеттеры, которые уже два года (с осени 1529 г.) фактически находились под домашним арестом, 23 сентября 1531 г. были «закованы в кандалы» (in eisen gelegt) и брошены в тюрьму¹⁰⁸. У Хохштеттеров, впрочем, нашлись и покровители. Император Карл V направил в Аугсбург одного из своих лучших юристов Августина Леша. Однако, как резонно замечает по этому поводу Зендер, Хохштеттерам теперь «могли помочь только значительные платежи»¹⁰⁹. Это вполне сознавал и престарелый Амброзиус Хохштеттер-старший. Уже находясь под арестом, он обратился с письмом «за советом и помощью» к Антону Фуггеру¹¹⁰. Это оказалось шагом отчаяния, который не привел к практическим результатам. Владелец крупнейшего в Аугсбурге торгового дома, как и следовало ожидать, ничего не сделал для спасения своего опаснейшего конкурента. Таким образом, банкротство торговой компании Хохштеттеров бросает свет не только на одну из сторон организационной структуры торговых предприятий эпохи раннего капитализма и показывает значение, которое имели в их деятельности и личных судьбах вла-

дельцев компаний инвестиции «третьих лиц» (или депозитные вклады), но и на атмосферу острой конкуренции, сопутствующей явлениям раннего капитализма не только в Южной Германии, но и во всей Западной Европе.

2.3. ОРГАНИЗАЦИЯ КОМПАНИЙ

Теперь следует обратиться к рассмотрению вопросов, относящихся к внешним формам организации южно-немецких торговых компаний. Задача состоит в том, чтобы составить представление об организационных принципах и правовых нормах деятельности этих предприятий, определявших, если угодно, их экономическую политику.

Все нити управления торговыми операциями сосредотачивались в «центrale», который, являясь резиденцией и метрополией компании, осуществлял руководство филиалами, факториями и представительствами. Отсюда руководители компании отправляли распоряжения и инструкции своим агентам, находившимся в различных географических пунктах. Поэтому установление характера отношений «централа» компании с ее подразделениями является первоочередной задачей исследования.

Приступая к решению данной задачи, прежде всего необходимо сказать об отличии филиала от фактории. По определению К. Бауэра, филиал может рассматриваться в качестве предприятия, обладавшего большей или меньшей степенью самостоятельности по отношению к «централу», являясь по существу «дочерним» предприятием компании¹¹¹. Это определение можно признать вполне правомерным в том смысле, что руководитель филиала вел собственный гросбух и сохранял, хотя бы номинальную, самостоятельность и относительную независимость от «централа». Однако в Южной Германии в конце XV – первой половине XVI в. система филиалов еще только зарождалась. О появлении филиалов, причем с серьезными оговорками, можно говорить лишь в отдельных случаях. Так, в качестве филиала, по всей видимости, выступали турцо-фуггеровские предприятия в Венгрии, которые отпочковались от фуггеровской «*Gemeine Handel*» под названием «*Ungarische Handel*», продававшим металлы фуггеровскому «централу» в Аугсбурге.

Более или менее отчетливо тенденция перерастания системы факторий в систему филиалов выражена в управлении предприятиями тех же Фуггеров в Испании, особенно после того как они получили в аренду секуляризованные короной имущества духовно-рыцарских орденов («*Маэстрашгос*»), или в создании Паумгартнерами особого отделения своего торгового дома в горнорудной промышленности Тироля и других альпийских землях. Эта тенденция получила развитие в результате долгосрочных кредитно-банковских соглашений Паумгартнеров с Габсбургами и участия компании в откупных операциях с металлами и перехода к раннекапиталистическому предпринимательству в горнорудной промышленности. Порою все эти факторы (кредитные операции.

«откупа» металлов и переход к раннекапиталистическому предпринимательству) проявлялись в деятельности торговых компаний одновременно. В целом же система факторий в организации компаний Южной Германии была преобладающей и предполагала жесткий контроль над ними со стороны «централов». Правда, уже в XV в. некоторые фактории стали играть роль «главных факторий», подчинявших себе деятельность других факторий и представительств в том или ином географическом регионе. В качестве примера можно сослаться на практику аугсбургской компании братьев Розенбергеров на Пиренейском полуострове. Роль «главной фактории» для этой компании здесь играла Севилья, откуда осуществлялось руководство факториями в Кадиксе, Вальядолиде, Толедо и Лиссабоне. Такое же значение для Розенбергеров в Восточной Европе имел Данциг (Гдыня)¹¹², где они, в частности, довольно регулярно закупали «русскую пушнину». В то же время необходимо иметь в виду, что положение «главных факторий» принципиально отличалось от положения филиалов.

От факторий по своему назначению и правовому положению отличались представительства, которые появлялись там, где компании вели торговые или банковские операции лишь эпизодически и их деятельность в таких пунктах не играла решающей роли для предприятий. Так, Равенсбургская компания имела в Испании фактории в Валенсии, Сарагосе и Барселоне, а представительства – в Тортосе, Аликанте и Бильбао¹¹². В последних трех пунктах ее операции с шерстью и шафраном иногда хотя и были значительными по масштабам, но велись от случая к случаю и не носили регулярного характера. Именно это обстоятельство и определяло правовой статус этих пунктов в качестве представительств, которые не имели решающего значения для деятельности компании на Пиренейском полуострове.

Переписка «правления» Равенсбургской компании с факториями, инструкции руководителей компании ее факторам и агентам, которые отправлялись в служебные поездки с целью проведения ревизий в факториях, убедительно свидетельствуют о том, что «централ» жестко контролировал и регламентировал не только профессиональную деятельность факторий, но и различные стороны жизни их обитателей. Наставления и рекомендации «правителей» компании содержат приказы, предписания и практические советы, которые порою носили не деловой, а морально-этический характер. «Правители» компании требовали, чтобы в «молодых людях» (*jungen luit*) воспитывали послушание, чтобы они серьезно и с прилежанием делали то, что от них требуют «старшие», невзирая на время суток¹¹⁴. Ответственность за обучение и воспитание молодежи возлагалась на факторов, которые обязаны были учить будущих «купцов с прилежанием также и доброму письму, которое можно было бы прочитать»¹¹⁵. С целью содействия успеху дела и умножению капитала торгового товарищества «правление» весной 1478 г. призывало служащих компании «трудиться днем и ночью не покладая рук»¹¹⁶. Однако боль-

шинство рекомендаций «централя» своим факториям все же носило более прагматический характер. Так, например, «правители» предприятия приказывали фактору в Сарагосе «содержать свои (бухгалтерские) книги в чистоте и порядке»¹¹⁷, а руководителям как этой, так и других факторий советуют аккуратно записывать, какие товары и каких сортов проданы и с какой прибылью, так как это необходимо, чтобы знать, «насколько больше или меньше их закупать в будущем году»¹¹⁸. Последние рекомендации «централя» можно рассматривать как попытку прогнозирования рыночной конъюнктуры и планирования торговых операций с целью получения максимальной прибыли.

Из переписки «централя» Равенбургской компании с ее факториями можно также почерпнуть сведения о тех принципах, которыми ее «правители» руководствовались при определении курса деятельности предприятия. На основании изучения корреспонденции «централя» с факториями можно заключить, что компания отдавала предпочтение торговле за наличный расчет торговым операциям в кредит, так как, по мнению ее руководства, «лучше иметь в фактории меньше товаров и продавать их с большей выгодой»¹¹⁹. Свою позицию в этом вопросе оно обосновывает, во-первых, тем, что торговля товарами в кредит сроком на год невыгодна, так как в таком случае «деньгам наносится ущерб, поскольку (эти деньги) слишком долго бездействуют»¹²⁰; во-вторых, торговля в кредит и по безналичному расчету, как полагают «правители» компании, чревата большим риском, поскольку может привести к появлению большого числа «безнадежных долгов»¹²¹. В то же самое время руководители компании уже вполне сознают, что ускорение темпов обращения капитала является средством повышения нормы торговой прибыли. Поэтому они советуют своим факторам в Валенсии и Сарагосе, «чтобы (они) не позволяли деньгам (долго) бездействовать», так как «лучше получить меньшую прибыль, чем оставить их (деньги. – Ю.Н.) без применения»¹²² на длительный срок.

Другим принципом деятельности Равенбургской компании была ее установка на поддержание высоких цен на товары. С целью реализации этой установки руководители предприятия предписывают фактории в Валенсии «покупать меньше (сахара) и держать на него высокие цены»¹²³, в том же случае, «когда (тот или иной) товар не приносит прибыли», «правители» рекомендуют факторам инвестировать «деньги в (торговлю) другими товарами»¹²⁴. По убеждению руководства компании, умение ориентироваться в рыночной конъюнктуре и предвидеть, как пойдут дела в ближайшей перспективе и какими будут цены на товары, является залогом успеха предприятия и получения высокой нормы прибыли.

«Централ» не только поддерживает контакты со своими факториями и представительствами, но и постоянно контролирует деловые отношения между факториями. При этом «централ» решает такую задачу, как получение и доведение до сведения «действующих участников» и служащих компании

информации о рыночной конъюнктуре и движении цен на различные товары в ходе закупочных операций с ними или продаж товаров. В условиях примитивности (по сравнению с современностью) средневековых средств связи и транспорта, выполнение данной задачи было делом нелегким. Практическая деятельность компании осуществлялась «участниками» (Gasellen), или «пайщиками» (Teilhavern), «служащими» (Dienem) и «учениками» (Lehrlingen)¹²⁵ предприятия. Если еще в XV в. служащие обычно одновременно являлись и пайщиками предприятия, уже в первой половине XVI в. картина резко изменилась. Служащие превратились в простых исполнителей воли владельца (или «правителя») компании и по существу утратили возможность оказывать какое-либо влияние на практическую деятельность предприятия как на стратегическом, так и тактическом ее уровнях.

Особое положение в компаниях занимали ученики¹²⁶. В роли последних получали профессиональную подготовку не только молодые люди, готовившие себя к деятельности в данной компании, но и дети богатых купцов, которые сами владели торговыми предприятиями. Такие молодые люди по окончании срока обучения покидали компанию. Юноша, поступивший в торговую компанию учеником, в течение 7 или 8 лет не только не получал никакого вознаграждения, но и платил (точнее – его родители) за обучение¹²⁷. Более того, поступление в торговое товарищество учеником порою сопровождалось ограничениями и оговорками самого различного рода. Так, уже упоминавшемуся выше Алексу Хиллензону в течение десяти лет после окончания ученичества по договору с компанией запрещалось вступать в брак без разрешения ее «правителей»¹²⁸. Подобная регламентация жизни учеников рождала торговые предприятия XV-XVI вв. с цеховыми организациями классического Средневековья, предъявлявшими аналогичные требования к ученикам и подмастерьям. Целью профессионального образования купцов, о чем откровенно заявлял один из руководителей компании Вельзеров, было «приобретение умения умножать прибыль»¹²⁹. Однако участие южно-немецких компаний в международной торговле остро ставило вопрос об обучении будущих купцов не только элементарной грамоте, ведению бухгалтерских книг, коммерческой технике, но и иностранным языкам. Поэтому представитель того же семейства Вельзеров по имени Иероним «провел годы своей молодости в Венеции, где он изучал итальянский язык»¹³⁰. Таким образом, в отношении к образованию купцы руководствовались трезвым расчетом.

Поступавший на службу в торговую компанию заключал с ее владельцем (или «правителем») договор и брал на себя обязательство в течение нескольких лет не оставлять службы. Так, например, Андреас Фишер, поступая в 1541 г. на службу в швабскую факторию компании Паумгартнеров, обязывался в течение пяти лет не покидать фактории, «не вести (собственных торговых) дел и не участвовать (самостоятельно) в разработке рудников, а также держать все в тайне»¹³¹. Однако обязательство служащего не уходило из компа-

нии «по собственной воле», отнюдь не означало, что владелец (или «правитель») предприятия не имел права уволить служащего до окончания срока действия контракта. Напротив, договоры о найме обычно специально оговаривали право руководителя предприятия увольнять служащих «по собственному усмотрению» и без согласия служащего.

Как сроки действия контрактов, так и число служащих компаний были различными, в этой связи представляют интерес данные, которые приводит в своем «Дневнике» Лукас Рем. Они позволяют установить, что на службе компании братьев Ремов находились 25 человек. Обычно, поступая на службу, наемные работники в индивидуальном порядке заключали контракты с владельцами компании на срок от года до двенадцати лет. Однако этому правилу известны и исключения: первым из них было пребывание в компании Йорга Герварта, представителя знатного семейства аугсбургских патрициев и купцов-капиталистов, с которым хотя договор и был заключен, но срок действия этого договора не установлен (*Ist kein Zeit bedingt*); вторым – пребывание в компании представителя одного из богатейших семейств города Йорга Эхема, которого компания «держала по дружбе» (*in aus freintschaft gehalten*) ее владельцем с родителями молодого человека, с которого «не взято ни письменного, ни устного обязательства» (*nit verschriben noch verpflichtet gwest*); и, наконец, третьим, – нахождение на службе компании Сигизмунда Рема¹³², который, по всей видимости, являлся сыном одного из братьев, владельцев предприятия, и контракта с ними не подписывал.

Материальное положение служащих торговых компаний также было неодинаковым, так как каждый из них получал ежегодное вознаграждение в соответствии с заслугами перед хозяевами предприятия и важностью выполняемых функций и поручений. Впрочем, руководители компаний прибегали и к другим способам поощрения своих служащих. В системе этих мер поощрения особое место отводилось инвестициям на их имя так называемых «*fürlegungen*», о значении которых, впрочем, уже сказано выше. Данные, которые приводит Г. фон Пельниц о положении служащих футтеровского филиала «*Ungarische Handel*» в Нойзоле (см.: Табл. 3), могут служить в качестве наглядной иллюстрации. Они дают возможности сделать некоторые наблюдения о положении служащих венгерского филиала футтеровской компании. В-первых, ежегодное вознаграждение служащих филиала колебалось от 25 до 100 гульденов. Во-вторых, Футтеры доплачивали своим служащим надбавку к вознаграждению «за выслугу лет» (или «особые заслуги»). Такие надбавки ежегодно получали трое служащих: Ульрих Цемессер – 10, Йобст фон Кентциг – 20 и Себастьян Шварц – 50 гульденов. На личных счетах еще трех служащих находились «*Fürlegungen*», по которым по 10-ти процентной банковской ставке компания ежегодно «доплачивала» Матеусу Лахенбеку и Андреасу Маусштадту по 100 и Кристофу Герингу по 20 гульденов. Таким образом, из 18 служащих филиала только 6 имели ежегодные надбавки к вознагражде-

нию, которое было установлено контрактами этих служащих с Фуггерами. Общая сумма ежегодных расходов последних на оплату труда служащих венгерского филиала Фуггеровской компании составляла около 2,5 тыс. гульденов (2431 гульден).

Таблица 3

ПОЛОЖЕНИЕ СЛУЖАЩИХ ФУГГЕРОВСКОГО ФИЛИАЛА
«UNGARISCHE HANDEL»*

Служащие	Место службы	Ежегодное вознаграждение в гульденах	Доплата с Fürlegungen в гульденах	Доплата за «выслугу лет» в гульденах
Андреас Маусшадт	?	400	100	—
Кристоф Геринг	Нойзоль	220	20	—
Матус Лахенбек	Хозенкирхен	220	100	—
Себастьян Шварц	Бреслау, Краков, Данциг	200	100	50
Йобст фон Кентшиг	Лейпциг	200	—	20
Йобст Целлер	Каринтия	177	—	—
Ганс Пюс	Нойзоль	150	—	—
Якоб Мирбах	Рехенштейн	104	—	—
Ульрих Цемессер	Разные места	100	—	10
Йорг Хаган	Краков	100	—	—
Людвиг Юнг	?	100	—	—
Ганс Бюгер	Бреслау	100	—	—
Ганс Пред	Бреслау	100	—	—
Сигимунд Гшир	Нойзоль	75	—	—
Ульрих Видеман	Нойзоль	60	—	—
Вильгельм Артт	Бреслау	50	—	—
Йорг Эйрбергер	Рейхенштейн	50	—	—
Ганс Ленц	Поездки	26	—	—

* Pölnitz G, von. Jacob Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in der Oberdeutschen Renaissance. Bd. 1: Quellen und Erläuterungen. Tübingen. 1949. S. 158-162.

Итак, рассмотренная выше организация южно-немецких торговых компаний уходит своими корнями в глубь Средневековья. Поэтому большой интерес представляет вопрос о влиянии на организацию и структуру этих пред-

приятый их перехода от торговли товарами и банковско-кредитных операций к раннекапиталистическому предпринимательству в промышленном секторе общественного производства. Таким предпринимательством, как известно, торговые компании занимались в текстильной промышленности и горном деле. Причем если в текстильном производстве (особенно бумазейном) предпринимательством в рамках отношений так называемых «раздач» богатые купцы и цеховые мастера занимались уже примерно с середины XIV в., к раннекапиталистическому предпринимательству в горнорудной промышленности они приступили только с конца XV в. Оказавшись на новом для себя поле экономической деятельности, владельцы и руководители торговых компаний вынуждены были проявлять постоянную заботу о сохранении и приумножении инвестиций в передовую отрасль народного хозяйства того времени – горнорудные промыслы, поскольку с их развитием они связывали перспективу получения большой прибыли и личного обогащения. Все это потребовало внесения соответствующих корректив как в повседневную практику компаний, так и линию предпринимательского поведения их владельцев.

С целью сохранения и увеличения инвестиций в горное дело владельцы крупнейших торговых домов Аугсбурга в своих завещаниях и договорах об учреждении или пролонгации сроков деятельности компаний стремились подчеркнуть, что горнорудные предприятия находятся на особом положении. Об этом красноречиво свидетельствует договор братьев Футеров (1502 г.), который запрещал наследникам братьев производить раздел рудников, принадлежавших компании и находившихся во владениях венгерского короля в Нойзоле, а также различных построек хозяйственного назначения и плавильни в Каринтии и Тироле, разрешая передавать их по наследству в одни руки и только по мужской линии¹³³. Завещание Ганса Паумгартнера-старшего от 1529 г. также исключает саму возможность раздела собственности на рудники, плавильни и имущества, относящиеся к торговле продовольствием в поселках горняков. В случае необходимости или острой нужды все эти объекты собственности компании можно было продать только целиком¹³⁴. Интересные свидетельства на этот счет содержатся и в акте раздела имущества, который незадолго до своей смерти 27 августа 1549 г. произвел Ганс Паумгартнер-младший. Исполняя волю главы торгового дома, сыновья последнего обязаны были, во-первых, не изымать инвестиций из горных разработок Тироля до тех пор, пока они приносят прибыль; во-вторых, «все будущие откупа серебра, меди и другие предприятия в Тироле (они) должны вести друг с другом по-братски, в равной мере разделяя прибыль и убытки»¹³⁵. Ганс Паумгартнер-младший требовал также от сыновей личного участия в организации и руководстве горнорудными предприятиями; поэтому если один из двух сыновей отказывался выполнять это требование, он получал лишь 1/3 прибыли компании, тогда как другой брат, участвовавший в организации и руководстве горнорудными предприятиями, получал не только всю их прибыль, но и 2/3 при-

были всей компании¹³⁶. Следовательно, уклонившийся от участия в горном деле совладелец предприятия нес большие материальные потери и оказывался в неравном положении со своим партнером. Такое же правило применялось и при решении еще одного вопроса принципиальной практической значимости.

Под влиянием перехода к раннекапиталистическому предпринимательству складывается также и особый порядок выхода из торговых компаний. Обратимся в этой связи к примеру компании Фугтсеров, в которой участник предприятия, пожелавший выйти из дела, получал все, что приходилось на его долю вместе с основным капиталом, «исключая (однако) ... рудники, плавильни, недвижимое имущество, постройки и пристройки к плавильням». Что же касается всех этих объектов собственности, выходящий из компании «утрачивал свою долю в них вместе с будущей прибылью и больше в том ничего не имел». Даже «правитель» компании в данном случае не обладал полномочиями «продавать, ухудшать или отчуждать рудники» самостоятельно, а имел право это делать только «с согласия и разрешения всех членов товарищества или их большинства». Таким же образом «правителю» компании обязаны были действовать, когда возникла возможность приобретения рудников, и речь шла «о значительной цене»¹³⁷. Следовательно, и здесь устанавливался особый порядок распоряжения собственностью горнорудных предприятий, который существенным образом отличался от обычных норм рыночного права.

Участие владельцев торговых компаний Южной Германии в раннекапиталистическом предпринимательстве в горном деле не могло не оказывать влияния и на организационную структуру их предприятий. С переходом к этой деятельности перед владельцами и пайщиками компаний вставали задачи, которые были связаны с управлением не торговыми, а промышленными предприятиями. Поскольку же эти предприятия могли нормально функционировать и приносить промышленнику прибыль только при условии значительных по тому времени инвестиций, одним из шагов руководителей компаний в этом направлении были меры, целью которых, как о том уже было сказано выше, являлось предотвращение изъятий капиталов из горнорудной промышленности. Другим шагом в том же направлении было создание соответствующего данной цели исполнительного аппарата, на который и возлагалась ответственность за практическую сторону деятельности компаний. Последняя задача решалась следующим образом. Компании стремились использовать товарищества участников-предпринимателей, занимавшихся непосредственно разработкой рудников, и это было вполне закономерным явлением. Дело в том, что раннекапиталистические отношения в горной промышленности, в том числе Тироля и Каринтии, возникли еще до появления в ней крупных торговых компаний, и эти товарищества совершали метаморфозу от трудовых артелей старателей к предприятиям капиталистического типа. С конца XV в. неумолимо развивался процесс подчинения этих зачаточных форм капиталистического производства кулическому капиталу и его превращения в ману-

фактурное производство, что было связано с изменением этого производства (об этом речь пойдет в Главе четвертой настоящей монографии). Здесь лишь отметим, что вплоть до второй четверти XVI в. функции горнорудных товариществ торговые компании брали на себя очень редко и крайне неохотно.

Однако скудость источниковой базы (большинство хозяйственных книг, в том числе гросбухи торговых компаний, не сохранились) делает практически невозможной реконструкцию в достаточной мере достоверной картины изменения структуры компаний под влиянием их перехода к раннекапиталистическому предпринимательству. Этот пробел лишь отчасти может быть восполнен материалами, которые содержатся в публикации К.О. Мюллера о торговом доме Паумгартнеров. Публикация включает записки о расходах компании Паумгартнеров в Шваце. составленные фактором компании в этом городе Гансом Планом в 1545 г.; он же продолжил такие записки несколько лет спустя (в 1549 г.). Из записок Плана следует, что компания имела в швацкой фактории восемь служащих, каждый из которых ежегодно получал вознаграждение от 80 до 400 гульденов. Правда, План упоминает еще Матеуса Рема. Последний в качестве представителя знатного аугсбургского патрицианско-купеческого семейства находился в фактории Паумгартнеров на положении ученика и никакого вознаграждения не получал¹³⁸. Ключевые позиции в этой фактории занимали два человека, «которые вершили в Тироле от своего имени все дела рудников и плавильен»¹³⁹. В прошлом, вспоминает фактор, такими людьми были Ганс Клокер и Якоб План (отец автора документа). «План являлся бухгалтером, вел счета и (следил) за распределением (прибылей). Клокер правил и управлял, перед каждым держал речь, давал ответы и указания»¹⁴⁰, то есть занимался организацией деятельности фактории. Как это следует из рабочих записок того же Ганса Плана (1545 г.), кроме служащих, постоянным местом пребывания которых была фактория в Шваце, компания нанимала писаря при плавильне в Кундле, агентов в Штерцинге и Халле. а также – несколько слуг. Общая сумма ежегодных расходов, по расчетам Ганса Плана, на содержание служащих и слуг равнялась 1796 гульденам¹⁴¹. Однако на самом деле эти расходы были значительно большими, так как компания владела паями в ряде горных товариществ и самостоятельно вела разработки и в других судебных округах Тироля, где у нее, по всей видимости, были доверенные лица, которые представляли и защищали интересы компании (особенно на так называемых «распределениях»), получая за это от компании соответствующее вознаграждение. Поэтому есть основание полагать, что число служащих и слуг в швацкой фактории Паумгартнеров, нанятых аугсбургской компанией и работавших на нее, вряд ли было меньше двадцати человек.

Перемены в экономической жизни общества и особенно явления раннего капитализма с большой остротой поставили перед владельцами и руководителями торговых компаний новые задачи, которые необходимо было решать на практическом уровне. В этой связи представляют интерес сформулированные

Гансом Планом в его «мемориале» предложения, реализация которых, по мнению их автора, способствовала бы более успешной деятельности торговой компании в горной промышленности. Он предлагал, касаясь вопроса о положении дел в Клаузене, нанять здесь двух служащих, «один из которых (как фактор) распоряжался бы всей торговлей и особенно делами рудников и вел бы счета упомянутой выше торговли. Другой (служащий) оценивал бы там же (работу) толчей и плавилен¹⁴². Как полагает автор «мемориала», то же самое следует сделать и в Терлане. Правда, здесь компания имеет служащего по имени Мартин Кирхнер, которого План называет «достойным (уважения) горняком». «Однако тот, – не без горького сожаления замечает План, – не умеет ни читать, ни писать, в чем немалый ущерб (для компании) и недостаток», так как в горном товариществе Терлана, где этот «достойный горняк» представляет интересы компании Паумгартнеров, «по этой причине он не может видеть, что слишком много или слишком мало записывают в (бухгалтерские) книги на распределениях (прибылей)»¹⁴³. Таким образом, привлечение на службу в компанию не только знающих, но и хотя бы просто грамотных людей, представлялось умудренному опыту фактору настоятельной необходимостью. План также считает, что фактория компании в Шваце и ее представители в других судебных округах Тироля должны находиться под неусыпным и строгим контролем владельца предприятия. Поэтому «сам (господин) Паумгартнер обязан несколько раз в году посещать Госсензас, Шнееберг, Клаузен и Терлан». В том же случае, если по той или иной причине не сможет поехать в эти горные округа лично сам, «туда следует направить двух степенных и пользующихся доверием (хозяина) людей, (действующих) от имени (самого господина) Паумгартнера»¹⁴⁴. Таким образом, веяния раннего Нового времени и переход к капиталистическому предпринимательству предьявляли к персоналу компании и самому владельцу предприятия соответствующие вызовам времени требования, которые были обусловлены в конечном счете вступлением в действие механизма смены цивилизаций – средневековой на индустриальную. Этот механизм, в частности, жестко ставит в повестку дня вопрос об изменении менталитета, в том числе линии поведения и даже образа жизни предпринимателя-капиталиста.

Рассмотренные выше свидетельства источников все же носят по преимуществу иллюстративный характер и их нельзя признать достаточными для того, чтобы дать более или менее обоснованный и убедительный ответ на вопрос об изменении организационной структуры торговых компаний под влиянием новых факторов социально-экономической действительности и особенно участия южно-немецких компаний в раннекапиталистическом предпринимательстве, работавших на массового потребителя отраслях текстильной промышленности и в горнорудном производстве. Однако с другой стороны вполне очевиден и тот факт, что переход от крупной оптовой торговли и средневекового ростовщичества к кредитно-банковским операциям и промышленному

предпринимательству побуждал владельцев и руководителей компаний вести поиски таких путей и средств, которые позволили бы приспособить давно уже сложившиеся и ставшие традиционными формы организации этих компаний к радикальным переменам в экономической жизни общества, вызванных в первую очередь явлениями раннего капитализма. Удалось ли им в таких поисках добиться успеха и решить поставленную временем задачу? Исследование данной проблемы автор настоящей монографии намерен продолжить в ее следующих главах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Strieder J. Studien ... S. 95-96.

² Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 263.

³ Ibid. S. 264: «... als ob unser yeder der obristhauptandler selbst were».

⁴ Ibid. S. 263-264.

⁵ Peterka O. Zum Inhalt ... S. 404, 409.

⁶ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 265: «... ob wir noch alle drei in leben werden».

⁷ Ibid. S. 267.

⁸ Ibid. S. 277-278.

⁹ Ibid. S. 270.

¹⁰ Ibid. S. 291.

¹¹ Chronik der Familie Fugger ... S. 15-16.

¹² Müllich ... S. 68.

¹³ Strieder J. Zur Genesis des modernen Kapitalismus: Forschungen zur Entstehung des grosseren bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgang des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zunächst in Augsburg. 2. Aufl. München; Leipzig. 1935. Anhang. S. 221.

¹⁴ Ibid. S. 222.

¹⁵ Zink ... S. 133-134.

¹⁶ Sculte A. Geschichte der mittelalterlichen Handels und Verkehr ... Bd. 2: Urkunden. S. 259.

¹⁷ Ibid. S. 270.

¹⁸ Müller K.O. Quellen ... S. 232: «... mit ain ander ain kaufmans hantierung und gesellschaft datzumal auf zwai jar lang miainander angenomen und uns geben ainander verschreibung».

²⁰ Ibid. S. 233.

²¹ Выразительным примером участия в деятельности Равенбургской компании бюргеров торгово-ремесленных центров Южной Германии может служить небольшой имперский город Ванген. Большинство населения этого города занималось льноткачеством и производством бумаги. В силу данного обстоятельства его жители проявляли заинтересованность в сбыте своих изделий на тех рынках международной торговли, где эти изделия пользовались спросом. Именно это привлекло внимание горожан Вангена, в том числе представителей бюргерской верхушки, к деятельности Равенбургской компании. Если вангенские ткачи поставляли изделия, которые закупала Равенбургская компания, чтобы перепродать их на рынках «дальней торговли», то представители городской верхушки принимали активное участие в самом этом предприятии.

Так, Кольбы постоянно занимали в родном городе высокие общественные должности. Самым известным из них был Леонхард Кольб, который бессменно находился на посту правящего бургомистра города с 1500 до 1530 г., в течение одиннадцати лет (1497-1507 гг.) он входил в число крупнейших пайщиков товарищества. Ганс Кольб в качестве фактора компании представлял ее интересы сначала в Валенсии (в 1500 г.), затем – Сарагосе (в 1502 г.) и неоднократно награждался руководством предприятия «за особые заслуги». Представители семейства Вальдманов не только являлись пайщиками Равенсбургской компании, но и самостоятельно вели торговлю разнообразными товарами во Фландрии, Валенсии и даже некоторое время (на рубеже XV-XVI вв.) выступали в роли поставщиков королевскому двору Испании. На особом положении в Равенсбургской компании находилось семейство Хиндерофенов. Конрад Хиндерофен сыграл одну из главных ролей в образовании в 1380 г. объединения швабских негодичантов – «Большой компании». В 1408 г. он избирался бургомистром родного города. Ганс Хиндерофен-старший длительное время (1431-1456 гг.) исполнял обязанности городского судьи и однажды (в 1434 г.) – бургомистра города. Ганс Хиндерофен-младший за заслуги перед торговым товариществом в 1497 г. был избран общим собранием пайщиков «вторым правителем» Равенсбургской компании и занимал этот пост в течение тридцати лет. Фактически в его руках оказались сосредоточены все нити управления торговыми операциями предприятия. «Правление» компании еще в 1510 г. приняло решение о повышении ежегодного вознаграждения Гансу Хиндерофену-младшему с 200 до 400 гульденов. Значительную часть денежных средств, приобретенных главным образом занятиями торговлей, он инвестировал в землевладение; ему принадлежало большое число наделов пахотной земли, несколько деревень, хуторов, бургов и даже рыцарский замок (см.: Scheurle A. Wangen im Allgau: Das Werden und Wachsen der Stadt. Wangen. 1950. S. 45-46).

Так, впрочем, поступали, инвестируя деньги в феодальное землевладение, многие богатые купцы и бюргеры городов Южной Германии. Участие в землевладении вообще было отличительной чертой социального быта средневекового города в Западной Европе (см.: Котельникова Л.А. Крестьянство и город // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986. С. 64 след.; Сванидзе А.А. Средневековые города // История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992. С. 237, 241; Тушина Е.В. Городское землевладение // Город в средневековой цивилизации ... С. 279 след.).

²² Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger Bd. I. S. 196.

²³ Kern E. Studien ... S. 184.

²⁴ Ammann H. Die Wirtschaftsstellung St. Gallen im Mittelalter // Aus Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: Gedächtnisschrift für Georg von Below. St. Gallen. 1928. S. 164-165.

²⁵ Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger ... Bd. I. S. 227; Pölnitz G., von. Anton Fugger ... Bd. I. S. 234, 566.

²⁷ Müller K.O. Quellen ... S. 199-200.

²⁸ Ibid. S. 201.

²⁹ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 354-355.

³⁰ Ibid. S. 355.

³¹ Ibid. S. 356.

³² Ibid. S. 355-356.

³³ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 277-278.

³⁴ Ibid. S. 278.

- ³⁵ Ibid. S. 279.
- ³⁶ Bauer C. Unternehmung ... S. 105.
- ³⁷ Häbler K. Die Geschichte der Fuggerischen Handlung in Spanien. Weimar. 1897.
- S. 97.
- ³⁸ Lutzmann I. Die augsburger Handelsgesellschaft ... S. 40-41.
- ³⁹ Ibid. S. 43-44.
- ⁴⁰ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 32.
- ⁴¹ Müller K.O. Quellen ... S. 78.
- ⁴² Ibid. S. 79.
- ⁴³ Ibid. S. 94.
- ⁴⁴ Strieder J. Studien ... Nachträge. S. 493.
- ⁴⁵ Ibid. Darstellung. S. 180-184.
- ⁴⁶ Strieder J. Zur Genesis ... S. 222.
- ⁴⁷ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. I. S. 49.
- ⁴⁸ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 20.
- ⁴⁹ Schulte A. Geschichte der mittelalterlichen Handel ... Bd. 2: Urkunden. S. 271.
- ⁵⁰ Ibid. S. 270.
- ⁵¹ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 254-255: «... doch das uber den vierden phennig seins hauptgut nit menge».
- ⁵² Kern E. Studien ... S. 185.
- ⁵³ Strieder J. Zur Genesis ... S. 221.
- ⁵⁴ Schulte A. Geschichte der mittelalterlichen Handel ... Bd. 2: Urkunden. S. 271.
- ⁵⁵ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 264.
- ⁵⁶ Schulte A. Geschichte der mittelalterlichen Handel ... Bd. 2: Urkunden. S. 270.
- ⁵⁷ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 154: «Und hond nun allerlei gerett, der an den ainer gesellschaft t gelegen ist».
- ⁵⁸ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 291.
- ⁵⁹ Kern E. Studien ... S. 186: «... alle geheim Hanndtierung und waz zu der gesellschaft ... gehor».
- ⁶⁰ Ibid. S. 185.
- ⁶¹ Strieder J. Zur Genesis ... S. 221-222.
- ⁶² Kern E. Studien ... S. 185.
- ⁶³ Schulte A. Geschichte der mittelalterlichen Handel ... Bd. 2: Urkunden. S. 270.
- ⁶⁴ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 27.
- ⁶⁵ Schulte A. Geschichte der mittelalterlichen Handel ... Bd. 2: Urkunden. S. 270.
- ⁶⁶ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. I. S. 82.
- ⁶⁷ Ibid. S. 49: «... so der gesellschaft sacher bevolchen sind».
- ⁶⁸ Ibid. S. 53-54.
- ⁶⁹ Ibid. S. 47, 49.
- ⁷⁰ Sender ... S. 146-149.
- ⁷¹ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 116-117.
- ⁷² Lucas Rem. Tagebuch ... S. 21.
- ⁷³ Ehrenberg R. Zeitalter der Fugger ... Bd. I. S. 232; Hartung J. Aus dem Gehcimbuch ...
- S. 69.
- ⁷⁴ Bauer C. Unternehmung ... S. 159.
- ⁷⁵ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 56-57.
- ⁷⁶ Sender ... S. 224.

- ⁷⁷ Kern E. Studien ... S. 187.
- ⁷⁸ Müller K.O. Quellen ... S. 237-240.
- ⁷⁹ Ibid. S. 240.
- ⁸⁰ Lutzmann I. Die augsburger Handelsgesellschaft ... S. 99.
- ⁸¹ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 23.
- ⁸² Strieder J. Die sogenannte Fürlegung als Instrution des deutschen Gesellschaften im Zeitalter des Frühkapitalismus // VSWG. 1912. Bd. 6. S. 521.
- ⁸³ Bauer C. Unternehmung ... S. 72.
- ⁸⁴ Ibid. S. 83.
- ⁸⁵ Zink ... S. 133-134.
- ⁸⁶ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 2. S. 462: «... zu gewinn und Verlust fier mynn dienst schryben».
- ⁸⁷ Ibid. Bd. 3. S. 63.
- ⁸⁸ Hartung J. Aus dem Geheimbuch ... S. 67.
- ⁸⁹ Kern E. Studien ... S. 186.
- ⁹⁰ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 45: «... was man durch Gott und den leuten geben».
- ⁹¹ Liermann H. Zur Rechtsgeschichte ... S. 396.
- ⁹² Westermann A. Memminger Handel und Handelsgesellschaft um die Wende von Mittelalter zur Neuzeit // MGBI. 1920. Bd. 6. Nr. 2. S. 21.
- ⁹³ Pölnitz G., von. Augsburgische Kaufleute und Bankherren der Renaissance // «Augusta 955-1955» ... S. 216; Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft und Kirche im Spätmittelalter. Eine Beitrag zur Strukturanalyse der oberdeutsche Reichsstadt Augsburg, 1971. S. 240. См. также: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 390 след.
- ⁹⁴ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 1. S. 81.
- ⁹⁵ Scheuermann L. Die Fugger ... Anhang. S. 419.
- ⁹⁶ Ibid. S. 420.
- ⁹⁷ Hartung J. Aus dem Geheimbuch ... S. 65.
- ⁹⁸ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 278.
- ⁹⁹ Sender ... S. 36.
- ¹⁰⁰ Ibid. S. 37.
- ¹⁰¹ Anonyme Chronik der Stadt Augsburg ... S. 500.
- ¹⁰² Sender ... S. 37.
- ¹⁰³ Ibid. S. 112: «... ursach dass ir retlich haben gespiele». Штаплеры постоянно вели торговые операции на различных международных рынках. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что один из братьев Штаплеров (его имя источник не называет) на весенней ярмарке 1497 г. во Франкфурте-на-Майне приобрел у уже знакомого нам нюрнбергского кула Пауля Мулиха 10 кусков камлота итальянского производства за 75 гульденов. См.: Rörig F. Das Einkaufsbüchlein ... S. 335.
- ¹⁰⁴ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 47.
- ¹⁰⁵ Sender ... S. 219.
- ¹⁰⁶ Ibid. S. 221.
- ¹⁰⁷ Ibid. S. 223: «... wolten ir girtel von ihrer leib abgirten».
- ¹⁰⁸ Ibid. S. 236.
- ¹⁰⁹ Ibid. S. 224.
- ¹¹⁰ Kern E. Studien ... S. 196-198.

¹¹¹ Bauer C. *Unternehmung ...* S. 89.

¹¹² Lutzmann I. *Die augsburger Handelsgesellschaft ...* S. 107.

¹¹³ Schulte A. *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ...* Bd. 1. S. 97.

¹¹⁴ *Ibid.* Bd. 3. S. 169.

¹¹⁵ *Ibid.* S. 55: «Ist couffmenisch ouch fliessend uich guoter geschrift, so kan aess lae-senn».

¹¹⁶ *Ibid.* S. 81: «So gab wir hubtguts gang, so welt wie unsen flicss tag und nacht mit ernst hie ouch tun».

¹¹⁷ *Ibid.* S. 70: «Halt deire bucher wohl sauber und ordentlich».

¹¹⁸ *Ibid.* S. 84: «... so kaff man uch uff daz kunftig jar fyl aid lutzel».

¹¹⁹ *Ibid.* S. 152.

¹²⁰ *Ibid.* S. 172: «... den das lut gelt yetz zu lang das uff schlaffen».

¹²¹ *Ibid.* S. 140: «Das man unns boss schulda nit machind».

¹²² *Ibid.* S. 80.

¹²³ *Ibid.* S. 147: «Den solt ain lutzel saigworten und man es in hohen gelt galten».

¹²⁴ *Ibid.* S. 150.

¹²⁵ В этой связи следует, хотя бы кратко, сказать о развитии образования в южно-немецких средневековых городах, которое с успехами ремесла и торговли приобретало все большее значение в общественной жизни. Потребность в образованных или, по край ней мере, грамотных людях в городах неуклонно росла, чем и было обусловлено открытие школ и расширение сети общеобразовательных учреждений в позднесредневековых городах. Так, в Аугсбурге первые школы для детей бюргеров появились при городских церквях, по всей видимости, еще в XIII в. Однако на рубеже XV-XVI вв. число обучавшихся в этих школах было все же невелико: при церкви Св. Морица обучалось 100 учеников, Св. Ульриха и Афры – 78, Св. Георга – 50, Св. Креста – 40, а в школе при кафедральном соборе Св. Стефана «обучались грамоте, счету и другим наукам ... 30 мальчиков». Следовательно, в общей сложности при городских церквях и кафедральном соборе Аугсбурга ежегодно обучалось примерно 300 «школяров». Для достижения по преимуществу сугубо прагматических целей (обучения элементарной грамоте, то есть умению читать и считать) открывались и частные городские школы, если так можно сказать, «низшей ступени». Первая такая школа в том же Аугсбурге упоминается в городских анналах в 1320 г. Число как школ, которые финансировались за счет магистрата или церковных учреждений, так и частных, быстро увеличивается в этом городе со второй половины XV в. (см.: Kiessling R. *Bürgerliche Gesellschaft ...* S. 241-242).

При объяснении данного исторического явления, по всей видимости, следует принять во внимание, кроме экономического фактора (успехов ремесла и торговли), под влиянием которого растет спрос на интеллектуальный труд, также и то обстоятельство, что сильный толчок развитию образования всех уровней дали два важнейших в культурной жизни того времени события, происшедшие в Германии. Первым таким событием было изобретение Иоганном Гуттенбергом печатного станка (в 1444 г.), положившее начало книгопечатанию, которое сделало печатную книгу более доступной, чем рукописная. Вторым событием, оказавшим влияние на развитие образования, стала начавшаяся в 1517 г. Реформация; она, образно выражаясь, открыла доступ к Священному Писанию, переведенному к тому времени на многие языки народов Западной Европы, в том числе Мартином Лютером на немецкий, «простым людям». Все это способствовало пробуждению интереса горожан не только к Библии, но и к знаниям в

других областях. Вышающую роль в развитии системы образования и распространении научных знаний, несомненно, сыграли университеты, которые являлись центрами не только образования, но и науки. Под воздействием всех указанных выше факторов на исходе Средневековья в городах Западной Европы, том числе Южной Германии, сформировалась прослойка людей, занятых интеллектуальным трудом (см.: Новицкий Г.Н. Университеты // СИЭ. 1973. Т. 14. С. 807-809; Ястребицкая А.Л. Материальная культура и образ жизни в Европе на исходе Средневековья // История Европы. Т. С. 19; Смирнова Е.Л. Сушкевич А.П., Федосик В.А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск, 1999. С. 332-334; Уваров П.Ю. Интеллектуалы и интеллектуальный труд в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации ... Т. 2. С. 221 след., 251-253). Заслуживает внимания и тот факт, что именно среда «интеллектуалов» в те времена выдвигала идеологов и руководителей общественных движений.

¹²⁶ Подробнее об ученичестве в немецких торговых компаниях XV-XVI вв. и влиянии на институт ученичества в них традиций и правил ученичества в средневековых торгово-ремесленных корпорациях см.: Kelbert H. Die Berufsbildung des deutschen Kaufleute im Mittelalter. Berlin, 1956.

¹²⁷ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 1. S. 71.

¹²⁸ Ibid. Bd. 3. S. 462.

¹²⁹ Kelbert H. Die Berufsbildung ... S. 48.

¹³⁰ Sender ... Beilagen. S. 310: «Den hat er in seiner jugend Venedig than, dass er velsch sprach lernen».

¹³¹ Müller K.O. Quellen ... S. 93: «... kein handtierung treiben, bergwerken bauen, auch alles geheim halten».

¹³² Lucas Rem. Tagebuch ... S. 71-72.

¹³³ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 269. См. также: Norden A. Herrscher ohne Krone. Berlin, 1975. S. 32 ff.; русский перевод; Норден А. Некоронованные властители. М., 1978. С. 27 след.

¹³⁴ Müller K.O. Quellen ... S. 23.

¹³⁵ Ibid. S. 54-55.

¹³⁶ Ibid. S. 47.

¹³⁷ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 279-280.

¹³⁸ Müller K.O. Quellen ... S. 270.

¹³⁹ Ibid. S. 282: «... die perchwerken und schmalzhandlungen in Tirol von sein gewesen».

¹⁴⁰ Ibid. S. 283.

¹⁴¹ Ibid. S. 270.

¹⁴² Ibid. S. 284.

¹⁴³ Ibid. S. 285.

¹⁴⁴ Ibid. S. 283.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОМПАНИИ НА РЫНКАХ ЕВРОПЫ

Участие южно-немецких компаний в торговле на европейских рынках в конце XV – начале XVI вв., на которых они тогда играли значительную и заметную роль, представляет несомненный научный интерес по следующим соображениям: во-первых, деятельность компаний на этих рынках проливает дополнительный свет на состояние производительных сил и успехи экономического развития самой Германии; во-вторых, позволяет установить значение различных рынков Европы для южно-немецких торговых предприятий; в-третьих, сообщает неповторимые черты европейской торговли на исходе Средних веков и в начале раннего Нового времени. Правда, тут же следует оговориться, что крайняя скудость источниковой базы лишает исследователя возможности найти обстоятельные и убедительные ответы на поставленные выше вопросы и нарисовать картину европейской торговли того времени с достаточной степенью достоверности и полноты. Материалы Равенбургской компании лишь отчасти способны восполнить этот пробел. Но это – один из немногих источников, который в состоянии все же пролить свет на данную сторону экономической жизни тогдашнего общества, поэтому именно бумаги Равенбургской компании привлекаются нами для изучения деятельности южно-немецких торговых предприятий в первую очередь.

Торговля сама по себе, как о том уже сказано выше, не способна самостоятельно выступить в роли творца нового способа производства (или средства общения). В то же самое время торговля, особенно в переходный от феодализма к капитализму период, может играть более значительную роль в общественном производстве, чем это пороку принято считать, к тому же денежные средства, аккумулированные в торговле, в ближайшей исторической перспективе («коротком времени», по Ф. Броделю) могли служить стартовой площадкой для движения общественного производства к капиталистическим отношениям и капиталистическому предпринимательству. Исследование проблемы, каким образом были аккумулированы в торговле такие денежные средства, и должно стать содержанием настоящей главы.

3.1. КОМПАНИИ НА РЫНКАХ ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Главное назначение «Большой компании» ее основатели видели в экспорте швабского полотна на рынки стран Западной Европы и особенно – Пиренейского полуострова. Правда, в дальнейшем эта первоначальная картина претерпела кардинальные изменения. Уже в 70-е годы XV в. в основе деятельности компании лежал не столько экспорт изделий отечественного льноткачества, сколько посредническая торговля между географически отдален-

ными друг от друга регионами. Денежные инвестиции, приумноженные швабским купечеством в торговле прежде всего южно-немецким полотном и отчасти бумазеей, которая приобретает в ее практике большое значение еще с конца XIV в., со второй половины XV в. перемешаются в другие отрасли торговли на западноевропейских рынках. На этих рынках Равенбургская компания продолжала играть заметную роль вплоть до ее роспуска в 1530 г. Материалы ревизии 1497 г., содержащие сведения об активах компании, дают вполне ясное и достаточно точное представление о характере деятельности предприятия (см.: Табл. 4). Эти материалы настолько выразительны, что о них следует сказать особо.

В первую очередь необходимо обратить внимание на тот факт, что на рынках самой Германии было размещено около третьей части активов Равенбургской компании (33 процента) и по этому показателю они были несколько ниже инвестиций в рынки Италии (33,7 процента). Весьма значительной в деятельности компании была роль рынков Испании (21,4 процента). Значительно уступали по тому же показателю рынки Нидерландов (9,4 процента) и Франции (2,5 процента), инвестиции в которые в общей сложности равнялись 11,9 процента активов компании. Это, однако, не означает прямой коррелятивной зависимости деятельности Равенбургской компании от общей массы ее инвестиций в рынки последних двух стран, в чем, впрочем, нам еще предстоит убедиться. И, наконец, по общей массе капиталов, которыми обладала Равенбургская компания, она на рубеже XV-XVI вв., что следует подчеркнуть еще раз, продолжала оставаться одним из крупнейших торговых предприятий Южной Германии. По этому показателю Равенбургская компания уступала только аугсбургским торговым домам Футтеров, Вельзеров, Паумгаотнеров и, быть может, Хоштеттеров.

Основные направления торговой деятельности Равенбургской компании схематически можно представить следующим образом (хотя, конечно же, нельзя забывать и о том, что ее практика знала и отклонения от данной схемы): Нюрнберг – Равенбург – Милан – Генуя – Сарагоса – Валснсия; Нюрнберг – Франкбург-на-Майне – Нидерланды; Испания – Авиньон – Лион; Испания – Италия, а также чрезвычайно важное звено Италия – Нидерланды, проходившее через Южную Германию. Однако поскольку компания являлась объединением швабского купечества, попытаемся прежде всего определить место и значение как продукции Озерного (Боденского) края и сопредельных с ним территорий Южной Германии и Швейцарского Союза, так и географически отдаленных от Озерного края других германских земель в ассортименте торговли предприятия на различных рынках Европы и выяснить роль самого Равенбурга в качестве торгового пункта и центра управления деятельности компании.

Прежде всего необходимо отметить, что в самом Равенбурге компания ничего не продавала, а лишь производила закупки, как правило, в незначительных масштабах, местного полотна и бумазеей.

Размещение активов Равенбургской компании на европейских рынках
(1497 г.)*

Страны	Рынки (города)	Размер активов в гульденах	Сумма активов в гульденах и процентах к их общей сумме
Италия	Генуя	30636	55101 33,7%
	Милан	25021	
	Венеция	50	
Германия	Нюрнберг	42642	54568 33,0%
	Равенсбург	11041	
	Исни, Ванген, Констанц, Кемптен	542	
	Констанц	343	
Испания	Валенсия	23173	35610 21,4%
	Сарагоса	12357	
	Барселона	80	
Нидерланды	Брюгге, Антверпен	15486	15486 9,4%
Франция	Лион, Авиньон	4102	4102 2,5%
Общая сумма активов		165473	165473 100%

*Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft. Bd. 3: Quellen / Hrsg. von A Schulte. Stuttgart; Berlin. 1923. S. 47.

Гораздо более тесными были ее связи с такими городами Верхней Швабии, как Кемптен, Ванген и особенно – швейцарским Санкт-Галленом. Знаменитое санкт-галленское полотно занимало видное место в ассортименте экспорта компанией товаров на европейские рынки, и если в конце XV в. льноткацкое ремесло Озерного края переживало острый кризис, Санкт-Галлен тогда же не только сохранил, но и укрепил свои позиции и расширил сферу участия в полотняном производстве¹. Во всех упомянутых выше городах члены компании или сами закупали полотна, или делали это с помощью местных бюргеров, которые выполняли функции комиссионеров предприятия. Так,

например, некий Якоб Эберхард закупил для торгового товарищества в Кемпене с 20 августа 1500 г. по 7 мая 1502 г. 366 кусков грубого полотна на значительную сумму в 2746 фунтов пфеннигов². В этой связи необходимо отметить, что купцы Равенбургской компании уже с 70-х годов XV в. экспортировали полотна швабского и Санкт-галленского производства не только на рынки Средиземноморья, но и в Нидерланды. Отсюда следует вывод о той выдающейся роли, которую играла текстильная промышленность и сбыт ее изделий на рынках международной торговли в судьбах самой этой отрасли народного хозяйства. Значение разделения труда в международных масштабах особенно возросло с возникновением и развитием в полотняном производстве явлений раннего капитализма. В условиях генезиса капитализма происходило изменение социальной структуры средневековой текстильной промышленности и обострение в ней социальных противоречий.

Более того, можно сказать, не впадая в противоречие, что торговля текстильными товарами имела в то же самое время большое значение, особенно для производящих эти товары стран и регионов. Экономические судьбы стран Европы со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями сильно зависели и тесно переплетались с развитием суконной промышленности в Англии, Италии и южных провинциях Нидерландов, льноткацкой – в северных провинциях тех же Нидерландов (прежде всего в Голландии и Геннегау), в германских землях – на западе (в Вестфалии), на востоке (в Лаузице) и на юге (в Верхней Швабии, Озерном крае и пограничных с Южной Германией кантонах Швейцарского Союза), в Северной Италии (в Ломбардии), шелкоткацкой – в Испании, Италии и даже Северо-Западной Германии (в Кельне). Оживленная торговля льняными тканями, в первую очередь полотном³, велась на рынках Нидерландов, ярмарках Франкфурта-на-Майне и Нюрнберга. На рынках северной части европейского континента уже к концу XV в. почти безраздельно доминировали полотна Голландии и ряда других провинций Нидерландов. Именно тогда товарные потоки «голландского полотна» двинулись в южном направлении, постепенно вытесняя ткани южно-немецкого производства со средиземноморских рынков и прежде всего рынков Испании. Этот факт находит наглядное подтверждение в деятельности объединения швабских купцов. Осенью 1480 г. фактору Равенбургской компании Андреасу Затлеру удалось продать в Антверпене, причем «с хорошей прибылью», 90 кусков Санкт-галленских тиковых тканей и он же заказал на будущий год на ярмарки в Брюгге и Бергене-оп-Цооме еще 182 куска⁴. Однако к концу XV столетия эти ткани полностью исчезают из номенклатуры товаров на рынках Нидерландов. Аналогичную картину можно было наблюдать и в Испании, где осенью 1472 г. фактор компании в Валенсии заказал на следующий год (то есть 1473) 142 тюка «немецкого полотна», что составляло немногим менее 600 кусков⁵. Этот заказ может служить пусть и косвенным, но в то же самое время достаточно убедительным свидетельством того, что торговля тканями

немецкого производства была более прибыльна, чем торговля нидерландским полотном. Однако спустя примерно четверть века положение изменилось. С июня 1505 по апрель 1506 г. компания продала в Сарагосе 274 штуки немецкого полотна на сумму в 983 фунта и 14 шиллингов, а от продажи 115 штук голландского полотна в той же Сарагосе и 84 штук в Бильбао (то есть всего 199 штук) получила выручку в 2008 фунтов пфеннигов⁶, что более чем в два раза превысило выручку от продажи немецкого полотна. На основании приведенного выше факта можно заключить, что к началу XVI в. высококачественные голландские полотна появились на испанском рынке и стали успешно конкурировать с швабскими изделиями. Этот же факт известным образом указывает на начавшийся кризис льноткацкого ремесла Верхней Швабии, полотна которого издавна (еще со времени знаменитых Шампанских ярмарок) находили сбыт на различных рынках Западной Европы. Конечно же, на рубеже XV-XVI вв. окончательная победа «на рынке полотна» голландскими изделиями еще не была одержана, но исход конкурентной борьбы в достаточно близкой исторической перспективе сомнения, казалось бы, уже не вызывал.

С другой стороны, когда речь идет о судьбах льноткацкой промышленности, необходимо иметь в виду, что эта отрасль испытывает конкуренцию бумазейного производства, бумазейные ткани, при относительной узости тогдашнего рынка, затрудняют сбыт изделий льноткацкой промышленности. В XV в. бумазейное производство достигает несомненных успехов не только в Аугсбурге и Ульме⁷, но и в ряде менее значительных городских центров Швабии. Здесь же получают развитие также и сельские ткацкие промыслы. Равенсбургская компания принимает участие в торговле ульмской бумазеей, сбывая ее почти исключительно на испанских рынках. На них она ведет торговлю как белой (*vis*), так и покрашенной (*dfnogo*) ульмской бумазеей, причем покрашенная бумазeya намного дороже белой бумазеи. В зависимости от клейма с изображениями быка, льва или виноградной лозы, которые ставили на куски и токи тканей во время «досмотра» (*schau*), различаются и ее сорта⁸. Эти знаки-символы соответствовали первому, второму и третьему сортам тканей⁹. Торговлю бумазеей других швабских городов компания, по всей видимости, вела редко, хотя известно, что в 70-е годы XV в. она поставляла знаменитую аугсбургскую черную бумазeya в Валенсию, а с конца 1515 г. до начала 1517 г. закупила в Меммингене 170 «суконов» местной бумазеи¹⁰. И все же, судя по бумагам самой компании, такая ее деятельность носила эпизодический характер и была скорее результатом стечения случайных обстоятельств, чем проявлением закономерности. Постоянных и прочных контактов непосредственно с производителями Равенсбургская компания не имела.

Торговля Равенсбургской компанией ульмской бумазеей (отчасти и бумазеей других южно-немецких городов) уже в последней четверти XV в. была незначительной, а к началу XVI в. она и совсем затухла, что можно объяснить следующими причинами. Во-первых, на германских рынках и в экспорте бу-

мазен на внешние рынки все больший вес и значение приобретали изделия аугсбургского производства, прочные связи с которым компании так и не удалось установить. Во-вторых, на протяжении всего XV в. наблюдается рост инвестиций в бумазейную промышленность Ульма и Аугсбурга, к которым прибегали крупные южно-немецкие торговые компании Бессереров, Фелинов, Крафтов, а затем и Фуггеров. Этим компаниям удалось подчинить своему влиянию бумазейное ремесло, прибрав к своим рукам прежде всего торговлю его изделиями на международных рынках¹¹. И, наконец, в-третьих, на среднеземноморских рынках с немецкой бумазеей вполне успешно конкурировали изделия миланской промышленности¹². Впрочем, как Равенбургская компания, так и другие торговые предприятия Южной Германии принимали самое активное участие в посреднической торговле миланскими тканями на европейских рынках, извлекая из этой торговли немалую для себя выгоду.

И все же гораздо большее значение для южно-немецких компаний имела торговля бумазеей отечественного производства. Так, к примеру, в конце XV в. в Ульме ежегодно производилось около 9 тыс. штук бумазее, которую местные торговые компании и компании других городов Южной Германии (в том числе Аугсбурга) поставляли в Любек, Антверпен, Кале и на рынки Италии (прежде всего в Венецию)¹³. Цеховые мастера в городах и сельские ткачи в их округах в Южной Германии, занятые в бумазейной промышленности, быстрее и чаще ремесленников других профессий попадали в зависимость от «кушцов-раздатчиков». Дело в том, что сырьем для мелких производителей в данной отрасли народного хозяйства служил не только лен, который в достаточных количествах выращивался в самой Южной Германии, но и хлопок, который импортировался, как правило, из Венеции, куда он в свою очередь поставлялся из Малой Азии, стран Леванта, Сирии и Египта. Купцы обычно предоставляли производителям хлопок в кредит, что и позволяло «раздатчикам» диктовать закупочные цены на готовые изделия. Так действовали не только Фуггеры, но и многие другие южно-немецкие купцы и предприниматели¹⁴; именно таким образом на ранней стадии происходило проникновение купеческого капитала в эту отрасль общественного производства. Купеческий капитал способствовал разрушению мелкотоварной основы текстильной промышленности в городах и их сельских округах, подчиняя производителей своей власти и создавая необходимые предпосылки для возникновения раннекапиталистических отношений. Иллюстрацией тому может служить деятельность компании братьев Цангмейстеров из Меммингена. Эберхард Цангмейстер в 1516 г. заключил в Меммингене контракт с местной корпорацией ткачей, предоставив последней кредит в 1300 гульденов. Та же компания Цангмейстеров закупала крупными партиями полотна и особенно бумазею в Кауфбойрене и Биберахе. Лишь в одном Кауфбойрене в экономической зависимости от этой компании находились 190 ткачей¹⁵. Причем примечателен тот

факт, что эта зависимость возникла в результате закупочных операций мелких производителей с хлопком.

Исключительное значение в процессе проникновения купеческого капитала в бумажное производство приобрели поставки хлопка с «дальних рынков» и его «раздачи» (Verlagen) купцами (или богатыми и зажиточными мастерами) городским и деревенским ремесленникам. В эпоху раннего капитализма именно таким образом осуществлялась связь компаний с ткацким производством и инвестировались в него капиталы. Однако если мы обратимся к практике Равенбургской компании, то без труда обнаружим, что ее операции с хлопком не носили регулярного характера, хотя нам известны несколько случаев сбыта ею хлопка в Меммингене, Кауфбойрене и Линдау. Так, к примеру, с 8 декабря 1515 г. по 16 февраля 1517 г. в этих городах компанией было продано хлопка на сумму в 2313 фунтов пфеннигов, причем часть хлопка стоимостью в 702 фунта пфеннигов, прибегнув к бартерной сделке, она обменяла на бумагею¹⁶. Равенбургская компания, однако, по всей видимости, так и не перешла к деятельности в роли «раздатчика» и не сумела овладеть доминирующими позициями в местной текстильной промышленности, изделия которой занимали видное место в ассортименте торговли и других южно-немецких предприятий. Тенденция вытеснения Равенбургской компании из этой торговли особенно сильно стала проявляться с последнего десятилетия XV и первого – XVI в. Примечательно также, что, несмотря на значительные по масштабам операции с бумажными тканями, компания, как известно, так и не сумела установить деловые контакты с крупнейшим в Южной Германии центром производства и торговли бумагой – Аутсбургом.

В то же самое время в другом центре раннего капитализма в германских землях – Нюрнберге – Равенбургская компания пустила довольно глубокие корни. Нюрнберг один из лидеров торговли металлами и крупный центр металлообрабатывающей промышленности в Западной Европе того времени, служил для компании базой закупочных операций с цветными металлами и железом. Ее фактория в этом городе приобретала олово¹⁷, медь¹⁸, латунь¹⁹. На нюрнбергский рынок стекались металлы из Мансфельда в Тюрингии и Ашенбурга в Саксонии, Чехии, Венгрии и Тироля²⁰, а сам город являлся местом своего рода выставки горнодобывающей промышленности германских земель. Правда, Равенбургская компания закупала также металлы в Кемптене и Линдау, но такая практика была скорее исключением, чем правилом, и не меняет картины в целом, в то же время ее деятельность на рынке металлов существенным образом отличалась от деятельности других южно-немецких компаний.

Равенбургская компания закупала в Нюрнберге такие изделия местной металлообрабатывающей промышленности, как латунная и медная проволока, иголки, булавки, гвозди, подсвечники, ножи различных сортов и назначения, арбалеты и цепи для собак²¹. На Нюрнберг приходилось также большинство

ее закупочных операций с серебром, которое она здесь покупала в слитках²². Все эти товары компания экспортировала в южном и западном направлениях, поставляя их в Геную, которая не только служила компании транзитным пунктом в торговле металлами в Лионе и Авиньоне во Франции, Валенсии, Сарагосе и Тортосе – в Испании, но и рынком сбыта металлов. При этом необходимо иметь в виду, что, несмотря на трудности транспортировки и высоту накладных расходов, операции с металлами неизменно приносили компании значительную прибыль, особенно в Генуе и на испанских рынках. Только за несколько месяцев лета и осени 1504 г. компания закупила в Нюрнберге серебра на сумму более чем в 8000 гульденов²³, чтобы затем перепродать это серебро на одном из упомянутых выше рынков. Так, например, на «ярмарке всех святых» (Allerheiligenmesse) в Лионе в 1479 г. она продала два слитка серебра: один некоему Piero Trocket из Парижа, а другой – Esteve, «который едет в Руан»²⁴, столицу Нормандии.

В то же время торговые операции Равенбургской компании с серебром отличаются от ее операций с другими металлами и металлическими изделиями. Если операции по сбыту цветных металлов и железа компания во Франкфурте-на-Майне ведет очень редко, не говоря уже о более северных рынках, серебро она постоянно продает в Антверпене и Кале. На другую отличительную черту торговли компании благородными металлами указывает тот факт, что на рынках Италии она эти товары не только продает, но и покупает. Порою высокие пошлины на импорт серебра или запрет на его экспорт (в частности, из Миланского герцогства) толкают купцов на путь контрабанды. По территории этого герцогства швабские купцы провозят серебро в тюках с бумагой и полотном, в мешках с шерстью, стремясь во что бы то ни стало усыпить бдительность таможенных чиновников. В качестве примера приведем эпизод, когда осенью 1505 г. Алекс Хиллензон с упованием «на помощь божью» прячет два больших слитка серебра в тюках с полотном и оловом, отправляя их из Милана в Геную²⁵. О подобных фактах сообщает в «Торговых обычаях мира» и Ганс Паумгартнер-младший²⁶. Однако проделки такого рода не всегда швабским купцам сходили с рук²⁷.

Удельный вес металлов и металлических изделий в общем объеме торговых операций Равенбургской компании был значительным. Это находит подтверждение в тех данных, которые можно почерпнуть из бумаг бухгалтерского учета торгового товарищества. В частности, с 5 августа по 18 октября 1510 г. через Равенбург, который здесь выполнял функцию перевалочного пункта для товарных потоков компании, проследовало в разных направлениях товаров на значительную сумму в 21500 гульденов. Из всех этих товаров почти пятая часть (около 18 процентов) приходилось на металлы и металлические изделия²⁸.

Активное участие швабского купечества в торговле металлами и особенно серебром на западноевропейских рынках может служить еще одним показателем экономического подъема, который тогда переживала горнорудная про-

мышленность в ряде германских земель. Однако в торговле продукцией данной отрасли происходили неблагоприятные для Равенбургской компании перемены, важнейшими из которых для нее были следующие. Во-первых, крайне отрицательно отразилось на положении Равенбургской компании распространение монополий в торговле металлами и зависимость горнорудной промышленности от таких крупных компаний, как торговые дома Паумгартнеров, Фугтеров и им подобных купцов и капиталистов, прибравших к своим рукам все нити торговли металлами. Во-вторых, ухудшалось положение Равенбургской компании и то обстоятельство, что она на своих традиционных рынках в Северной Италии и Испании столкнулась в сбыте металлических изделий с большими трудностями, источником которых была конкуренция миланской металлообрабатывающей промышленности. Все это в конечном счете не могло не поколебать позиций компании на рынках сбыта металлов и металлических изделий в Европе и не отразиться отрицательным образом на результатах ее деятельности.

Связь с общественным производством юго-западного и других регионов германских земель не была сильной стороной деятельности Равенбургской компании. Ее деятельности присуще прежде всего участие в международной торговле, которая по преимуществу носила посреднический характер. Между тем другие южно-немецкие торговые компании, особенно аугсбургские, по сравнению с «Большой компанией», обнаруживали более тесную и глубокую связь с судьбами местных промышленности и ремесла. Это и отличало их от Равенбургской компании. Данное обстоятельство известным образом также объясняет различие географических диапазонов деятельности этих двух разных по своей природе типов южно-немецких предприятий рубежа XV-XVI вв. Равенбургская компания использовала в первую очередь традиционные торговые пути, уже века соединявшие Западную и Южную Германию со странами европейского континента. Эти торговые пути давно служили средством извлечения выгоды из географического положения городов, являвшихся метрополиями предприятий. Однако в XV в. в Аугсбурге, Ульме и Меммингене появились предприятия нового типа, владельцы которых сделали первые шаги с целью проникновения в сферу ганзейской торговли. Особую настойчивость в этом направлении проявили Фугтеры.

Настойчивость Фугтеров выразилась в расширении географического диапазона деятельности их предприятия. Проникновение Фугтеров в бассейн Северного и Балтийского морей, где с середины XIV в. почти безраздельно господствовала Ганза, началось еще в конце XV в. и приобрело особенно широкий размах в первые десятилетия XVI в. На рынки северо-европейского бассейна торговли компания Фугтеров ввозила серебро, пряности, венецианские зеркала и предметы роскоши, а вывозила с них пушнину (особенно дорогостоящих соболей)³⁰. Появление южно-немецких компаний в Прибалтике ознаменовалось их попыткой утвердиться и на русском рынке, и здесь первыми

появились Фуггеры. Расширяя диапазон деятельности, их компания основала факторию в Великом Новгороде³¹. Этот факт свидетельствовал если не о сближении, то о приближении Западной Европы к русскому государству («Московии»).

Другие крупные южно-немецкие торговые компании также прилагали энергичные усилия, чтобы не отстать от Фуггеров. Эти компании вели торговлю текстильными товарами, которые они поставляли в первую очередь из Аугсбурга, Ульма и городов Озерного края. Известно также, что южно-немецкие компании импортировали на рынки Северо-Восточной Германии изделия металлообрабатывающей промышленности Нюрнберга. Они же использовали эти рынки для проведения закупочных операций с пушниной. Так, например, аугсбургская компания Розенбергеров покупала здесь дорогостоящие меха куниц и соболей, поставляя их затем в далекую Кастилию³². Металлы австрийских земель швабские компании экспортировали на рынки Северо-Западной и Северо-Восточной Германии. Те же Розенбергеры поставляли знаменитую штирийскую сталь во Франкфурт-на-Майне, Дрезден, Фрейберг, Любек, Бремен и Гамбург³³. Последний город для компании Фуггеров приобрел значение не только в качестве рынка сбыта товаров, произведенных в Германии и других странах Европы, но и транзитного пункта большого стратегического значения в торговле металлами. В 1525 г. здесь появились и Вельзеры³⁴. Любопытно, что в борьбе за новые рынки сбыта товаров Якоб Фуггер умело использовал конфликты и противоречия в ганзейских городах, устанавливая нужные для себя личные контакты. Действуя таким образом он, в частности, сумел добиться «дружеского расположения» со стороны всесильного правящего бургомистра Любека Николая Бремзе³⁵.

Деятельность крупных южно-немецких торговых компаний, на первый взгляд, способствовала преодолению экономической отчужденности и изолированности, издавна существовавших между Северной и Южной Германией. Однако было бы заблуждением придавать большое значение данному факту, поскольку рынки Северной Германии являлись для швабских компаний прежде всего центрами не столько национальной торговли и единого рынка, сколько центрами международной торговли, а успехи их деятельности в этом регионе во многом объясняются политическим кризисом и экономическим упадком Ганзейского Союза. Так, например, в XVI в. большое значение приобрели торговые связи Лиссабона с Данцигом (Гдыней). Из последнего порта немецкие купцы поставляли в Португалию не только медь, но и зерно, строительный лес и другие товары. Эти торговые связи успешно использовали также и Фуггеры³⁶. Для торговой деятельности Равенбургской компании и других предприятий Южной Германии не только в XV, но и в XVI в. характерна ориентация на международные рынки, на которых они не только осуществляли сбыт изделий отечественного производства, но и использовали эти рынки как пункты посреднической торговли. Именно в таком качестве города север-

ной части европейского континента прежде всего и привлекали внимание многих владельцев и руководителей южно-немецких компаний. Наглядной иллюстрацией данного положения может служить деятельность Равенбургской компании. На ее материалах в первую очередь и следует сосредоточить внимание. Их исследование позволит дать ответы на ряд вопросов принципиальной научной значимости, поскольку эти материалы проливают свет на повседневную практику предприятия и особенно те стороны деятельности южно-немецкого купечества, которые другие источники или вовсе не освещают, или оставляют их как бы в тени.

3.2. КОМПАНИИ НА РЫНКАХ ИТАЛИИ, ИСПАНИИ, ФРАНЦИИ И НИДЕРЛАНДОВ

Равенбургская компания вела торговлю на рынках ряда стран Западной Европы (Испании, Франции, Нидерландов), однако особую роль в ее деятельности на рубеже XV-XVI вв. играли рынки Италии. Экономические связи Южной Германии с данной страной были давно установленными, достаточно тесными и прочными. Именно это являлось предпосылкой успешной деятельности немецких компаний на итальянских рынках. Что касается ассортимента товаров, которыми она на этих рынках вела торговлю, то на одно из первых мест следует поставить ее операции с шелковыми тканями и шелком-сырьем.

В относительно недалеком прошлом, в эпоху Крестовых походов, дорогостоящие шелковые ткани входили в ассортимент левантийской торговли и составляли неотъемлемый элемент торговли предметами роскоши. Турецкие завоевания и особенно падение в 1453 г. Константинополя нанесли сокрушительный удар левантийской торговле. Однако к тому времени Западная Европа уже создала собственную шелкоткацкую промышленность, которая успешно продолжала развиваться и на рубеже XV- XVI вв., что свидетельствовало о росте спроса на шелковые ткани, в роли потребителей которых выступали феодальное дворянство, прелаты церкви и богатая бюргерская верхушка. Шелкоткацкое производство в эти столетия существовало в Сицилии (Палермо и Мессина), в Калабрии на юге Аппенинского полуострова, во Флоренции и Лукке в Тоскане, Генуе и Милане – на севере Италии. Реконкиста на Пиренейском полуострове включила высокоразвитое ремесло мавров в европейскую систему торговли. И, наконец, оно развивалось, не без участия королевской власти, на юго-востоке Франции. Шелк-сырец из Испании и Южной Италии Равенбургская компания экспортировала в Нидерланды, Северо-Западную Германию (Кельн), где также возникло и получило развитие шелкоткацкое производство. Об этом, между прочим, сообщает и Ганс Паумгартнер-младший³⁷. Интересно, что в конце 70-х – начале 80-х годов XV в. Равенбургская компания вела торговлю преимущественно шелковыми тканями испанского производства, а уже с первых лет XVI столетия они очень редко

встречаются в торговой практике предприятия, которое теперь сделало упор на экспорт шелковых тканей из Милана и Генуи. Эта эволюция в практике компании, можно полагать, связана с подъемом лигурийской и ломбардской шелкоткацкой промышленности. Участие компании в посреднической торговле шелковыми тканями указывает на ту роль, которую играли итальянские города в качестве экспортеров этих тканей на европейские рынки, причем такой роли они еще не утратили и в начале XVI в.

Приступая к анализу торговли шелком по материалам Равенбургской компании, исследователь сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, не всегда удается точно установить, о каком товаре идет речь в документах – о собственно шелковой ткани или шелке-сырце³⁸. Во-вторых, означает ли дефиниция «side gwand» (шелковая ткань) все шелковые ткани или только легкие шелковые ткани типа вуалей. Очевиден лишь тот факт, что с начала XVI в. торговые операции компании с легкими шелковыми тканями и шелком-сырцом перестают носить постоянный характер. Иначе обстояло дело с тяжелыми шелковыми тканями. Равенбургская компания постоянно закупает в Милане и Генуе эти ткани, среди различных видов которых прежде всего назовем бархат³⁹. Ганс Паумгартнер-старший приводит следующие сорта этой ткани: «1 – самый дорогой *serpi*; 2 – *dappoli*; 3 – *farbeo* и 4 – *terzo polo* – самый дешевый сорт), который экспортируют в Англию»⁴⁰. Компания покупает на рынках Генуи и Милана такие тяжелые шелковые ткани, как дамаст⁴¹ и тафта⁴². Самостоятельной торговлей атласом, который Паумгартнер называет «царским сатином» (*satin geheo*)⁴³ компания, вероятно, не ведет. В материалах предприятия эта ткань фигурирует лишь однажды на весенней ярмарке во Франкфурте-на-Майне в 1497 г.⁴⁴ Среди же упомянутых выше разновидностей шелковых тканей преобладает бархат. По сравнению с операциями этим товаром операции Равенбургской компании с шелковыми тканями Лукки, а также тканями и шелком-сырцом Калабрии и сицилийской Мессины для нее менее значительны и важны⁴⁵, хотя уже и сам по себе факт ее участия в торговле южно-итальянскими тканями весьма примечателен⁴⁶. Компания также ведет торговлю вышитыми золотой нитью шелковыми тканями, которые используются на изготовление парадной одежды высокопоставленных лиц феодального государства и прелатов католической церкви, а также – для украшения помещений. Бумаги Равенбургской компании называют такие ткани «Brokat» (или «Vorten») и различают несколько их сортов⁴⁷.

Материалы Равенбургской компании сообщают также о крупных закупочных операциях с шелковыми тканями в Милане и Генуе торговых компаний и из других городов Южной Германии, в том числе Мюнцеров из Нюрнберга и Госсенбротов из Аугсбурга. Причем Равенбургская компания в ряде эпизодов выполняет функции комиссионера владельцев этих компаний. Так, летом 1504 г. агенты Равенбургской компании покупают в Генуе 4 тюка мессинского шелка «для Госсенброта», а весной следующего года для него же

«калабрийский шелк». В начале 1507 г. компания отправляет из Генуи во Франкфурт-на-Майне 8 тюков шелковых тканей, и в этой партии находятся и ткани, принадлежавшие Мюнцеру, который, по свидетельству представителя «правления» Равенбургской компании Генриха Штюдлина, инвестировал в торговлю шелковыми тканями в течение только одного года более 3000 дукатов⁴⁸. Таким образом, участие швабского купечества в торговле итальянским шелком-сырцом и итальянскими шелковыми тканями является очевидным фактом. Товарные потоки с шелковыми тканями имеют вектором движения северное и северо-западное направления, так как конечными пунктами их транспортировки являются Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне и Антверпен. В этих пунктах агенты компании и продают итальянские шелковые ткани. К сожалению, нам не известно, кто конкретно выступал в роли покупателей и потребителей дорогих шелковых тканей.

В ассортименте товаров, которыми вела торговлю Равенбургская компания, находились еще два вида тканей. Этими видами были камлот и «Stameb». Камлот – пушистая ткань, сырьем для изготовления которой служила шерсть верблюда или козы, шелк-сырец и, как утверждает В. Хайд, лучшие сорта овечьей шерсти⁴⁹. Сложнее обстоит дело с технологией изготовления «Stameb». Об этой ткани определенно можно сказать, что единицей ее измерения, также как и шелка, является «palma», а по цене эта ткань лишь немного дешевле тяжелых шелковых тканей. На «досмотрах» на тюки с тканями «Stameb» ставились знаки с изображением одной или двух роз, одного или двух колокольчиков⁵⁰. Эти ткани компания постоянно экспортировала из Генуи, Милана и Комо, где также существовало собственное производство «Stameb», на ярмарки Нюрнберга и Франкфурта-на-Майне, а эпизодически – в Антверпен и Вену⁵¹. О том, какое значение для Равенбургской компании имели операции с итальянскими шелковыми тканями в общем балансе ее торговли, свидетельствуют результаты подсчетов, которые автором этих строк сведены в таблицу (см.: Табл. 5).

На основании статистических данных таблицы можно сделать вывод о роли германских рынков, особенно ярмарок во Франкфурте-на-Майне, для продаж Равенбургской компанией изделий итальянской шелкоткацкой промышленности и ее участия в посреднической торговле между Германией и Италией⁵². Как показывают цифры этой таблицы, в 1500-1508 гг. доля операций Равенбургской компании с шелковыми тканями в общем объеме торговых сделок на ярмарках во Франкфурте-на-Майне, которые и в начале XVI в. еще продолжали играть роль распределителя товарных потоков между южным и северным бассейнами европейской торговли, была неизменно высокой и колебалась от 33,8 до 55,5 процентов. Значительной была доля торговых операций с шелковыми тканями в Нюрнберге, где она, к примеру, на весенней ярмарке 1507 г. составила 30,3 процентов от общего объема ее операций. Буквально до последних лет существования Равенбургская компания экспорти-

рвала итальянские шелковые ткани на различные западноевропейские рынки и прежде всего на рынки Германии (об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в первой половине 1527 г. ее операции с шелковыми тканями в том же Нюрнберге достигали 74,1 процентов от общего объема операций на этом рынке). В целом доля шелковых тканей в товарообороте компании на рынках Франкфурта-на-Майне и Нюрнберга за учетные в таблице отрезки времени составили почти треть его часть (32,1 процента). Торговля шелковыми тканями итальянского производства на рынках Северной и Центральной Европы имела, по всей видимости, большое значение и для других южно-немецких торговых компаний. Судя по «Инвентуры фирмы Фугтеров» (1527 г.), это предприятие экспортировало из Италии на рынки других стран Западной Европы тяжелые шелковые ткани (дамаст и кармезин) флорентийского и венецианского производства⁵³. Экспортом итальянских шелковых тканей в том же направлении по вполне достоверным данным занималась и аутсбургская компания Хаугов, Линков и Лангенауэров⁵⁴. Все это красноречиво свидетельствует о той роли, которую швабское купечество играло в посреднической торговле между Италией и не только германскими землями, но и другими странами Западной Европы.

Таблица 5

**ДОЛЯ ОПЕРАЦИЙ С ШЕЛКОВЫМИ ТКАНЯМИ В ОБЩЕМ ОБЪЕМЕ
ТОРГОВЛИ РАВЕНСБУРГСКОЙ КОМПАНИИ***

Даты торговых операций	Рынки	Общая сумма торговых операций в гульденах	В том числе с шелковыми тканями в гульденах в процентах	
осень 1500 г.	Франкфурт-на-Майнс	12380	5488	44.3
весна 1507 г.	Франкфурт-на-Майне	6304	3500	55,5
апрель 1507 г.	Нюрнберг	6173	1872	30.3
Весна 1508 г.	Франкфурт-на-Майне	7237	2650	36.6
Осень 1508 г.	Франкфурт-на-Майнс	2577	872	33.8
февр.-июнь 1527 г.	Нюрнберг и Франкфурт-на-Майне	7333	5435	74.1
Общая сумма торговых операций		61766	19817	32.1

*Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 370-376, 381-393, 398-400.

Между тем изучение ассортимента товаров, которые Равенбургская компания экспортирует из Италии, сталкивает исследователя еще с одним довольно любопытным явлением: в этом ассортименте отсутствуют знаменитые итальянские сукна, которые, казалось бы, совсем недавно были известны и пользовались спросом на всех международных рынках Европы. Из шерстяных тканей итальянского производства компания эпизодически вела торговлю лишь грубыми сукнами Комо⁵⁵, которые компания продавала исключительно на рынках городов Южной Германии, особенно в Нюрнберге. Эти сукна, вероятно, не находили сбыта или торговля ими не принесла прибыли на большинстве международных рынков европейской торговли. Сукна Комо ни разу не попали в руки агентов компании на этих рынках, в том числе на Франкфуртских ярмарках, которые, как о том уже сказано выше, служили распределительным пунктом в торговле между Северной и Южной Европой на протяжении нескольких столетий Средневековья.

Италия в Средние века являлась одним из крупнейших поставщиков на западноевропейские рынки шафрана. Шафран тогда находил применение как в качестве красителя, так и специи. Шафран ежегодно в значительных количествах импортировался на германские рынки, и к операциям с ним проявляла живой интерес не только Равенбургская компания, но и другие торговые предприятия Южной Германии. Так, Паумгартнеры, которые придавали исключительное значение торговле шафраном, в своих деловых записках указывают на следующие регионы возделывания этой культуры в Европе: Арагон и Каталония в Испании, Лионнэ, Альби, Турень и Оверни – во Франции, Кремонская область, Тоскана и Апулия – в Италии. Выращиванием этой культуры занимались также крестьяне в Австрии и Венгрии. Причем география возделывания шафрана определяла и его сорта. Именно об этом идет речь в записках Ганса Паумгартнера-младшего. В Арагоне, по его словам, которые аналогичны наименованию сортов бумажен в бумагах Равенбургской компании, культивировался шафран сорта «*org*», которому значительно уступал по качеству каталонский шафран сорта «*bolliiger*». Во Франции на Лионские ярмарки, главным образом из Альби, поставлялся шафран довольно высокого качества сорта «*marokin*» и низкокачественный – «*brunkele*». На ярмарках в Боцене и Кассальмаджоре велась торговля шафраном сорта «*duschgana*» (или «*tuschana*»), то есть шафраном, который выращивался в Тоскане. Однако ни Паумгартнер, ни агенты Равенбургской компании не купили ни одного фунта этого низкокачественного продукта. В Аbruшах возделывался шафран двух сортов: высокого качества «*zima*» и низкого – «*stima*». Шафран, поставляемый на рынки сбыта из Аппулии, именовался «аппулийским» (*puinisch*)⁵⁶. Все эти области, за исключением Австрии и Венгрии, где шафран выращивался в незначительных количествах, а также Тосканы, где он в основном продавался на местных «деревенских торгах для внутреннего потребления», поставляли эту культуру в качестве товара на международные рынки. Однако первостепенное

значение для южно-немецких компаний в торговле шафраном, как, впрочем, и некоторыми другими товарами, все же имели рынки Италии.

Равенбургская компания принимала самое активное участие в международной торговле шафраном. Более того, во второй половине 70-х и начале 80-х годов XV в. она играла в этой торговле значительную роль⁵⁷. Именно в эти годы исключительное значение для Равенбургской компании в торговле шафраном приобрели итальянские рынки. С целью укрепления деловых контактов на «рынках шафрана» в Средней Италии туда совершил в конце 1478 и начале 1479 г. поездку член «правления» компании Клаус Штейнгюслер. Поездка и связанная с нею торговая операция отличалась «солидным» для того времени характером. Штейнгюслер закупил в Аbruццх значительную партию шафрана (949 фунтов), которая обошлась компании (с накладными расходами) в 1500 дукатов. Расчет по данной сделке Штейнгюслером был произведен через генуэзские банки⁵⁸.

О размахе торговли Равенбургской компании шафраном свидетельствуют и другие факты. Так, только весной 1478 г. компания закупила на рынках Средней Италии около 7000 фунтов шафрана, то есть примерно на 13000 дукатов, а в 1480 г. за срок примерно в полгода она продала шафрана, как это следует из отчета того же Штейнгюслера с ярмарок во Франкфурте-на-Майне и Нюрнберге, на крупную сумму в 20000 гульденов⁵⁹. Впрочем, в торговле этим товаром активное участие принимали и другие южно-немецкие торговые компании. По свидетельству Ганса Паумгартнера-младшего, немецкие купцы поставляли шафран из Аквилы (Адлера), которая была одним из самых значительных центром торговли шафраном, откуда этот товар импортировался в Германию (главным образом в Нюрнберг) через такие транзитные пункты, как Комо и Милан, Пезаро и Венецию, Болонью и Феррару⁶⁰.

Однако уже с начала XVI в. операции Равенбургской компании с шафраном резко сокращаются и приобретают по преимуществу эпизодический характер. Такое явление можно объяснить рядом причин, в том числе следующими. Во-первых, нельзя не учитывать крайне неустойчивой рыночной конъюнктуры и резкого колебания цен на шафран, что сильно зависело от видов на урожай шафрана (неурожаи для этой культуры были частым явлением). Во-вторых, важное значение имело и то обстоятельство, что если в последней четверти XV в. компания стремилась закупать шафран в непосредственной близости от мест его производства, то есть в Восточной Испании, Юго-Восточной Франции, Аbruццх в Средней Италии, то уже на рубеже XV-XVI вв. она шаг за шагом утрачивает здесь свои позиции. В торговлю шафраном пришли такие торговые компании Южной Германии, как Паумгартнеры, Вельзеры, Манлихи, Грандеры, Релингеры и Пиммели из Аугсбурга, Тухеры, Имхофы, Вахтеры и Мюнцеры из Нюрнберга, Бессереры из Ульма и Меммингена, Ингольты из Страсбурга. Все это создавало атмосферу острой конкуренции, выстоять в которой «Большая компания» не смогла. Так, например, в

1507 г. львиная доля шафрана на ярмарке в Боцене была закуплена компаниями Релингеорв, Бессереров и Вельзеров⁶¹, а осенью и зимой 1513-1514 гг. в Аbruццх и Апулии почти одновременно появились четырнадцать южно-немецких компаний, что вызвало рост закупочных цен на шафран на 50 процентов⁶². Под давлением объективных обстоятельств и сильных конкурентов Равенбургская компания вынуждена была отступить и перейти от крупных оптовых закупочных операций к эпизодическим и незначительным по масштабам торговым сделкам с шафраном, который она теперь приобретала из вторых и третьих рук. «Новое купечество» установило жесткий контроль над рынками международной торговли шафраном, нити которой тянулись из Германии в Боцен и Кассальмаджоре в Северной Италии, Аквилу и Сермону в Средней Италии и даже к рынкам Апулии в Бари, Отранто и Брандизи, которые Ганс Паумгартнер-младший называет «концом христианского мира и началом туретчины»⁶³. В Германии это «новое купечество» превратилось в подлинного хозяина положения на рынках торговли шафраном во Франкфуртена-Майне, Ульме, Нюрнберге и появилось с этим товаром на ярмарках в Лейпциге, где он также пользовался спросом.

Отличительной чертой деятельности Равенбургской компании в Италии является тот факт, что центр тяжести своих операций она перенесла здесь из Венеции, которая служила главной резиденцией для большинства южно-немецких торговых предприятий, в Милан и Геную⁶⁴. В последних двух городах она вела торговые операции, прибегая к услугам местных банкиров. Отсюда же агенты Равенбургской компании совершали поездки в Лукку, Брешию и Аbruццы. В Милане и Генуе ее агенты заключали сделки с купцами и предпринимателями других городов Италии. Так, в августе 1507 г. фактория компании в Милане продала шерсть купцу Франческо из Анконы, сахар – Никколо из Брешии, шелк-сырец – Баггисто из Мессины. Последний, к тому же, вероятно, владел прядильной мастерской. В пользу такого предположения может служить запись в бумагах компании о характере сделки с этим купцом. В договоре с компанией Баггисто берет на себя обязательство переработать шелк-сырец в пряжу и продать ее с прибылью⁶⁵. Если Комо – это пункт, который открывал Равенбургской компании путь из Северной Италии через Альпы к Боденскому озеру, то Генуя являлась для нее воротами в Западное Средиземноморье. Даже в 70-е годы XV в., когда надежными базами компании были порты Эг-Морт и Ламартик в устье Роны и она охотно пользовалась сухопутными перевозками товаров через швейцарские кантоны, Генуя была для швабских купцов не только рынком сбыта и закупок товаров, но и транзитным пунктом. Ганс Паумгартнер-младший пишет, что Генуя – крупный торговый город и порт, через который во всех направлениях следует множество транзитных грузов, хотя порядки, господствовавшие здесь в деловых кругах, явно пришлись ему не по душе. Как утверждает аугсбургский купец, «недоверие (друг к другу) здесь так велико, что брат брату вряд ли даст своего осла

(даже) на один день, не взяв письменного обязательства»⁶⁶. Однако факт, который вызвал недоумение у Ганса Паумгартнера-младшего, на самом деле скорее свидетельствовал о более высоком уровне развития в Генуе (по сравнению с Аугсбургом) коммерческой техники, бухгалтерского учета и самого механизма рыночной экономики.

Генуя имела также для Равенбургской компании значение в качестве важнейшего связующего звена с рынками Испании, которые занимали заметное место в торговых операциях этого предприятия. Интерес к деятельности последнего на испанских рынках вызван также тем, что именно в Валенсии, которая, несомненно, была центром всех торговых операций компании на Пиренейском полуострове, а также – на рынках Сарагосы, Тортосы и отчасти Барселоны и Бильбао. Наиболее ярко проявилась роль Равенбургской компании как посредника в европейской торговле того времени. Она экспортировала из Испании разнообразный ассортимент товаров: шерсть, воск, сахар, кожи, овечьи шкуры, квасцы, красители, арагонский и кастильский шафран, который пользовался повышенным вниманием швабских купцов, особенно после того, как они были вытеснены с рынков шафрана в Средней Италии. Из всех товаров испанского экспорта наибольшим спросом пользовалась шерсть, так как это было время, когда экономические судьбы отдельных центров шерстоткацкой промышленности и даже некоторых регионов и стран Западной Европы вообще зависели от импорта шерсти. В силу данного обстоятельства торговля этим сырьем приобретала, можно сказать, стратегическое значение. В конце XV – начале XVI в. шерстоткацкая промышленность Италии, которая в значительных масштабах потребляла испанскую шерсть, являла собою в этом отношении наиболее наглядный и убедительный пример. Подтверждением тому, хотя бы отчасти, может служить и практика самой Равенбургской компании.

В торговле шерстью Равенбургская компания выступала в роли посредника, извлекая выгоду из тесных экономических связей, которые установились к тому времени между Испанией и Италией. Компания в значительных масштабах постоянно поставляла этот товар из столицы Каталонии Барселоны, а также Тортосы и Валенсии на рынки Генуи, Милана и гораздо реже – Комо. Если в 1475 г. Равенбургская компания вывезла из Валенсии 450 мешков шерсти, только за два летних месяца 1504 г. в Геную, Милан и Комо ею было импортировано, по далеко неполным данным, 679 тюков шерсти, причем эта шерсть, о чем свидетельствуют материалы компании, стоила около 6500 гульденов⁶⁷. Шерсть была товаром, который всегда приносил компании высокую норму прибыли. Заслуживает внимания и тот факт, что операции с шерстью иногда носили спекулятивный характер. Так, например, 13 августа 1507 г. компания продала 18 тюков шерсти некоему Paolo de Serengo и уже известному нам по сделкам с тем же товаром Франческо из Анконы, а спустя несколько дней купила на сумму в 500 гульденов шерсть у одного из своих

контрагентов (De Oliziate) в надежде перепродать эту шерсть на другом рынке и извлечь из этой торговой операции «хорошую прибыль»⁶⁸.

В торговых операциях Равенбургской компании с шерстью преобладала продукция испанского производства. Однако бумаги компании свидетельствуют о том, что внимание ее руководителей привлекала шерсть и другого происхождения. Так, в мае 1505 г. Николай Штейнхауз и Алекс Хиллензон от имени «правителей» компании настойчиво требуют от фактора предприятия во Фландрии, чтобы тот закупил и отправил в Геную 50 тюков английской шерсти. Выполнено ли было это требование – не известно. Но тогда же из Брюгге была отправлена партия «салоникской шерсти» (lana de Salonike). И эта шерсть, совершив удивительное по маршруту и продолжительности путешествие, была в конце концов доставлена в Геную, где продана с немалой выгодой для компании⁶⁹.

С меньшей энергией, чем шерсть, Равенбургская компания экспортировала из Испании в Италию воск. Материалы этого предприятия называют испанский воск «zega» и различают два его сорта (barbarisch и de la terra)⁷⁰. Ганс Паумгартнер-младший пишет, что в Милан немецкие купцы привозят «берберийский» и «испанский» воск; оба эти сорта, по его словам, не следует путать с «немецким воском», так как последний отличается более высоким качеством и стоит намного дороже⁷¹. Воск в те времена находил применение как для отправления религиозного культа, так и в быту для освещения помещений. Поэтому воск пользовался большим спросом и занимал видное место в ассортименте торговли той эпохи. Однако итальянский рынок был хотя и надежным, но не единственным потребителем воска. В 70-е годы XV в. швабские купцы в значительных количествах поставляют испанский и северо-африканский воск во Францию. Здесь в роли его потребителя выступал Авиньон, жители которого не утратили религиозного пыла, хотя пора «авиньонского пленения» римских первосвященников давно канула в лету. Воск компания также импортировала и в Лион. Воск компания отправляла и далеко на север: в Кельн и Фландрию. На нидерландских рынках этот воск оказывался конкурентом знаменитого балтийского воска, хотя на основании имеющихся в нашем распоряжении источников трудно судить о том, насколько острой была конкуренция и кто из нее вышел победителем. Впрочем, очевидно другое. Если в 70-е годы XV в. торговля компании воском была значительной по масштабам и носила постоянный характер, в начале XVI в. она пришла в полный упадок. В то же время документация компании, лакуны в которой слишком велики, не позволяют установить подлинные причины прекращения компанией торговли этим товаром.

Подобную эволюцию совершает и торговля Равенбургской компании такими экзотическими для того далекого времени продовольственными товарами, как сахар и рис, занимавшими одно из первых мест в ассортименте ее торговли в 70-е годы XV в. При этом необходимо отметить, что компания вела

торговлю сахаром только испанского производства и ее бумаги различают следующие его сорта: 1) «sandy» (самый дорогой); 2) «fein»; 3) «mostures» (самый дешевый). В роли основных потребителей испанского сахара выступали рынки Марселя, Авиньона, Лиона и Женева, в Италии компания поставляла сахар на рынки Генуи и Милана. Высокая норма прибыли в торговле этим товаром побудила руководство товарищества швабских купцов приобрести (или построить) собственное предприятие по производству сахара. И летом 1476 г. фактория Равенбургской компании в Валенсии погружает на флорентийскую галеру 18 токов сахара (сорта «fein») «из нашей сахарной мастерской»⁷². Компания экспортирует испанский сахар в Италию, Францию и даже далеко на север в Нидерланды. По подсчетам автора этих строк, агенты компании с 12 июня 1475 г. по 21 апреля 1476 г., то есть всего лишь за девять месяцев, транспортируют через таможду в Ламартике 165 токов сахара в Антверпен⁷³. Если принять во внимание, что каждый ток сахара в среднем стоил около 150 гульденов, цена этого сахара составит весьма значительную по тому времени сумму в 24750 гульденов. Однако такой размах торговли сахаром для компании оказался непродолжительным. В силу неизвестных нам обстоятельств собственное производство сахара ей вскоре пришлось закрыть, а посредническую торговлю испанским сахаром к началу XVI в. почти полностью прекратить. Именно с этого времени компания, кроме Италии (и здесь в незначительных масштабах), уже нигде не вела торговые операции с испанским сахаром. Однако состояние источниковой базы не дает возможности и в данном случае установить подлинные причины свертывания Равенбургской компанией торговых операций с этим товаром.

Объединение швабских купцов, или, как тогда его многие называли – «компания Хумписа» – в 70-е годы XV в. в значительных количествах поставляла на рынки Авиньона, Лиона и Брюгге такой продукт, как рис⁷⁴. Наибольшего размаха торговые операции Равенбургской компании с рисом достигли в 1478 г., когда она в течение этого года из Испании на рынки Фландрии экспортирует 15 тыс. токов. Причем этот рис, по подсчетам автора настоящей монографии, стоил еще дороже, чем сахар, – 53906 гульденов. Но если торговлю сахаром Равенбургская компания, хотя бы эпизодически, продолжала вести и в начале XVI в., рис к тому времени полностью исчез из номенклатуры товаров предприятия.

Некогда оживленная торговля Равенбургской компании сахаром и рисом на магистральных, связывавших Барселону и Валенсию с Южной Францией и Фландрией, почти полностью затухает, что существенным образом ухудшает положение компании на рынках Нидерландов, так как продажа сахара и риса служила источником денежных средств для закупочных операций компании с изделиями местной текстильной промышленности. Сокращение, а затем и свертывание торговли отдельными видами товаров не означало, однако, специализации Равенбургской компании на торговле другими товарами. Эта

компания по своей природе оставалась прежде всего средневековым предприятием, которое отказывалось от торговли тем или иным товаром не потому, что инвестировало капиталы в какую-то определенную отрасль торговли, а делало это исключительно по причине суровой необходимости. Компания вела торговлю только теми товарами, которые приносили высокую норму прибыли, и отказывались от торговли товарами, которая давала низкую норму прибыли, или, тем более, если торговля становилась убыточной.

В ассортименте товаров, которые Равенбургская компания экспортирует с испанских рынков, находятся также кожи, овечьи и ягнячьи шкуры. Последние в южно-европейской торговле выступают в роли своего рода эквивалента северной пушны. По крайней мере операции с ними на рынках к северу от Альп – большая редкость, и если Паумгартнеры ведут торговлю главным образом южно-итальянскими шкурами ягнят в Лионе, Равенбургская компания импортирует эти меха в Геную и Милан. Причем шкуры ягнят испанского производства она продает по более высокой цене, чем немецкого. Бумаги компании различают шкуры ягнят испанского производства («agnes») и итальянского – («basetti»)⁷⁵. Ганс Паумгартнер-младший сообщает, что «белые обработанные шкуры из Каталонии называются «aludes», а среди итальянских шкур он выделяет два сорта: первый («postqual») и второй («карпоно»)»⁷⁶. Впрочем, Равенбургская компания интенсивнее ведет торговлю овечьими шкурами, чем шкурами ягнят. Она обычно закупает овечьи шкуры в Тортозе и оттуда отправляет их в Геную и Милан. Операции с этими шкурами порою достигают значительных масштабов. Так, в феврале 1507 г. фактор компании в Генуе Ганс Клокер доносит руководству предприятия в Равенбурге, что шкуры ягнят, операции с которыми в прошлом приносили постоянно хорошую прибыль, теперь не пользуются спросом, и на складе местной фактории «лежат без движения» 6000 штук шкур. Однако вопреки пессимистическому прогнозу Клокера, в августе того же года компания продала в Милане 16 тысяч шкур овец и 12500 шкур ягнят⁷⁷.

Большой интерес к испанским рынкам проявляют и другие южно-немецкие компании. Толчком к проявлению особого интереса к этим рынкам послужили географические открытия, с началом которых рынки Пиренейского полуострова приобретают для немецкого купечества особое значение. Так, в начале XVI в. Лукас Рем, находившийся в то время на службе компании Вельзеров, совершает поездку в Валенсию, Медину дель Кампо, Саламанку и Лиссабон. На рынках всех этих городов он «с хорошей прибылью» продает медь, свинец, ртуть, киноварь, ткани фландрского производства, зерно (пшеницу и рожь), которые были доставлены сюда на кораблях, прибывших из Нидерландов, Англии, Бретани и Заэльбской Германии. В Португалии (в Лиссабоне) он закупает в больших количествах специи, оливковое масло, вина, хлопок и цитрусы Андалусии⁷⁸. Много внимания ярмаркам в Вильялонге и Медине дель Камно уделяет торговый дом Паумгартнеров⁷⁹. Фугтеры с начала

40-х годов XVI в. импортирует на испанские рынки крупные партии бумази, большая часть которой была произведена ремесленниками-ткачами в принадлежавших Фуггерам сеньориях в Вайсенхорне и Кирхберге⁸⁰.

Два обстоятельства, по мнению автора этих строк, отличают деятельность аугсбургских компании от деятельности Равенбургской компании на Пиренейском полуострове. Во-первых, если Равенбургская компания сосредотачивает свои торговые операции в этом регионе на рынках Средиземноморского побережья, аугсбургские негодцианты предпринимают энергичные усилия к тому, чтобы закрепиться на рынках Португалии и западного побережья Испании, чтобы извлечь выгоду из бурно развивавшейся атлантической торговли и таким образом принять активное участие в процессе формирования мирового рынка. Во-вторых, если для «компании Хумписа» первостепенное значение имеет посредническая торговля, другие южно-немецкие торговые предприятия, особенно аугсбургские, импортируют на рынки Пиренейского полуострова прежде всего продукцию и изделия не только горнодобывающей и металлообрабатывающей, но и текстильной промышленности германских земель.

Торговля Равенбургской компании товарами испанского производства была тесно связана с ее деятельностью на рынках Юго-Восточной Франции. Через такие порты в устье Роны, как Эг-Морт и Ламартик, она осуществляла импорт товаров на ярмарки в Лионе и Женеве, играя все ту же роль посредника во франко-испанской и испано-швейцарской торговле. Между прочим, материалы компании не оставляют сомнения, что значение Женевских ярмарок с конца XV в. резко падает, не выдерживая конкуренции со стороны Лиона. Под влиянием этого обстоятельства Женева превращается во второстепенный рынок и для южно-немецких купцов. Так, например, для аугсбургского торгового дома Манлихов, как полагает Г. Амман, Женева служила лишь промежуточным звеном и опорным пунктом для ведения крупных торговых операций в Лионе⁸¹. Уже во второй половине 70-х годов XV в. и Равенбургская компания окончательно переносит в Лион центр своих операций в этом регионе. На Лионских ярмарках компания продает такие товары испанского экспорта, как сахар и воск. Отметим, что операции с сахаром швабские купцы в эти годы ведут постоянно. Так, к примеру, они продают на весенней ярмарке 1477 г. в Лионе 42 центнера и 40 фунтов сахара на сумму в 1302 гульдена, на «ярмарке всех святых» в 1478 г. – на 1644 гульдена и на той же ярмарке в 1480 г. – на 2219 гульденов⁸². Таким образом, на трех Лионских ярмарках в конце 70-х годов XV в. компания продала испанского сахара на сумму в 5215 гульденов. Как известно, в то же время Равенбургская компания ведет торговлю испанским сахаром и воском в Авиньоне. Все это указывает на значение в ее деятельности рынков Юго-Восточной Франции, которые служили для нее не только транзитными пунктами, но и рынками сбыта различных товаров.

С французских рынков в Испанию она импортирует парусину, операция с которой представляет особенно большой интерес. Ее бумаги называют парусину «сапетмассерие» или «bordats» и различают около тридцати сортов этого товара. Ряд наименований этих сортов свидетельствуют о местах производства парусины, а вместе с тем и географии возделывания в Восточной и Юго-Восточной Франции такой культуры, как конопля (Макон, Беллавиль, Вьенни, Лионнэ, Бриасон и другие)⁸³. Следует обратить внимание и на тот факт, что торговля таким заурядным товаром, как парусина, вовлекает в систему товарно-денежных отношений мелких производителей на довольно обширной территории, поскольку парусину вырабатывают городские и сельские ткачи Лионнэ, Бургундии и других территорий юго-восточного региона Франции. В роли покупателей парусины, потребность в которой возрастает с развитием мореплавания, для Равенбургской компании выступают только испанские рынки. В операциях с этим товаром швабские купцы проявляют немало энергии и большую заинтересованность. В ряде городов Лионнэ и Бургундии компания имела своих агентов, которые, выполняя функции ее комиссионеров, проводили операции по закупке парусины у местных ремесленников. Интересные сведения на этот счет содержатся в записках фактора компании в Лионе Клауса Бютцеля. Как следует из этих записок, Бютцель на августовской ярмарке 1477 г. предоставил кредит в 235 гульденов некоему Клоду Мерло (Clado Merlo), «нашему человеску из Беллавиля», чтобы тот «купил (парусину) у хороших ткачей и послал (ее) нам сюда». Для этой же цели Пьер Француз (Pero de Frantz), также из числа «наших людей», то есть агентов компании, получил 1520 гульденов. В общей сложности Бютцель «раздал во все руки» 3250 гульденов агентам компании, которые, получив кредиты, обязаны были доставить парусину в Авиньон или Лион⁸⁴. Возможно предположение, что эти французские комиссионеры Равенбургской компании, авансируя городских и особенно сельских ткачей и скупая у них же готовые изделия, выступали в роли организаторов капиталистической мануфактуры рассеянного типа. Причем такая мануфактура попадала в зависимость от «иноземного капитала». К сожалению, все эти материалы, особенно контракты агентов компании с ткачами, представлены, о чем уже сказано выше, их издателем, А. Шульте, в обобщенном варианте, что лишает историка возможности исследовать подлинную картину развития отношений раздач в данной отрасли. С другой стороны, рассмотренный выше эпизод примечателен тем, что Равенбургская компания, которая, казалось бы, не занималась раннекапиталистическим предпринимательством как таковым, силою обстоятельств все же известным образом оказалась вовлечена в общеевропейский процесс генезиса капитализма в промышленности. Произошло это по той причине, что со второй половины XV в. отношения раздач все более становились обыденным явлением и превращались в норму производственных отношений, необходимости следовать которым не могли избежать и швабские купцы.

Вместе с тем следует отметить, что Лион в конце XV – начале XVI в. выступает в роли международного торгового центра, который пользуется повышенным вниманием купечества Южной Германии. В частности, Ганс Паумгартнер-младший придает исключительное значение четырем ежегодным ярмаркам в этом городе и отмечает, что во время этих ярмарок торговые операции ведутся на них без соблюдения обычных правил и без взимания обычных пошлин, «исключая (торговлю) шелковыми тканями, ... которые были доставлены (сюда) водным (путем) или ввезены сухопутной дорогой»⁸⁵. В этом факте нашла отражение политика протекционизма, проводившаяся королевской властью по отношению к местным ярмаркам и особенно к получившим сильное развитие в Лионе шелкоткацким мануфактурам⁸⁶. Что касается Равенбургской компании, она подчиняет деятельность на Лионских ярмарках по преимуществу интересам на испанских рынках не только в операциях с парусиной, но и с рядом других товаров, покупая, например, в Лионе и Авиньоне «немецкое полотно» и «ульмскую бумагею», чтобы тут же доставить их для перепродажи в Валенсию и Сарагосу»⁸⁷. С другой стороны, приобретение этих товаров на ярмарках в Лионе указывает на слабую связь самой компании с текстильной промышленностью Южной Германии.

С установлением прав французской короны на Прованс есть основания связывать упадок Эг-Морта, превративший Авиньон в тихий провинциальный город королевства (между тем эти пункты имели большое значение для швабских кушцов) и перемещение центра международной торговли в этом регионе Средиземноморья в Марсель, на рынке которого Равенбургской компании так и не удалось закрепиться. Все это изменяет обстановку не в ее пользу. Из рук компании ускользает торговля парусиной, которая сосредотачивается в руках более сильных конкурентов. По свидетельству Ганса Паумгартнера-младшего, из иностранных компаний в 1514 г. особенно заметную роль в Лионе играли крупные итальянские торгово-банкирские дома Нази, Алимани, Сальвиати, Анченори, Барчелини, Бени, Манели, Бартоломео Панциати и Антонио Конди из Флоренции, Бонвизи из Лукки и Саули из Генуи⁸⁸. Указанные выше обстоятельства проливают дополнительный свет на причины свертывания Равенбургской компанией деятельности на Лионских ярмарках. С начала XVI в. компания, не выдержав конкуренции с хорошо приспособившимися к новым условиям предприятиями, ограничивается на этих ярмарках незначительными по масштабам торговыми операциями.

Отличный от Равенбургской компании характер носила деятельность на рынках Юго-Восточной Франции и аугсбургской компании Манлихов. Ее глава, Матеус Манлих, использует Лион и особенно Марсель в целях проникновения на рынки стран Леванта и Северной Африки, с которыми он осуществляет торговлю на принадлежавших ему же кораблях. О размахе этой торговли свидетельствует и то, что компания Манлихов открывает фактории в Александрии, Стамбуле, Фамагусте на Кипре, Триполи и Алеппо в Сирии.

Через эти пункты она ведет закупочные операции с хлопком, восточными коврами, индийскими специями, москательными товарами, драгоценными камнями, жемчугами и многими другими товарами⁸⁹. Однако географический диапазон и характер торговли компании Манлихов в Средиземноморском бассейне отличается от характера деятельности не только Равенбургской компании, но и большинства других южно-немецких предприятий, деятельность которых все же была ограничена географическими рамками европейского континента. Устремления Манлихов обращены к стратегическим центрам формирующегося рынка мировой торговли. Однако такому примеру могли последовать лишь немногие торговые компании Южной Германии. В их числе, по вполне понятным причинам, не было Равенбургской компании.

Возвращаясь к характеристике деятельности Равенбургской компании, следует отметить, что рынки Средиземноморья имели для нее исключительное значение. Связь компании с Бильбао, откуда открывался путь по Атлантике в Нидерланды, а через восточные порты Испании – в Италию, а оттуда через Альпы – к рейнской речной магистрали, позволяли ей участвовать в международной торговле такими товарами, как кораллы, жемчуг, пряности, красители, квасцы. Правда, ни один из этих товаров в отдельности, ни все они вместе взятые, не определяли номенклатуры торговли предприятия и не решали его судьбы, хотя отдельные операции с названными выше товарами могли быть значительными по своим масштабам. В то же время изучение операций с данными товарами по материалам Равенбургской компании не только указывает на особенности деятельности этого предприятия, но и проливает дополнительный свет на характер европейской торговли на рубеже XV-XVI вв.

Швабские купцы в значительных количествах закупают на средиземноморских рынках кораллы, коралловые четки (*ave Maria*) и жемчуг (правда, последние значительно реже, чем кораллы) и экспортируют эти товары в различных направлениях. В бумагах товарищества встречаются наименования сортов кораллов, которые отличаются друг от друга ценами. Судя по записям пайщика Равенбургской компании Лутца Штейнпослера на Франкфуртской ярмарке 1480 г., это следующие (в порядке понижения цены) их сорта: 1) *gross negrus*; 2) *schcran*; 3) *pass*; 4) *minut*; 5) *floret*; 6) *negret*.

Компания активно ведет торговлю кораллами на ярмарках в Нюрнберге, Нердлингене и Франкфурте-на-Майне⁹⁰, поставляет их на рынки Брюгге, Антверпена и Кельна. Но и торговля кораллами совершает неблагоприятную для компании эволюцию. Если в 70-е годы XV в. агенты компании производят закупочные операции с кораллами в Валенсии и Барселоне, то есть в пунктах, которые являются основными поставщиками кораллов на европейские рынки, уже в начале XVI в. она покупает кораллы из вторых и третьих рук только в Генуе, что, естественно, резко снижает норму торговой прибыли предприятия в операциях с этим товаром. Любопытно также отметить, что в 1503-1507 гг.

кораллы и жемчуг на ярмарках Франкфурта-на-Майне, где удельный вес в общем объеме продаж этого товара Равенбургской компании, пожалуй, особенно высок, его неизменно скупает оптом некий Ганс Моль, который обычно третью часть или половину кораллов и жемчуга приобретает за наличные деньги, а остальные – в кредит⁹¹.

Со Средиземноморским бассейном связана и торговля Равенбургской компании специями, которые, впрочем, в ее практике встречаются лишь эпизодически. Она закупает в условиях благоприятной для нее конъюнктуры в Италии и городах Восточной Испании, а с помощью комиссионеров – и в Португалии, перец, имбирь, померанец, гвоздику, мускатный орех и корицу, поставляя эти специи во Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг, Нердлинген, Антверпен и Брюгге⁹². Однако открытие морского пути в Индию приводит уже в начале XVI в. к подлинной революции в торговле пряностями. Перемещение центра этой торговли из Средиземноморья на Атлантическое побережье в Лиссабон и Антверпен, крах относительно устойчивой рыночной конъюнктуры в торговле специями – все это побуждает купцов или приспособляться к новым условиям, или отказываться от торговых операций с пряностями, так как уже в первом десятилетии XVI в. цены на европейских рынках на некоторые виды пряностей падают от 6 до 20 процентов. К тому же, возникают «ножницы цен» на «португальские» и «венцианские» пряности⁹³. При этом также следует иметь в виду, что Южная Германия утрачивает роль посредника в торговле левантскими пряностями на северных рынках континента, в этой связи необходимо отметить, что в XVI в., когда подул ветер географических открытий, предвешавший наступление новой эпохи не только в торговле, но и в экономической жизни Европы вообще, южно-немецкие купеческие компании Вельзеров, Хохштеттеров и Релингеров, поддерживая тесные контакты с Лиссабоном, продолжали играть заметную роль в торговле пряностями на европейских рынках и в начале этого столетия, используя с этой целью, в частности, открытие морского пути в Индию.

Итак, основу испанского экспорта (по материалам Равенбургской компании) составляют такие сельскохозяйственные продукты и экзотические товары (которые можно было бы назвать «дарами природы»), как шерсть, воск, сахар, кожи, овечьи и ягнячьи шкуры, шафран, пряности, квасцы, кораллы и жемчуг. В обмен на них швабские купцы поставляют на рынки Испании в первую очередь изделия западноевропейской текстильной индустрии: голландские и немецкие полотна, южно-немецкую и северо-итальянскую бумагу, французскую парусину, нидерландские и английские сукна, головные уборы Фландрии и Италии, шелковые ткани Северной Италии, металлы и металлические изделия германских земель. Сравнение ассортимента товаров испанского импорта и экспорта, во-первых, свидетельствует о прочно вошедшем к XVI в. в экономическую жизнь Европы разделении труда в международных масштабах; во-вторых, дает основания для гипотезы об отставании

некоторых отраслей испанской промышленности (горнодобывающей и металлообрабатывающей) от других стран Западной Европы (прежде всего германских земель). Правда, эта гипотеза нуждается в проверке и уточнении на материалах других источников. Вывод о превращении Испании уже в первой четверти XVI в. в «аграрный придаток» Западной Европы является поспешным и вряд ли соответствующим действительному положению вещей, материалы источников все же в большей мере отражают специфику деятельности Равенбургской компании, чем характерные черты экономических отношений Испании с другими странами Западной Европы, в том числе с Германией. К тому же, в бумагах компании можно обнаружить сведения, которые предостерегают от поспешных умозаключений. Так, известно, что иногда швабские купцы импортируют валенсийские сукна в Геную⁹⁴, шелковые ткани и шелк-сырец Альмерии (шелкоткацкая промышленность которой возникла еще в далеком прошлом и в эпоху расцвета, XIV-XV вв., насчитывала до 860 ткацких станков)⁹⁵, – на рынки Нидерландов, в Кельн, Авиньон, Геную и Лион⁹⁶. Заслуживает, к примеру, внимания и тот факт, что на весенней ярмарке в Лионе в 1477 г. фактория компании продает некоему Jac. Feliper из Милана два фарделя (тюка) альмерийского шелка-сырца весом в 158 фунтов на значительную сумму в 1269 гульденов⁹⁷. Однако приведенным выше фактом дело не ограничивалось.

При изучении материалов Равенбургской компании исследователь сталкиваемся еще с одним довольно любопытным явлением. Оказывается, что испанские рынки на рубеже XV- XVI вв. выступали не только в роли экспортеров шерсти на рынки Западной Европы, но и являлись потребителями шерстяной пряжи. Эту пряжу компания импортировала на рынки Валенсии и Сарагосы из Брюгге и Антверпена (известен лишь один случай экспорта ею шерстяной пряжи из Милана и Валенсии летом 1479 г., по всей видимости, на один из рынков германских земель). При этом необходимо отметить, что операции с шерстяной пряжей отнюдь не были случайными эпизодами, а носили достаточно устойчивый характер. Шерстяная пряжа, фигурировавшая в бумагах компании на испанских рынках под весьма выразительными названиями⁹⁸, неизменно пользовалась большим спросом и приносила ей высокую норму прибыли.

Если средиземноморская торговля являлась фундаментом деятельности Равенбургской компании на европейских рынках, само здание этой деятельности трудно представить без рынков Нидерландов. В нашем распоряжении нет точных данных, когда компания появилась во Фландрии, хотя ясно, что к рубежу XV- XVI вв. она прочно там обосновалась. Фактория компании в Брюгге, который долгое время являлся ее опорным пунктом на севере Европы, и в ряде других городов этого региона (Бергене-оп-Цооме, Антверпене, а отчасти и Кельне) широко развернули свою деятельность. Причем Брюгге и Антверпен являлись для компании важными центрами, где она вела оживленную

торговлю. Здесь, как это следует из бумаг компании, в операциях, в частности с головными уборами, в роли ее постоянных контрагентов выступали Agtia Duck, Loick fon Hell и Ян де Шерер. Здесь же компания продавала кораллы Филиппу из Делфта и Арндту из Касселя, покупала голландские полотна у Яна Дирка из Хаарлема. Любопытно, что фактор компании во Фландрии Андреас Затлер закупил в первой половине 1478 г. у Дирка полотна различных сортов на сумму в 253 фландрских фунта (то есть 1167,5 «рейнских гульденов»). Причем часть этой суммы (100 гульденов) получил в Милане наличными «студент – сын Дирка»⁹⁹. К началу XVI в. компания перенесла свою главную резиденцию в Нидерландах из Брюгге в Антверпен, что может служить пусть и косвенным, но достаточно красноречивым свидетельством упадка значения последнего в качестве центра международной торговли, на что очевидно и отреагировали швабские купцы.

Характер торговых операций швабского купечества на нидерландских рынках в значительной мере определялся тем обстоятельством, что на рубеже XV и XVI столетий Нидерланды являлись одним из передовых регионов Западной Европы. Тесная связь нидерландских рынков с рынками Средиземноморья находит также отражение в практической деятельности немецкого купечества: Равенбургская компания на протяжении всего рассматриваемого в настоящей книге времени закупает в Нидерландах изделия местной текстильной промышленности, большую часть которых она продает на рынках именно Средиземноморья. Что же касается импорта товаров в Нидерланды, он претерпел кардинальные изменения. Если еще в 70-е годы XV в. компания главным образом ввозила в Нидерланды такие товары испанского происхождения, как рис, сахар, миндаль, тмин и красители, то с начала XVI в. ее активность на торговых линиях, связывающих Антверпен с городами Восточной Испании, заметно ослабевает, а в импорте на нидерландские рынки начинают преобладать тяжелые шелковые ткани итальянского производства и значительно возрастает удельный вес в ассортименте ее товаров на этих рынках «немецкого серебра». Торговля компании серебром и другими металлами является показателем успехов горнорудной промышленности германских земель. Торговые коммуникации, связывавшие Нидерланды со Средиземноморским бассейном, проходили по рейнской речной магистрали, а также из устья Роны в Юго-Восточную Францию и через Альпы в Италию, или «атлантическим путем» через Бильбао и сухопутной дорогой к испанским портам на побережье Средиземного моря. Эти коммуникации имели для Равенбургской компании решающее значение.

Выше уже было показано, какую роль нидерландские полотна, особенно полотна Голландии, играли в товарообороте Равенбургской компании, которой она осуществляла между западноевропейскими рынками. Поэтому здесь следует лишь подчеркнуть, что удельный вес изделий льготкацкого производства в ее общем товарообороте к началу XVI в. значительно вырос по

сравнению с 70-ми годами XV в., так как эти изделия пользовались спросом на всех рынках от Антверпена на севере до Валенсии и Генуи на юге. Для швабских негоциантов не меньшее значение нидерландские рынки имели и для закупочных операций с шерстяными тканями. Во второй половине XV и начале XVI в. успешно развивалась шерстоткацкая промышленность как на севере, так и на юге Европы, что создавало условия для острой конкуренции на международных рынках. Судя по материалам Равенсбургской компании, а они позволяют сделать лишь относительно верные и точные выводы о положении дел, североевропейские шерстяные ткани (нидерландские и английские) вполне успешно конкурировали на рынках их сбыта в Средиземноморье с сукнами Испании и Италии, тогда как изделия последних двух стран были редкими гостями в факториях компании в Нидерландах и даже на Франкфуртских ярмарках. Ведущие позиции в операциях с шерстяными тканями, без сомнения, принадлежали нидерландским изделиям, среди которых прежде всего следует указать на тонкие шерстяные ткани типа «аррас» (саржа). Правда, эти ткани производились не только в Аррасе, но и Валансьене, Лембеке, Хондсхоте, Камбре и Брюгге. И лишь однажды компания приобрела шерстяные ткани «аррас» утрехтского производства¹⁰⁰. При этом бумаги компании различают несколько видов «аррасских» тканей самой широкой цветовой гаммы. Обычно бумаги компании противопоставляют друг другу два вида «аррас»: «gemein» (грубая и дешевая ткань) и «fein» (тонкая и дорогая ткань). Среди дорогих «аррасских» сукон в свою очередь следует особо выделить такие высококачественные ткани, как «martzwooll», «chozwooll», которые в два или даже в три раза стоили дороже грубых «аррасских» тканей. От 20 до 40 процентов дороже сорта «gemein» стоили сукна «chantzia», «schilher», «taneb», «cisid». К числу дорогостоящих шерстяных тканей типа «аррас» относится и еще один их сорт («fostarb»)¹⁰¹. Равенсбургская компания постоянно закупает в Брюгге и Антверпене сукна брабантских, фландрских и голландских городов (Мехельна, Херентала, Мена, Хаарлема, Брюгге, Линда и Амстердама) и иногда – так называемое «фризское сукно» (vrise tuoch)¹⁰². Сукна нидерландского производства агенты компании в значительных количествах поставляют на рынки городов Германии (регулярно – Франкфурта-на-Майне, часто – Нюрнберга и эпизодически – Равенсбурга), в Северной Италии – Генуи и Милана, в Восточной Испании – Валенсии и Сарагосы. Также эпизодически эти сукна компания импортирует и в Барселону.

Швабские купцы, приезжавшие в Нидерланды, чтобы закупить шерстяные ткани, обязательно совершали поездки в Кале, который (по крайней мере до 1532 г., пока Кале не отошел к владениям французской короны) являлся складочным пунктом английских сукон в континентальной торговле. Агенты Равенсбургской компании проявляли самый живой интерес к операциям с английскими сукнами и импортировали эти сукна на международные рынки континентальной Европы. Еще в 1478 г. фактор компании в Нидерландах на-

стойчиво советовал руководству предприятия дать указание своим агентам о закупке в Кале английских сукон, которые, по его словам, пользуются повсюду спросом и их продажа неизменно приносит компании «хорошую прибыль»¹⁰³. И, по всей видимости, эта рекомендация была реализована на практике. Уже с конца 70-х годов XV в. компания осуществляла закупочные операции с английскими сукнами не только в Кале, но и Антверпене. Она особенно активизировала торговлю этими сукнами в последние годы того же столетия и энергично ее вела в первом десятилетии XVI в., когда Кале превратился для нее в постоянный пункт закупочных операций с английскими шерстяными тканями. Так, в январе 1507 г. «правители» компании направляют в Кале своего агента Ганса Эрлина, чтобы тот на этом рынке приобрел от 40 до 50 кусков английских сукон. Однако к тому времени на рынке Кале уже появились представители более крупного южно-немецкого капитала (Фуггеры, Хошштеттеры и Вельзеры), которые, как пишет упомянутый выше Эрлин, каждый в отдельности покупали здесь от 400 до 500 сукон английского производства¹⁰⁴, то есть каждый из них – в десять раз больше, чем Равенбургская компания.

Для последней основным рынком сбыта английских шерстяных тканей служат Франкфуртские ярмарки, где она продает их не только за наличный расчет, но и прибегает к бартерным сделкам, обменивая «сукна» на другие товары. Так, к примеру, к осенней ярмарке 1507 г. во Франкфурте-на-Майне компания получает из своей фактории в Нидерландах 46 кусков английских сукон, 30 из которых она продает за наличные деньги по цене 24 гульдена за кусок, а остальные 8 кусков тканей обменивает на медь, но уже по цене 25 гульденов за кусок¹⁰⁵. О значении Антверпена в роли пункта закупочных операций с сукнами свидетельствует и тот любопытный факт, что Равенбургская компания приобретает здесь даже шерстяные ткани южно-французского города Арля. В первой половине 1524 г. компания покупает в том же Антверпене 12 кусков «черного сукна Арля» (*tuoch schwarz arlas*) «для себя» (то есть с целью перепродажи на другом рынке) и 2 куска такой же ткани – по личному заказу «первого правителя» компании Конрада Хумписа¹⁰⁶.

Из других изделий легкой промышленности Нидерландов Равенбургская компания значительными партиями закупала на рынках этой страны головные уборы (в том числе детские). В бумагах компании головные уборы фигурируют под названиями «huiten», «beretten», «boneta». Ее агенты в переписке с «централом» неоднократно высказывали опасение, что экспортируемые ими с нидерландских рынков фасоны шляп (мужских и особенно женских) не будут соответствовать моде сезона. Это, как они полагали, может принести самому предприятию одни только убытки¹⁰⁷. Заслуживает внимания и тот факт, что головные уборы компания экспортировала только в Испанию (Валенсию и Сарагосу), причем не только из Нидерландов, но и Италии (Милана). Она интенсивно экспортировала с рынков Нидерландов и Италии в Ис-

панию головные уборы в конце 70-х – 80-е годы XV в., но к началу XVI в. торговля этим товаром, за исключением эпизодических операций, фактически сводится на нет. Подлинные причины свертывания компанией торговли головными уборам нам не известны.

Равенбургская компания в начале XVI в. постоянно экспортировала из Нидерландов на испанские, а порою и на итальянские рынки (Геную) вышитые ковровые ткани, традиционными центрами производства которых в Западной Европе являлись Турне и Брюссель. Эти ткани в ее документах фигурируют под названиями «tapiserie» или «bankal». Компания продавала также в Сарагосе скатерти и покрывала фландрского производства, а в Нюрнберге – одеяла того же производства из грубой шерстяной ткани («hotzen») ¹⁰⁸, покупателями и пользователями которых, судя по бумагам компании, являлись представители «трудящихся классов» – ремесленники и крестьяне.

В то же самое время пушнина, которой, наряду с воском, принадлежало в Средние века столь видное место в истории торговли на севере Европы в бассейнах Балтийского и Северного морей: от русских земель до Нидерландов ¹⁰⁹, в отличие от «торговых дворов» ганзейских купцов ¹¹⁰, была редким гостем в факториях Равенбургской компании и не часто попадала в руки ее агентов. Последние лишь изредка покупала белку, соболей и «меха выдры из Фландрии». Однако Брюгге и Антверпен не были единственными пунктами закупочных операций с пушниной. Эпизодически торговые операции с этой пушниной, о чем уже упоминалось выше, она осуществляла также в Нюрнберге и Вене.

С начала XVI в. Равенбургская компания испытывает в своей деятельности на нидерландских рынках серьезные затруднения, объяснить причины которых оказывается задачей не из легких. Представляется очевидным лишь тот факт, что компания покупает товаров здесь на значительно большие суммы, чем продает, нарушая тем самым привычный для нее баланс торговых операций. Так, за несколько осенних месяцев 1504 г. операции по продаже товаров на нидерландских рынках принесли ей выручку в 4292 гульдена и в то же время закупочные операции на этих же рынках обошлись ей в сумму в 9797 гульденов ¹¹¹, то есть затраты на закупочные операции превысили более чем в два раза выручку от продажи товаров. Этот пассивный баланс можно было покрыть, а финансовые затруднения преодолеть за счет широкой практики торговли в кредит и притока денежных средств с других рынков. Однако несовершенство коммерческой техники компании, которое выражалось в недостаточной координации и согласованности действий ее агентов на различных рынках, отказ от более или менее значительных по масштабам банковских операций были серьезным тормозом на пути ее успешной деятельности. Поэтому причины сначала резкого сокращения масштабов торговли компании, а затем и ее роспуска в 1530 г. следует искать не только в появлении сильных конкурентов, прежде всего в лице владельцев крупных южно-

немецких торговых предприятий, кризисе средиземноморской торговли «компания Хумписса», тесно связанной многими нитями с Антверпеном, резком сокращении масштабов операций с изделиями льюткацкого ремесла Верхней Швабии в международной торговле того времени и слабости контактов с переживавшими подъем отраслями общественного производства (прежде всего бумажейнго и горного дела), но и в несовершенстве коммерческой техники, которая не позволяла компании проводить в жизнь стратегическую линию и гибкую тактику торговых операций, предполагавшую прогнозирование изменений рыночной конъюнктуры. В конечном счете Равенбургская компания, оставаясь средневековым по своей природе торговым предприятием, не была в состоянии дать убедительные ответы на вызовы неумолимо наступающего Нового времени и реализовать программу адаптации к изменившимся историческим условиям. Компания, фигурально выражаясь, оказалась на обочине столбовой дороги общественного прогресса и вынуждена была в конце концов прекратить свою деятельность.

3.3. ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛИ НА РУБЕЖЕ XV- XVI ВВ.

Первостепенное значение в исследовании истории торговли, в том числе средневековой, имеют поиски ответов на такие вопросы, как норма торговой прибыли, накладные расходы, морские (или речные) перевозки и сухопутная транспортировка товаров, условия страхования этих товаров. Обратимся прежде всего к рассмотрению вопроса о прибыльности западноевропейской торговли XV-XVI вв.

Норма торговой прибыли Равенбургской компании вызывает у историков-экономистов повышенный интерес по той причине, что это предприятие, как принято считать, являет собою пример торговой компании в «чистом виде», поскольку можно считать вполне установленным фактом, что она не занималась банковской деятельностью, не принимала участия в откупных операциях с металлами и капиталистическом предпринимательстве в горнорудной промышленности. К сожалению, лакуны в отчетной документации так велики, что исследователь располагает лишь отрывочными на этот счет данными (см.: Табл. 6). Однако и эти сведения позволяют установить, что годовая норма торговой прибыли компании колеблется от 5,25 до 11,1 процентов, а в среднем за годы, о которых сохранились статистические данные, она составляет около 8 процентов. Эту прибыль для того времени следует признать умеренной, хотя и она открывала перед компанией перспективу довольно быстрого умножения богатств. Так, известно, что за десять лет (1485-1494 гг.) основной капитал Равенбургской компании увеличился почти вдвое¹¹². Опираясь на данные, представленные в Табл. 6, можно сказать, что торговая деятельность Равенбургской компании в 90-е годы XV в. и первом десятилетии

XVI в. в целом была вполне успешной и ее показатели существенным образом не отличались от нормы торговой прибыли, к примеру, аугсбургских компаний. Значительное сокращение нормы торговой прибыли Равенбургской компании в начале второго десятилетия XVI столетия отразило сам факт обострения ее конкуренции на европейских рынках с «новыми компаниями», в том числе с теми же аугсбургскими предприятиями, которые, отвечая на вызовы Нового времени, переходили от торговли и банковской деятельности к раннекапиталистическому предпринимательству. Равенбургская компания оказалась в стороне от неумолимо наступающего Нового времени и, образно выражаясь, так и осталась в Средних веках. Это и предопределило ее судьбу: в 1530 г. компания по причине неизбежного банкротства была распущена.

Таблица 6

Норма торговой прибыли Равенбургской компании*

Годы отчетных периодов	Прибыль за отчетный период в процентах	Среднегодовая норма прибыли в процентах
1474-1477	21,0	7,0
1491-1494	33,3	11,1
1501-1504	27,0	9,0
1504-1507	22,0	7,3
1507-1510	25,0	8,3
1510-1514	21,0	5,25

*Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 1. S. 60, 178; Bd. 3. S. 485.

В инструкциях «централя» факториям, отчетах и деловых записках о ярмарках, сделках купли-продажи товаров в материалах Равенбургской компании разбросаны сведения о прибыльности ее операций с отдельными товарами на различных европейских рынках (см.: Табл. 7). Эти сведения, собранные буквально по крупницам, все же дают возможность сформулировать представляющие определенный научный интерес наблюдения и выводы. Во-первых, относительно более полными данными мы располагаем о прибыли компании на итальянских рынках, скудными и отрывочными – на испанских, германских и нидерландских, полностью отсутствуют данные на этот счет о французских рынках. Во-вторых, величина торговой прибыли операций с отдельными товарами в большинстве случаев значительно выше среднегодовой нормы прибыли предприятия, что объясняется прежде всего медленным обращением капитала, несовершенством коммерческой техники, а порою и не-

расторопностью агентов Равенбургской компани и недостаточной личной искушенностью швабских купцов в торговых делах. В-третьих, необходимо иметь в виду, что норму среднегодовой прибыли значительно сокращали убыточные операции, точных данных о которых бумаги компании, к сожалению, не содержат. Данные об убыточных операциях обычно заносились в «Тайную книгу» (Geheimbuch). Эта «Книга» в материалах Равенбургской компани не сохранилась, в дошедших до нас бумагах свидетельства о таких операциях с товарами ограничиваются лаконичными формулировками: «не пользуются спросом», или «не приносят прибыли». В-четвертых, представленная в Табл. 7 «выборка» охватывает два сравнительно небольших отрезка времени всего в восемь лет (1477-1480 и 1504-1507 гг.), что побуждает к осторожности в выводах.

На основании данных «выборки» о 39 торговых операциях, представленных в Табл. 7, можно заключить, что, к примеру, прибыль торговых операций Равенбургской компани с немецкими полотнами колебалась от 14,5 до 18,2 процентов, голландскими полотнами – от 24 до 30 процентов, шерстяными тканями «аррас» – от 20 до 35 процентов, испанской шерстью – от 10 до 35 процентов, испанскими кожами – от 10 до 22 процентов, ягнячьими шкурами того же происхождения – от 17 до 29 процентов, испанскими квасцами – от 8 до 13,5 процентов, испанскими шелковыми тканями (или шелком-сырцом) – от 5-6 до 40 процентов, причем с такой разницей в прибыли они были проданы в начале 1507 г. на одном рынке – в Генуе. Колебания в ценах, по которым компания продавала товары, с одной стороны, отражают перемены в рыночной конъюнктуре, с другой – свидетельствуют о степени искушенности в своей профессии.

О некоторых эпизодах торговой деятельности своей компани, в том числе о прибыльности отдельных торговых операций, в «Торговых обычаях мира» рассказывает Ганс Паумгартнер-младший. Так, например, 24 января 1510 г. агенты его компани погружают на корабль, следующий из итальянского порта Бари в Антверпен, 105 мешков тмина, который там был продан с прибылью в 15,9 процентов. Тем же рейсом в Нидерланды отправлен 31 мешок миндала (13 мешков сорта «ambrosine» и 18 мешков сорта «cotnipe»). Продажа миндала первого сорта дала прибыль 43, второго – 69 процентов¹¹³. Такая прибыль была «очень высокой» и в практике компани Паумгартнеров. В этой связи интересно свидетельство того же Ганса Паумгартнера-младшего о том, что продажа в Нюрнберге шафрана, приобретенного в Лионе, составила прибыль всего в 6 процентов. Однако, замечает владелец компани, поскольку такую торговую операцию можно было осуществлять четыре раза в течение года, торговля шафраном, по его словам, приносит «хорошую прибыль»¹¹⁴. В данном случае нетрудно подсчитать, что торговля шафраном давала Паумгартнерам прибыль в 24 процента годовых, которая была высокой и для крупных торговых компани. Эта прибыль в три раза выше среднегодо-

Прибыль в торговых операциях Равенсбургской компании
Конец XV – начало XVI в.*

Время проведения торговых операций	Рынки	Наименование товаров	Прибыль в процентах
1477 г.	Нюрнберг	сукна	29,0
1477 г.	Сарагоса	полотна	20,0
1477 г.	Барселона	немецкое полотно испанский	18,2
1478 г.	Брюгге	шелк	10,0
1478 г.	Фландрия	санкт-галленское полотно	14,0
1479 г.	Генуя	валенсийский сахар	18,5
осень 1479 г.	Генуя	немецкое полотно голланд-	14,5
осень 1479 г.	Генуя	ское полотно испанская	30,0
осень 1479 г.	Генуя	шерсть	13,0
осень 1479 г.	Генуя	испанский сахар	16,0
осень 1479 г.	Генуя	воск	6-8
осень 1480 г.	Антверпен	пряности	6,0
1480 г.	Сарагоса	фландрские сукна	12,0
лето 1504 г.	Генуя Милан	испанские кожи	22,0
лето 1504 г.	Милан	медь	8,0
лето 1504 г.	Италия	испанская шерсть	35,0
начало 1505 г.	Италия	испанская шерсть	31,0
начало 1505 г.	Италия	испанская шерсть	11,75
начало 1505 г.	Генуя	салоникская шерсть	16,0
1505 г.	Генуя	ягнячий шкуры	29,0
1505 г.	Генуя	испанский сахар	11,5
1505 г.	Милан	испанская шерсть	10,3
осень 1505 г.	Милан	испанская шерсть	12,0
осень 1505 г.	Милан	испанский сахар	14,0
осень 1505 г.	Германия	воск	17,0
1505 г.	Бильбао	калабрийский шелк	32,0
весна 1506 г.	Генуя	голландское полотно	24,0
начало 1507 г.	Генуя	латунь	21,0
начало 1507 г.	Генуя	испанский шелк	5-6
начало 1507 г.	Генуя	шерстяные ткани «аррас»	15,0
начало 1507 г.	Генуя	нидерландское полотно	26,0
начало 1507 г.	Генуя	каталонская шерсть	10,0
начало 1507 г.	Генуя	оливковое масло	13,0
начало 1507 г.	Генуя	испанская шерсть	15,0
начало 1507 г.	Генуя	ягнячий шкуры	17,0
начало 1507 г.	Генуя	испанский сахар	6,0
начало 1507 г.	Генуя	испанский шелк	40,0
начало 1507 г.	Генуя	испанские кожи	10-14
начало 1507 г.	Генуя	испанские квасцы	8-13,5

* Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 74, 145, 241, 242, 258, 260, 262, 272, 275, 278, 284-287, 290, 299-303, 330, 409, 415, 432.

вой нормы прибыли Равенбургской компании. Еще более низкой, чем у последней, была норма прибыли торгового предприятия семейства Бессереров из Меммингена, которая в 1522-1528 гг. составляла около 7 процентов¹¹⁵. Таким образом, норма прибыли обоих предприятий – Равенбургской компании и компании Бессереров – была умеренной. Обе компании являлись торговыми предприятиями «второго ранга». Что касается самых крупных в Южной Германии «компаний-монополистов», они находили, кроме обычных, и другие средства к извлечению высокой нормы прибыли и повышению рентабельности предприятий. Поэтому к данной теме автор этих строк намерен вернуться в Главе пятой настоящей монографии при рассмотрении вопроса о путях обогащения ранней буржуазии.

Как величина прибыли отдельных торговых компаний, так и их среднегодовая норма торговой прибыли зависели от высоты накладных расходов. Именно данным обстоятельством и обусловлен интерес к накладным расходам предприятий. К сожалению, свидетельства источников на этот счет скудны и отрывочны, что не дает возможности сформулировать в достаточной мере аргументированные выводы о величине и характере накладных расходов в европейской торговле конца XV – первой половины XVI в. Данные источников, которыми располагает исследователь, по большей части носят иллюстративный характер и исключают возможность проведения полных и точных статистических подсчетов. Упомянутые выше пробелы в свидетельствах источников вместе с тем не умаляют их значимости, так как все же позволяют пролить свет на некоторые стороны указанной выше проблемы исследования.

К примеру, известно, что перевозка в 1476 г. одной партии сахара из Валенсии через Бук в Южной Франции в Геную в Северо-Западной Италии обошлась Равенбургской компании в 10 процентов его покупной цены, а перевозка риса только от Валенсии до Бука – в 12,5 процента. Но к тому же 1476 г. относятся данные и несколько иного рода. Стоимость второй партии сахара до погрузки на корабль в Валенсии в бумагах компании названа в 396 фунтов пфеннигов, а стоимость перевозки до Бука в 54 фунта пфеннигов, или 13,6 процента стоимости сахара¹¹⁶. Но есть основания полагать, что цифры, приведенные в первом случае, означали только стоимость перевозки товаров, во втором – всех накладных расходов. Тогда же со второй партией сахара, но на другом корабле, компания из Валенсии отправляет в Бук сахар и шелк-сырец (или шелковые ткани). Стоимость транспортировки товаров, на которые компания затратила 1470 фунтов пфеннигов, названа в 117 фунтов пфеннигов¹¹⁷, что составляет 7,3 процента от их покупной стоимости. Этот пример наглядно показывает, что стоимость перевозки и вместе с нею и накладных расходов возрастает по мере увеличения объема и веса транспортируемых товаров. Об этом свидетельствует и другой эпизод. В 1479 г. компания транспортирует из Валенсии в Авиньон партию грузов, в которую входят сахар, воск, шафран и хлопок, стоимостью в 166 фунтов пфеннигов. Фрахт корабля обошелся ком-

пани в 29 фунтов пфеннигов¹¹⁹, то есть в 3,8 процента от покупной цены товаров. Вполне также очевидно, что величина накладных расходов зависит от расстояния, на которое транспортируются товары. Так, осенью 1503 г. компания отправляет из Нидерландов в Бильбао партию голландского полотна стоимостью в 689 фунтов пфеннигов. Накладные расходы по этой торговой операции обошлись ей в 73 фунта пфеннигов, то есть 10,6 процента от покупной стоимости полотна¹¹⁹. В то же самое время накладные расходы по закупочным операциям в Милане и доставке того же полотна из Милана в Равенбург или Констанц составляли в среднем всего лишь 2,2 процента от их покупной стоимости, из которых почти половина расходов (1 процент) приходилась на оплату услуг комиссионеров компании¹²⁰. Таким образом, накладные расходы по второму эпизоду почти в пять раз ниже, чем по первому эпизоду, что было обусловлено расстояниями, на которые транспортировались товары.

В эпизодах, о которых речь шла выше, удастся с большей или меньшей степенью точности установить стоимость морских или сухопутных перевозок. Однако стоимостью перевозок накладные расходы не исчерпывались. В этой связи большой интерес представляет отчет Клауса Штейнгюслера «правителям» Равенбургской компании о деловой поездке в Аквиту. Ее целью, как это можно заключить из его же отчета, были закупочные операции с шафраном. Поездка продолжалась с декабря 1478 по февраль 1479 г. Штейнгюслер во время поездки закупил шафрана на сумму в 1323 дуката. Накладные расходы на закупку и доставку шафрана от Аквилы до Флоренции обошлись ему в 179 дукатов, то есть 14,9 процента от покупной стоимости товара. Отсюда можно заключить, что накладные расходы были высокими. Однако еще более интересны свидетельства этого купца о том, из каких статей расходы складывались. Оказывается, что пошлины и разного рода поборы территориальных властей составляли 20,1 процента общей массы накладных расходов, оплата услуг комиссионеров – 9 процентов, остальные расходы пришлось на упаковку товаров, их транспортировку, личные расходы Штейнгюслера и оплату услуг молодого человека, которого купец нанял на время деловой поездки¹²¹.

В бумагах Равенбургской компании сохранились также документы, которые можно назвать «рабочими записками» ее пайщиков Томаса Штейнхауза (1477-1481 гг.) и Ганса Гера (1499-1500 гг.) о накладных расходах по транспортировке товаров компании между городами в бассейне Боденского озера (Равенсбургом и Констанцем) в Южной Германии и Миламом в Северной Италии (см.: Табл. 8). Здесь в пяти эпизодах (первые три относятся к 1477-1481 гг.), последние два – к 1499-1500 гг.) удастся установить соотношение между пошлинами и различными поборами, которые фигурируют в материалах компании под названиями *Hausgelt*, *Wagengelt*, *zusust* и *tayler Geld* (какие-либо пояснения в записках Штейнхауза и Гера к этим поборам отсутствуют). Подобного рода поборы, величина которых колебалась от 13,9 до 23 процентов, по учтенным в таблице торговым операциям в среднем поглощали

17,5 процента накладных расходов. Собственно торговые расходы, то есть расходы на упаковку товаров, их транспортировку, оплату услуг агентов компании и возчиков, колебались от 77 до 86,1 процента и в среднем составляли 82,5 процента. Таким образом, результаты наблюдений за структурой накладных расходов, представленные в таблице, убедительно свидетельствуют о том, что, какими бы значительными не были пошлины и поборы, взимаемые чиновниками магистратов городов и княжеских администраций, отнюдь не они составляли большую часть накладных расходов. Причины в целом высоких накладных расходов, следовательно, необходимо искать в первую очередь в несовершенстве коммерческой техники, примитивизме и дороговизне транспортных средств того времени. Именно с этими обстоятельствами прежде всего были сопряжены основные трудности и сложности средневековой торговли.

Таблица 8

Накладные расходы по транспортировке товаров Равенбургской компании*

Направления транспортировки товаров	Время транспортировки товаров	Накладные расходы	
		На пошлины и поборы (в процентах)	Собственные торговые расходы (в процентах)
1. Равенбург-Милан	1477-1481	16,7	83,3
2. Боденское озеро -- Милан	1477-1481	19,2	80,8
3. Боденское озеро -- Милан	1477-1481	14,7	85,3
4. Боденское озеро -- Милан	1499-1500	23,0	77,0
5. Милан -- Боденское озеро	1499-1500	13,9	86,1
Средние показатели в процентах		17,5	82,5

* Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 249-253.

Вопрос о накладных расходах тесным образом связан с организацией морской (или речной) и сухопутной транспортировки товаров. В отношении морских перевозок не составляет большого труда установить, что Равенбургская компания не имела собственных средств речного и морского транспорта и потому прибегала к фрахту судов для доставки товаров к месту назначения, причем в большинстве случаев фрахт носил коллективный характер и осуществлялся компанией совместно с другими купцами. Товары компании перево-

зили морские суда разных типов: бот (bot), неф (la nav), галера (galea) и каравелла (la saga voella). Материалы компании позволяют сделать некоторые выводы об использовании названных выше типов судов в международной торговле того времени. Во-первых, случаи фрахта кораблей типа «бот» были редким явлением в практике компании, и суда этого типа, по всей видимости, находили применение лишь в плаваниях малого каботажа. Во-вторых, «нефы» следует отнести к типу судов, которые вытеснились из морской торговли другими видами кораблей. В-третьих, особенно часто компания использует для перевозки товаров галеры, хотя на самых дальних линиях европейской торговли (главным образом Нидерланды – Пиренейский полуостров) галеры уже успели потеснить быстроходные каравеллы. По национальности их владельцев – это испанские, французские и особенно итальянские (флорентийские, венецианские, генуэзские) корабли. В числе генуэзских судов, к фрахту которых часто прибегала Равенбургская компания, ее бумаги называют галеры, принадлежавшие торгово-банковским домам Гримальди, Дориа и Спинолы.

В отдельных случаях бумаги Равенбургской компании сообщают довольно обстоятельную информацию о судах, которые совершают перевозку товаров, принадлежавших компании. Так, например, в октябре 1475 г. ее агенты отправляют товары из Бука в Валенсию одновременно на двух венецианских галерах. Капитаном одной из этих галер являлся Eryu de Armer, патроном – Пьер Бальби, секретарем – Иеронимо Сордан, патроном другой галеры – Пьер Манго, секретарем – «мессир Бродцено». Эти же галеры в конце 1475 и начале 1476 г. совершают рейс с товарами компании и в обратном направлении¹²². Любопытно также отметить, что как в этом, так, впрочем, и в других эпизодах, факторы и агенты компании одновременно отправляют товары на нескольких судах, с тем чтобы сократить убытки в случае кораблекрушения или нападения морских пиратов. Такую линию поведения швабских купцов можно признать вполне оправданной.

Другим средством достижения той же цели было страхование товаров во время морских перевозок. Материалы Равенбургской компании проливают некоторый свет и на эту сторону ее жизнедеятельности и одновременно – на европейскую торговлю того времени в целом. Так, летом 1479 г. валенсийская фактория компании отправляет во Фландрию 50 тюков с рисом, которые обошлись ей в 289 фунтов пфеннигов, и страхует (versichra) немногим более половины этого товара (стоимостью в 150 фунтов пфеннигов). В те же летние месяцы 1479 г. на «la nav d'Vernhard Peris» транспортируется из Валенсии во Фландрию партия товаров компании стоимостью в 758 фунтов пфеннигов. При страховании эти товары представители компании оценивают в 450 фунтов пфеннигов. В обоих эпизодах товары страхуются из расчета «14,5 per cento», то есть 14,5 процентов их стоимости¹²³. Летом 1480 г. фактор Равенбургской компании в Нидерландах погружает на каравеллу, которая следует в Барселону и Валенсию, товары стоимостью в 347 фунтов пфеннигов¹²⁴. Одна-

ко компания страхует лишь часть груза на условии выплаты по страховому полису 10-11 процентов от стоимости груза¹²⁵. Впрочем, известны и случаи, когда компания страхует все товары, как это было, например, в начале 1507 г., когда она отправляет из Генуи в Валенсию 25 тюков металлических изделий, 15 тюков полотна, 23 тюка меди и один тюк – с шерстяными тканями сорта «аррас», в котором, между прочим, были «спрятаны» ювелирные изделия. Стоимость всех этих товаров агенты компании оценивают в 1800 дукатов и страхуют из расчета выплаты всего лишь 1,5 процентов их стоимости¹²⁶. По этому причину страхования в данном случае всех товаров объясняет невысокий процент платежей по страховому полису, что находит подтверждение и в других свидетельствах документов компании. Так, в октябре 1504 г. на каравеллу, которая следует из Антверпена в Бильбао, агенты компании погружают товары стоимостью в 321 фунт пфеннигов. Однако они же оценивают стоимость груза в 375 фунтов пфеннигов и платят за него страховку всего лишь в 15 фунтов пфеннигов¹²⁷, что составило 4 процента стоимости груза, названной агентами предприятия. Величина суммы, которую купец платил владельцу судна по страховому полису, зависела от стоимости товаров, расстояния, на которое они транспортировались, и степени безопасности морского пути. В связи с этим представляет интерес свидетельство Ганса Паумгартнера-младшего о том, что товары, которые транспортировались из Бари через Неаполь в Геную, страховались из расчета 3-4 процентов их стоимости, а из Бари во Фландрию – 8 процентов¹²⁸. В то же время примеры практической деятельности Равенбургской компании указывают и на то, что это правило знало исключения. Дело в том, что высота процентов за страховку товаров во время морских перевозок могла зависеть и от ряда других преходящих обстоятельств, в том числе политической стабильности.

О сухопутной транспортировке Равенбургской компанией товаров можно сказать следующее. Во-первых, все такие перевозки осуществляли профессиональные «возчики» (*furleute*)¹²⁹, доставлявшие за определенную плату товары из одного пункта в другой. Во-вторых, известны лишь несколько случаев, когда принадлежавшие компании товары во время сухопутной их перевозки сопровождали представители компании¹³⁰. По всей видимости, «возчики» отвечали и за сохранность транспортируемых ими товаров. По крайней мере, бумаги компании не содержат ни одного примера страхования товаров во время сухопутных перевозок. Поэтому можно предположить, что страховка входила в стоимость перевозок товаров.

Рассмотренные выше свидетельства деловой документации Равенбургской компании проливают свет на организацию и характерные черты европейской торговли XV-XVI вв. Поскольку же южно-немецкие фирмы, что с необходимостью следует из материалов этой компании, являлись торговыми предприятиями, игравшими значительную роль в международной торговле того времени, исследование данных материалов сообщает дополнительные

штрихи всей картине деятельности и организации южно-немецких торговых предприятий в целом. Такое исследование также бросает свет и на достаточно четко действовавшую в Средние века систему европейской континентальной торговли и неумолимо падавшее ее значение под влиянием такого фактора, как географические открытия, которые знаменовали собою начало нового этапа в истории мировой торговли.

Еще одним вопросом первостепенной научной значимости является вопрос о безопасности европейской торговли на исходе Средних веков и в начале Нового времени. Корреспонденция Равенбургской компании бросает свет на некоторые стороны политической истории отдельных стран и международных отношений далеко отстоящей от нас эпохи. Особая ценность свидетельств, содержащихся в ее корреспонденции, состоит в том, что ее авторами являлись наблюдатели событий как бы со стороны, способные порою на гораздо большую объективность в оценках, чем сами участники событий. В первую очередь важны и интересны свидетельства, проливающие свет на отношение немецких купцов, занятых в экспортной торговле, к конфликтам на европейском континенте и на зависимость развития самой торговли от европейской политики того времени. В исторической литературе и сегодня широко распространена точка зрения на средневековую торговлю как предприятие крайне рискованное и опасное по причине отсутствия безопасности морских и сухопутных путей, поскольку купеческие караваны, следующие по этим путям, будто бы подвергались постоянным нападениям со стороны полунищих, но воинственных «рыцарей-разбойников» и морских пиратов. Однако насколько эта картина верно отражает действительное положение?

Изучение материалов Равенбургской компании побуждает усомниться в правдоподобности такого мнения, которое в значительной мере навеяно и сложилось под влиянием публицистики того времени и откровений не в меру хвастливых «рыцарей-разбойников» и являлось результатом возведения в общее правило отдельных эпизодов разбоя и грабежа на торговых (морских и сухопутных) магистральных, которые случаются во все времена.

Сказанное выше, конечно же, не означает, что европейские торговые пути на рубеже XV-XVI вв. были совсем безопасны. Купец, отправляя товары в дальнюю дорогу, отнюдь не всегда был уверен в том, что они благополучно достигнут пункта назначения. Так, например, Андреас Затлер в отчете «правителям» Равенбургской компании от 23 сентября 1477 г. сообщает о нападении пиратов на флорентийскую галеру в Средиземном море¹³¹. Можно также сослаться и на сообщение из Антверпена Ганса Эрлина, которое тот отправил в Равенбург 8 июня 1507 г., о нападении морских пиратов недалеко от берегов Бретани на караван кораблей с «купеческими товарами». Во время этого нападения была захвачена, в частности, каравелла, следовавшая из Лиссабона в Нидерланды, на которой находились пряности, принадлежавшие немецким купцам. В результате разбойного нападения пиратов Вельзеры и

Хохштеттеры потеряли по 60 мешков перца, Релингеры – 26 мешков¹³². Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на другое.

Материалы Равенсбургской компании, охватывающие в общей сложности отрезок времени в несколько десятилетий, не содержат свидетельств о том, чтобы компания пострадала и понесла убытки от нападения сухопутных разбойников или морских пиратов. Правда, известно, что в 1500 г. Георг Трухзес фон Вальдбург (будущий «усмиритель» крестьянского восстания 1525 г.) задержал в Аубе тюк с шафраном, который принадлежал Равенсбургской компании и в котором, помимо прочего, находилась тысяча «рейнских гульденов» в звонкой монете¹³³. (Такой способ «денежных переводов» часто применялся в Средние века, особенно когда власти устанавливали запрет на вывоз денег с той или иной территории.) Однако у Трухзеса, хотя бы формально, был вполне благопристойный и соответствующий правовым и морально-этическим нормам того времени повод для подобных действий, так как Швабский Союз (Трухзес уже тогда был одним из военных командиров этого Союза) находился во враждебных отношениях (фактически в состоянии войны) с Нюрнбергом и попытался блокировать торговые магистрали этого города. Подобные меры воздействия на противника были обычными и даже заурядным для того времени явлением. Следовательно, действия морских пиратов и сухопутных разбойников вряд ли дают основания относить их к числу факторов, способных серьезно «подорвать» европейскую торговлю или нанести ей большой урон. Другое дело, когда речь идет о войнах между государствами или социально-политических конфликтах и вооруженных столкновениях на территориях тех стран и регионов, где велась международная торговля, участие в которой для швабских купцов являлось одним из основных источников доходов.

Поэтому руководство Равенсбургской компании, встревоженное начавшейся войной французского короля Людовика XI с бургундским герцогом Карлом Смелым и ее возможными последствиями¹³⁴, в инструкции лионской фактории (март 1478 г.) предписывало служащим фирмы «не отправлять (из Лиона) наших товаров на Франкфуртскую ярмарку»¹³⁵, хотя тут же несколькими строками ниже выражало крайнее недовольство таким оборотом дела¹³⁶. Конфликты на международном уровне неизбежно вели к затруднениям в торговых сношениях или делали их и на самом деле предприятиями, связанными с повышенным риском, или даже невозможными. По причине напряженности политической обстановки на основных путях европейской торговли («правители» компании осенью 1480 г. рекомендовали своим агентам на испанских рынках в Барселоне, Валенсии и Сарагосе страховать товары, хотя, ввиду нежелательности дополнительных расходов, советовали заключать страховые контракты по минимальным ставкам¹³⁷). И это вполне понятно, так как расходы на страховые полисы существенным образом увеличивали накладные расходы что, естественно, вело к снижению нормы торговой прибыли.

Разразившиеся в 1494 г. Итальянские войны (французских королей с Габсбургами за обладание Апеннинским полуостровом)¹³⁸ явились большим

препятствием и серьезным испытанием в деятельности южно-немецких торговых компаний, причем прежде всего на самих итальянских рынках, что, в частности, нашло отражение в материалах Равенбургской компании. Так, по мнению ее агентов в Генуе, война привела к тому, что теперь в этом городе «народ не имеет правительства»¹³⁹, а овладение Генуи французами не привело к установлению гражданского мира в общине города¹⁴⁰. В феврале 1507 г. Ганс Клокер писал из Генуи в Равенбург Алексу Хиллензону о падении деловой активности в первом из этих городов, так как уже «семь месяцев в городе идет разорительная (гражданская) война»¹⁴¹. В этой же связи представляет несомненный интерес и интерпретация Клокером генуэзских событий. По его словам, «нищий плебс не желает, так как это принесет ему (еще большие страдания), чтобы (в городе) правили благочестивые и богатые (люди)»¹⁴². В таком повороте событий, которые выразились в противостоянии, с одной стороны, «нищего плебса», с другой – «благочестивых и богатых», Клокер усматривает, помимо прочего, угрозу своему личному благополучию и интересам торговой компании.

Корреспонденция Равенбургской компании содержит в достаточной мере убедительные и яркие свидетельства о том, что консервативно настроенные швабские бюргеры и купцы относились к вооруженным конфликтам своего времени резко отрицательно. В этой связи заслуживает особого внимания донесение руководству компании еще одного ее агента в Генуе – Генриха Штюдлина, которое тот направил летом 1507 г. в Равенбург. Штюдлин пишет, что в Генуе распространяются слухи о будто бы в скором времени предстоящем походе германского императора на Рим (в действительности такой поход состоялся лишь два десятилетия спустя – в 1527 г.). Распространение таких слухов, по словам Штюдлина, привело к тому, что чувства смятения, растерянности, тревоги и страха охватили «каждого из ремесленников и торговых людей» и всех вместе взятых жителей как Генуи, так и других городов Северной Италии¹⁴³. И Штюдлин не без оснований полагает, что если такое состояние будет сохраняться и впредь, компании не избежать больших убытков, так как в такой обстановке никто не думает о ремесле и торговле. Тот же мотив звучит и в отчете, отправленном Габриэлем Хесслером в Равенбург об инспекционной поездке в Нюрнберг еще весной 1504 г. Хесслер жалуется на резкое сокращение числа сделок и объясняет спад деловой активности «разорительной войной» (*schatten krieg*) в Италии, которая, по его словам, настолько напугала купцов, что они предпочитают воздерживаться от ведения любых торговых операций¹⁴⁴. Вполне естественно, что купечество подходило к оценке международных конфликтов, а равным образом и событий, которые можно рассматривать как проявление социальной борьбы в обществе, с позиций собственных интересов. Однако у современного исследователя вряд ли может возникнуть сомнение относительно последствий этих конфликтов и событий: войны между государствами и внутренние социальные потрясения отрица-

тельным образом отражались как на состоянии европейской экономики в целом, так и торговли в частности.

Особенно это касается Италии, где «резко сталкивались» интересы Франции и империи Габсбургов. Поэтому войны между ними за обладание Аппенинским полуостровом¹⁴⁵ имели неблагоприятные последствия для швабских купцов. Вторжения иностранных армий сопровождались внутренними неурядицами и обострением социальных противоречий в городах самой Италии¹⁴⁶, что привело, как мы видели, и к снижению деловой активности на рынках Западной Европы. Именно это и определяло отношение швабских купцов к вооруженным конфликтам, участники которых предполагали достижение соответствующих политических или социальных целей. Руководствуясь в первую очередь собственными интересами, купцы становились убежденными противниками насильственных средств борьбы за эти цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О развитии Санкт-галленского полотняного производства см.: Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в Средние века. М., 1976. С. 106 след.; Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 79-80, 89-96, 98-100, 135-139, 146, 185 (прим. 34), 186 (прим. 52), 210, 211, 213-214.

² Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 457-458. Первоначально в средневековой Германии действовала система: фунт-шиллинг-пфенниг в соотношении 1 фунт=20 шиллингам=240 пфеннигам (причем реальной единицей был серебряный пфенниг, а фунт и шиллинг – расчетными единицами). Однако с развитием торговли и ростом банковских операций возникла потребность в более крупных монетах, к тому же, большой размах приобрела «порча пфеннига» – уменьшения в нем содержания серебра. Так, в аугсбургском пфенниге содержание серебра с 1399 по 1524 г. упало с 0,25 до 0,116 граммов, то есть более чем в два раза. Все это обусловило появление новых монет. По образцу флорентийских (флорина) и венецианских (дуката) монет в имперских городах Рейнской Германии стали чеканить золотые монеты («рейнские гульдены»). (См.: Suhle A. Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhundert. Berlin. 1971. S. 154). С конца XV в. в Германии появляются серебряные гульдены и крейцеры в соотношении: 1 гульден = 60 крейцерам = 240 пфеннигам. Примерно с того же времени соотношение между золотым (а затем и серебряным) гульденом и расчетным фунтом пфеннигов устанавливается 1 к 3 (1 гульден=3 фунтам пфеннигов). Об этом также см.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 233 след., 312 след., 332 (прим. 8).

³ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 14, 107, 115, 185, 186, 188, 190, 192, 208, 240, 243, 258, 262, 263, 300, 414, 415, 420, 430, 435, 436, 441, 447. Равенбургская компания вела торговлю не только кожно-немецкими полотнами, но и тканями, которые она регулярно закупала в Голландии, Генегу, Камбре и Брюгге. Компания также торговала тиковыми тканями. Последние в одних ее бумагах называются «zwielich», в других – «bukaschin». Однако места производства этих тканей документы компании не указывают.

⁴ Ibid. S. 430.

- ⁵ Ibid. S. 236.
- ⁶ Ibid. S. 240-242.
- ⁷ Nübling E. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter: Ukunden und Darstellung. Leipzig. 1890. S. 131-133.
- ⁸ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 8, 19, 58, 62, 109, 124, 125, 186, 206, 209, 210, 226, 228, 231, 232, 236, 258.
- ⁹ Rörig F. Das Einkaufsbuchlein ... S. 336. Вероятно, это были южно-немецкие стандарты, возникшие не без «иноземного» влияния. В частности, аналогичная маркировка тюков с тканями применялась также в Меммингене. Здесь, как это показал еще в начале прошлого века А. Вестерман, производилась в Средние века бумага трех сортов: 1) «грубая» (или «крестьянская»); 2) более качественная бумага сорта «Greb», или «Grah»; 3) «миланская бумага» – ткань самого высокого качества (см.: Westermann A. Geschichte Memminger Weberzunft und ihrer Erzeugnisse im 15. und 16-Jahrhunderten) // VSWG. 1914. Bd. XII. H. 4. S. 571).
- ¹⁰ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 2. S. 98; Bd. 3. S. 236.
- Nübling E. Ulms Baumwollweberei ... Darstellung. S. 144-145.
- ¹¹ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 34, 58, 60, 80, 82, 104, 105, 124, 129, 187, 232, 242, 243, 267, 269, 273, 288. В бумагах Равенбургской компании бумага «ломбардского производства» фигурирует под названиями «fustan», «fustano bombaxin».
- ¹³ Ibid. Bd. 1. S. 646-647.
- ¹⁴ Furger F. Verlagssystem als Organisationsformen des Frühkapitalismus im Textilgewerbe. Stuttgart. 1927. S. 71.
- ¹⁵ Westermann A. Die Zahlungseinstellung ... S. 464, 467.
- ¹⁶ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 2. S. 104-105.
- ¹⁷ Ibid. Bd. 3. S. 22, 32, 34, 35, 78, 269, 309, 314, 337, 356-359.
- ¹⁸ Ibid. S. 4, 9, 14, 22, 39, 42, 43, 90, 189, 263, 269, 293, 295, 300, 316, 336, 337, 355, 357-358. Равенбургская компания в торговле медью выступала лишь в роли посредника. Ее фактория в Нюрнберге, который являлся одним из крупнейших в Европе того времени рынков торговли металлами, закупала различные сорта меди (geschlagene сорфер, rouch сорфер, goit сорфер) Медь на ярмарки в этом городе от мест ее производства (из Шваца в Тироле и Ашенбурга в Рудных Горах) поставляли другие (прежде всего аутсбургские) компании, принимавшие активное участие не только в торговле, но и добыче руды и выплавке металлов.
- ¹⁹ Ibid. S. 269, 290, 293, 299, 308, 314, 335-338, 387. Швабские купцы вели торговлю такими сортами латуни, как mosch, tafelmosch, how mosch, howmessing, geschlagter howmessing.
- ²⁰ Ibid. Bd. 2. S. 196.
- ²¹ Ibid. Bd. 3. S. 20-22, 24, 39, 90, 108, 116, 186, 189, 208, 223, 230, 256, 261, 269, 277, 291, 296, 309, 314, 318, 321, 338, 355, 370. О характере производственных отношений в металлообрабатывающей промышленности Нюрнберга см.: Немилов А.Н. К вопросу о формировании раннекапиталистического производства в Нюрнберге// СГ. 1974. Вып. 2. С. 183-191.

²² Ibid. S. 14, 22, 34, 39, 41, 209, 242, 293, 296, 308, 314, 317, 318, 344, 355, 357, 371, 382, 389, 392, 395, 399, 400, 402, 437, 445, 446, 456. Серебро и золото в бумагах компаний называются; silber, brandsilber, zwiekustbrand, onzgold, kuirnt.

²³ Ibid. S. 238.

²⁴ Ibid. S. 355.

²⁵ Ibid. S. 288: «Also wen Gott der her den guten ze in die ballen linwat und senden die per transito per Jenow».

²⁶ Welthandelsbräuche ... S. 128.

²⁷ Schulte A. Geschichte des mittelalterlichen Handel ... Bd. 2: Urkunden. S. 79.

²⁸ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 33-44.

²⁹ Ibid. S. 356-357.

³⁰ Pölnitz G., von. Fugger und Hanse: Ein tausendjährige Kampf um Ostsee und Nordsee. Tübingen, 1953. S. 17. Значительно раньше Футтеров и других аугсбургских компаний здесь появились купцы из Нюрнберга. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что еще в конце XIV в. было открыто отделение нюрнбергского торгового дома Пиркгеймеров (см.: Подоляк Н.Г. Ганза ... С. 141).

³¹ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 355.

³² Lutzmann I. Die augsburger Handelsgesellschaft ... S. 22.

³³ Ibid. S. 74.

³⁴ Volkmann E. Germanische Handel ... S. 422.

³⁵ Pölnitz G., von. Fugger und Hanse ... S. 34.

³⁶ Häbler K. Geschichte ... S. 36.

³⁷ Welthandelsbräuche ... S. 258. О развитии раннекапиталистических отношений в женском цехе шелкоткачих Кельна также см.: Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки ... С. 93. 98; Полянский Ф.Я. Очерки ... С. 154-157; Некрасов Ю.К. Реформа или революция? ... С. 87-88.

³⁸ Дело в том, что товар под названием «тафта» в XIII-XIV вв. продавался на рынке только по весу (такая практика в торговле «тафтой» отчасти сохранялась и на рубеже XV-XVI вв.). Само название «тафта» могло означать как легкую шелковую ткань, так и шелк-сырец (см.: Heyd W. Geschichte des Levanthandel im Mittelalter. Stuttgart. 1879. Bd. 2. S. 690). Именно это обстоятельство ставит исследователя перед задачей, которую материалы самой Равенбургской компании не предоставляют возможности решить, поскольку не делают различия между легкой шелковой тканью типа вуалей и шелком-сырцом, обозначая их одним и тем же термином.

³⁹ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. S. 34-37, 40, 200, 282, 289, 305, 309, 321, 328, 370-372, 381, 385, 386, 389, 392, 398-400, 434, 437, 438, 440, 443.

⁴⁰ Welthandelsbräuche ... S. 173.

⁴¹ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 34-37, 40, 280, 282, 289, 305, 309, 321, 323, 371, 386, 434, 437, 438, 445.

⁴² Ibid. S. 305, 318, 368, 446.

⁴³ Welthandelsbräuche ... S. 173.

⁴⁴ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 368.

⁴⁵ Ibid. S. 274, 278, 285, 295-296, 310, 395.

⁴⁶ Ibid. S. 389, 400.

⁴⁷ Ibid. S. 278, 285, 316. В бумагах Равенбургской компании эти ткани фигурируют под следующими названиями: Borte dato lagre, borten ocadomo, ore mezare, borten dore cordone.

⁴⁸ Ibid. S. 279, 317.

⁴⁹ Heyd W. Geschichte Levanthandel ... S. 693-695.

⁵⁰ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 44.

⁵¹ Ibid. S. 36, 37, 42-44, 295, 309, 316, 317, 323, 331, 382, 392, 395, 434, 437, 445, 453.

⁵² Франкфурт-на-Майне не только являлся крупнейшим центром посреднической торговли, выполняя функцию распределителя товарных потоков между северным (Северного и Балтийского морей) и южным (Средиземноморским) бассейнами европейской торговли, но и служил рынком сбыта продукции германских земель. Судя по запискам на одной из ярмарок конца XV в. в этом городе (1497 г.) нюрнбергского купца и предпринимателя Пауля Мулиха, который активно вел торговлю между Любеком и Нюрнбергом, во Франкфурте продавались как предметы роскоши итальянского производства (особенно шелковые ткани), так и такие ремесленные изделия, как бумазель, холодное оружие, различные изделия из серебра и других металлов, писчая бумага и многое другое (см.: Бойцов М.А. Города Германии ... С. 80; Rörig F. Das Einkaufsbuchlein ... S. 310-311). О характере ремесленного производства во Франкфурт-на-Майне в Средние века и о его связи с ярмарочной торговлей в этом городе см.: Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки ... С. 40; Потанина Л.Б. Организация ... С. 278, 279, 298; Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 155-159, 165, 169, 170; Dietz A. Frankfurter Handelsgeschichte. Frankfurt (Main). 1910. S. 177; Bothe F. Geschichte der Sfcadt Frankfurt am Main. Frankfurt. 1910. S. 173, 195, 279. Об организации в средневековой Западной Европе торговли и значении в ней ярмарок см.: Сванидзе А.А. Ярмарки // СИЭ. 1976. Т. 16. С. 977-980; Она же. Средневековые города ... С. 245-251; Она же. Ярмарки // Город в средневековой цивилизации ... Т. 2. С. 36-46.

⁵³ Inventur ... S. 76.

⁵⁴ Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger ... Bd. 1. S. 228.

⁵⁵ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 44, 281, 282, 291, 308, 321, 322. Чаще всего в роли рынка сбыта дешевых грубых сукон Комо выступал Нюрнберг, где компания в торговле этими сукнами прибегала к бартерным сделкам и обменивала их на металлы и разнообразные металлические изделия.

⁵⁶ Welthandelsbräuche ... S. 133, 135, 136, 139, 143, 144, 152, 161, 236, 241-243, 246, 253-256, 267, 274, 275, 277, 283.

⁵⁷ На это же обстоятельство указывает и Ф. Рериг, который отмечает, что Равенбургская компания в 80-е годы XV в. в больших количествах поставляла на Франкфуртские ярмарки шафран (см.: Rörig F. Mittelalterliche Wirtschaft ... S. 363).

⁵⁸ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 324-326.

⁵⁹ Ibid. S. 344-346.

⁶⁰ Welthandelsbräuche ... S. 136-139.

⁶¹ Ibid. S. 230.

⁶² Ibid. S. 246.

⁶³ Ibid. S. 255.

⁶⁴ В этой связи нельзя не обратить внимания на тот факт, что в то время как в 1497 г. активы Равенбургской компании в Венеции, которая, между прочим, служила главной резиденцией большинства аугсбургских компаний на Аппенинском полуострове.

равнялись символической сумме всего в 50 гульденов, ее активы в Генуе составляли более 30 тыс. гульденов (то есть 55,6 процента от инвестиций компании на итальянских рынках и почти пятую часть – 18,5 процента – всех активов предприятия). Это свидетельствует о выдающейся роли, которую Генуя играла в деятельности Равенбургской компании.

⁶⁵ Schulte A. *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ...* Bd. 3. S. 320-321: «... solt der ablassen winden und nach besten verkoffen».

⁶⁶ Welthandelsbräuche ... S. 179: «So ist untreu so gross, daz ain bruder dem andern sein esel nit leicht geb, im dan ain scribto umb esel wider zu antworten».

⁶⁷ Schulte A. *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ...* Bd. 3. S. 234, 260, 271, 272, 281, 282, 284, 287, 289, 290, 293, 300-302, 320, 321, 323, 376, 415, 423.

⁶⁸ Ibid. S. 321, 323.

⁶⁹ Ibid. S. 284.

⁷⁰ Ibid. S. 18, 19, 86, 103-106, 122, 185, 198, 207, 225, 228, 231, 234, 261, 282, 290, 337, 340, 356, 370, 409, 423, 432.

⁷¹ Welthandelsbräuche ... S. 177.

⁷² Schulte A. *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ...* Bd. 3. S. 233.

⁷³ Ibid. S. 227-228.

⁷⁴ Ibid. S. 7, 15, 59, 100, 106, 114, 115, 121, 228, 229, 232-234, 350, 409, 412, 432.

⁷⁵ Ibid. S. 221, 285.

⁷⁶ Welthandelsbräuche ... S. 245, 246, 287.

⁷⁷ Schulte A. *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ...* Bd. 3. S. 302, 321.

⁷⁸ Lucas Rem. *Tagebuch ...* S. 8-9.

⁷⁹ Welthandelsbräuche ... S. 306.

⁸⁰ Häbler K. *Geschichte ...* S. 127.

⁸¹ Ammann H. *Oberdeutsche Kaufleute und Anfänge der Reformation in Genf// ZWI.G.* 1954. Bd. 13. S. 187.

⁸² Schulte A. *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ...* Bd. 3. S. 206, 208, 211-212.

⁸³ Ibid. S. 11, 65, 75, 86, 109, 111, 187, 210, 225, 227, 231, 237.

⁸⁴ Ibid. S. 199-200.

⁸⁵ Welthandelsbräuche ... S. 284: «In sollicher zeit mugen aus und ein alle gueter on recht oder zoll zu zalen ausgenomen seidgewandt oder die gueter, so uf des wasser gebracht oder weck gefuert werden».

⁸⁶ Сидорова Н.А. Франция во время Столетней войны; Жакерия // *Всемирная история.* М., 1957. Т. 3. С. 650-651, 653; Бирюкович В.В., Люблинская А.Д. Возникновение феодально-абсолютистской Франции // *Там же.* М., 1959. Т. IV. С. 210, 213; Люблинская А.Д. Столетняя война и народные восстания XIV-XV веков // *История Франции.* М., 1972. Т. 1. С. 145; Копосов Н.Е. Материальная культура и образ жизни в Европе на исходе Средневековья: Франция // *История Европы.* М., 1993. Т. 3. С. 53-56; Сванидзе А.А. Ярмарки // *СИЭ.* 1976. Т. 16. С. 979; Она же. Ярмарки // *Город в средневековой цивилизации ...* Т. 2. С. 33.

⁸⁷ Schulte A. *Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ...* Bd. 3. S. 206, 210.

⁸⁸ Welthandelsbräuche ... S. 271.

⁸⁹ Pölnitz G., von. Augsburgs Kaufleute und Bankherren der Renaissance //«Augusta 955-1955»: Studien zur Wirtschafts- und Kulturgeschichte. Augsburg. 1955. S. 202.

⁹⁰ Так, на Франкфуртской ярмарке 1497 г. Равенбургская компания продала на несколько сотен гульденов нюрнбергскому купцу Мулиху кораллы (см.: Rösig F. Das Einkaufsbuchlein ... S. 343).

⁹¹ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 387, 390, 393.

⁹² Ibid. S. 24, 280, 303, 316, 323, 370, 372, 381, 383, 384, 394, 434, 437, 446-448.

⁹³ Ibid. S. 370, 377, 390, 438, 441, 446, 448, 449, 454.

⁹⁴ Ibid. S. 273, 318.

⁹⁵ Heyd W. Geschichte der Levanthandel ... Bd. 2. S. 684.

⁹⁶ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 72, 73, 84-86, 109, 121, 122, 198, 206, 211, 219, 315, 320, 426.

⁹⁷ Ibid. S. 198.

⁹⁸ Ibid. S. 5, 107, 120, 188, 189, 241, 343, 415, 418, 424. Шерстяная пряжа, которую Равенбургская компания экспортирует из Брюгге и Антверпена на испанские рынки (прежде всего в Валенсию и Сарагосу), фигурируют в ее бумагах под следующими названиями: fill donardo, fill Bomas, fill de Balestra, gefertwten gamn, fill de fero, fill gentil.

⁹⁹ Ibid. S. 402, 418, 421.

¹⁰⁰ Ibid. S. 192.

¹⁰¹ Ibid. S. 271, 273, 293, 338, 344-346, 349, 423, 431, 436.

¹⁰² Ibid. S. 13, 116, 192, 300, 344, 349, 376, 379, 400, 416.

¹⁰³ Ibid. S. 109-110.

¹⁰⁴ Ibid. S. 441-442.

¹⁰⁵ Ibid. S. 391.

¹⁰⁶ Ibid. S. 400.

¹⁰⁷ Ibid. S. 106, 115, 117, 120, 123, 256, 264, 267, 402, 415, 416, 420, 432.

¹⁰⁸ Ibid. S. 241, 243, 261, 344, 350, 359.

¹⁰⁹ О значении и месте «русской пушнины» в торговле северными мехами на международных рынках позднесредневековой Западной Европы см.: Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV вв. М., 1963; Казакова Н.А. Русско-литовские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975; Лесников М.П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV века //УЗ МГорПИ. Т. VIII. Вып. 1; он же. Die livlandisch Kaufmannschaft und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des XV-ten Jahrhunderts // ZfG. 1958. H. 2; Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck. 1922.

¹¹⁰ О роли торговли ганзейского купечества пушниной см.: Подольн Н.Г. Ганза... С. 132, 139.

¹¹¹ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 435-437.

¹¹² Ibid. S. 485.

¹¹³ Welthandelsbräuche ... S. 250-251.

¹¹⁴ Ibid. S. 286-287.

¹¹⁵ Westermann A. Memminger Handel ... S. 21.

¹¹⁶ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 233.

¹¹⁷ Ibid. S. 234.

¹¹⁸ Ibid. S. 122.

¹¹⁹ Ibid. S. 241.

¹²⁰ Ibid. S. 322.

¹²¹ Ibid. S. 249-253.

¹²² Ibid. S. 231-232.

¹²³ Ibid. S. 100.

¹²⁴ Ibid. S. 424: «Da cost alle in das schiff gelegt mit seguritats».

¹²⁵ Ibidem: «Da ist uff gesichrat 10 pro cento».

¹²⁶ Ibid. S. 305: «Das gutt louffit alsamen 1800 duc., honnd wierx all laussen versichran, cost pro cento».

¹²⁷ Ibid. S. 435.

¹²⁸ Welthandelsbräuche ... S. 172.

¹²⁹ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 195, 201, 292, 345, 346, 356-357, 370, 372, 382.

¹³⁰ Ibid. S. 201.

¹³¹ Ibid. S. 54.

¹³² Ibid. S. 447-448.

¹³³ Ibid. S. 380.

¹³⁴ Подробнее об этих событиях см.: Люблинская А.Д. Столетняя война... С. 146-147; Гутнова Е.В. Западноевропейский регион в XI-XV вв. // История Европы. Т. 2. С. 306; Смирнова Е.П., Сушневич Л.П., Федосин В.А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск, 1999. С. 166-167, 214.

¹³⁵ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 72: «... den mit unser in Frankfurter mess liess».

¹³⁶ Ibidem: «... es ward gross missfallo darab han».

¹³⁷ Ibid. S. 170: «Das er unna mer wolt sichra, must man in mit an klaingeld stechen ain gulden als 10».

¹³⁸ Начавшиеся в 1494 г. Итальянские войны между Габсбургами и Валуа за обладание Аппенинским полуостровом (см.: Ладюри, ле Руа Э. Корольская Франция: От Людовика XI до Генриха IV (1460-1610). М., 2004. С. 101-141, 229 след.) уже в ближайшей исторической перспективе «короткого времени» обернулись для швабских купцов, банкиров и предпринимателей большими материальными потерями, поскольку эти войны сильно затрудняли давно сложившиеся тесные экономические связи между Германией и Италией и несли с собою реальную угрозу установившемуся к тому времени равновесию политических сил на европейском континенте. В исторической перспективе «долгого времени» нарушение этого равновесия имело далеко идущие последствия, которые можно рассматривать как одну из основных причин и предпосылок Тридцатилетней войны. Именно такой вывод позволяют сделать ряд обобщающих трудов отечественных историков примерно за пятьдесят последних лет (см.: Абрамсон М.Л., Сказкин С.Д. Италия в XVI – первой половине XVII в. //Всемирная история. М., 1953. Т. IV. С. 109. 111-115; Бахрушин С.В., Сказкин С.Д. Дипломатия XVI в. //История дипломатии. М., 1959. Т. I. С. 256-259; Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 366; Шаркова И.С. Итальянские войны //СИЭ. 1965. Т. 6. С. 688-690; Катушкина Л.Г. Итальянские войны //История Италии. М., 1970. Т. I. С. 425-465; Сказкин С.Д. Франция первой половины XVI в. //История Франции. М., 1971. Т. I. С. 173-175; Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне Нового времени (очерки). Л.,

1974. С. 61 след.; Он же. Истоки Риссорджименто: Италия в XVII-XVIII вв. Л., 1980. С. 121 след.; Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии в Новое время. Минск, 1984. С. 60-62; Он же. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989. С. 94-97; Ролова А.Д. Италия //История Европы. Т. 3. С. 218, 227-228; Малов В.Н. Великие географические открытия. Международные отношения конца XV-XVI вв. в Западной Европе //Там же. С. 395-403; Алексеев В.М. Тридцатилетняя война //Там же. С. 431. 437-438; Он же. Тридцатилетняя война. Л., 1961. С. С. 34-36. Логическая связь и историческая преемственность Итальянских войн с событиями Тридцатилетней войны, которая была борьбой за установление новой системы равновесия в Европе, прослеживается и на страницах ряда школьных и вузовских учебников и учебных пособий последнего времени (см.: Гуревич А.Я. Харитонович Э.А. История Средних веков, М., 1995. С. 269-270; Мишина И.А., Жарова Л.Н. Становление современной цивилизации, ч. 1: История Раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.). М., 1995. С. 39; Всемирная история. М., 1997. С. 204-205; Дмитриева О., Пименова Л., Шукуров Р. От Средневековья к Новому времени. М., 1997. С. 163, 184-187, 279-284).

¹³⁹ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 291: «... die lut halten kayn regierung»,

¹⁴⁰ Ibidem: «... der Frantzoss achauft sein, achtet kayn besserung der gemeind».

¹⁴¹ Ibid. S. 298: «7 monat ain schadlichen krieg hie in der statt gehept».

¹⁴² Ibid. S. 299: «So will der popel menudo hat dar, das inna laid tragen, das die frommen und reicher regierte». О своеобразии социальной структуры городского населения, причинах острых социальных конфликтов, противостоянии «верхов» и «низов» в Генуе см.; Рутенбург В.И. Социальный состав городского населения и социальной борьбе в Генуе в XVI в. //СВ. 1975. Вып. 38. С. 150-157.

¹⁴³ Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 3. S. 315: «... das jedermann von werchen und handel louit ...»

¹⁴⁴ Ibid. S. 389.

¹⁴⁵ Малов В.Н. Великие географические открытия ... С. 393-394.

¹⁴⁶ Катюшкина Л.Г. Итальянские войны ... С. 450.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ В ГОРНОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТИРОЛЯ, КАРИНТИИ И КРАЙНЫ

Со второй половины XV в. германские земли, как известно, переживали экономический подъем, продолжавшийся, по мнению одних историков до середины XVI в., других – до начала Тридцатилетней войны, то есть начала XVII в. Под влиянием этого экономического подъема происходило не только вовлечение в товарно-денежные отношения все большей массы людей, но и изменение характера деятельности торговых компаний. Причины и предпосылки изменения характера деятельности последних состояли в следующем.

Авангардная роль в подъеме общественного производства и ускорении темпов развития рыночной экономики принадлежала горной промышленности, успехи которой послужили мощным толчком, поставившим по уровню развития производительных сил германские земли по крайней мере в один ряд с другими странами Западной Европы. Значение горнорудных промыслов было очевидным фактом и для современников. В частности, указ Карла V от 13 мая 1524 г. стоимость «золота, серебра, меди, свинца, железа и других металлов», добываемых ежегодно в германских землях, оценивал в 2 млн. гульденов. В том же указе особо подчеркивалось, что «многие сотни людей, стар и млад, женщины и дети не зарабатывали бы своего хлеба насущного иначе, как добычей, разработкой и плавкой (руды)»¹. Торговля металлами, по утверждению богатого нюрнбергского купца и горнопромышленника Кристофа Фюрера, превратилась в важнейшую отрасль экономики. Он писал о том, что «серебро не находится в таком количестве ни в одной другой стране, кроме священной империи, и все вокруг (ее) лежащие христианские и нехристианские страны вынуждены поставлять серебро из германских земель»². Восторженные оценки современников и очевидцев расцвета горных промыслов вполне правомерны и подтверждаются статистическими материалами, которые еще в конце XIX в. использовал в своем исследовании немецкий историк-экономист А. Зетбеэр³. Анализ этих материалов дает основания для вывода, что в 1493-1520 гг. в германских землях добывалось серебра почти в два раза больше, чем в «остальной Европе». В 1521-1544 гг., когда в Старый Свет уже хлынули потоки серебра из Нового Света (Мексики и особенно Перу), горные промыслы германских земель и тогда продолжали производить почти половину (около 45 процентов) мировой добычи этого драгоценного металла. Блестящая страница в истории немецкой горнорудной промышленности была прервана главным образом двумя обстоятельствами: американской конкуренцией и исчерпанием природных ресурсов ранее самых богатых горнорудных районов. Вполне возможно, что на такой ход развития горнорудной промышленности оказывали влияние и другие факторы, в том числе социально-

политического характера (прежде всего господство феодально-регальной системы в горном деле). Однако первые признаки кризиса проявляются только с середины XVI в. и станут очевидными лишь к рубежу XVI-XVII вв. Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.) усугубила кризис не только горной промышленности, но и всего народного хозяйства германских земель. На рубеже XV-XVI вв. эти земли, о чем уже было сказано выше, переживали экономический подъем.

Тогда еще большие богатства не были исчерпаны и покоились в недрах австрийских владений Габсбургов. Правда, рудники по добыче металлов здесь были открыты еще в XIII в., но интенсивная их разработка стала вестись только с XV в. Именно с этого времени серебро и медь Тироля, серебро и свинец Каринтии, железо и сталь Штирии, продукция рутунных рудников Крайны начали экспортироваться на рынки как Западной, так и Восточной Европы, в страны Леванта и Африку. Самым значительным горнорудным районом германских земель того времени являлся Тироль.

В XI-XIII вв. на территории Тироля, входившей в состав «Священной Римской империи», существовали несколько самостоятельных феодальных владений, из которых наиболее значительными были епископства Триент и Бриксен, графство Тироль. Во второй половине XIII в. эти владения вместе с Каринтией объединил граф Тироля Мейнхард II. В 1363 г. графством завладели Габсбурги. В хозяйстве Тироля большую роль играло скотоводство и виноградарство. Пашенное земледелие в силу природных условий было развито слабо. С XV в. исключительное значение в Тироле приобрело горное дело.

Крупными по тому времени здесь были разработки серебра и меди в Фалькенштейне, Эрбштолене и Раттенберге. С одних только швацких рудников Фалькенштейна ежегодно выплавлялось по несколько десятков тысяч весовых марок серебра и центнеров меди (см.: Табл. 9). Именно с открытия в середине XV в. этих рудников начался бурный подъем горнорудной промышленности Тироля, превративший это альпийское княжество в один из центров горнорудной промышленности Западной Европы. Если принять за отправную точку роста ежегодной добычи серебра и меди на рудниках Фалькенштейна 70-е годы XV в., то окажется, что в 80-е годы того же столетия по сравнению с предыдущим десятилетием добыча серебра выросла на 9,2, меди – на 5,9 процента, в 90-е годы – обоих металлов по сравнению с 80-ми годами на 5,9, в первом десятилетии XVI в. на 4 процента, во втором десятилетии – на 8,3, а в 1521-1522 гг. – на 17,8 процента. Апогея добыча серебра и меди достигла в 1523 г., когда она выросла по сравнению с 1522 г. на 12,8 процента. Затем последовал спад в добыче металлов: в 1524-1525 гг. – серебра на 14,8%, меди на 11,4%; в 1526-1530 гг. – обоих металлов на 19,8%; в 1531-1540 гг. серебра на 14,6, меди – на 15,2 процента. В 30-е годы XVI в. производство металлов почти сравнялось с уровнем 70-х годов XV в. Правда, этот спад известным образом «компенсировался» за счет открытия новых и интенсификации эксплу-

таши старых рудников в других судебных округах Тироля. Вместе с тем очевиден и тот факт, что бурное развитие данной отрасли народного хозяйства имело далеко идущие социальные последствия. Первозданная тишина Восточных Альп, до того, можно сказать, прозябавших на задворках Европы, была нарушена вторжением в ее жизнь промышленного производства. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что развитие горных промыслов происходило в условиях господства «системы феодализма» и регального права. Последние продолжали оказывать сильное влияние на ход и результаты социально-экономических процессов, протекавших в этом регионе германских земель.

Таблица 9

Добыча серебра и меди на Швацких рудниках Фалькенштейна*

Годы	Серебро в весовых марках	Серебро в килограммах	Медь в венских центнерах
1471-1480	32264	9034	12905
1481-1490	35223	9866	14093
1491-1500	37319	10447	14923
1501-1510	38812	10867	15524
1511-1520	42035	11770	16814
1521-1522	49506	13866	19800
1523	55855	15639	22340
1524-1525	47598	13327	19035
1526-1530	38164	10636	15265
1531-1540	32605	9127	13022

* Isser-Gaudententurm M. Schwatzer Bergwerkgeschichte //Berg- und Hüttenbücher. Innsbruck. 1904/05. Bd. 52-53. S. 422 ff.

Верховным сюзереном Тироля, Каринтии и Крайны являлся эрцгерцог Австрии, который, обладая горной регалией, имел исключительное (то есть монопольное) право эксплуатации земных недр. Правда, это право порою оспаривалось влиятельными здесь духовными властителями, причем как в судебных тяжбах, так и силою оружия. На этой почве между светскими (Габсбургами) и духовными князьями возникали острые конфликты, иногда перераставшие в вооруженную борьбу. Упорное сопротивление попыткам Габсбургов полностью прибрать к своим рукам горные промыслы оказывали архиепископ Зальцбурга и епископы Бриксена, Кура и Триента. Победа в этом противоборстве оказалась за Габсбургами, которым, однако, пришлось пойти на некоторые уступки и компромиссы с духовными владыками. Так, согласно условиям мирного договора австрийского эрцгерцога с зальцбургским архиепископом (в июле 1533 г.) обе стороны стали в равной доле получать доходы от рудников в Циллертале⁴. Отдельные уступки со стороны эрцгерцогов,

врочем, не могут поколебать убеждения в том, что в конце XV – начале XVI в. централизация, ставившая одной из важнейших экономических и политических задач подчинение горной промышленности власти Габсбургов, достигла определенных успехов. Результатом же быстрого развития горнорудных промыслов и успехов централизации на региональном уровне стало формирование системы управления горной промышленности.

Еще в 1491 г. император Максимилиан I Габсбург издал указ о создании в Тироле казначейства, получившего официальное название «*Rait- oder Schatzkammer*», из которого спустя семь лет (в 1498 г.) он же выделил так называемую «*Hauskammer*». Под управление последней перешли плавильни, монетный двор и горные разработки⁵. Казначейство находилось в политической столице Тироля – Инсбруке. Контроль над рудниками осуществлял старший горный мастер. Вердикты по различным тяжбам и конфликтам выносил горный судья. Резиденцией этих чиновников бергамта служил город Швац. Монетный двор и его глава – «монетный мастер» – имели своей резиденцией город Халль. Институт горных мастеров и горных судей существовал и в других австрийских землях. Центр горнорудной промышленности Каринтии и Крайны (Идрийские ртутные рудники) был расположен в городе Виллахе. Находившееся здесь же горное ведомство возглавлял горный судья с двумя присяжными из числа местных участников горных разработок⁶. В начале XVI в. была введена должность старшего писаря княжеских плавилен, который, помимо прочего, производил расчеты с наемными рабочими, занятыми в горнорудной промышленности⁷. Весь этот аппарат управления создавался прежде всего с целью пополнения княжеской казны. Поэтому, естественно, возникает вопрос, каким же образом решалась эта задача.

Во-первых, в пользу казны взималась определенная доля всей добытой руды в пользу территориального князя в качестве «оброка» (*fron*) или «десятины» (*Zehend*). Такой «оброк» существовал в двух формах: «тяжелого оброка» (*geschwere Fron*), взимавшегося в размере 1/10 доли добытой руды, или «легкого оброка» (*ginge Fron*), который вносился из 1/19 или 1/20 доли этой руды⁸. Последний вид «оброка» представлял собою льготу (или привилегию) горным товариществам (*Gewerkschaften*), ведущими разработки в особо трудных условиях или на только что открытых рудниках. Во-вторых, князь обладал правом предпочтительных закупок серебра по твердо фиксированным ценам. Поскольку же сам князь серебра не покупал, за исключением той его части, которая поступала в его распоряжение для чеканки монет, «плавильщики» (или торговцы металлами), чтобы получить серебро в «свое свободное распоряжение», обязаны были внести в княжеское казначейство разницу между ценой, которая устанавливалась княжеской администрацией как «рыночная», и ценой, по которой горное ведомство (бергамт) закупало серебро у владельцев или арендаторов плавилен. Из предписания (1479 г.), направленного эрцгерцогом Австрии бергамту, следует, что «плавильщики», уплатив побор,

известный под названием «обмена» (Wechsel), получали право продавать серебро «кому угодно и куда угодно»⁹. Величина «обмена» колебалась от 2 до 3 1/4 гульденов с каждой весовой марки серебра. Одновременно «обмен» служил своеобразным платежным средством в финансово-кредитных операциях самих Габсбургов и играл важную роль в финансовой системе последних. В третьих, хотя принудительная продажа металлов княжескому казначейству формально не распространялась на медь, ртуть и свинец, эрцгерцог всегда мог отдать торговлю последними на откуп своим банкирам, чтобы извлечь для себя выгоду путем взимания высокой вывозной пошлины (обычно болес гульдена, к примеру, с центнера меди). Впрочем, в источниках эта пошлина, особенно в откупных операциях с металлами, как правило, фигурировала под тем же названием, что и уже упоминавшийся выше «обмен», происходивший все из тех же регальных прав, которыми обладал княжеский дом Габсбургов в своих наследственных австрийских владениях.

Однако с течением времени и под влиянием различных факторов, особенно в результате возникновения и развития раннекапиталистических отношений в горнорудной промышленности, эрцгерцоги отказываются от самостоятельного ведения горных разработок и шаг за шагом с экономической точки зрения утрачивают в них командные позиции. Горные разработки в конце концов превращаются в своего рода заповедное поле деятельности крупных торговых компаний. Правда, при этом необходимо сделать оговорку, что Габсбурги продолжали удерживать в своих руках на этих территориях всю полноту власти и вместе с нею средства внеэкономического принуждения. Последнее обстоятельство и было проявлением одного из кричащих противоречий эпохи, которая в странах Западной Европы стала переходной от феодализма к капитализму, от средневековой к индустриальной цивилизации. На этом пути централизация австрийских земель под властью Габсбургов, как бы это парадоксально ни звучало, не только не устраняла таможенные барьеры, но и, напротив, увеличивала число застав, на которых взимались пошлины и поборы. Такая «централизация» насаждала систему монопольной торговли, создавая тем самым препятствия на пути развития свободной конкуренции. Таким образом, экспансия южно-немецкого, прежде всего аугсбургского, купеческого капитала в горнорудную промышленность Тироля и других австрийских земель происходила, с одной стороны, в атмосфере экономического подъема данной отрасли народного хозяйства, с другой, – полного и безраздельного политического господства феодального дворянства во главе с Габсбургами. Оба эти разнодействующие фактора в значительной мере определяли характер деятельности торговых компаний.

4.1. КОМПАНИИ В ОТКУПНЫХ ОПЕРАЦИЯХ С МЕТАЛЛАМИ

В экспансии торговых компаний в горнорудную промышленность австрийских владений Габсбургов различаются два этапа. На первом – они выступали в роли займодавцев-банкиров, откупщиков и оптовых торговцев металлами, на втором – компании перешли, не отказываясь от деятельности банкиров, откупщиков и торговцев металлами, к раннекапиталистическому предпринимательству в горном деле¹⁰. На первом этапе экспансии купеческого капитала в данную отрасль народного хозяйства происходила прежде всего путем откупов у владельцев горной регалии прав на всю или часть добытой и произведенной продукции, когда за предоставленный князю кредит банкир и купец получал право на приобретение у горнопромышленников металлов по твердо установленной властями цене и освобождался от уплаты всего или части «обмена» в счет погашения княжеского долга. Другим способом проникновения компаний в горное дело было авансирование участников разработок и скупка у них же металлов. Обе эти формы объединяло одно обстоятельство: в том и другом случае купеческий капитал сохранял свою первоначальную природу, свидетельствующую о слабой и чисто внешней связи с производством. Поэтому прежде всего попытаемся установить характер кредитных операций южно-исемских (в первую очередь аугсбургских) банкиров с Габсбургами и участия этих банкиров в откупах металлов, которые образуют предысторию экспансии купеческого капитала в горнорудную промышленность.

Начало экспансии аугсбургских торговых компаний в горное дело Тироля было положено в 1456 г., когда эрцгерцог Австрии Сигизмунд передал свои доходы от рудников Шваца и Госсензаса бюргеру Аугсбурга Людвигу Мойтунгу на срок до полного погашения задолженности князя банкиру в 35000 гульденов¹¹. В этом займе, как утверждает Г. Амман, приняли участие также бюргеры Нюрнберга Антон Паумгартнер и Штефан Кольб, предоставившие Сигизмунду займы соответственно в 1000 и 2000 гульденов¹². А. Циха называет Людвигу Мойтунга всего лишь главой «консорциума», в котором участвовали Рингмаули, Гшофы, Кауфманы, Перли, Шротеры и другие местные горнопромышленники¹³. Однако на самом деле Сигизмунд в счет погашения долга, по всей видимости, передал Мойтунгу не только доходы от рудников, но и свои пай в горных товариществах этих рудников. Причем, вероятно, Людвиг Мойтунг или его наследники «перепродали» княжеские пай уже упомянутым выше тирольским горнозаводчикам. Эта гипотеза известным образом находит подтверждение в том факте, что уже к началу 80-х годов XV в. имена Мойтунгов¹⁴ исчезают из анналов горного дела Тироля, но зато они именно тогда появляются в Антверпене, где принимают активное участие в спекулятивных торговых операциях с пряностями.

Договор Габсбургов с Людвигом Мойтунгом в 1456 г. оказался всего лишь кратковременным эпизодом. За ним последовал довольно продолжи-

тельный антракт, который предшествовал энергичной экспансии купеческого капитала в горное дело Тироля. Широкий размах инвестиции этого капитала в горные промыслы приобрели только с середины 80-х годов XV в. и стали носить особенно интенсивный характер с 20-х годов XVI в. В роли пионеров на этом этапе выступили Футтеры. В 1485 г. они предоставили заем в 8000 гульденов Антони фон Россу¹⁵. Последний в данном эпизоде действовал или по поручению княжеской администрации, или как самостоятельный предприниматель. За полученный кредит Росс обязывался поставить аугсбургской компании 561 весовую марку серебра¹⁶. Однако в данном эпизоде нет все же ясности, было ли названное в тексте документа серебро из «обмена» и принадлежало графу Тироля, или оно приходилось на долю Росса как пайщика рудников Фалькенштейна в Шваце.

В то же время нетрудно заметить, что исходным пунктом экспансии купеческого капитала в горнорудную промышленность являлась постоянная нужда Габсбургов в кредитах. В качестве заемщиков столь же неизменно выступали владельцы крупных торговых компаний, получавших удовлетворение по займам за счет доходов эрцгерцога от горных промыслов. Дело в том, что основой контрактов компаний с княжеским казначейством являлась откупная система в том ее своеобразном проявлении, когда заимодавец (кредитор) освобождался от уплаты всего или части «обмена», или экспортной пошлины, получал указанную в тексте договора квоту серебра, меди, свинца или ртути. Реже происходила выплата долга за счет освобождения от «оброка». Последняя форма расчета на практике стала возможной лишь после того, как торговые компании включились в разработку рудников и стали выступать в роли «плавильщиков». Так, например, 4 апреля 1527 г. эрцгерцог Фердинанд Габсбург предписал горной администрации в Клаузене освободить Ганса Паумгартнера-младшего из Аугсбурга, который «так отважно участвует здесь в разработке рудников и плавит руду», от уплаты «оброка» с руды («до (полной) выплаты ему долга в три тысячи гульденов»¹⁷ княжеским казначейством.

Характерной чертой отношений банкиров и торговцев металлами с княжеской администрацией было стремление первых получить монополию на торговлю тем или иным металлом. Так, Якоб Футтер уже весной 1488 г. вынашивал идею монопольной торговли медью на рынках Западной Европы, полагая, что практическая реализация этой идеи возможна лишь в том случае, если удастся заключить соглашение с Габсбургами о «вечной купле» швацкой меди, по которому «плавильщики» обязаны будут продавать медь только торговому дому Футтеров¹⁸. Монополистическая тенденция проявлялась не только в текстах контрактов южно-немецких банкиров с администрацией Габсбургов, но и в договорах частноправовых, которые, однако, во многих случаях таковыми на самом деле не были, поскольку скреплялись авторитетом и подписями под документами самого эрцгерцога или его высокопоставленных чиновников. Эта тенденция достаточно отчетливо проявилась в договорах

Паумгартнеров (от 1 августа 1539 г.) с участниками разработок Идрийских рудников в Крайне. По условиям последнего договора вся ртуть и киноварь, которые добывались на Идрийских рудниках, целиком поступали торговой компании, и «... никто и нигде (кроме ее) не имеет права ни продавать, ни вывозить идрийской ртути и киновари». Ганс Паумгартнер-младший, к тому же, получал право скупать всю ртуть у идрийских горнозаводчиков, проживавших в Триесте, Виллахе и других местах¹⁹. Как в этом, так и других случаях, эрцгерцог Фердинанд Габсбург брал откупщиков под свою защиту. Он еще весной 1525 г. издал указ, в котором строго предписывал, чтобы впредь чиновники на таможенных заставах для предотвращения ущерба предшественникам Паумгартнеров по аренде Идрийских рудников Хохштеттерам не пропускали чешскую ртуть через австрийские владения в Италию²⁰. Такие меры по сути дела предпринимались с той целью, чтобы обеспечить Хохштеттерам монопольные позиции на итальянских рынках. Еще в 1499 г. Хохштеттеры добились от австрийской администрации включения в текст контракта с ними специального положения, которое в срок действия этого контракта запрещало кому-либо вести торговлю тауферской медью в Боцене, Венеции и на других рынках Италии²¹. Таким же образом, опираясь на «административный ресурс», действовали и Паумгартнеры. Однако в состоянии ли была австрийская администрация претворять в жизнь столь ригористическим образом сформулированные предписания?

В стремлении к реализации монопольных планов на торговлю медью на итальянских рынках Фуггеры порою прибегали также к сделкам с другими торговцами металлами. Именно в таком духе могут быть истолкованы соглашения Фуггеров с Сигизмундом Госсонбротом и Георгом Гервартом из Аугсбурга, Гансом Паумгартнером из Куфштейна и Гансом Кнолем из Зальцбурга от 12 мая 1498 г. о совместной продаже в Венеции 2500 мейлеров меди. Интересно также отметить, что операции по продаже меди в Венеции сосредоточились в руках Ульриха Фуггера, который, таким образом, и стал подлинным хозяином положения²². В марте 1499 г. Фуггеры договорились с десятью крупнейшими горнопромышленниками Тироля (Фюгеррами, Тенцлями, Штеклями, Хоферами и другими) о поставках последними в распоряжение аугсбургской компании в течение четырех лет 3600 мейлеров меди. При этом тирольские горнопромышленники брали на себя обязательство, делавшее планы Фуггеров «прозрачными». «Ту медь, и сколько бы ее ни было, что мы, плавильщики (Тироля), каждый год, – читаем в тексте договора, – будем производить в течение четырех (ближайших) лет сверх установленного количества, можем по нашей воле и желанию продавать в германских землях, но не имеем права вывозить (из Тироля) и продавать в Боцене и Италии, начиная от числа (подписания) этого договора и до наступления 1503 г. под страхом уплаты Фуггерам штрафа в 10 дукатов за каждый мейлер (меди)»²³. Вполне очевидно, что заключая контракт, Фуггеры руководствовались одной целью – поставить

под свой контроль итальянские рынки в торговле медью, чтобы установить на них высокие цены, ускорить обращение капитала и, в конечном счете, извлечь максимальную прибыль.

Стремление к установлению монополии в торговле металлами, если не на «вечные времена» и на всех рынках, то хотя бы на определенный срок и на отдельных рынках, является отличительной чертой деятельности не только Фугтеров, но и других южно-немецких торговых компаний. Различие между ними состояло не столько в принципах деловой практики, сколько в масштабах деятельности. Еще весной 1491 г. Ульрих Фуггер за предоставленный императору Максимилиану кредит в 120 тыс. гульденов («... получает все серебро в Халле, за исключением того, которое (уже) было отпущено Гансу Фелину из Меммингена»²⁴). Осенью 1500 г. «консорциум» компаний Госсенбротов и Гервартов из Аугсбурга, Паумгартнеров из Куффтайна и того же Аугсбурга, Кнолей из Зальцбурга получает 776 весовых марок серебра и 1311 мейлеров меди для продажи металлов в Венеции, а княжеская администрация берет на себя обязательство «никому другому не продавать и не передавать швацкое серебро»²⁵.

Рассмотренные выше факты не оставляют сомнения в том, что торговля металлами являлась монополией князя. Последний лишь временно «уступал» право на эту монополию торговым компаниям. В то же время острое соперничество компаний за обладание монополиями вплоть до второй половины XVI в. фактически делало невозможным их концентрацию в одних руках. Правда, Фуггерам и до наступления этого времени удавалось получать отдельные привилегии, которые, однако, лишь позже воплотились в их безраздельном господстве в горной промышленности Тироля и других австрийских земель. Примером может служить императорский указ от августа 1538 г., передававший всю продукцию плавильного производства в Раттенберге, которая приходилась на долю самого князя. аугсбургскому торговому дому Фуггеров сроком на тринадцать лет²⁶. И все же в конце XV – начале XVI в. положение было несколько иным. Тогда постоянные займы Габсбургов, предназначением которых являлось осуществление широких политических планов этой династии, поставили австрийское казначейство в затруднительное положение: ему приходилось продавать серебро, которое служило главным платежным средством, на много лет вперед, и у дверей учреждений горного ведомства в Инсбруке, Халле и Виллахе в ожидании своего часа выстраивалась длинная очередь кредиторов. Это можно проиллюстрировать на примере следующих эпизодов.

Во время длительных и трудных переговоров, которые в октябре 1515 г. в Аугсбурге вели советники императора Блазиус Хельцль и Иоганн Цотт с Якобом Фуггером, выяснилось, что одной из причин, по которой глава компании упорно отказывался предоставлять очередной заем Габсбургам, было то обстоятельство, что «сейчас все серебро продано на 7-8 лет (вперед), а медь – на

4 года»²⁷. Когда осенью 1541 г. Ганс Паумгартнер-младший предоставил эрцгерцогу Фердинанду «на борьбу с заклятыми врагами христианства турками» 40 тыс. гульденов, договор между австрийской администрацией и Паумгартнерами предусматривал, что в качестве средства погашения долга аугсбургский банкир получит 18181 весовую марку 13 лотов серебра. Однако поставки серебра компании Паумгартнеров по данному контракту бергамт предполагал начать только через четыре года после его заключения²⁸, то есть лишь с 1545 г. В то же время в тех случаях, когда металлы «на откуп» получали несколько юридических лиц, торговля этими металлами не переставала носить монопольного характера, так как права «откупщиков» от возможной конкуренции защищали княжеские привилегии. И все же, что собою представляли откупные операции с металлами и каковы были их последствия? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для установления характера деятельности торговых компаний в горнорудной промышленности Тироля и других альпийских территорий.

Долговременный характер кредитов и связанные с ними риски вели к тому, что соглашениями откупщиков с князем, вопреки церковному запрету на получение процентов, специально стали оговариваться выплаты «возмещений» по займам и их обеспечению из различных источников доходов княжеского казначейства Тироля. На рубеже XV-XVI вв. займы банкиров князю формально еще носили беспроцентный характер (*ohne interesse*), хотя очевидно, что и тогда банкиры и купцы извлекали немалую выгоду, продавая металлы на европейских рынках по более высокой цене, чем они их покупали у производителей или княжеского бергамта. В дальнейшем, однако, стало обычным явлением получение кредиторами, помимо оговоренной договором квоты металлов, и процентов, которые, впрочем, погашались также за счет освобождения кредиторов от уплаты «оброка» или «обмена». Соглашения компаний с княжескими казначействами австрийских владений Габсбургов предусматривали выплату от 5 до 8 процентов годовых с момента предоставления займа и до начала поставок металлов в качестве возмещения убытков банкиру за «бездействующий капитал»²⁹. Но неправильно было бы отсюда делать вывод о радикальном изменении самих условий общественного кредита, так как, во-первых, долгосрочный кредит суживал базу оборотных средств компаний; во-вторых, норма торговой прибыли в большинстве случаев была намного выше ставки банковского процента.

Вторжение турок-османов в пределы Германской империи, политические конфликты в Европе, в том числе в Италии, рынки которой имели первостепенное значение для южно-немецких компаний, религиозный раскол и социальные потрясения в самой Германии, резкие колебания рыночной конъюнктуры и первые симптомы кризиса горнорудной промышленности австрийских владений Габсбургов остро ставили в повестку дня вопрос о гарантии и обеспечении займов. Источники содержат достаточно красноречивые свидетель-

ства на этот счет. Так, еще в 1456 г. обеспечением займа, который княжеской администрации предоставил Людвиг Мойтинг, служили, в частности, доходы от торговых пошлин в Люге³⁰. В соглашении с княжеским казначейством в 1502 г. Госсенбротов, которое они заключили не только от своего имени, но и по поручению Гервартов и Паумгартнеров, оговаривалось, что в случае войны «убытки им должны быть возмещены всеми рентами и доходами (князя) в Верхней Австрии»³¹. В августе 1527 г. Фердинанд Габсбург, подписывая договор с компанией братьев Хохштеттеров, брал на себя обязательство в том случае, «если война парализует горную промышленность ... отписать Хохштеттерам доходы нашего тирольского казначейства или наш оброк, или обмен в Идрии»³². Контракт Ганса Паумгартнера-младшего с горнопромышленниками Идрии от 1 августа 1539 г. о закупках местной ртути и киновари предусматривал возмещение аугсбургскому банкиру и купцу убытков «в случае войны (с Францией), нападения (турок) или по другим причинам»³³. Договор Антона Фуггера, Ганса Паумгартнера-младшего и Ссбастьяна Нейдхарта с австрийской администрацией в ноябре 1544 г. содержал положение о возмещении аугсбургским банкирам и откупщикам убытков в случае кризиса горнорудной промышленности Шваца за счет других статей доходов графства Тироль до полного погашения долга³⁴. Эти банковско-кредитные сделки имели и далеко идущие социальные последствия.

Дело в том, что контракты о предоставлении аугсбургскими банкирами займов Габсбургам тесным образом переплетались с развитием института ипотеки. Габсбурги, закладывая банкирам и владельцам торговых компаний (обычно они выступали в одном лице) земельные владения, далеко не всегда располагали возможностью вернуть долг в установленный контрактами срок. Именно при таком стечении обстоятельств возникали условия, которые способствовали превращению Фуггеров в крупных землевладельцев и приобщению многих других преуспевающих бюргеров к тому же феодальному землевладению и вместе с ним – к господствующему классу позднесредневекового общества. Впрочем, этот сюжет обстоятельно будет рассмотрен в следующей главе настоящей монографии.

Между тем участие аугсбургских компаний в торговле металлами с необходимостью перерастало в экспансию купеческого капитала непосредственно в горную промышленность, о чем можно судить по текстам актов о купле-продаже металлов. Так, еще 17 ноября 1487 г. эрцгерцог Сигизмунд обязал тирольских горнозаводчиков (Теншля, Фюгера, Перля, Зигвайна и Яуфнера) продавать приходящиеся на их долю в качестве «участников» серебро Якобу Фуггеру, «пока тот из обмена не получит полного возмещения и за капитал, и за убытки»³⁵. Это было первым шагом на пути подчинения купеческим капиталом промышленного капитала, который возникал в горном деле Тироля без какого-либо участия «господ Фуггеров». Причем эта зависимость первоначально носила чисто внешний характер, была навязана сверху княжеской вла-

стью и не была обусловлена естественной взаимозависимостью купеческого капитала и промышленностью, той взаимозависимостью, которая стимулировала бы банкиров и купцов к инвестициям в горнорудные промыслы.

Компании, однако, и сами вставали на путь инвестиций капиталов в горное дело, во-первых, с целью приобретения металлов для продажи их на рынке и увеличения массы торговой прибыли; во-вторых, заманчивой для купцов казалась перспектива извлечения из самого участия в горном деле не только торговой, но и промышленной прибыли. Эта метаморфоза в деятельности торговых компаний получила отражение и в материалах источников. Крупные торговцы металлами, став участниками горных разработок и владельцами плавильен, стремились самостоятельно экспортировать на международные рынки продукцию своих предприятий. Примечательна в этой связи привилегия, которую эрцгерцог Фердинанд осенью 1527 г. пожаловал Паумгартнерам. Ее содержание сводится к тому, что отныне аугсбургские предприниматели получали право «продавать по своему усмотрению серебро, выплавленное на их плавильнях в Кундле или других местах»³⁶. Это, однако, не означало, что откупщики металлов не имели возможности заполучить продукцию других «плавильщиков» и горнозаводчиков. 8 июня 1530 г. казначейство, предоставляя серебро «на откуп» компании тех же Паумгартнеров, дает указание чиновникам бергамта, что «если встанут их (Паумгартнеров) плавильни или на них будет выплавлено недостаточно (серебра), или серебро (имеется в виду серебро, приходящееся на долю князя как «участника» горных разработок или в качестве «оброка» – Ю.Н.) будет отписано другим (откупщикам), им тогда предоставляется необходимое количество серебра, предназначенного для монетного двора (в Халле), (которое на него поставляют другие плавильщики»³⁷. На роль торговых компаний в горном деле Тироля указывают и другие факты.

О преобладании в откупных операциях с металлами купеческого капитала над промышленным капиталом свидетельствуют приведенные Г. фон Нельником статистические данные о деятельности в Тироле торгового дома Фуггеров (см.: Табл. 10). Опираясь на эти данные, предоставляется возможность заключить, что Фуггеры в 1527-1543 гг. получали гораздо больше серебра в качестве откупщиков и купцов-экспортеров, чем производили его как горнопромышленники. В этой связи нельзя не обратить внимания на тот факт, что на долю Фуггеров за семь лет представленной в таблице «выборки» приходилось от 16 (в 1543 г.) до 23,8 (в 1529 г.) процента серебра, которое производилось тогда в Шваце. В то же время Фуггеры ежегодно экспортировали от 20,3 (в 1529 г.) до 41,2 (в 1527 г.) процента продукции Шваца. За те же семь лет приведенной в таблице «выборки» в Шваце было выплавлено 243451 весовая марка серебра. Из этого серебра немногим менее пятой части (46252 марки, или 19 процентов) выплавлялось на предприятиях, принадлежавших Фуггерам.

УЧАСТИЕ КОМПАНИИ ФУГГЕРОВ В ПРОИЗВОДСТВЕ И ЭКСПОРТЕ
ТИРОЛЬСКОГО СЕРЕБРА *

Годы	Выплавляется серебра в Шваце	Выплавляют Фуггеры		Фуггеры экспортируют	
		В весовых вен- ских марках	В процентах	В весовых венских марках	В процентах
1527	40314	6887	17.1	16610	41.2
1528	34885	5835	16.1	7185	20.6
1529	35731	8517	23.8	11289	31.6
1531	36448	6542	17.9	11231	30.8
1532	41520	8627	20.8	16147	39.9
1541	29006	5752	19.8	9032	31.1
1543	25547	4092	16.0	5192	20.3
Сумма	243451	46252	19.0	76686	31.5

* Pölnitz G, von. Anton Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutschen Renaissance. Bde 2. Tübingen, 1958/63. Bd. 1. Quellen und Erläuterungen. S. 424, 484, 519, 548, 694; Bd. 2. T. 1. S. 526, 581.

В те же самые годы фуггеровская компания экспортировала на европейские рынки 76186 весовых марок (или 31,5 процентов) швацкого серебра, то есть на 12,5 процента больше, чем его производила. Именно это порождало острые конфликты между торговцами металлами с горнозаводчиками, между местными предпринимателями и «чужеземцами» (ausländern). Дело в том, что аугсбургские компании, в том числе Фуггеры, домогались привилегий в торговле и предпринимательской деятельности. Поэтому заглавную роль в этом противоборстве играли сами Габсбурги и австрийская администрация. Противоборство обычно носило весьма жесткий характер, а «яблоком раздора», постоянно порождавшим конфликты между владельцами аугсбургских торговых компаний и местными горнопромышленниками, являлись обязательные поставки серебра княжеским монетным дворам в Халле и Виллахе. Эти поставки серебра как купцами-откупщиками металлов, так и владельцами и арендаторами плавильных монетных дворов регулировались контрактами княжеского казначейства с кредиторами и указами эрцгерцога Австрии, которые обязаны были исполнять не только его подданные, но и купцы, обладавшие юридическим статусом «гостей». Порядок и правила этих поставок проливают свет на

природу откупной системы и характер деятельности южно-немецких компаний в горнорудной промышленности.

Обязательные поставки монетным дворам в Халле и Виллахе колебались от 1/3 до 2/3 серебра, произведенного на предприятиях «плавильщиков» или приходившегося на долю «откупщиков». Однако в случае острой нужды в деньгах князь шел на уступки последним. Так, например, в начале осени 1500 г. казначейство, отдавая на «откуп» «консорциуму» компаний Госсенбротов и Гервартов из Аугсбурга, Паумгартнеров из Куфштейна и того же Аугсбурга, Кноля из Зальцбурга 77 355 весовых марок серебра, произведенного в Швабском горнорудном районе, лишь четвертую часть этого серебра обязывает банкиров-откупщиков поставлять монетному двору в Халле³⁸. Остальное серебро поступало в полное распоряжение банкиров, которые выступали также и в роли оптовых торговцев металлами. Понятно, что чем больше серебра экспортировали компании, тем большую прибыль они извлекали из самой откупной операции. Однако интересы казны толкали княжескую администрацию на путь уменьшения доли «свободного серебра», что неизменно вызывало недовольство и протесты со стороны откупщиков. Наглядной тому иллюстрацией могут служить переговоры весной 1529 г. Кристофа фон Лихтенштейна, Иоганна Цотта и Андреаса Тайблера, выступавших на этих переговорах в роли доверенных лиц эрцгерцога Австрийского Фердинанда, с аугсбургскими банкирами и «откупщиками» металлов (Фуггерами, Паумгартнерами, Гервартами, Пиммелями и Манлихами), в ходе которых стало очевидным фактом, что банкиры согласны предоставить очередной крупный заем эрцгерцогу только в том случае, если казначейство будет аккуратно выполнять свои обязательства по прежним контрактам, а это, по мнению банкиров, возможно лишь при условии, если они будут поставлять монетным дворам в Халле и Виллахе не более пятой или четвертой части серебра, приходившегося на их долю в качестве откупщиков³⁹.

Обычно откупщикам удавалось заключать такие контракты, которые представляли им возможность экспорта крупных или значительных партий серебра. Порою это происходило в ущерб интересам местных горнопромышленников, о чем, в частности, свидетельствуют уже приведенные выше факты о деятельности компании Фуггеров. Между тем «свободное серебро» в руках местных предпринимателей открывало перед ними заманчивую перспективу извлечения двойной прибыли – промышленной и торговой, что, к тому же, являлось важным стимулом успешного развития горных промыслов. Представители княжеской горной администрации вполне это сознавали (тем более, что они порою совмещали службу чиновником с частным предпринимательством). Так, один из участников переговоров с аугсбургскими банкирами, о которых речь шла выше, Иоганн Цотт, занимавший в начале 30-х годов XVI в. должность старшего горного мастера Каринтии, по настоянию местных горнозаводчиков представил казначейству докладную записку, в которой утвер-

ждал: «Горное дело (в настоящее время) по всей Каринтии находится в таком состоянии, что совершенно не приносит доходов, так как добывается мало золота и серебра; поэтому подъем горного дела возможен не иначе, как путем предоставления участникам разработок золота и серебра в их свободное распоряжение»⁴⁰. И нельзя сказать, что княжеская администрация всегда оставалась глухой и слепой к таким настроениям и требованиям местных горнозаводчиков. Но она же быстро забывала о своих благих намерениях и отступала перед политическим влиянием и финансовым диктатом южно-немецких банкиров и купцов. Когда, к примеру, в 1543 г. бергамт Тироля все же ввел на рудниках Фалькенштейна «новый порядок», по которому местные предприниматели получали 2/3, а «иноземные откупщики» – только 1/3 «свободного серебра», Фугтеры, Паумгартнеры и владельцы других аугсбургских компаний ответили на это тем, что «стали энергично прибирать к своим рукам горные промыслы, плавильни и кузницы»⁴¹. Таким образом компании добывались увеличения квоты металлов, которая производилась на принадлежавших им предприятиях, и соответственно – доли экспортируемого ими же серебра. Еще одним способом достижения этой цели были контракты владельцев компаний с самими Габсбургами, сводившие зачастую на нет привилегии местных горнопромышленников. Постоянная нужда Габсбургов в кредитах побуждала их идти на уступки «иноземным» откупщикам и банкирам. Поэтому Габсбурги, прокламируя политику протекционизма по отношению к местной горнорудной промышленности, на практике ее не осуществляли.

В то же самое время необходимо иметь в виду, что экспансия торговых компаний в горнорудную промышленность происходила в условиях острой конкуренции. Поэтому те же Фугтеры с одинаковой настойчивостью стремились к подавлению конкуренции как со стороны местных предпринимателей, так и «пришлых» компаний. Поэтому в начале 1509 г., когда монополия на экспорт серебра на какое-то время фактически оказалась в руках Фугтеров, тирольское казначейство имело неосторожность предоставить право на вывоз серебра из графства еще нескольким купцам и предпринимателям, в том числе Штунцам из Аугсбурга, такое решение казначейства вызвало негодование Якоба Фугтера, который заявил его чиновникам: «Вы сами, вероятно, можете оценить, какой ущерб и убытки мне приносят плавильщики и свободное распоряжение (ими) серебром, так как Штунцами и их компаньонами выплавляется (здесь) большое количество серебра»⁴². Резкую реакцию Фугтеров, о чем шла речь в донесении советников императора Хельция и Цотта австрийской администрации⁴³, вызвало и решение казначейства в Инсбруке, принятое осенью 1515 г. о продаже 8500 марок серебра Гансу Паумгартнеру-старшему, которое должно было тому поставляться с плавильных предприятий, принадлежавших Хохшлеттерам и Ауслассерам.

На основании рассмотренных выше фактов можно сделать вывод, что там, где действует откупная система, откупщик еще не становится капитали-

стом-промышленником. Контрагентом регальных господ в откупных операциях выступает банкир и купец, и борьба, которая ведется за участие в откупках металлов, является борьбой за присвоение торговой прибыли. Победа в этой борьбе оказывается за торговыми компаниями не только благодаря их влиянию на княжескую администрацию с вытекающими из этого влияния монополиями и привилегиями, но и за счет хорошо налаженного и организованного механизма по извлечению максимальной нормы торговой прибыли. Ганс Фюгер, подписывая в марте 1499 г. от имени швабских горнопромышленников контракт с Фуггерами о поставках последним 15 тыс. центнеров меди⁴⁴, руководствовался, по всей видимости, не столько принуждением к тому со стороны властей, сколько трезвым расчетом. Фюгер и тирольские горнопромышленники попытались использовать широко разветвленную сеть фуггеровских факторий с целью быстрой и выгодной для себя продажи меди. Однако участие в откупных операциях с металлами являлось лишь первым шагом на пути овладения торговыми компаниями командными позициями в горнорудной промышленности. От откупов металлов они вполне закономерно переходили к авансированию горных предприятий. Это уже было шагом к установлению более тесных и глубоких связей с производством.

Источники содержат свидетельства о том, что Фуггеры осенью 1499 г. взяли на себя обязательство субсидировать княжеские плавильни в Раттенберге, предоставляя им еженедельно для этой цели по 1000 гульденов, что должно было составить в течение года более 50000 гульденов. На самом деле эти субсидии достигли примерно 70000 гульденов, так как уже с начала 1500 г., в связи со строительством новой княжеской плавильни в Миолау, Фуггеры увеличили еженедельные субсидии до 1300 гульденов⁴⁵. В конце концов зависимость раттенбергских плавильен от Фуггеров зашла так далеко, что с середины 20-х годов XVI в. они неоднократно передавались им в аренду, и вся их продукция поступала в полное распоряжение аугсбургской компании. Последняя, однако, не стала хозяйкой положения в горнорудной промышленности Тироля, получив плавильни Раттенберга всего лишь в аренду. Об этом можно судить на основании уже упоминавшегося выше донесения Хельцля и Цотта (в 1515 г.), в котором читаем: «Он (Якоб Фуггер) рассказал (нам) также об одном особом отягощении, так как если плавильни год (тому) назад производили от 12 до 14 тысяч (весовых) марок серебра, то теперь, когда он вложил в них столько денег, они производят в этом году не более 6-7 тысяч (весовых) марок серебра, что препятствует получению платежей, чем ему наносится значительный ущерб и что он не мог предвидеть»⁴⁶. Отсюда следует: Фуггеры, получив княжеские плавильни в аренду, столкнувшись с нежеланием местных горнозаводчиков поставлять на них руду. По этой причине оказалось невозможным полностью загружать печи плавильен, добиваться рентабельности предприятий и получать максимальную прибыль.

В полной зависимости от купеческого капитала первыми оказались ртутные рудники Идрии в Крайне. Уже к концу первой четверти XVI в. стало очевидным, что горные промыслы Идрии, которые зависели от сбыта своей продукции прежде всего на итальянских рынках (главным образом в Венеции и Генуе) и далеком Антверпене, не могли успешно развиваться без инвестиций «чужих капиталов». Поэтому не удивительно, что именно в это время в Идрии появились такие колоритные фигуры предпринимателей, банкиров и купцов, как Хохштеттеры из Аугсбурга. 1 января 1525 г. они заключили договор с горнозаводчиками Идрии и эрцгерцогом Фердинандом, по которому брали на себя обязательство закупать в ближайшие четыре года всю ртуть и киноварь местных рудников на общую сумму в 300 тыс. гульденов. Договор также предусматривал, что Хохштеттеры ежегодно будут предоставлять пайщикам горных товариществ святых Ахазия и Екатерины, занятых добычей руды, по 4000 гульденов каждому «на поддержание рудников»⁴⁷. На последнее обстоятельство необходимо обратить особое внимание. Дело в том, что эрцгерцоги Австрии не только имели право на получение соответствующих поборов в качестве регальных господ, но и обязаны были нести часть расходов, связанных с содержанием рудников и других предприятий, выплачивая горнозаводчикам деньги за каждый кубель добытой руды и за каждую весовую марку серебра или центнер выплавляемых металлов. Эти субсидии княжеской администрации участникам разработок документы того времени называют «деньгами помощи и милости» (hilfs- und gnadgelt). Из договора Хохштеттеров с горнозаводчиками следовало, что отныне обязанность «по поддержанию горного дела» брала на себя аугсбургская компания. Это, с одной стороны, укрепляло ее позиции в горных промыслах Идрии, с другой – ставило продукцию этих промыслов в полную зависимость от рыночной конъюнктуры и характера деятельности самих Хохштеттеров. То и другое в скором времени плачевным образом проявилось на практике и обернулось тяжелыми последствиями для всей горнорудной промышленности Крайны. Прежде всего Хохштеттерам пришлось столкнуться с ожесточенной конкуренцией со стороны Фугтеров, которые в том году получили в аренду имущества «Маэстрашгос» в Испании, среди них знаменитые Альменские рудники, на которых добывались ртуть и киноварь. Эти металлы Фугтеры крупными партиями поставляли в Геную и оптом продавали местным компаниям Гримальди и Форнари⁴⁸. Если бы Фугтерам удалось заполучить и Идрийские рудники, они стали бы единственными монополистами в торговле ртутью и киноварью по существу на всех рынках Западной Европы. Однако на этот раз вездесущих Фугтеров опередили Хохштеттеры. Между тем в 1527-1528 гг. Хохштеттеры приняли участие в спекулятивной сделке с брюссельским двором и известными банкирами и купцами-авантюристами братьями Грехемами о поставках в Антверпен 359700 фунтов ртути и 60760 фунтов киновари. Выступивший в этой сделке в роли посредника и комиссионера Хохштеттеров Лазарь Тухер продал метал-

лы на рынке Антверпена с огромным убытком в 74000 фландрских фунтов⁴⁹, что и стало главной причиной банкротства компании Хохштеттеров.

После банкротства компании, во главе которой стоял Амброзиус Хохштеттер, ртутные рудники Крайны более десяти лет в буквальном смысле владели жалкое существование. В таком состоянии рудники находились до тех пор, пока в 1539 г. их продукцию не взяла на откуп сроком на пять лет и не предоставила необходимых финансовых средств участникам разработок другая аугсбургская компания – Паумгартнеров. Условиями этого контракта, как, впрочем, и предыдущих, предусматривал ежегодное субсидирование идрийских рудников. Целью существования в одном месте текста контракта обозначены «общие расходы и авансирование горного дела» (auf die sambkost und verlag des perckwerks), в другом – речь идет о «поддержании горного дела» (zu unterhaltung des perckwerks). Сумма этих ежегодных субсидий теперь была повышена с 4-х до 6-ти тыс. гульденов⁵⁰. Причем Паумгартнеры не только субсидировали горные товарищества Идрийских рудников, но и предоставляли кредиты их пайщикам в индивидуальном порядке, требуя от этих пайщиков поставок компании строго соответствующего величине кредита количества металлов⁵¹. Соглашения участников идрийских горных разработок с компаниями Хохштеттеров и Паумгартнеров, которые были заключены при посредничестве княжеского бергамта, имели следствием сосредоточение монополии на экспорт ртути и киновари в руках аугсбургских торговых домов, что и поставило ртутные рудники в Идрии в полную зависимость от «чужого капитала».

В условиях кризиса горнорудной промышленности Крайны появились два варианта одного контракта. Оба эти варианта составили и обсудили на встрече в 1543 г. в Радштадте с Гансом Паумгартнером-младшим идрийские горнопромышленники⁵². Кратко рассмотрим содержание этих документов.

Первый вариант контракта представляет собою типичный для того времени пример соглашения о монопольных закупках торговым домом Паумгартнеров идрийской ртути и киновари в течение последующих пяти лет. Особый интерес вызывает преамбула текста договора, где указано на то, что ведение горных разработок сопряжено с большими расходами, поскольку сейчас рудники почти не приносят прибыли. По этой причине пайщики рудников должны получать от Паумгартнера к 6000 гульденам, которые он предоставлял им ежегодно и раньше, еще 1000 гульденов «на поддержание рудников» и – «особенно на углубление забоев и шахт»⁵³. Этот вариант договора не предполагал радикальных перемен и изменения «обычаев и правил ведения горного дела Идрии». Иным было содержание второго проекта, который гласил: «Так как пайщики горных товариществ до сих пор содержали рудники на средства из своего кармана и потому они имели мало или никакой прибыли, а долги по этой (причине) росли», горнозаводчики делают Паумгартнеру предложение и выражают желание «продать ему целиком все имеющиеся у них пай и права

на рудники, (что сейчас было бы для него вполне подходящим предложением), поскольку только таким (образом) эти рудники смогут приносить большие (чем теперь) доходы и будут лучше вестись разработки (этих рудников)»⁵⁴.

В чем же состоит подоплека такого хода событий?

Прежде всего следует отметить, что средств, которые сначала субсидировала на ведение горных разработок княжеская администрация, а затем аугсбургские компании Хохштеттеров и Паумгартнеров, было явно недостаточно для успешного ведения этих горных разработок. Это и толкало местных горнозаводчиков, которые не обладали необходимыми финансовыми ресурсами, чтобы повысить уровень производства и его рентабельность, к поиску новых инвестиций в горное дело. Именно поэтому местные предприниматели в августе 1543 г. пришли к убеждению, что рудники следует передать в полное распоряжение Паумгартнеров. С целью реализации этой идеи участники горных разработок в Идрии намерены были передать торговой компании права на горные промыслы «со всеми рудниками, шахтами, забоями, вкладами и паями», два здания горных товариществ и принадлежавшие им же рыцарский замок, бочки (под металлы) и лесные угодья. Паумгартнеры должны были также получить право на открытие и разработку новых рудников. Текст проекта участников разработок с Паумгартнерами предусматривал выплату компанией ежегодно за каждый пай (Guggus) по 38 гульденов⁵⁵, чем, собственно говоря, и исчерпывались обязательства компании перед пайщиками Идрийских рудников. Фактически аугсбургские банкиры и предприниматели в случае реализации второго варианта договора становились полноправными хозяевами горных промыслов Идрии, что могло бы иметь далеко идущие социальные последствия.

О судьбе последнего проекта контракта известно, что он был отвергнут эрцгерцогом Австрии Фердинандом Габсбургом. Такая судьба проекта вполне закономерна, поскольку он предусматривал свободное распоряжение Паумгартнерами тем, что принадлежало князю по праву регального господина Крайны, в которой находились Идрийские рудники. Второй вариант проекта договора, с другой стороны, интересен также тем, что убедительно демонстрирует возможности подчинения купеческим капиталом промышленного производства⁵⁶. В таком случае с необходимостью должна была совершаться трансформация самого купеческого капитала в промышленный капитал. На практике в горнорудной промышленности это неизбежно должно было привести и «перевороту в самом способе производства». Княжеская власть, естественно, прилагала максимальные усилия, чтобы такого «переворота» не допустить.

4.2. ПРОМЫШЛЕННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИЙ

В торговле металлами, которые производились в австрийских владениях Габсбургов, а также в откупных операциях с этими металлами аугсбургские компании активно участвуют с середины XV в. Однако начало раннекапиталистической деятельности этих компаний в горном деле все же следует отнести к более позднему времени. Предпринимательская деятельность торговых компаний получает материальное выражение, во-первых, в строительстве или покупке плавильен, кузниц, дробильен, толчеи и других технических сооружений; во-вторых, в скупке паев горных товариществ, занимавшихся добычей руды. Это – две основные формы участия торговых компаний в предпринимательской деятельности в горнорудной промышленности, одним из важнейших экономических последствий участия в которых являлась трансформация купеческого капитала в промышленный капитал.

Побочными, но достаточно примечательными (особенно если иметь в виду социальный аспект настоящего исследования) формами предпринимательской деятельности компаний в горнорудных районах являлось их участие в торговле свиным жиром, который служил источником освещения в забоях; скобяными изделиями, включавшими орудия труда горняков, и продовольственными товарами. Эта деятельность компаний привела к формированию так называемой «Trucksystem»), то есть оплаты труда рудокопов и подсобных рабочих, занятых на горных разработках, продовольственными товарами. Такую «систему» можно рассматривать как первоначальную форму подчинения труда власти капитала на мануфактурной стадии развития самого капитализма. Значительное место в деятельности компаний занимали также мероприятия, целью которых являлось создание топливно-энергетической базы для металлургических предприятий и строительной для горных разработок. Обычно компании арендовали леса у княжеской администрации, хотя были возможны и другие варианты овладения компаниями лесными угодьями. По социальным последствиям эта деятельность торговых компаний далеко выходила за узкие рамки горных промыслов, немало способствуя превращению компаний в глазах современников в «угнетателей народа».

Если рассматривать события в строгой хронологической последовательности, окажется, что на первом этапе экспансии в горнорудную промышленность компании прежде всего занимались строительством и приобретением плавильен⁵⁷. Еще в 1495 г. Фуггеры с согласия епископа Бамберга и аббата местного монастыря приступили к строительству плавильни в Арнольдштейне, а весной 1499 г. получили «королевскую привилегию» на торговлю «... швацкой медью, а также – той зейгированной медью, которая производится на их плавильне в Каринтии»⁵⁸. Вскоре Арнольдштейн превратился в опорный пункт компании Фуггеров не только в Каринтии, но и всех их предприятий горной

промышленности австрийских владений Габсбургов⁵⁹. В Тироле уже в самом начале XVI в. в числе «плавильщиков» упоминается имя аугсбургского бюргера Мельхиора Штунца⁶⁰. Его имя, по всей видимости, следует поставить в один ряд с теми аугсбургскими купцами и банкирами, которые прокладывали путь к капиталистическому предпринимательству в горном деле этого альпийского княжества. В 1509 г. братья Хохштеттеры получили в аренду здесь же предприятие по производству латуни⁶¹, а в середине 20-х годов того же столетия Хохштеттеры уже владели несколькими плавильнями в Шваце. Осенью 1527 г. эрцгерцог Фердинанд Габсбург отдал распоряжение бергамту, чтобы тот разрешил Хохштеттерам «... тауферскую медь, которой они так много производят в своей плавильне в Ройти и которая (никому) не отписана, поднимать в Тауфер и распоряжаться (ею) по своей воле, но при условии уплаты обычных поборов и (вывозных) пошлин»⁶². Однако к тому времени пример инвестиций Хохштеттеров непосредственно в горное дело не был единственным.

В первые десятилетия XVI в. волна грюндерства буквально захлестывает Тироль. Компании, совсем, казалось бы, недавно включившиеся в откупные операции и торговлю металлами, но уже успевшие на этом поле деятельности снять обильную жатву, теперь строят плавильни и другие металлургические предприятия, так как это обещает им новые прибыли. Еще указ императора Максимилиана I от 16 июня 1513 г. разрешил бергамту продать своим аугсбургским банкирам Гансу Паумгартнеру-старшему, Лукасу Гаснеру и Гансу Ауслассеру 15 тыс. весовых марок серебра, «которое они производят в собственных плавильнях в Кундле»⁶³. В том случае, «если их плавильни не дадут столько серебра, им должно быть предоставлено другое серебро». Отсюда следует, что упомянутые выше аугсбургские купцы и предприниматели уже в 1513 г. владели плавильнями. Поэтому тем же указом император разрешает Паумгартнеру, Гаснеру и Ауслассеру закупать руду, свинец, уголь «и все прочее на нужды плавилен, чтобы они могли выплавливать... серебро на своих предприятиях»⁶⁴.

Строительство плавилен в Тироле энергично ведут Паумгартнеры, игравшие видную роль в местной горной промышленности на протяжении нескольких десятилетий XVI в. и выступавшие в роли конкурентов Футгеров. Кроме двух плавилен в Кундле, которые Паумгартнеры построили или купили еще в начале 20-х годов этого столетия, в 1526 г. они же завершают строительство плавильни в Раттенберге, которая в первые три месяца того же года переработала много свинцовой руды, за что владелец плавильни получил от князя «деньги милости и помощи», чтобы «рудники могли давать (как можно) больше не только свинца, но и серебра с медью»⁶⁵, в 1534 г. Фердинанд Габсбург разрешает Гансу Паумгартнеру-младшему построить собственную плавильню на реке Айзак в судебном округе Клаузен, расположенном к югу от Бриксена. Интересно, что, как это следует из донесения одного из чиновников

бергамта, Паумгартнер намерен при строительстве этой плавильни внести изменения в проект постройки и организацию работ, для чего намерен подвести туда канал и использовать силу падающей воды⁶⁶. Любопытна и реакция на эти планы Паумгартнера княжеского чиновника, который отнесся к «новшеству» весьма скептически. Он не верит в успех дела, так как «подобная новация», по его словам, уже закончилась для Паумгартнеров неудачей несколько лет тому назад, и чиновник выносит вердикт: «Он (Паумгартнер) может понести одни только убытки»⁶⁷. В марте 1545 г. горная администрация разрешает тому же Гансу Паумгартнеру-младшему плавить свинец для отделения (зейгирования) благородных металлов от горных пород в «своей (верхней) плавильне в Кундле, так как ему принадлежащую (здесь же другую) плавильню затопило водой во время весеннего паводка»⁶⁸. Приведенные выше факты красноречиво свидетельствуют о той роли, которую играет плавильное производство в предпринимательской деятельности Паумгартнеров. Вообще создается впечатление, что плавильные предприятия приобретают значение опорных пунктов в процессе проникновения торговых компаний в горные промыслы, и такая стратегия предпринимательской деятельности Паумгартнерами избрана не случайно.

Дело в том, что уже в первой половине XVI в. организация плавильного производства и добыча металлов были невозможны без крупных инвестиций. Строительство плавильных предприятий и применение технических средств для откачки воды из забоев и шахт, подачи в них свежего воздуха требовали значительных денежных затрат, что было под силу только крупным капиталистам, между тем большинство разработок на богатейших в Тироле рудниках Фалькенштейна в Шваце уже тогда велось на большой глубине. Это делало актуальной проблему инвестиций в них капиталов. О характере затрат в горном деле можно судить по следующим фактам. Построенная в 1554 г. в Эрбштоллене (Швац) под руководством известного зальцбургского горного инженера Лешера машина для откачки воды из забоев и шахт обошлась в 9860 гульденов⁶⁹. В 1546 г. Футтеры приняли решение о строительстве большой плавильни в Лютценхофене (судебный округ Кицбюгель графства Тироль), которое велось почти три года (с начала 1547 и до конца 1549 г.) и стоило им более 9 тыс. гульденов⁷⁰. В 1535 г. те же Футтеры продали свою плавильню в Фультеппе за 15 тыс. гульденов⁷¹. Отсюда следует, что сам ход развития горнорудной промышленности остро ставил в повестку дня вопрос об инвестициях, что и облегчало экспансию купеческого капитала в эту отрасль народного хозяйства. Аугсбургские компании основывали новые, обычно более мощные по производительности плавильные предприятия, что больно затрагивало интересы как княжеского бергамта, обладавшего собственными плавильнями, так и интересы мелких и даже средней руки предпринимателей – участников горных разработок, которые силою обстоятельств вынуждены были поставлять свою руду на новые предприятия, попадая в экономическую

зависимость от их владельцев. До появления крупных торговых компаний в Тироле существовала широкая сеть княжеских плавильен, на которых перерабатывалась руда не только из княжеского «оброка» или приходившаяся на долю князя как «участника» горных разработок, но и тех горных товариществ, которые не имели своих плавильен, и, как это ни удивительным может показаться, торговые компании первый удар нанесли именно по княжеским плавильням. Наступление компаний на этот сектор горнорудной промышленности было успешным в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств.

Во-первых, австрийская администрация, постоянно испытывая острую нужду в деньгах, вынуждена была в обмен на кредиты идти на уступки и предоставлять торговым компаниям привилегии, стимулируя их тем самым к предпринимательской деятельности и создавая для нее более или менее благоприятные условия. Во-вторых, княжеский бергамт по мере возможности стремился избавиться от «излишних», то есть в первую очередь производственных расходов, которые напрямую не служили достижению политических целей Габсбургов, в том числе и расходов «на поддержание горного дела». И, наконец, в-третьих, княжеская администрация не располагала необходимым аппаратом торговых служащих, который мог бы реализовать продажу на рынках металлов, произведенных на эрцгерцогских плавильнях. Еще в начале XVI в. эта администрация строго следила за тем, чтобы руда регулярно и в полном объеме поступала на княжеские плавильни, о чем, в частности, свидетельствует указ императора Максимилиана I от 13 февраля 1505 г., предписывавший всем участникам горных разработок в Тироле поставлять его «княжескую долю» на его же плавильни «и никуда иначе»⁷². В дальнейшем бергамт, напротив, неоднократно сдавал княжеские плавильни в аренду или содержал их с помощью кредитов тех же аугсбургских банкиров и предпринимателей. Более того, есть основания полагать, что со второй четверти XVI в. по крайней мере часть «княжеской руды» переплавлялась на частных плавильнях. В этом отношении интересно постановление княжеской администрации Верхней Австрии от 24 июля 1537 г., которое обязывало эрбштолленскую руду в Фалькенштейне переплавлять на предприятиях, принадлежавших Гансу Паумгартнеру-младшему. Все заботы княжеского бергамта теперь сводились к тому, чтобы обязать «господина Паумгартнера» и писарей принадлежавших его компании плавильен правильно взыскивать и перечислять в казну поборы, «следующие княжеской милости»⁷³.

В конце первой половины XVI в. бергамт Тироля уже склонен был представлять общественному мнению княжеские плавильни как филантропические заведения, которые, как заявляли чиновники бергамта, будто бы существуют не ради выгоды для казны, а исключительно – «для поддержания тех, кто, добывая руду, лишен возможности ее плавить (на собственных предприятиях), и еще для того, чтобы владельцы (частных) плавильен при закупке руды сверх меры не притесняли рудокопов»⁷⁴. Отсюда можно заключить, что

носителями зла и «угнетателями народа», с точки зрения княжеской администрации, выступали «крупные плавильщики», грубо попиравшие своими действиями принцип «общей пользы», принося этот принцип в жертву своим корыстным интересам. Поэтому идея о необходимости конфискации предприятий плавильного сектора производства у частных лиц и их передачи государственной власти стала достоянием общественного сознания «простых людей» и красной нитью проходит через программные документы оппозиционных движений того времени в горнорудных районах австрийских владений Габсбургов и получает логическое завершение в «Земском Устройстве Тироля», автором которого является предводитель восставших крестьян и горняков в альпийских землях Михаэль Гайсмайер, требовавший передать все плавильни в руки центрального правительства и «поставленного страной фактора»⁷⁵. Только так, по убеждению Гайсмайера, может быть восстановлена попорченная справедливость.

Конкуренция со стороны аугсбургских компаний больно затрагивала интересы не только мелких предпринимателей и самостоятельных рудокопателей-лезнахуэров, но и способствовала вытеснению с поля предпринимательской деятельности средних и даже крупных местных горнозаводчиков, к которым можно отнести всех владельцев плавилен. Наглядное представление об этом дают статистические материалы, которые содержатся в рабочих записках пробирных мастеров в Халле Кристофа и Себастьяна Андорферов (см.: Табл. 11).

Таблица 11

ВЛАДЕЛЬЦЫ ПЛАВИЛЕН В ШВАЦЕ (1470-1534)*

Годы	Выплавлено серебра в весовых марках и лотах	Число владельцев плавилен		
		Всего	в т.ч. прежних	в т.ч. новых
1470-1479	198861,1	65	38	27
1480-1489	409490,1	28	6	22
1490-1499	413408,8	23	16	7
1500-1509	369309,8	19	14	5
1510-1519	440369,5	14	11	3
1520-1529	422211,6	12	10	2
1530-1534	193012,1	7	7	—

* Jäger A. Beitrag zur tirolisch-salzburgische Bergwerksgeschichte. Beilage 1// AÖG. 1875. Bd. 53. S. 431-436.

В 70-е годы XV в. выплавкой серебра и меди на одних только горных промыслах Фалькенштейна в Шваце занимались 65 предпринимателей. К 1534 г. при значительном росте в эти десятилетия добычи металлов (особенно серебра) их выплавка сосредоточилась в руках всего 7 промышленников. При этом обращает на себя внимание тот факт, что предпринимательские элементы Шваца наиболее активно себя проявляли в плавильном производстве в 70-е и 80-е годы XV в., когда в его организацию включилось 49 «новых» горнопромышленников. Примечательно, однако, и другое: такое же их число (49 человек) за эти два десятилетия разорились или прекратили свою деятельность в качестве «плавильщиков». Нельзя не отметить также, что в 1510-1534 гг. в роли «новых плавильщиков» в Шваце появилось только десять горнозаводчиков, которые по происхождению были исключительно владельцами аугсбургских торговых компаний, причем из их числа к 1534 г. «судержались на плаву» только семь «плавильщиков», а во второй половине XVI в. монопольные позиции в плавильном производстве Тироля сосредоточилось в руках Футтеров.

По запискам Андорферов можно проследить, как разорились или отказывались от предпринимательской деятельности представители семейств «старых швацких горнопромышленников». Уже в конце 70-х годов XV в. прекратили поставки серебра княжескому монетному двору в Халле Рингсмаули и Фабианы, в 80-е годы – Кауфманы и Шротеры, 90-е годы – Рюммели и Фирмианы, в первом десятилетии XVI в. – Перли, Зигвайны и Грюнгоферы, во втором – фон Россы, Яуфнеры и Лихтенштейны. В конце концов к 1534 г. из местных предпринимателей в Шваце продолжали заниматься выплавкой серебра только Теншли, Штекли и Райфы. Четверо других «плавильщиков» – это бюргеры Аугсбурга Паумгартнеры, Футтеры, Буркарды и Герварты. Правда, в других судебных округах Тироля плавильнями еще продолжали владеть наследники в недавнем прошлом крупных местных горнозаводчиков Вергилия Хофера и Ганса Визера, а также Сигизмунд Фюгер. Однако и здесь их вытесняли с поля предпринимательской деятельности Паумгартнеры, Футтеры, Хохстеттеры и Пиммели из того же Аугсбурга⁷⁶. Еще примерно через десятилетие (к середине XVI в.) выплавка серебра сконцентрировалась в руках владельцев аугсбургских торговых компаний Футтеров, Паумгартнеров, Хаугов, Нейдхартов, Гервартов и Манлихов. И только Теншли и Штекли еще играли более или менее заметную роль в качестве участников горных разработок и «плавильщиков»⁷⁷. Отсюда следует, что экспансия в горнорудную промышленность торговых компаний сопровождалась вытеснением с поля предпринимательской деятельности местных капиталистов. Поэтому понятны полные горечи слова одного из чиновников бергамта Тироля о том, что знаменитые семейства швацких горнопромышленников к началу второй половины XVI в. «вымерли и оскудели» (gesterben und verderben)⁷⁸. Одним из наиболее примечательных итогов перемен в горнорудной промышленности Тироля

уже в первой половине XVI в. стала концентрация плавильного производства в руках небольшой группы предпринимателей, главным образом «пришлых купцов и предпринимателей». Такой успех последними был достигнут благодаря строительству более мощных, чем это было до сих пор, предприятий с несколькими печами и использованием передовых для того времени технологий плавки руды. К тому же, крупные торговые компании старались строить плавильни в разных пунктах Тироля таким образом, чтобы обеспечить бесперебойное поступление на них руды. Так, Паумгартнеры строят и приобретают плавильни не только в Кундле, но и Ратенберге, Клаузене и Куфштейне. Фуггеры владели плавильнями в Шваце, Енбахе, Фульдеппе, Клаузене, Штерцинге и Лютценхофене⁷⁹, хотя ключевыми позициями в горнорудной промышленности Тироля они овладеют только во второй половине XVI в.

Конечно, было бы ошибкой все эти явления приписывать только экспансии в горное дело Тироля крупных южно-немецких торговых компаний. Обратившись к данным Табл. 11, нетрудно обнаружить, что процесс концентрации плавильного производства здесь начался еще до появления этих компаний. За последние десятилетия XV в. (1470-1499 гг.) число владельцев плавильни в Тироле сократилось в три раза (с 65 до 23) и, можно полагать, Тенцли и Штекли играли в вытеснении с поля предпринимательской деятельности «мелких плавильщиков» примерно ту же роль, что и Фуггеры с Паумгартнерами. Появление аугсбургских компаний лишь придало этому процессу большую динамику и ускорило его ход. Поэтому результаты данного процесса следует связывать не только с особенностями деятельности или менталитета местных предпринимателей или владельцев аугсбургских компаний, сколько видеть в его последствиях проявление жесткой закономерности исторических метаморфоз самого капитала.

Строительство или приобретение плавильни было лишь первым шагом на пути экспансии торговых компаний в качестве капиталистов-предпринимателей в горное дело австрийских владений Габсбургов. Вторым шагом на этом пути ими был сделан в первой четверти XVI в., когда аугсбургские купцы стали принимать непосредственное участие в горных разработках. С этой целью они скупали паевые «доли» (tailen), «четверти» (viertelin) или «куксы» (kuxen, guggussen) горных товариществ. Такой ход событий усиливал тенденцию трансформации купеческого капитала торговых компаний в промышленный капитал. Об этом свидетельствуют многие факты и, в частности, данные об участии в горных разработках Тироля аугсбургской компании Паумгартнеров⁸⁰. Ее глава Ганс Паумгартнер-младший в 1533 г. совершил туда инспекционную поездку, во время которой в фактории предприятия в Шваце составил документ, содержащий сведения об участии компании в горных разработках. Этот документ позволяет точно установить, что компания Паумгартнеров инвестирует значительные денежные средства в горные разработки только с 1517 г. Именно в этом году она, используя финансовые затруднения

другого аугсбургского бюргера и горнопромышленника Ганса Ауслассера⁸¹, приобрела у него паи в нескольких рудниках Фалькенштейна. С этого времени Паумгартнеры регулярно скупают паи горных товариществ. Их инвестиции в горные разработки к 1533 г. составили 44500 гульденов. Кроме рудников Фалькенштейна, Паумгартнеры к этому году владели также паями рудников Вайсеншрovensна, Раттенберга, Имста, Госсензаса и Штерцинга⁸². Хотя деловые записки Ганса Паумгартнера-младшего лаконичны и в них немало неподдающихся расшифровке мест, по этим запискам все же представляется возможным установить, что контрагентами компании по сделкам с паями горнорудных товариществ выступили более сорока лиц различных социальных статусов. Среди тех, у кого компания покупала паи, мы видим имена людей, находившихся у кормила власти или близко к нему стоявших, К числу последних можно отнести представителя старинного патрицианского рода Аугсбурга и советника Габсбургов по финансовым вопросам Якоба Госсенброта, канцлера княжеской администрации в Тироле Киприана Сернтейна⁸³, пробирных дел мастера в Халле Себастьяна Андорфера, доктора юриспруденции Петера Паумгартнера фон Фрауэнштейна и юнкера Лазаря фон Зунтхейма⁸⁴. Впрочем, этими именами не исчерпывается список контрагентов, продававших паи горнорудных товариществ Тироля аугсбургской компании.

Инвестиции в горные разработки совершали и прелаты церкви, которые также активно вели торговлю паями горных товариществ. Так весной 1528 г. Паумгартнеры приобрели «за долги» паи в рудниках св. Элизабет и Анны в Шваце, принадлежавшие настоятелю кафедрального собора в Аугсбурге Вайту фон Нидертору. Тогда же 215 «четвертей» в рудниках Клаузена, Гришштейна, Пфаффенхофена, Лузена, Шнееберга и Госсензаса им продал епископ Бриксена Георг (общая стоимость этих паев составила значительную сумму в 4300 гульденов)⁸⁵. Не прошло и года, как «его светлость князь и господин епископ Бриксена» продал в «совместную собственность Паумгартнеров и Штеклей свои права в рудниках Штерцинга»⁸⁶. Из записок главы компании (Ганса Паумгартнера-младшего) следует, что она скупала паи и у потомков «старых горнозаводчиков Тироля» – наследников Фридриха Харбера, Вергилия Хофера, Лангенмантелей⁸⁷, Фюгеров, для которых такие сделки порою были предвестниками банкротства и разорения. Из «Книги пробирных мастеров в Халле» (упоминавшихся выше братьев Кристиана и Себастьяна Андорферов) следует, что продажа «старыми участниками разработку» паев горных товариществ сопровождалась сокращением объемов металлов, которые выплавлялись на их предприятиях, и даже отказом от деятельности как «плавильщиков»⁸⁸. В роли продавцов паев горных товариществ выступали также бюргеры тирольских городов (Ганс Вист и Ганс Цегентер из Халля, Георгэстермайер и Антон Лефарт из Штерцинга)⁸⁹. Эти факты свидетельствуют об участии в горных разработках Тироля представителей различных общественных слоев. Однако теперь они вытеснялись с поля раннекапиталистической

деятельности, причем это происходило также и под влиянием экспансии в горную промышленность этого альпийского княжества крупных торговых компаний, конкуренция с которыми оказалась не под силу местным предпринимателям.

К сожалению, нам мало что известно о большинстве контрагентов компании Паумгартнеров по операциям купли-продажи с паями горных товариществ в Тироле, хотя установление их социального статуса представляло бы несомненный интерес. Так, например, вполне возможно, что Ганс Кнейсель, у которого Паумгартнеры в 1523 г. покупают «доли» в горных разработках в Имсте, принадлежал к семейству тех нюрнбергских купцов, которые в начале XVI в. вели торговлю в Венеции, и один из них, Себальд Кнейсель, исполнял в 1506 г. обязанности «консула» «Немецкого подворья» (или «Фондако») ⁹⁰. Однако по причине крайней лаконичности деловых записок Ганса Паумгартнера-младшего в большинстве случаев невозможны даже такие гипотетические предположения.

Вместе с тем деловые записки последнего все же дают основания для следующих выводов: во-первых, права собственности на горные разработки уже в первой трети XVI в. подвержены перемещениям из одних рук в другие; во-вторых, направлением этих перемещений была концентрация прав собственности на горные промыслы в руках крупной торговой буржуазии; и, наконец, в-третьих, постоянными компонентами перемещения этой собственности являлись спекулятивные сделки; в них проявлялся дух стяжательства, который, однако, вряд ли служил основным рычагом развития горнорудной промышленности, как это полагают некоторые историки, а был прежде всего результатом стихийно возникавших процессов первоначального накопления и генезиса капитализма. О спекулятивном характере сделок свидетельствуют резкие колебания цен на пай горных товариществ. Так, Ганс Паумгартнер-младший еще в 1527 г. купил у Ганса Ауслассера «четверть» пая рудника «Zu st. Jacob und Stier» за 100 гульденов, а через год (в 1528 г.) покупка «четверти» того же рудника у Андреаса Вайдахера ему уже обошлась в 360 гульденов; если в том же 1528 г. «четверть» пая рудника «Zum grundl Heilig creutz» Ауслассер продал Паумгартнерам за 1680 гульденов, несколько лет спустя (точная дата в записках Ганса Паумгартнера-младшего не указана) компания Паумгартнеров приобрела «четверть» пая того же рудника у пробирных мастеров в Халле братьев Кристиана и Себастьяна Авдорферов всего лишь за 700 гульденов ⁹¹. Колебания цен на пай рудников зависели прежде всего от перспектив разработок богатых металлами пород, или, напротив, их скорого исчерпания. Впрочем, на колебания цен на пай горных товариществ могли оказывать влияние и другие факторы конъюнктурного порядка.

Такую же настойчивость в овладении горными разработками проявили и Фуггеры. Начало их промышленно-предпринимательской деятельности в Тироле следует датировать 1522 г., когда они приобрели плавильню в Раттенбер-

ге и, по всей видимости, тогда же получили «за долги» пай горнорудных товариществ, принадлежавших Мартину Паумгартнеру из Куфштейна⁹². Гораздо раньше Фуггеры развернули свою предпринимательскую деятельность в Каринтии, где они построили в конце XV в. большую плавильню в Арнольдштейне, и в первые три десятилетия XVI в. прилагали усилия, чтобы овладеть рудниками в Блейберге (Плиберке). К началу 1533 г. Фуггеры участвовали в разработках 12 рудников, в которых им принадлежало около четверти всех пасов горных товариществ, которые занимались добычей руды в Каринтии⁹³. Здесь весной того же года участники разработок в Блейберге вели переговоры при посредничестве епископа Бамберга, во владениях которого находились эти рудники, об условиях субсидирования разработок Фуггерами. Во время переговоров пайщики горных товариществ жаловались, что многие забои затоплены водой, а сбыт местной продукции (свинца) сопряжен с большими трудностями⁹⁴. В конце концов рудники после долгих переговоров перешли к Фуггерам, которые предпочли сдать эти рудники в субаренду трудовым артелям рудокопов (лезнхаузоов)⁹⁵ и предоставить им кредиты. По этой причине артели рудокопов оказались в сильной зависимости от аугсбургской компании. Кроме уплаты Фуггерам аренды, рудокопы обязаны были добытую ими руду поставлять на плавильни тех же Фуггеров по строго установленным ценам. Однако и горняки, которые вели разработки самостоятельно, в большинстве случаев вынуждены были производить переработку руды на плавильных предприятиях, также принадлежавших Фуггерам⁹⁶, поскольку сами товарищества рудокопов такими предприятиями не владели.

Фуггеры вели разработки и серебряных рудников Штейнфельда, где в числе пайщиков горных товариществ (во второй половине XVI в.) упоминаются имена Хохштеттеров из Аугсбурга, Мартина Цотта, занимавшего сначала должность старшего горного мастера Каринтии, затем – княжеского казначея Тироля, наследников аугсбургского купца Пфлюгеля, Пауля фон Лихтенштейна (маршала Тироля) и его дочери Анны, которая, между прочим, вышла замуж за богатого аугсбургского купца Неймана, также участника горных разработок⁹⁷. Последний факт может служить примером обычного для той эпохи союза купеческого кошелька и дворянской шпаги. Следует также иметь в виду, что участие дворян в горнорудных предприятиях было заурядным явлением, причем в большей мере для Каринтии и Крайны, чем Тироля. В то же время не следует преувеличивать значения данного явления, поскольку в горнорудных предприятиях в австрийских владениях Габсбургов дворянство не играло не только ведущей, но и сколько-нибудь значительной роли. В Каринтии и Тироле экспансия в горное дело крупных торговых компаний, как известно, сопровождалась вытеснением с поля промышленной деятельности большинства не только мелких и средних капиталистов-предпринимателей, но и дворянских элементов, о чем свидетельствуют как данные, тщательно собранные Г. Виснером, так и неоднократно уже упоминавшиеся записки

пробирных мастеров в тирольском Халле братьев Андорферов о поставках горнозаводчиками серебра монетному двору.

Еще в 30-е годы XVI в. Фуггеры овладели ключевыми позициями в горнорудной промышленности Каринтии, но столкнулись с жесткой конкуренцией в Тироле, где им противостояли, однако, прежде всего не местные горнозаводчики, в том числе из родовитого австрийского дворянства, а такие аугсбургские кушцы, банкиры и предприниматели, как Паумгартнеры, Хохштеттеры, Манлихи, Герварты, Пиммели и другие. Среди аугсбургских предпринимателей Фуггеры лишь спустя несколько десятилетий окончательно овладели доминирующими позициями. Это они сделали с помощью увеличения инвестиций в горнорудную промышленность. Вместе с тем отметим, что уже в 1533 г. капиталовложения Фуггеров в горные разработки Тироля составили около 85 тыс. гульденов⁹⁸, то есть почти в два раза превысили инвестиции Паумгартнеров. К концу 1547 г. Фуггеры в 39 рудниках Фалькенштейна владели 266,5 «четвертями» из общего их числа в 1404, что равнялось примерно 18 процентам паев горных товариществ⁹⁹. Компания Фуггеров, таким образом, стала одной из ведущих в горных промыслах Тироля. Однако назвать ее хозяйкой положения на этих промыслах еще нельзя не только потому, что здесь достаточно прочные позиции занимали и другие аугсбургские компании, но и по той причине, что именно горные товарищества, занимавшиеся разработкой горных пород, особенно там, где металлы залегали на небольшой глубине, включали в себя наиболее стойкие элементы мелких и средних предпринимателей, и еще в 1548 г. на долю местных горнопромышленников приходилось около 60 процентов всей продукции, добываемой в Фалькенштейне¹⁰⁰. Этот факт не вступает в противоречие с сформулированным выше доводом, что аугсбургские компании еще задолго до 1548 г., прибрав к своим рукам плавильное производство, овладели ключевыми позициями в горнорудной промышленности Тироля.

Дело в том, что из местных горнозаводчиков уже в 30-е годы XVI в., как мы знаем, только Тенши и Штекли продолжали владеть плавильнями, а другие тирольские горные товарищества рудников Фалькенштейна в Шваце вынуждены были продавать руду аугсбургским торговым компаниям или перерабатывать ее за соответствующую плату на предприятиях, принадлежавших тем же компаниям. Последние с явной неохотой брали на себя функции организаторов и руководителей горных разработок. Так, например, известно, что Фуггеры совместно с Паумгартнерами из Аугсбурга в 1524-1525 гг. вели разработки рудников Клаузена¹⁰¹. Но этот эпизод вряд ли можно считать типичным для первой половины XVI в., так как тогда южно-немецкие компании предпочитали в своей экономической деятельности в горнорудной промышленности использовать давно уже сложившиеся и положительно себя зарекомендовавшие на практике институты горных товариществ (*Gewerkschaften*) и трудовых артелей рудокопов-лезнхауэров (*Lehenschaften*), продолжавших са-

мостоятельно заниматься добычей руды главным образом на небольшой глубине, поскольку не располагали средствами для ведения разработок на значительной глубине. И долгое время разработки велись местными горнозаводчиками именно на таком уровне.

Положение изменилось только к концу 40-х – началу 50-х годов XVI в. К тому времени исчерпание запасов богатейших в Тироле рудников Фалькенштейна стало вполне очевидным фактом. По этой причине многие горнозаводчики забрасывали старые рудники в Фалькенштейне, но продолжали разработки в других судебных округах Тироля. Так поступали не только «старые местные горняки», но и «пришлые купцы». В этом отношении показательна деятельность бюргеров Аугсбурга братьев Розенбергеров. Один из них, Ганс Розенбергер, специальным распоряжением княжеского бергамта в 1547 г. «милостиво освобождался от уплаты оброка при первых распределениях (прибыли) сроком на восемь лет с собственных разработок в руднике св. Георга (в местности), называемой долиной Эдера»¹⁰². Освобождение от уплаты «оброка» и «обмена», по всей видимости, являлось стимулом для предпринимательских элементов и активной грюндерской деятельности. Об этом, в частности, свидетельствует и ходатайство того же Ганса Розенбергера (в июне 1549 г.), с которым он обратился в тирольский бергамт. В этом ходатайстве Розенбергер изложил просьбу об освобождении сроком на десять лет от уплаты таких поборов, как «оброк» и «обмен»¹⁰³. Аугсбургский горнозаводчик обращал при этом внимание властей на «тяжелые и трудные (условия) разработки, которые он (давно) ведет во многих местах графства Тироль»¹⁰⁴. Австрийская администрация, где оказалось ходатайство, нашла просьбу Розенбергера вполне обоснованной, но освободила его от уплаты поборов всего лишь на три года¹⁰⁵.

Что касается плавильного производства Тироля, оно в конце концов сосредоточилось в руках крупных капиталистов, которые, как правило, совмещали промышленное предпринимательство с оптовой торговлей и банковской деятельностью. Произошло это по той причине, что переработка руды на плавильных предприятиях требовала значительных инвестиций. Строительство плавильни в том же Тироле обходилось во многие тысячи гульденов. Это по крайней мере сильно затрудняло участие мелких и средней руки промышленников в предприятиях данного типа. Горные же разработки даже на богатейших в Тироле рудниках Фалькенштейна еще и в первой половине XVI в. в некоторых местах велись на незначительной глубине и не требовали больших капиталовложений. Поэтому в горных промыслах долгое время сохранялись мелкие самостоятельные предприятия. Так, к примеру, «участники» (Gewerken) горных товариществ жаловались: «Разработки лежат друг от друга так близко, что мы озабочены, как бы из-за этого не возникло недоразумений»¹⁰⁶. Характер горных разработок изменялся, однако, прежде всего там, где они уходили глубоко под землю. Мелким предпринимателям были не под

силу расходы, связанные с добычей руды в новых условиях. В таком случае прибыль от занятий горным делом, по словам одного из современников и очевидцев событий, «перетекала в карманы» крупных горнозаводчиков. В их роли обычно выступали владельцы аугсбургских компаний. Австрийские власти фактически способствовали такому ходу событий, заключая контракты только с теми горнозаводчиками, которые были в состоянии вести горные разработки, не прибегая к финансовой помощи княжеского казначейства. С этой целью еще в 1516 г. император Максимилиан I издал указ, предписывавший чиновникам бергамта объединять рудники. И концентрация горных разработок в руках богатых горнозаводчиков, несмотря на протесты мелких предпринимателей, стала осуществляться на практике. Так, если в одном только Фалькенштейне в 1526 г. добыча руды велась на 142 рудниках, к 1531 г. их число сократилось до 38¹⁰⁷, то есть всего за пять лет – в четыре раза. К тому времени ведение горных разработок на большой глубине оказалось невозможным без привлечения крупных инвестиций. Такие инвестиции в состоянии были предоставить только владельцы аугсбургских торговых компаний.

К сожалению, источники не позволяют с достаточной степенью достоверности и точности ответить на вопрос об отношении владельцев торговых компаний к техническому прогрессу и новым способам эксплуатации горных богатств. Лишь в самой общей форме можно сказать, что руководители этих компаний стремились при минимальных производственных затратах получить максимальную прибыль и по возможности в кратчайшие сроки. Поэтому, овладевая средствами труда, то есть рудниками, и средствами производства, то есть ручными машинами и техническими сооружениями, нанимая наемных рабочих или заключая договоры с трудовыми артелями лезнхауэров и сдавая рудники в субаренду, компании порою вели экстенсивную и даже хищническую эксплуатацию горных пород. Такие способы разработок уже тогда были известны под выразительным названием «грабительских разработок». Жалобы на такие разработки звучали в программных документах общественного движения в 1525 г. Вопрос о положении в горнорудной промышленности Тироля, особенно на знаменитых рудниках Фалькенштейна, затрагивает в своем «мемориале» (1545 г.) фактор компании Паумгартнеров в Шваце Якоб План. Касаясь этой необычайно острой к тому времени темы, он пишет, что «Фалькенштейн почти весь разработан, но из-за этого не (следует) им пренебрегать или сбрасывать со счета по той причине, что в знаменитом Фалькенштейне еще лежат много богатых пород, а также неразработанных и нетронутых мест, которые, без сомнения, дадут еще много (богатой металлами) руды». План выражает твердую уверенность, что при использовании соответствующих механизмов, особенно для подачи в забой свежего воздуха, можно вести разработки на большей, чем сейчас, глубине, то есть там, где еще много руды. Однако такие разработки возможны только при условии объединения капиталов и усилий как владельцев плавильни, так и участников горных разработок.

Такой вариант, впрочем, и самому Плану представляется маловероятным и он собственной рукой выносит этому проекту безжалостный вердикт: «Но я говорю, что к такому единству не прийти»¹⁰⁸.

Сделать такой вывод фактора компании Паумгартнеров, по всей видимости, побуждает, с одной стороны, ожесточенная конкуренция между самими аугсбургскими компаниями, каждая из которых стремилась овладеть «монополиями» в горном деле Тироля, с другой – глубокие противоречия между местными «участниками» горных разработок и «пришлыми компаниями». К тому же, «мемориал» Плана подтверждает уже выше сформулированное наблюдение, что крупные горнопромышленники с большой неохотой шли на инвестиции в горные разработки, если они не обещали возмещения затрат и высокой нормы прибыли в ближайшей перспективе, о чем вполне убедительно свидетельствуют многочисленные факты. Поэтому обратимся к некоторым из данных фактов, поскольку их анализ проливает достаточно яркий свет на характер деятельности крупных торговых компаний в горнорудной промышленности австрийских владений Габсбургов, в том числе в Тироле, где негативные стороны их деятельности проявлялись, пожалуй, с наибольшей очевидностью и силой.

Летом 1532 г. горный судья в Штерцинге Сигизмунд Шепергер доносил австрийской администрации о результатах проверки футтеровской руды, которую аугсбургская компания обязана была поставлять на княжеские плавильни. Проверка показала, что Футтеры поставляют в виде «оброка» на эти плавильни руду самого низкого качества, а «хорошую руду» «оттягивают себе» (an sich gezogen)¹⁰⁹. Не прошло и двух лет, как 10 апреля 1534 г. княжеская администрация в Инсбруке направила инструкцию «своему мастеру плавилен Раттенберга» с требованием провести расследование деятельности тех же Футтеров, так как поступила докладная записка от горного судьи Штерцинга, который снова обвинял футтеровскую компанию в том, что она из Енбаха, Шнееберга, Ладурнбаха и долины Риднауна поставляет «плохую руду на княжеские плавильни», а «богатую (металлами) руду отвозит на свою плавильню в Штерцинг»¹¹⁰. Впрочем, было бы ошибкой полагать, что так вели себя только аугсбургские компании. Приведем в этой связи следующий пример. В 1542 г. развернулась ожесточенная борьба в судебном округе Кишбюгель между компанией Вергилия и Кристофа Фрешльмозеров, с одной стороны, и Футтерами – с другой. Оба конкурента стремились к достижению одной цели: владеть местными горными промыслами, построить плавильни и заполучить в аренду леса. Причем Фрешльмозеры из Зальцбурга действовали весьма активно, сманивая горняков отовсюду на свои предприятия¹¹¹.

И все же недовольство широких слоев населения в Тироле вызывала прежде всего деятельность аугсбургских компаний, так как она отличалась большим размахом и неизменно пользовалась поддержкой со стороны княжеских властей. Характер деятельности последних был таким, что постоянно приво-

дил к конфликтам с представителями различных общественных слоев. Конфликты возникали и между владельцами компаний и княжеской администрацией. Однако деньги уже стали той силой, противостоять которой оказываются не в состоянии любые аргументы. Когда на протяжении всего лета 1544 г. шло жесткое противостояние между аугсбургскими компаниями и тирольскими горнозаводчиками, администрация Верхней Австрии попыталась было встать на сторону последних, однако срочная необходимость получения очередного крупного займа, который Габсбургам могли предоставить только Фуггеры, Паумгартнеры и Пиммсли, вынудила княжескую власть пойти навстречу домогательствам аугсбургских банкиров и дать им новые привилегии. Эрцгерцог Фердинанд в письме, адресованном своей администрации в Верхней Австрии, откровенно формулирует отношение к южно-немецким торговым компаниям следующим образом: «Соглашение, – утверждает он, – с тремя купцами (Антоном Фуггером, Гансом Паумгартнером-младшим и Гансом Пиммелем) в высшей степени обременительно. Мы знаем, что упомянутые персоны (ежегодно) имеют большую прибыль от 20 до 24 процентов в этой торговле, проценты (по кредитам) и (доходы от) вывоза серебра и меди; мы также неохотно слушаем речи (наших советников), и мы также желали бы передать это дело кому-либо другому. Но нужда не признает никаких законов»¹¹². Именно в таких словах Фердинанд объясняет причину капитуляции княжеской власти перед аугсбургскими кредиторами.

Особый колорит и особую социальную направленность деятельности торговых компаний в районах горнорудных промыслов придает, во-первых, их участие в торговле скобяными изделиями (Eisen- und Unschlihandel) и продовольственными товарами (Pfennerhandel); во-вторых, создание компаниями топливной и строительной базы для своих предприятий. Именно эта деятельность аугсбургских компаний получила громкий общественный резонанс и стала объектом яростной критики со стороны их противников, которая отражала «антимонополистические» настроения широких слоев населения как самих горнорудных районов, так и за их пределами. Однако следует иметь в виду, что участие аугсбургских компаний в торговле скобяными изделиями и продовольственными товарами во многом было обусловлено экономической необходимостью. Особенно это относится к Тиролю. Здесь уже со второй половины XV в. местное сельское хозяйство не было в состоянии обеспечить продовольствием бурно развивавшиеся горные промыслы. Поэтому зерно (рожь и пшеницу), молочные продукты (масло, сыры и творог) поставляли в Тироль из Нижней Австрии, Баварии и даже Чехии¹¹³. Скот и мясные продукты поступали сюда из Венгрии, Штирии и Каринтии¹¹⁴. Скобяные изделия, включавшие в первую очередь орудия труда горняков, ввозили из Метцгерна в Пассау и со знаменитых штирийских железоделательных и сталелитейных предприятий Линца, Леобена и Граца¹¹⁵.

На основании свидетельств источников можно заключить, что первая компания с участием инвестиций аугсбургских купцов, которая занималась торговлей скобяными изделиями и продовольственными товарами на рудниках, плавильных предприятиях и лесозаготовках, появилась в Тироле весной 1517 г. Ее основали известные аугсбургские предприниматели – Ганс Паумгартнер-старший, Лукас Гаснер, Ганс Ауслассер и тирольский горнопромышленник Бенедикт Катцбек. Учредительный капитал этого торгового предприятия составил значительную сумму в 84250 гульденов¹¹⁶. Заслуживает внимания и тот факт, что через несколько лет (в январе 1526 г.) предприятие по неизвестным нам причинам перешло к новым владельцам, так как его приобрели и образовали «новую компанию» бюргеры Аугсбурга Антон Фуггер, Ганс Буркард, братья Гекрварты и Ганс Пиммель¹¹⁷, которые стали заниматься торговлей не только продовольственными товарами и скобяными изделиями, но и другими товарами. Но особенно быстро росли предприятия, специализировавшиеся на торговле скобяными изделиями и салом. С этой целью создавались компании в судебно-административных округах Тироля, в частности, инвестиции одних только Фуггеров в торговлю этими товарами к середине XVI в. достигли нескольких десятков тысяч гульденов¹¹⁸.

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что торговля компаний скобяными изделиями и продовольственными товарами не носила самостоятельного характера и была подчинена их промышленно-предпринимательской деятельности. Именно поэтому Паумгартнеры и Фуггеры включились в такую торговлю лишь после того, как сами стали горнопромышленниками. Участвуя в этой торговле и одновременно выступая в роли работодателей, торговые компании получали возможность производить расчет с наемными рабочими продовольственными товарами, свиным салом, которое использовалось для освещения забоев, и орудиями труда горняков по завышенным ценам. Тем самым компании снижали реальную заработную плату наемных рабочих и увеличивали свою прибыль. Этот механизм и составлял сущность так называемой «Trucksystem», широко практиковавшуюся в эпоху раннего капитализма. Так, к примеру, Мельхиор Путц, уроженец и богатый горнопромышленник Каринтии, энергично насаждая такую систему, следующим образом оплачивал труд рудокопов: «Одному рабочему, имеющему жену, на 14 дней (выдавать) 2 фунта сала, 2 фунта творога, 6 фунтов сыра, 2 фунта мяса (говядины или баранины), не менее 10 (буханок) хлеба, 1-2 фунта свинины»¹¹⁹. В той же Каринтии на известных золотых приисках Клининга, разработку которых, в частности, вели и Фуггеры, расчет с наемными рабочими производился по преимуществу вином и продовольственными товарами¹²⁰. В середине XVI в. на плавильни Рерербюгеля и рудники Шваца, Китцбюгеля, Штерцинга, Хальса и Терлана компания Розенбургеров из Аугсбурга скобяные изделия и сало для освещения забоев «ввозила ... только на нужды горного дела»¹²¹.

Такой способ оплаты труда наемных рабочих вызывал резкую критику и требование ее запрещения со стороны представителей различных общественных сил. И, нужно сказать, противникам «монополий», которые общественное мнение упорно связывало с деятельностью аугсбургских торговых компаний, неоднократно удавалось добиваться от австрийской администрации издания постановлений, запрещающих работодателям расчет с горняками сельскохозяйственными продуктами и ремесленными изделиями. Однако выполнение таких постановлений, как правило, не контролировалось властями. Поэтому владельцы компаний с удивительной настойчивостью восстанавливали прежний порядок¹²², который находил сильную опору в финансовом влиянии владельцев этих компаний и в зависимости от последних имперских и княжеских властей. Поэтому эффективность действий противников «Trucksystem» на практике была незначительной. Между тем формирование этой системы, являвшейся одной из ранних форм подчинения труда капиталом, больно затрагивала интересы большинства «трудящихся субъектов», занятых в горнорудной промышленности, а отчасти – других слоев населения. Поэтому трудящиеся массы, по всей видимости, не без основания полагали, что функционирование «Trucksystem» привело к росту цен на товары первой необходимости.

В XVI в., еще на дальних подступах движения Западной Европы от средневековой к индустриальной цивилизации, в повестку дня с большой остротой была поставлена экологическая проблема. Правда, наступление на девственные леса здесь началось уже давно, но до сих пор оно совершалось исключительно или, точнее, по преимуществу с целью расширения ареала сельскохозяйственных угодий. Даже развернувшиеся с конца XV в. так называемые «огораживания» (прежде всего в Англии) еще не привели, строго говоря, к конфликту между человеком и средой его обитания. Теперь же произошло вторжение во взаимоотношения между человеком и средой его обитания промышленного производства, которое нарушало гармонию отношений человека с природой. В силу данного обстоятельства действия компаний, направленные на обеспечение их предприятий энергетическими ресурсами и строительными материалами (источником тех и других являлся лес), получили общественный резонанс, который далеко вышел за узкие рамки горнорудных промыслов. Лес к тому времени стал ходовым товаром: он не только экспортировался, например, из Тироля на итальянские рынки, но и потреблялся местной промышленностью, где находил применение на столярных и крепежных работах в забоях и шахтах, служил единственным источником энергоресурсов в плавильном производстве. В таких условиях, с одной стороны, княжеское казначейство стремилось превратить леса в источник доходов, и уже австрийский горный устав 1517 г. недвусмысленно объявлял все леса «заповедными», то есть фактически собственностью князя, предназначенной, однако, не только для «княжеской охоты», но и нужд его рудников и плавильен¹²³. С другой стороны, феодальное дворянство также вовлекалось в торговлю лесом и вело наступле-

ние на земли альменды, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные жалобы городских и крестьянских общин, наказания депутатам тирольского ландтага и программные требования широкого общественного движения во время Крестьянской войны¹²⁴. Такой ход событий имел следствием резкое ухудшение условий пользования крестьянами землями альменды. Поэтому стало обычным явлением, когда самим крестьянам, как это случилось с общиной Браунега, приходилось покупать лес из «третьих рук» и по спекулятивным ценам¹²⁵. У нас есть основания полагать, что в том же направлении развивалась и деятельность торговых компаний, так как с экспансией последних в горнорудную промышленность торговля лесом и снабжение лесоматериалами горных разработок, чем ранее занимались так называемые «Fürdingern» (лесозаготовщики и торговцы лесом)¹²⁶, перешли к южно-немецким компаниям, которые напрямую арендовали леса у княжеской администрации. Это с неизбежностью приводило к конфликтам с крестьянскими общинами, что можно проиллюстрировать на примере не только печально известных в Тироле (как «кугнетателей народа») Футтеров, но и других «иноземных» капиталистов.

Так, причиной долгой судебной тяжбы капиталистов-горнозаводчиков с крестьянскими общинами послужило решение верхне-австрийской администрации предоставить братьям Розенбергерам из Аугсбурга право производить вырубку лесов «на нужды горного дела»¹²⁷. Начало работы футтеровской плавильни в Штерцинге также сопровождалось вырубкой лесов, и крестьяне деревень сельской округи этого города жаловались властям не только на будто бы возникшую по данной причине «дороговизну товаров» на рынке, но и на то, что «на их поля и луга выпадает пепел плавильни, который этим полям и лугам наносит (большой) ущерб и портит (их)»¹²⁸. Подобные жалобы не были единичными или случайными явлениями. Вторжение крупного по тем временам капитала в горнорудные районы и на самом деле имело следствием, как бы сегодня сказали, обострение экологической проблемы, то есть отношений между человеком и средой его обитания.

Осенью 1534 г. против строительства новой футтеровской плавильни энергично протестовали общины городов Бриксена и Клаузена. Бургомистры и правящие советы этих городов направили депутацию к горному судье. Участники депутации заявили судье, что строительство плавильни приведет к истреблению лесов, которые уже сейчас «иноземные компании» рубят самовольно, а также – к «росту дороговизны». В пылу спора бюргеры обвинили судью в «попустительстве Футтерам». Насколько справедливым было это обвинение, сказать трудно, хотя большая плавильня Футтеров с семью печами к лету 1535 г. вступила в строй, а местные жители безуспешно продолжали обивать пороги бергамта, жалуясь властям, что они скоро вообще останутся без лесов, придут в негодность их поля и луга, а от дыма и пепла плавильни будут страдать люди и животные¹²⁹. Претензии общин Бриксена и Клаузена

после долгого хождения по бюрократическим инстанциям в конце концов власти нашли необоснованными. На это жалобщики бросили упрек властям в том, что «иноземные купцы» пользуются большей благосклонностью княжеской администрации, чем «бедные подданные самого графства». Уполномоченные общин Бриксена и Клаузена упорно продолжали настаивать на том, что Фуггерам не принадлежат лесные угодья графства, там как леса, по их убеждению, являются собственностью не Фуггеров, а князя, который «уже давно» передал эти леса в «вечное владение» городским и деревенским общинам Тироля¹³⁰. В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что претензии общин относительно лесов имели под собою определенные основания в германском обычном праве и соответствовали тогдашним представлениям о правилах пользования землями альменды. Между тем Фуггеры, как, впрочем, и владельцы других «иноземных компаний», заручившись поддержкой Габсбургов, продолжали деятельность в горной промышленности, используя для ее нужд местные леса. Недовольство широких слоев населения Тироля деятельностью «иноземных компаний», особенно Фуггеров, достигло апогея еще во время Крестьянской войны и нашло отражение в ряде программных требований оппозиционных сословий и «Земского Устройства» Михаэля Гайсмайера¹³¹. Однако ни в 1525 г., ни позже требования жителей горнорудных районов не нашли понимания и поддержки со стороны Габсбургов, которые продолжали ориентироваться на сотрудничество с Фуггерами и другими аугсбургскими финансистами (Паумгартнерами, Пиммелями и прочими). Во имя сохранения и поддержания «добрых отношений» со своими кредиторами Габсбурги неизменно пренебрегали интересами своих подданных в альпийских землях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Strieder J. Studien ... Anhang. S. 375, 378.

² Цит. no: Dietrich R. Untersuchungen ... Bd. VII. S. 160.

³ Soetbeer A. Edelmetallproduktion und Wertverhältnisse zwischen Gold und Silber seit der Zeit der Entdeckung Americas bis zum Gegenwart. Gotha. 1880. S. 22, 27, 32, 107.

⁴ Jäger A. Beitrag ... Beilage 2. S. 374-375.

⁵ Wopfinger H. Die Lage Titols zu Ausgang des Mittelalters und die Ursachen des Baumknieges. Berlin; Leipzig. 1908. S. 109.

⁶ Wiessner H. Geschichte Tirol ... S. 43.

⁷ Ibid. S. 47: «... ihre wochen und taglon in besten des verwalten abzuraiten».

⁸ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 20; Wiessner H. Geschichte Tirol ... S. 144.

⁹ Worms St. Schwatzer Bergbau ... S. 31: «... das silber wern und wochin verkaufen mugen».

¹⁰ Правда, в эту картину истории горных промыслов альпийских земель, по всей видимости, следует внести корректив. Дело в том, что, как утверждает Штрומר, первые инвестиции нюрнбергскими бюргерами в горное дело Венгрии, Австрии, Каринтии и Крайны были совершены еще в середине XIV в. Поскольку же, полагает тот же

Штромер, до середины XV в. ведущие позиции в финансовой системе Германской империи занимали банкиры Нюрнберга, они и играли главную роль и в развитии горного дела. Час Аугсбурга пробил лишь после того, как владельцы торговых компаний этого города во главе с Мойтингами получили в 1456 г. в заклад серебряные рудники Тироля и, став финансистами Габсбургов, приобрели сильное влияние на экономическую политику представителей этой династии (см.: Strohm W., von. Oberdeutsche Hochfinanz: 1350-1450. Wiesbaden. 1970. S. 442). Другой историк, Г. Амман, отмечает, что еще с 1357 г. купцы и банкиры Южной Германии участвуют в предприятиях, которые занимались эксплуатацией соляных варниц в округе тирольского города Халля. Участниками этих предприятий выступали бюргеры Равенсбурга, Исни, Линдау, Кемпена, Аугсбурга. Лейткирха и других швабских городов (см.; Ammann H. Die Anfänge der Leinenindustrie des Bodensees // Alemannische Jahrbuch. Lahr/Schwarzwald. 1953. S. 266 ff.). Отсюда можно заключить, что, по Амману, начало экспансии в горную промышленность Тироля купеческого капитала можно датировать еще серединой XIV в., когда этот капитал сумел овладеть командными позициями в солеваренном промысле Халля. Однако ко времени появления в Тироле аугсбургских компаний значение местного солеваренного промысла упало и не привлекло внимания владельцев этих компаний, которые в то же время приняли активное участие в добыче руды и производстве серебра, меди и других металлов.

¹¹ Jäger A. Beitrag ... S. 352. См. также Смирин М.М. К истории раннего капитализма ... С. 140-141; Савина Н.В. Южно-немецкий капитал ... С. 146 след.

¹² Ammann B. Die wirtschaftliche Stellung Reichsstadt Nürnberg im Spätmittelalter. Nürnberg. 1970. S. 57.

¹³ Zycha A. Zur neusten Literatur ... Bd. 6. S. 270-271.

¹⁴ О Мойтингах также см.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 283-286, 293, 298, 314, 318, 353 (прим. 247).

¹⁵ Ф. Тремель называет Антони фон Росса, «венецианского грека по происхождению», первым «киноземным капиталистом» в истории горнорудной промышленности Тироля. Росс еще в 1477 г. получил от эрцгерцога Австрии привилегию на «свободные закупки швацкой меди». Заслуживает внимания также и то обстоятельство, что Росс был не только чиновником княжеского бергамта и горнопромышленником, но и большим знатоком горного дела и талантливым инженером. Он изобрел несколько ручных механизмов и усовершенствовал технологию плавки руды (см.: Tremel F. Wirtschaftsgeschichte Österreichs ... S. 167). В то же время в свидетельствах источников отсутствуют факты, опираясь на которые можно было бы дать ответ на вопрос, являлся ли Росс в 1485 г. участником разработок серебряных рудников Фалькенштейна в Шваце и обладал ли собственной долей «свободного серебра» или действовал по поручению княжеской администрации. Между тем именно ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для установления подлинного характера контракта Футтеров с Россом.

¹⁶ Jahnsen M. Jacob Fugger der Reichen ... S. 68; Pölnitz G., von. Jacob Fugger ... Bd. 1: Quellen und Erläuterungen. S. 9-10; Bd. 2: Darstellung. S. 358.

¹⁷ Müller K.O. Quellen ... S. 80.

¹⁸ Jahnsen M. Jacob Fugger ... S. 87.

¹⁹ Strieder J. Studien ... Anhang. S. 314, 465.

²⁰ Ibid. S. 303.

²¹ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 359.

²² Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger ... Bd. 1. S. 417-418.

- ²³ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 354-358.
- ²⁴ Jahnsen M. Anfänge der Fugger ... S. 124-126.
- ²⁵ Müller K.O. Quellen ... S. 201.
- ²⁶ Ibid. S. 187.
- ²⁷ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 389.
- ²⁸ Müller K.O. Quellen ... S. 191.
- ²⁹ Ibid. S. 189, 195.
- ³⁰ Jäger A. Beitrag ... S. 352.
- ³¹ Müller K.O. Quellen ... S. 128.
- ³² Ibid. S. 201.
- ³³ Strieder J. Studien ... Anhang. S. 471-472.
- ³⁴ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 412-413: «... alle anders unsers Tirolischen camer einkommen, nutzungen und gulten».
- ³⁵ Jahnsen M. Anfänge der Fugger ... Anhang. S. 114.
- ³⁶ Müller K.O. Quellen ... S. 170.
- ³⁷ Ibid. S. 147.
- ³⁸ Ibid. S. 201.
- ³⁹ Ibid. S. 172.
- ⁴⁰ Wiessner H. Geschichte ... S. 14.
- ⁴¹ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 58-59.
- ⁴² Jahnsen M. Jacob Fugger ... S. 103.
- ⁴³ Müller K.O. Quellen ... S. 139-140.
- ⁴⁴ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 359.
- ⁴⁵ Ibid. S. 359-360.
- ⁴⁶ Ibid. S. 389.
- ⁴⁷ Strieder J. Studien ... Anhang. S. 460.
- ⁴⁸ Ibid. Darstellung. S. 304-305.
- ⁴⁹ Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger ... Bd. 1. S. 214-215; Pölnitz G., von. Anton Fugger ... Bd. 1. S. 454.
- ⁵⁰ Strieder J. Studien ... Anhang. S. 463-464.
- ⁵¹ Ibid. Darstellung. S. 316.
- ⁵² Müller K.O. Quellen ... S. 94-99.
- ⁵³ Ibid. S. 97: «... sonderlich von wegen tiefe des gepews und schacht».
- ⁵⁴ Ibidem.
- ⁵⁵ Ibid. S. 99.
- ⁵⁶ В том же направлении, как убедительно показал еще Р. Дитрих, происходило развитие горных промыслов по добыче ртути и киновари в бассейне Рудных Гор (Эригебирге) в Саксонии. Здесь финансовой базой добычи этих металлов являлись так называемые «контракты по авансированию» (Vcrlagsverträge). Основой таких контрактов служили соглашения о поставках ртути и киновари участниками горных разработок торговым компаниям к установленному контрактами сроку и по заранее оговоренной цене. Эти контракты являли собою ни что иное, как предоставление банкирами займов (кредитов) производителям, в роли которых выступали местные горнозаводчики, в качестве залога по данным займам служили паян участников разработок рудников или другие объекты недвижимой собственности, принадлежавшие получателям займов. Поскольку же условия договоров выполнялись не всегда и не всеми участниками горных разработок, паян нарушивших или не выполнивших их условия участников разра-

боток становились собственностью кредиторов, то есть владельцев тех же торговых компаний (см.; Dietrich R. Untersuchungen ... Bd. VII. S. 180).

⁵⁷ К такому же выводу, собственно говоря, приходит и Т.Г. Вернер, который исследовал эту проблему на материале источников по истории горнорудной промышленности Саксонии (см.: Werner T.G. Das Fremde Kapital ... Bd. 57. S. 127, 151-152).

⁵⁸ Jahnsen M. Jacob Fugger ... Urkunden. S. 272.

⁵⁹ Из Арнольдштейна в Каринтии в Венецию с 1494 по 1504 г. компания Фуггеров отправила 50297 венских центнеров меди и 21740 весовых (также – «венских») марок серебра (см.: Pölnitz G., von. Jacob Fugger ... Bd. 1: Darstellung. S. 35-37).

⁶⁰ Zycha A. Zur neusten Literatur ... Bd. 5. S. 279.

⁶¹ Ibid. S. 278.

⁶² Müller K.O. Quellen ... S. 204.

⁶³ Ibid. S. 137: «... so sy in ihren huttwerk zu Kundt machen».

⁶⁴ Ibid. S. 137-138.

⁶⁵ Ibid. S. 75.

⁶⁶ Ibid. S. 75-76.

⁶⁷ Ibid. S. 76: «Er mechte etwa ein verlust schopfen».

⁶⁸ Ibid. S. 93.

⁶⁹ Isser-Gaudententurm M. Schwatzer Bergwerkgeschichte ... S. 435.

⁷⁰ Dobel F. Über Bergbau ... S. 205; Scheuermann L. Die Fugger ... S. 50.

⁷¹ Pölnitz G., von. Anton Fugger ... Bd. 1. S. 616.

⁷² Müller K.O. Quellen ... S. 72.

⁷³ Ibid. S. 88-89.

⁷⁴ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 76.

⁷⁵ См.: Прим. 12 к Главе первой.

⁷⁶ Müller K.O. Quellen ... S. 87.

⁷⁷ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 57-58.

⁷⁸ Zycha A. Zur neusten Literatur ... S. 280.

⁷⁹ Ibid. S. 285.

⁸⁰ Müller K.O. Quellen ... S. 251-269.

⁸¹ Ганса Ауслассера, владевшего во втором десятилетии XVI в. паями нескольких горнорудных товариществ Тироля, можно назвать одним из первых аутсбургских бюргеров, принявших участие в горных разработках в этом княжестве. Правда, Т.Г. Вернер приводит запись из «Ленной книги» Госсензаса и Штерцинга за 1428 г., где сказано, что аутсбургские бюргеры Ганс Паумгартнер-первый и Якоб Герварт в том году получили земельные участки для самостоятельного ведения горных разработок (см.: Werner T.G. Das Fremde Kapital ... Bd. 57. S. 2). Однако эта попытка участия в раннекапиталистическом предпринимательстве в горном деле для Паумгартнеров и Гервартов была неудачной или, что более вероятно, вообще не состоялась. Основанием для такой гипотезы может служить тот факт, что источники вплоть до XVI в. хранят полное молчание об участии представителей этих семейств в горных промыслах Тироля.

⁸² По мнению Ф. Тремеля, в роли финансистов и организаторов горных разработок в Штерцинге, где велась добыча драгоценных и цветных металлов, на первом этапе выступали территориальные князья – графы Тироля, на втором – бюргеры Штерцинга и на третьем – «бюргеры других городов». Примечателен и тот факт, что в администрации графов Тироля служил бюргер Инсбрука по фамилии Тенцль, который, совмещая службу чиновника с предпринимательской деятельностью, нажил большое со-

стояние и инвестировал его в горное дело. Другими известными в Штерцинге капиталистами-горнозаводчиками были бюргеры Аугсбурга Ганс-старший и Ганс-младший Паумгартнеры, Давид Хауг, Ганс Лангенауэр, представители семейств Гервартов и Манлихов, а с 1529 г. – также и Фуггеры. Из числа местных горнозаводчиков, кроме Тенцлей, можно также назвать Катцбеков и Катцштейгов, которые впервые выступили в этой роли в Шладминге, откуда они появились в Штерцинге, где и проявили себя в организации горных разработок (см.: Tremel F. Wirtschafts- und Sozialgeschichte ... S. 164).

⁸³ Stolz O. Geschichte des Landes Tirol. Innsbruck, 1955. Bd. 1. S. 510.

⁸⁴ Müller K.O. Quellen ... S. 251-269.

⁸⁵ Ibid. S. 81.

⁸⁶ Ibid. S. 251-269.

⁸⁷ Вполне возможно, что в записках Ганса Паумгартнера-младшего речь идет о представителях «боковой ветви» старинного патрицианского рода Аугсбурга. Эта гипотеза, быть может, близка к истине, так как еще в 1291 г. имена представителей этого семейства появились в бумагах тирольского казначейства и через три года (в 1294 г.) – сборщика пошлин в Триесте. Тогда же (то есть с конца XIII в.) состоялись их первые банковско-кредитные сделки с княжеским двором в Инсбруке (см.: *Überdeutsche Kaufleute in ältesten Tiroler Raitsbücher* / (Hrsg. von F. Bastian. München. 1931. N 18. S. 69; N 48. S. 72; N 29. S. 124; N 69. S. 125; Zorn W. Augsburg: Geschichte einer deutschen Stadt. Augsburg, 1955. S. 123). Это и делает вполне вероятным предположение, что уже в XIV в. один из членов многочисленного семейства Лангенмантелей «осел» в Тироле, а его наследники, используя накопленные в торговых и банковских операциях средства, включились в предпринимательскую деятельность в местной гоонорудной промышленности. Эта деятельность «тирольских Лангенмантелей» была успешной до конца первой – начала второй четверти XVI в., то есть до того времени, пока не наступила экспансия в эту отрасль народного хозяйства Тироля южно-немецких торговых компаний. Под непосредственным влиянием «нашествия иноземных компаний» на рубеже XV- XVI вв. Лангенмантели оказались в числе «старых горнопромышленников» Тироля, которые, не выдержав конкуренции с аугсбургскими предприятиями, вынуждены были отказаться от участия в горных промыслах. (О Лангенмантелях также см.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 239-242, 335 (прим. 42, 44).

⁸⁸ Jager A. Beitrag ... Beilagen. S. 431-436.

⁸⁹ Müller K.O. Quellen ... S. 251-269.

⁹⁰ Simonsfeld H. Der Fondaco dei Tedeshi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen in Mittelalter. Bd. 2: Urkunden. Stuttgart. 1887. S. 193, 207.

⁹¹ Müller K.O. Quellen ... S. 251-269.

⁹² Zycha A. Zur neusten Literatur ... S. 275-276.

⁹³ Pölnitz G., von. Anton Fugger ... Bd. 1. S. 627.

⁹⁴ Ibid. S. 611-612.

⁹⁵ Об институте лезнхауэров и его эволюции в условиях раннего капитализма см.: Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнозаводческой промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в Античную эпоху и Средние века. М., 1975. С. 183-189.

⁹⁶ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 231.

⁹⁷ Wiessner H. Geschichte ... S. 153-162; Stolz O. Geschichte Tirol ... S. 510.

- ⁹⁸ Pölnitz G., von. Anton Fugger ... Bd. 1, S. 628.
- ⁹⁹ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 17.
- ¹⁰⁰ Ibid. S. 59.
- ¹⁰¹ Dobel F. Über Bergbau ... S. 205.
- ¹⁰² Lutzmann I. Die augsburger Handelsgesellschaft ... S. 51: «... ime seinen selbst eigen paw in perwerch Sannd Georgen im Ederthal genandt, von ersten thailung an auf acht jar lang der fron genedigst zu befreien».
- ¹⁰³ Ibid. S. 54: «... auf 10 jar lang die freikait der fron und wechsel bewilligen».
- ¹⁰⁴ Ibidem: «... in ansehung seines schweren und harten verpawens, so er mer orten in der graffschaft Tirol thet».
- ¹⁰⁵ Ibidem.
- ¹⁰⁶ Worms St. Schwatzer Bergbau ... S. 109.
- ¹⁰⁷ Zycha A. Zur neusten Literatur ... S. 285.
- ¹⁰⁸ Müller K.O. Quellen ... S. 280: «Aber ich sag, es werde zu sollicher ainigkait nit kommen».
- ¹⁰⁹ Pölnitz G., von. Anton Fugger ... Bd. 1. S. 582.
- ¹¹⁰ Ibid. S. 640: «... stracks zum berg in ir hutwerk ziu Sterzing hinfuren lasse».
- ¹¹¹ Ibid. S. 533.
- ¹¹² Müller K.O. Quellen ... S. 104.
- ¹¹³ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 25.
- ¹¹⁴ Stolz O. Geschichte der Zollwesens, Verkehr und Handel in Tirol und Voralberg. Innsbruck, 1953. S. 220.
- ¹¹⁵ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 26.
- ¹¹⁶ Müller K.O. Quellen ... S. 72, 227-228.
- ¹¹⁷ Dobel F. Über Bergbau ... S. 202.
- ¹¹⁸ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 99.
- ¹¹⁹ Wiessner H. Geschichte ... S. 107-108.
- ¹²⁰ Ibid. S. 223, 231.
- ¹²¹ Lutzmann I. Die augsburger Handelsgesellschaft ... S. 53.
- ¹²² Hue O. Die Bergarbeiter im Mittelalter. Berlin, 1910. S. 275.
- ¹²³ Zycha A. Zur neusten Literatur ... S. 241.
- ¹²⁴ «Acta Tirolensia» ... Bd. 3. S. 24, 129, 140, 154.
- ¹²⁵ Ibid. S. 115. В этой связи нельзя не обратить внимания на тот факт, что вопрос о влиянии бурного развития горнорудной промышленности на социальные отношения в районах горных промыслов и особенно порядки пользования землями альменды, прежде всего лесами, до сих пор не получил адекватного отражения в современной историографии, между тем еще крестьянские «жалобы» (Beschwerden) и программные требования общественных движений того времени (в том числе так называемые «Меранские статьи») с большой настойчивостью и остротой ставили этот вопрос в повестку дня.
- ¹²⁶ Scheuermann L. Die Fugger ... S. 20, 236.
- ¹²⁷ Lutzmann I. Die augsburger Handelsgesellschaft ... S. 54.
- ¹²⁸ Pölnitz G. von. Anton Fugger ... Bd. 1. S. 341.
- ¹²⁹ Ibid. S. 655, 663.
- ¹³⁰ Ibid. S. 673.
- ¹³¹ События в альпийских землях, являвшиеся заключительным актом Крестьянской войны в германских землях, были тесным образом связаны с личностью Михаэля

Гайсмайера, предводителя восставших крестьян и горняков Тироля и Зальцбурга, автора «Земского Устройства» (Landesordnung). Гайсмайер и его «Земское Устройство» до сих пор вызывает повышенный интерес и острую полемику историков. Одним же из первых о Гайсмайере и его проекте общественных преобразований сказал еще В. Циммерман, а вслед за ним Ф. Энгельс. Тот и другой дали Гайсмайеру весьма лестные характеристики (см.: Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 2. С. 396-400; Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 429-431). Что касается современной историографии, в ней существует большой разбой мнений в оценке личности Гайсмайера и «Земского Устройства». Так, Г. Франц видит в этом документе «творение необычайно умной и решительной головы» и в то же время – социально-политическую утопию, далекую от реальной жизни тогдашнего общества и неосуществимую на практике мечту. Противоположной точки зрения придерживается А. Ваас, полагающий, что проект Гайсмайера был направлен на осуществление общественных преобразований в интересах «простого народа» (см.: Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 4. Aufl. Darmstadt, 1956, S. 159; Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit. 1300-1525. München, 1964. S. 224). Аналогичную Ваасу точку зрения высказывает и Й. Мачек, внесший значительный вклад в исследование событий Крестьянской войны в Тироле и «Земского Устройства» Гайсмайера (см.: Macek J. Tiroler Bauernkrieg und Michael Gaismair. Berlin, 1965. S. 378 ff.; Он же. Крестьянский сейм в Инсбруке (12 июня – 21 июля 1525 года) // СВ. 1962/63. Вып. XXI-XXII). Не обошли вниманием этот сюжет из истории Крестьянской войны отечественные историки и историки ГДР. Те и другие, между прочим, также далеки в своих оценках событий в альпийских землях и особенно «Земского Устройства» от единства мнений (см.: Смирин М.М. Гайсмайер // СИЭ. 1963. Т. 4. С. 47; Он же. Борьба горнорабочих ... С. 129-137; Он же. К истории раннего капитализма ... С. 380-401; Некрасов Ю.К. Проблемы раннего капитализма ... С. 447-448; Он же. О роли торгово-ростовщического капитала ... С. 198-203; Он же. Реформа или революция? ... С. 53-54, 208-221. 225-226 (прим. 109); Адо А.В. Крестьянство в буржуазных революциях XVI-XVIII вв. //История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма, М., 1986. Т. 3. С. 460; Штекли А.Э. Реформация и Крестьянская война в Германии //История Европы. Т. 3. С. 359-360; Чуянов А.Ф. Политическое содержание «Земского Устройства» Михаэля Гайсмайера //Социальные отношения ... С. 100-114; Он же. Михаэль Гайсмайер ... // Германская история эпохи Реформации ... С. 100-105; Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg: 1524-1526. Berlin, 1965. S. 213-216; Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974. S. 288-290; Laube A. Zum Problem des Bündnisse von Bergarbeiter und Bauern im deutschen Bauernkrieg //Der Bauer im Klassenkampf. Berlin, 1975. S. 97-107). Дискуссия о содержании «Земского Устройства» обусловлена как неординарностью личности автора этого исторического документа, так и сложностью восприятия и некоторой внутренней противоречивостью его текста. По всей видимости, прежде всего именно в силу данных обстоятельств («тайна Гайсмайера»), словно магнит, притягивает к себе исследователей. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы Международного симпозиума, состоявшегося в 1982 г. в столице Тироля Инсбруке и посвященного 450-летию годовщины со дня смерти этого удивительного человека и общественного деятеля давно минувшей эпохи (см.: Bauernkrieg und Michael Gaismair. Innsbruck, 1982). Осмысление наследия Гайсмайера продолжается и сегодня, и на этом пути поиска истины, как можно полагать, нас еще ожидают новые открытия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЮРГЕРЫ ИЛИ БУРЖУА? К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА НЕМЕЦКОЙ БУРЖУАЗИИ (на примере имперского города Аугсбурга)

Исследование экономической деятельности южно-немецких торговых компаний XV- XVI вв. с необходимостью выдвигает вопрос и о социальном облике их владельцев. Поиски ответа на этот вопрос можно объяснить следующими соображениями. Во-первых, в эпоху раннего европейского капитализма купец выступал в роли не только оптового торговца и банкира, но и **предпринимателя-капиталиста**, что вызывает к нему особый интерес как социальному типу реальной действительности того времени. Во-вторых, постановка и решение данной задачи позволит пролить дополнительный свет и на начальную стадию генезиса немецкой буржуазии, которая вступала на историческую сцену в условиях экономического подъема германских земель. И, наконец, в-третьих, необходимо признать имеющим первостепенное значение обращение к исследованию проблемы участия представителей нарождающегося класса буржуазии в политической жизни общества эпохи раннего капитализма. Попытка решения этих задач и должна составить содержание настоящей главы.

Многообразие и сложность этих задач далеко не всегда находит адекватное им отражение в свидетельствах источников. Другая трудность состоит в том, что, как это вполне правомерно отмечал еще К. Маркс, «переворот в общественном способе производства, этот необходимый продукт преобразования средств производства, протекает среди пестрого хаоса переходных форм»¹. Именно это ставит историка перед необходимостью осмысления основных направлений движения этого «пестрого хаоса переходных форм», так как именно они определяют, по Ф. Броделю, историческую перспективу «долгого времени»², в масштабах которого и решаются судьбы цивилизаций мира. Поэтому, если иметь в виду данную перспективу, в Западной Европе, в том числе германских землях, между 1450 и 1550 г. набирает обороты механизм смены цивилизаций: здесь совершается процесс старения и умирания средневековой цивилизации, зарождения новой индустриальной цивилизации.

В условиях начавшегося действия «механизма смены цивилизаций» и зарождения новых (раннекапиталистических) форм хозяйственной деятельности в позднесредневековых городах рядом с традиционными для классического Средневековья категориями их населения (патрициатом, бюргерством, плебейством) появились новые прослойки, в которых, имея в виду историческую перспективу «долгого времени», можно рассмотреть предшественников буржуазии Нового времени. Картина, которая возникает при изучении социального строя городов этой переходной в их истории эпохи, оказывается далекой

от «... равенства и общинного единства средневековых горожан, якобы единым фронтом противостоящим светским и духовным сеньорам»³. На самом деле картина была во многом противоположной той, которая рисовалась воображению историков-романтиков XIX – начала XX в.

Осмыслением одного из важнейших векторов движения от средневековой к индустриальной цивилизации может стать попытка воссоздания социально-политического облика ранней буржуазии на примере имперского города Аугсбурга, который в XV- XVI вв. переживал экономический подъем и превратился в один из крупных центров раннего капитализма в Германии. Предприимчивые и удачливые бюргеры этого города становятся не только крупными оптовыми торговцами, игравшими весьма заметную роль как на рынках Западной Европы, так и за ее пределами, приняв самое активное участие в формировании мирового рынка, но и – банкирами монархии Габсбургов. В этом же городе борьба нового со старым принимает самые причудливые формы, а социальные коллизии, в том числе противостояние «верхов» и «низов», образуют чрезвычайно сложный клубок противоречий.

5.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРУПНЫХ БЮРГЕРСКИХ СОСТОЯНИЙ И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Историки уже давно установили, что одновременно с экономическим подъемом Аугсбурга в этом городе протекал процесс концентрации крупных денежных богатств в руках нескольких десятков семейств бюргерской верхушки. Однако причины и источники обогащения этих семейств еще в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. трактовались с разных позиций, что, в конечном счете, и явилось основным мотивом острой полемики между В. Зомбартом и Я. Штридером, которая в известной мере не утратила научной актуальности и сегодня. Поэтому обращение к содержанию этой полемики позволит углубить социальный аспект настоящего исследования.

Согласно точке зрения В. Зомбарта, всякое значительное состояние в переходную от Средних веков к Новому времени эпоху «обязано своим происхождением накоплению земельной ренты»⁴. Аккумулированная таким образом земельная рента стала, по его мнению, «основанием громадных денежных и торговых предприятий, из которых развился современный капитализм»⁵. Более того, Зомбарт предпринял попытку показать, что образование крупных состояний было невозможно в рамках «по ремесленному типу организованной хозяйственной деятельности», так как «доходы от торговли, которые и сами по себе были незначительными, к тому же в значительной степени поглощались чрезвычайно высокими накладными расходами»⁶. Таким образом, земельная рента, по Зомбарту, была не только исходным пунктом западноевропейского капитализма, но и важнейшим, если не единственным, источником последнего. Интересно при этом отметить, что базой теоретических по-

строений Зомбарта послужили материалы по истории Аугсбурга, которые он черпал по преимуществу из труда писателя-хрониста XVIII в. Пауля фон Штеттена-младшего⁷. Последний был ревностным апологетом «патрицианского правления», тенденциозно трактовавшим роль патрицианских семейств и в экономической жизни города. Полагаясь на свидетельства этого в ряде отношений недостаточно достоверного источника, Зомбарт пришел к выводу, что большинство крупных торговых компаний Аугсбурга в XV- XVI вв. было основано переселившимися в город дворянами-землевладельцами, а самые богатые и знаменитые в истории города купцы «... были богатыми еще до начала своей торговой деятельности»⁸. Так ли это было, однако, на самом деле?

Недостаточная научная репрезентативность концепции В. Зомбарта довольно скоро стала объектом острой критики. Известный немецкий историк-экономист Я. Штридер⁹, используя такой уникальный источник, как податные кадастры Аугсбурга¹⁰, показал несостоятельность концепции Зомбарта о происхождении крупных бюргерских состояний из «аккумулированной земельной ренты». Оставляя в стороне некоторые подробности аргументации оппонентами своих позиций, рассмотрим наиболее принципиальные моменты полемики между ними.

Во-первых, источники, которые привлекает Я. Штридер, убедительно свидетельствуют о том, что переселившиеся в город из его сельской округи дворяне-землевладельцы и выходцы из старинных патрицианских семейств Аугсбурга по крайней мере не играли решающей роли в истории «аугсбургского варианта раннего капитализма»¹¹.

Во-вторых, Я. Штридер утверждает, что точка зрения В. Зомбарта на аккумулярованную земельную ренту как главный рычаг экономического расцвета Аугсбурга не выдерживает проверки имеющимися в распоряжении исследователя материалами источников. Факты таковы, что только те патриции сумели достичь материального благополучия и даже стали богатыми бюргерами, которые приняли активное участие в торговле и промышленных предприятиях. Причем к началу своей коммерческой деятельности они не располагали значительными состояниями¹². В этой связи представляет интерес рассказ аугсбургского купца и предпринимателя первой половины XVI в. Лукаса Рема (умер в 1541 г.) о своем прадеде Гансе Ремс-старшем. «Названный мой предок, – пишет Лукас, – (в 1357 г.) продал все, что имел, и получил за это 500 гульденов. С ними он начал торговлю и во время первой поездки в Венецию потерял товаров на 100 гульденов. Остаток в 400 гульденов он вложил (в торговлю) бумазейными тканями. Снова и снова он ездил туда и обратно. Господь даровал (ему) милость и большое счастье – прибыль»¹³. Простодушный рассказ аугсбургского негоцианта не оставляет сомнения в том, что его предприимчивому предку значительный капитал принесли не доходы от земельных рент и оброков, а участие в операциях в «дальней торговле». Более того, есть основания полагать, что в изменившихся об-

щественных условиях (особенно после цехового переворота 1368 г.) патриции по сути дела были поставлены перед жесткой альтернативой: найти новые источники существования и встать в один ряд с преуспевающими выходцами из других слоев городского населения (прежде всего цехового бюргерства), или оказаться на обочине столбовой дороги прогресса и уйти с исторической сцены. Суровая необходимость побуждала их не только участвовать в торговых предприятиях (это они делали и раньше) или заниматься предпринимательской деятельностью, но и даже при неблагоприятном стечении обстоятельств «опускаться» до положения мелких производителей, занимавшихся «ручным ремеслом». По свидетельству продолжателей хроники Гектора Мюлиха, после цехового переворота некоторые патриции «оказались в числе тех бюргеров, которые с того самого времени стали (рядовыми) ремесленниками»¹⁴. Причем кое-кому из числа разорившихся патрициев (Пфетнерам, Ремам, Пфистерам, Мойтингам и Брейшухам)¹⁵ удалось «подняться» из рядов «среднего класса» и снова вернуться в число богатейших семейств города.

И, наконец, в-третьих, выдающуюся роль в процессе генезиса капитализма на аугсбургской почве Я. Штридер отводит «выскачкам» (Emporkommlingen) из цеховой среды, которые и составили большую часть фаланги «купцов-капиталистов» (kaufmannischen Kapitalisten)¹⁶, достигших в предпринимательской деятельности впечатляющих успехов как в германских землях, там и за их пределами. В случайно, быть может, оброненных свидетельствах хронистов, публично-правовых актах и податных кадастрах постоянно мы и на самом деле находим подтверждение мысли Штридера о роли выходцев из «простонародья» (der gemeine Volk) в процветании «немецкой Венеции» – Аугсбурга. Анонимный автор «Семейной хроники Фуггеров», составленной, как известно, в самом конце XVI в., то есть тогда, когда Фуггеры уже приобрели не только дворянство, но и графский титул, все же считает невозможным и ненужным скрывать их «плебейское происхождение» и рассказывает о Гансе Фуггере, который «в начале, когда вступил в город», был всего лишь ремесленником-ткачом, переселившимся из швабской деревни Грабен и занимавшимся на первых порах не только торговлей пряжей, хлопком, «раздачами» сырья и полуфабрикатов бедным цеховым мастерам и сельским производителям, но и, как утверждает хронист, в течение нескольких лет после переселения в город лично сам «сидел за ткацким станком». Впрочем, хронист тут же делает оговорку, что Ганс Фуггер «вскоре оставил это дело»¹⁷, то есть занятия ткачеством, и стал выполнять только организаторские функции в бумазейном производстве.

Факты о способах обогащения удачливых бюргеров, скрупулезно собранные Я. Штридером, свидетельствуют не только о том, что большинство преуспевающих бюргеров Аугсбурга были «плебейского происхождения», но и о том, что они наживали свои состояния прежде всего в торговле и занятиях банковской деятельностью. Путь, пройденный многими представителями

ранней буржуазии от личного участия в ремесленном производстве (особенно в текстильной промышленности) и эксплуатации не только своих подмастерьев и учеников, но и других формально полноправных членов своих же корпораций («бедных мастеров») с помощью механизма «раздач» сырья или полуфабрикатов и авансирования мелких производителей деньгами (в рамках так называемой «Verlagssystem») ¹⁸, что обычно тесным образом переплеталось с участием в оптовой торговле, следует признать типичным явлением как для Аугсбурга, так и других городов Южной Германии того времени. Наглядной тому иллюстрацией может служить рассказ Буркарда Цинка о поступлении на службу к Иосу Крамеру, «который был здесь влиятельным человеком, занимаемая (должность) баумейстера (то есть главы финансового ведомства магистрата.– Ю. Н.), хотя он был, – продолжает Цинк, – из простого люда цеха ткачей, однако (ручным) ремеслом не занимался, так как не нуждался в этом (курсив мой – Ю.Н.), (поскольку) вел (одну) торговлю пушниной из Штирии, другую торговлю – хлопком из Венеции. Он имел (ежегодно) около 100 фарделей (тканей) бумази, для него я поставлял весь этот товар в Венецию, Франкфурт-на-Майне и Нюрнберг» ¹⁹. Здесь мы имеем дело с крупным по тому времени оптовым торговцем, владельцем собственной компании, который, однако, не только не порвал со своей ремесленной корпорацией, открывшей ему путь к участию в международной торговле, но и, наоборот, использовал пребывание в ней в целях общественной карьеры и успешной купеческой и предпринимательской деятельности.

Особенно ярко повествует о пути, пройденном «выскачками» из третьего сословия в эпоху раннего капитализма «Родословная книга» (Geschlechterbuch) другого рода городской верхушки Аугсбурга – Пиммелей, которые, как нам известно, приняли самое активное участие в горнорудных предприятиях в Тироле. Обоснованием правомерности «возвышения» нуворишей Пиммелей их «Родословная книга» представляет такой интерес, что трудно удержаться от искушения и не процитировать весьма красноречивой преамбулы к ней. «Все сущее, – пишет ее анонимный автор, – должно иметь начало, поэтому правда состоит в том, что не все мы в равной мере ведем происхождение от очень именитых и княжеских прародителей; в большинстве (своем), если оглянуться далеко назад, от худородных предков, как (о том) говорит Платон (в 9-й книге законов); тогда если таким же образом посмотреть и относительно королевских родов, можно было бы в конце концов узнать, что и они происходят от простых людей, крестьян или даже слуг, поскольку нет ни одного растения, как бы красиво и зелено оно ни было (сейчас), которое не имело бы (сначала) ничтожных и неприметных корней». Вся эта цветистая фраза составительнице «Родословной книги» понадобилась для того, чтобы возвестить: «Подобное же можно сказать и о честных патрициях Пиммелях, так как они происходили от ткачей и (рядовых) ремесленников ...

достопочтенного города Аугсбурга»²⁰. Именно последняя фраза является ключевой в замысле автора «Родословной книги».

Опираясь на уже приведенные выше факты, можно заключить, что по сравнению с концепцией В. Зомбарта точка зрения Я. Штридера на происхождение крупных бюргерских состояний в Аугсбурге в большей степени аргументирована; поэтому она довольно быстро получила признание в историографии. Правда, после Второй мировой войны Г. фон Пельниц предпринял попытку ревизии концепции Штридера. Пельниц увидел в экономическом влиянии богатейших семейств Аугсбурга проявление своеобразного симбиоза предприимчивости и капиталов местных патрициев, ремесленников и дворян, который, воплотился в установлении триумvirата в лице высшей финансовой аристократии бывших ткачей Фуггеров, патрициев Вельзеров и рыцарей Паумгартнеров²¹. Однако вполне очевидно, что это умозаключение Пельница носит искусственный характер и плохо согласуется с действительным положением вещей. Такая постановка вопроса, как это делает Пельниц, менее всего способна пролить свет на причины и характер процесса генезиса капитализма на конкретном примере Аугсбурга. «Социальный симбиоз», о котором говорит Пельниц, на самом деле лишь указывает на то вполне очевидное явление, когда на ранней стадии «строительства» капитализма участие в нем приняли представители различных слоев позднесредневекового общества, в том числе – феодального дворянства.

Возвращаясь к полемике Я. Штридера и В. Зомбарта, следует обратить внимание на следующее: последний под первоначальным накоплением подразумевает «тот совершенно простой факт», когда «... в руках отдельных лиц скапливаются более или менее крупные денежные суммы»²². Этот тезис Зомбарта не вызывает возражений и у Штридера. В методологическом подходе к проблеме происхождения капитализма между этими историками больше общего, чем разногласий. Оба сужают сложный исторический процесс первоначального накопления капитала до простой концентрации денежных богатств в отдельных руках, понимая под самим генезисом капитализма симбиоз капитала (как суммы денежных богатств, достигших определенной величины) и «капиталистического духа»²³. Этот «дух» мыслится тем и другим в качестве нематериальной субстанции, привнесенной в исторический процесс извне и образующий один из двигателей возникающего и развивающегося капиталистического производства. Однако ни тот, ни другой не дают ответа на вопрос, каким образом это происходило. Присутствие «капиталистического духа» оба историка лишь выдвигают в виде постулата как необходимое условие развития капитализма, но не показывают, как себя этот «дух» проявлял на практике.

Не отрицая значения социально-психологического фактора в процессах первоначального накопления и генезиса капитализма, нельзя не обратить внимания и на другое. Как полагал еще К. Маркс, первоначальное накопление

означает не только концентрацию денежных богатств в руках немногих собственников, но и «экспроприацию непосредственных производителей, то есть уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде»²⁴, так как только при наличии этих условий – свободного капитала и свободной от какой-либо собственности (и равным образом от любых форм личной зависимости) рабочей силы – возможно превращение денежных богатств в капитал²⁵ и метаморфоза явлений раннего капитализма сначала в экономический уклад, а затем, согласно марксистской теории, – в способ производства, или, по мнению ее оппонентов, – в способ общения. В условиях переходной от феодализма к капитализму эпохи это общее поступательное движение могло приобретать самые удивительные формы и значительно отклоняться от общего вектора движения. Однако сущность этого процесса всегда оставалась одной и той же и ее верно выразил Маркс: обогащение на одном полюсе социальной структуры общества происходило одновременно с обнищанием, оскудением и пауперизацией мелких производителей и собственников – на другом ее полюсе. Маркс, однако, с одной стороны, все же заблуждался, перенося этот вывод в качестве прогноза на судьбы капитализма в целом и полагая, что такой ход развития неизбежно приведет к гибели и самого капитализма. С другой стороны, он не уделил должного внимания мотивации действий пионеров раннего капитализма и особенностям менталитета человека Средневековья, которые также оказывали влияние на ход исторического процесса. Я. Штридер, придавая большое значение путям обогащения ранней буржуазии на примере Аугсбурга, абстрагируется от другой стороны исторического процесса и не проявляет интереса к судьбам городских низов²⁶. Это и не дает основания считать решенной им проблемы генезиса капитализма на конкретном материале этого города XV- XVI вв.

По всей видимости, Я. Штридер без достаточных на то оснований отвергает опыт Я. Хартунга, который использовал податные кадастры Аугсбурга с целью «реконструкции» общей тенденции эволюции бюргерской собственности²⁷, как абстрактную схему, лишенную реального содержания и будто бы не позволяющую установить подлинных участников роста благосостояния населения одного из центров раннего капитализма в Германии²⁸. В роли подлинного и единственного участника процесса аккумуляции денежных богатств и создания новых, отличных от Средневековья, капиталистических предприятий у Шридера выступает нарождавшаяся буржуазия. Отсюда можно сделать вывод о неправильно понятых и односторонне истолкованных им методах первоначального накопления. Под пером Шридера возникает сильно идеализированная картина деятельности пионеров «германского варианта» раннего капитализма и путей их обогащения.

Немало внимания «внеэкономическому принуждению», являющемуся, согласно теории К. Маркса, одним из рычагов процесса первоначального накопления, уделил А.Д. Эпштейн²⁹, вполне правомерно указавший на те аспекты

социально-экономической политики магистрата Аугсбурга, которые способствовали как обогащению стоявших у кормила власти или тесно с ними связанных родственными узами немногих семейств бюргерской верхушки, так и — росту массового пауперизма. Постановка данной проблемы, долгое время остававшейся, между прочим, вне поля зрения западных исследователей, является определенным научным достижением Эпштейна. Однако некоторые положения, сформулированные этим историком, вызывают возражения.

Имея в виду прежде всего такие отрасли текстильной промышленности, как бумазейная и льноткацкая, А.Д. Эпштейн полагает, что аугсбургские бюргеры, став обладателями крупных для того времени денежных средств, «... не пытались ни расширить, ни видоизменить оказавшееся под их командой производство, которое оставалось производством разрозненных средневековых производителей»³⁰. Здесь историк прав в том, что купец действительно играл руководящую роль в текстильной промышленности, а торговый капитал, служивший в то время символом веры купца-капиталиста, консервировал некоторые чисто средневековые формы общественного производства. Последнее обстоятельство не означает, однако, как утверждает Эпштейн, что в Аугсбурге даже в XVI в. не могло быть и речи о существовании капиталистической мануфактуры. На самом деле сегодня можно считать установленным фактом появление в этом городе еще в XV в. мануфактуры рассеянного типа³¹, у истоков которой как раз и стояли богатые купцы, импортировавшие для нужд местной полотняной и особенно бумазейной промышленности сырье с отдаленных рынков. Однако в Аугсбурге действительно дело не пошло далее формирования «раздач» в систему производственных отношений по той причине, что последняя в наибольшей мере отвечала интересам купцов-экспортеров изделий местной промышленности на международные рынки. Но вряд ли правомерно утверждение Эпштейна, что предприниматель-раздатчик извлекал прибыль и увеличивал свои богатства «... без всякой затраты средств и без какого-либо коммерческого и производственного риска»³². С такой точкой зрения трудно согласиться. Поставки сырья в родной город и сбыт произведенных в этом городе и его сельской округе бумаги и льняных тканей, которые экспортировались на отдаленные от места их производства рынки, являлись по тем временам достаточно сложным и трудным предприятием, сопряженным с определенным риском³³. К тому же, необходимо иметь в виду, что купцы-раздатчики инвестировали денежные средства не только в торговлю, но и непосредственно в текстильное производство. И эти инвестиции порою достигали значительных масштабов³⁴.

Ошибочное, как полагает автор этих строк, решение А.Д. Эпштейном вопроса о роли купеческого капитала в организации и развитии текстильной промышленности ведет его и к неверной трактовке процесса первоначального накопления на конкретном материале Аугсбурга. Эпштейн видит секрет особой «застойности» городской экономики и консерватизма аугсбургского бюр-

герства в том, что в этом городе «... внепроизводственная эксплуатация представляла собою главный источник и основную опору бюргерского благосостояния»³⁵. Обосновывая такую точку зрения, Эпштейн указывает не только на отсутствие в Аугсбурге капиталистических мануфактур, которые могли бы стать объектами выгодных инвестиций капитала, но и на умеренную норму прибыли, которую приносило участие в международной торговле того времени³⁶. Обоснованием для такого вывода, по существу совпадающего с мнением В. Зомбарта, Эпштейну послужило свидетельство Буркарда Цинка о личном участии в течение трех лет (1441-1444 гг.) в торговой компании Ганса Мойтинга, которое принесло Цинку прибыль в «23 гульдена с сотни»³⁷, то есть 7,66 процентов годовых. Насколько, однако, верен и точен вывод самого Эпштейна?

Как уже было показано в Главе третьей, среднегодовая норма торговой прибыли Равенбургской компании составляла около 8 процентов. Более подробные сведения о норме торговой прибыли можно почерпнуть из «Дневника» Лукаса Рема, который в течение нескольких лет участвовал в качестве пайщика компании Вельзеров, а затем сам основал торговое предприятие. Сведения, которые сообщает Рем, позволяют составить более точное представление о норме торговой прибыли купцов и предпринимателей Аугсбурга и других городов Южной Германии³⁸. Тот раздел записок Лукаса Рема (*memoria meins guottz*), который содержит данные об инвестициях этого аугсбургского купца в торговые предприятия, делает возможными некоторые заслуживающие внимания наблюдения. Во-первых, из них следует, что доля Лукаса «на прибыль» (*an zu gewinnen*) в компании Антона Вельзера и Конрада Фелина в 1502 г. составляла всего лишь 2000 гульденов, а осенью 1517 г., то есть в момент выхода Рема из этой компании, на его лицевом счете значилось 9440 гульденов. Таким образом, за пятнадцать лет основной капитал Лукаса Рема увеличился в пять раз, а среднегодовая норма прибыли составила 9,06 процентов. В августе 1518 г. братья Рема (Лукас, Эндрес, Ганс) и Ульрих Хонольд учреждают торговую компанию, в которую Лукас Рем инвестирует капитал в 9000 гульденов. Эта сумма и была для него первоначальным капиталом. К 1540 г. основной капитал компании, единоличным владельцем которой к тому времени стал Лукас Рем, достиг 56980 гульденов, то есть за 22 года он сумел приумножить свой капитал более чем в шесть раз (при среднегодовой норме прибыли в 10,16 процентов). При этом необходимо иметь в виду, что тот же Лукас Рем несколько раз снимал деньги со своего лицевого счета в компании для покупки различных рент, земельных владений, расходов на свадьбу и удовлетворение других жизненных потребностей. Такие изъятия за два десятилетия свелись к значительной сумме в 15390 гульденов. Если принять во внимание начальную и конечную точки отсчета времени деятельности Лукаса Рема, окажется, что, начав ее с небольшим капиталом в 2000 гульденов, он сумел за это время нажить значительное состояние, приумножив свои

богатства в 28,5 раза (при среднегодовой норме прибыли в 9,71 процентов). Пример Лукаса Рема красноречиво свидетельствует о том, что деятельность в роли оптовых торговцев «на дальних рынках» и капиталистов-раздатчиков в текстильном производстве являлись источниками обогащения не только владельцев крупнейших торговых домов Аугсбурга (Фуггеров, Вельзеров и Паумгартнеров), но и предпринимательских элементов «второго ранга», к каковым может быть отнесен и Лукас Рем³⁹. Впрочем, пример последнего в то же самое время следует признать во многих отношениях типичным для бюргерской верхушки и других городов Южной Германии той эпохи⁴⁰.

Для решения поставленной выше задачи привлекаются также статистические данные, которые Я. Штридер извлек из податных кадастров Аугсбурга⁴¹. Эти данные дают возможность проследить за эволюцией состояний таких купеческих семейств города, как Паумгартнеры, Госсенброты, Герварты, Пиммели, Хохштеттеры, Манлихи, Штунцы и Гаснеры. Все они не только приняли участие в торговле металлами, но и, как мы видели, выступали в горном деле австрийских владений Габсбургов в роли предпринимателей-капиталистов. Конечно, при этом следует иметь в виду, что раннекапиталистическое предпринимательство было лишь одним из источников приумножения состояний представителей этих семейств, так как их деятельность была многообразной и включала, кроме этого предпринимательства, также кредитно-банковские операции, торговлю разнообразными товарами, участие в «откупах» металлов и их сбыт на международных рынках, поставки товаров первой необходимости в районы горных разработок. Здесь для нас важен сам факт, что аугсбургские компании имели достаточно высокую норму прибыли, о чем можно судить на основании ежегодного «прироста» состояний их владельцев в среднем на 12 процентов, который скорее ниже, чем выше действительного. И даже Герварты и Штунцы, которые, казалось бы, хотя и были менее удачливыми по сравнению с другими купцами и капиталистами, все же сумели значительно приумножить свои состояния.

Большой интерес также представляют свидетельства источников о норме предпринимательской прибыли известной аугсбургской торговой компании XVI в., которая объединяла семейства Хаугов, Линков и Лангенауэров⁴². Для ее деятельности характерно следующее. Во-первых, норма прибыли этой компании подвержена сильным колебаниям, но в целом почти за двадцатилетний период (1531-1549 гг.) составила в среднем 19,4 процентов годовых и ее, несомненно, можно назвать высокой. Во-вторых, даже когда дела у компании шли неважно и норма ее прибыли была гораздо ниже среднегодовых показателей, как это имело место на протяжении довольно длительного отрезка времени (1533-1543 гг.) большая масса инвестированного в «разнообразные промыслы» капитала позволяла компании получать значительную массу прибыли. Заслуживает внимания и тот факт, что общая масса прибыли за девят-

надшать лет у нее составила почти половину миллиона гульденов (484130), что в пять раз превысило учредительный капитал этой компании.

В то же время сказанное выше отнюдь не означает, что норма прибыли, которую получали торговые компании других городов Южной Германии, могла уступить норме прибыли удачливых и искушенных в торговле и финансах аугсбургских коммерсантов и была близка по своему уровню доходам от инвестиций в землевладение или городские ренты⁴³. Однако при этом необходимо иметь в виду, что инвестиции в городские ренты и землевладение сокращали оборотные средства предприятия и превращали деньги, как тогда говорили, в «спящий капитал». Все это создавало серьезные трудности на пути умножения состояний владельцев денег. Поэтому представители нарождавшейся буржуазии в исторических условиях эпохи раннего капитализма и экономического роста отдавали предпочтение риску и спекулятивным сделкам в торговле товарами и банковским операциям перед привычными для Средневековья формами инвестиций капитала.

5.2. КУПЕЧЕСТВО И ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА

Купечество, которому средневековый город обязан рядом успехов и достижений в различных сферах своей жизни, являлось составным элементом социальной структуры населения Аугсбурга. Отсюда возникает настоятельная необходимость установления характера взаимоотношений этой немногочисленной прослойки как с городской общиной в целом, так и отдельными ее прослойками. Решая эту задачу, следует поставить вопрос об отношении самого купечества к институту политической власти в городе и его участия в этой власти, роли купечества в проведении социально-экономической политики магистрата, в социальных и конфессиональных конфликтах того времени. В поисках ответа на эти вопросы мы, образно выражаясь, порою вынуждены будем покидать «родную колокольню» в качестве пункта наблюдения и выходить за пределы узкого пространства, ограниченного городскими стенами. Только это открывает более широкий горизонт обзора и позволяет составить более верное и точное представление о социальном облике и политическом имидже торговой буржуазии XV- XVI вв. Дело в том, что крупный оптовый торговец, зачастую являясь также банкиром и промышленником-капиталистом, играл, пожалуй, главную роль в истории не только южно-немецкого, но и всего раннего европейского капитализма. Появление этого прототипа-предшественника буржуазии Нового времени на исторической сцене было вызвано успехами и повсеместным распространением товарного производства. В то же самое время однозная фигура богатого купца-предпринимателя была показателем слабости раннего капитализма, в котором командные позиции занимал не промышленный, а купеческий капитал.

Городские хроники Аугсбурга содержат яркие свидетельства о различных источниках обогащения бюргерской верхушки. Причем среди этих источников не последнее место занимало беззастенчивое обирательство широких слоев городского населения. В качестве выразительного примера тому можно привести следующий эпизод. В 1437 г., когда в Аугсбурге свирепствовал голод, магистрат вынужден был направить своих чиновников за зерном в Вену. Однако закупленное там зерно доставить в Аугсбург было сложной задачей ввиду постоянных конфликтов города с баварскими герцогами. В то же время в руках богатого бюргера – Гербота Фиделера – оказалось более 600 шаффелей «всяческого зерна» (allerlei korns), «которое он, однако, не желал продавать, ожидая, когда оно будет стоить еще дороже»⁴⁴. Направленная правящим советом на переговоры с Фиделером делегация не принесла результата, так как он не пожелал продавать городу зерно по цене ниже 12 фунтов пфеннигов за шаффель, тогда как магистрат давал лишь по 10 фунтов. В конце концов зарвавшийся спекулянт, по словам хрониста, «был наказан (самим Богом): зерно испортилось и его пришлось продать по бросовой цене. Вместе с тем нельзя не отметить того факта, что даже неординарная ситуация, которая была чревата для «власть и богатства имущих» опасностью голодного бунта городских низов, не вызвала у «отцов города» сомнения в правомерности поведения Фиделера и не побудила правящий совет города к применению по отношению к спекулянту принудительных мер. «Тогда оставили ему его зерно, – рассказывает хронист, – не желая принуждать, чтобы он (это зерно) продал»⁴⁵. Дело в том, что зерно было собственностью Фиделера и к покушению на частную собственность ратманы не отважились даже в критической ситуации. Судя по всему, магистрат не пошел на реквизицию зерновых запасов Фиделера или на их принудительную продажу по низкой цене, помимо прочего, также из опасения, что городские низы потребуют применения аналогичных мер и по отношению к другим олигархам.

Почти сто лет спустя (в 1531 г.) мы становимся свидетелями еще одной крупной спекуляции, о которой повествует Клеменс Зендер Правда, на этот раз объектом спекуляции было не зерно, а сало, которое скупил богатый купец и предприниматель Антон Пиммель в надежде продать товар, приобретенный им по цене в 14 пфеннигов за фунт, не ниже чем по цене в 20 пфеннигов. Но скоропостижная смерть самого Антона Пиммеля сорвала замысел; его наследникам, которые «замешкались с продажей», пришлось «отдать залежавшееся сало лишь по 2 пфеннига за фунт»⁴⁶, то есть с убытком более чем в 80 процентов. Эту спекуляцию с ее трагико-комическим финалом не оставляет без внимания и другой хронист – Георг Прей, который, однако, отнесся к этому происшествию со всей серьезностью и не смог удержаться, чтобы не использовать «историю с салом» для нравоучительной сентенции в духе «евангелических проповедей» того времени: «Так Господь наглядно показал богачу, – утверждает Прей, – в чем следует видеть общую пользу»⁴⁷. Однако

пионеров раннего капитализма не в состоянии были остановить «предостережения», «впаоминания» и даже «указания» самого Бога, когда возникала перспектива быстрой наживы.

Интересы преуспевающих и богатых бюргеров порою вступали в противоречие с интересами большинства горожан. В этой связи сошлемся на оценку деятельности Амброзиуса Хохштеттера хронистом Клеменсом Зендером. «Он скупал, — пишет Зендер о Хохштеттере, — лес при хорошей дороге, а когда дороги становились плохими, поставлял его на рынок. Таким же образом (он продавал) людям вино, зерно и ткани, и часто он скупал весь товар по более высокой цене, чем он стоил на самом деле, чем притеснял других купцов, которые не могли это себе позволить. Затем он делал на все товары повсюду надбавку и продавал их по своему усмотрению». Такие действия Хохштеттеров не только создавали затруднения в деятельности торговых компаний, обладавших меньшими, чем у них, средствами, но и имели непосредственное отношение к процессу пауперизации слоев городского населения, которые жили занятиями «ручными ремеслами» и вынуждены были покупать товары первой необходимости по «вздутым» «монополистами» ценам, и наблюдательный монах-бенедиктинец, прекрасно это понимая, делает вывод, что Амброзиус Хохштеттер «в своей купеческой деятельности наносил ущерб общей пользе и угнетал простого человека не только чрезмерным количеством употребленного (выше) добра, но и плохими недоброкачественными товарами»⁴⁸. Деятельность Хохштеттеров, а равным образом и других «монополистов», не только вела к разорению незадачливых конкурентов, но и ускоряла пауперизацию городского населения. Подобные действия представителей бюргерской верхушки вызывали недовольство и протесты со стороны широких масс городского населения. Оградить и защитить интересы богатых купцов, банкиров и капиталистов-предпринимателей от социальной угрозы, исходившей от бедных и обездоленных жителей города, могла только власть. Поэтому участие в управлении городом и влиянии на определении политического курса магистрата имели для городской верхушки исключительное значение.

Еще в 1368 г. победоносное движение городских ремесленников и мелких торговцев привело к установлению в Аугсбурге нового политического порядка («цехового правления»), который обеспечил участие представителей торгово-ремесленных корпораций в управлении городом и существенно укрепила привилегии патрицианских родов. По мнению Ф. Хеэра, эта «мирная цеховая революция» заложила фундамент социально-политического партнерства торгово-ремесленных слоев с патрициатом и стабильность в общественной жизни города⁴⁹. Между тем установление «цехового правления» отнюдь не было возвращением к древнегородской демократии. Еще Ф. Энгельс в «Крестыанской войне в Германии» подметил одну из существенных сторон цеховых переворотов в средневековых немецких городах. По его словам, «патрицианские члены (городских — Ю.Н.) советов очень скоро то хитростью, то си-

лой восстановили свое прежнее безраздельное господство»⁵⁰. Впрочем, вывод Энгельса (по крайней мере в отношении Аугсбурга) нельзя назвать безупречно точным: скорой реставрации монопольной власти патрициата здесь не произошло. Однако цеховая верхушка, добившись участия в управлении городом, по сути дела поспешила объявить право заседать в его правящем совете привилегией нескольких десятков семейств «новых богачей» и «старых аристократов». Это находит убедительное подтверждение в следующих фактах. В Аугсбурге с 1368 по 1548 г. 181 раз избирались бургомистры «от цехов», но эту высшую в магистрате должность занимали представители лишь 38 семейств, а из 17 цехов этой чести удостоивались представители только 7 «старших цехов». Причем 32 раза бургомистрами становились солевары, 16 – мясники, по 14 раз – ткачи и розничные торговцы (крамеры), 6 – пиютники, 2 – скорняки. В то же самое время купцы избирались на эту должность 94 раза. При этом 20 раз бургомистрами были Ридлеры, 15 – Эгены. 9 – Нердлингеры, по 6-7 раз – Имхофы, Фрикингеры и Артцты, по 4 раза – Шмукеры и Ремы⁵¹. Я. Хартунг имел основания назвать политический режим, просуществовавший почти два столетия (180 лет) «цехового правления» плутократическим, поскольку вся полнота власти в городе в это время была сосредоточена в руках узкой группы лиц, которые в большинстве своем принадлежали к числу богатейших его семейств⁵². Мотивы, побуждавшие богатых кушцов, банкиров и предпринимателей к замещению общественных должностей, могли быть различными, но решающее значение все же имели их экономические интересы и стремление к созданию благоприятных условий для своей деятельности. По мнению Г. фон Пельница, экономическими причинами объясняются социальные и политические конфликты той эпохи, так как за религиозными разногласиями, приверженностью к новой евангелической или старой католической церкви, как он полагает, речь шла прежде всего о сбыте швабской бумазеи на рынках европейской и мировой торговли⁵³. Правда, тут же следует оговориться, что далеко не всегда общественные коллизии можно объяснить экономическими интересами противоборствующих сторон, хотя вполне очевидно, что, только принимая во внимание эти интересы, можно найти ключи к пониманию самой природы «цехового правления» в Аугсбурге и мотивов участия в нем «бюргеров-буржуа».

Порою корыстные интересы бюргерской верхушки проявлялись самым грубым и явным образом. Так, в 1459 г. в Цюрих правящий совет Аугсбурга отправил для вербовки ландскнехтов Ганса Федера, заседавшего в том году в этом совете в качестве правящего старшины. Для решения своей задачи он получил 600 гульденов. «Однако этот цеховой старшина, – негодует хронист, – израсходовал предоставленные ему (из городской казны) 600 гульденов на погашение собственного долга и другие личные нужды, не завербовав ни одного швейцарца»⁵⁴. Члены правящего совета, вполне возможно, замешанные в подобного рода неблагоприятных поступках, не решались немедленно привлечь

к ответственности и арестовать вернувшегося из Цюриха Федерера за растрату общественных средств, а скупили его долговые обязательства и отдали под суд как несостоятельного должника⁵⁵. Еще через три года на путь заурядного казнокрадства встал богатый купец по фамилии Дендрих, неоднократно избиравшийся членом правящего совета города и занимавший в том году должность баумейстера (то есть главы финансового ведомства магистрата). «За причиненный городу ущерб» Дендрих был поставлен у «позорного столба» на центральной площади перед созванными колокольным звоном горожанами, лишен права до конца жизни покидать город и права быть избранным в его правящий совет. Ему запрещалось также носить оружие («кроме маленького ножичка, которым режут хлеб») и дорогие одежды⁵⁶. В обоих рассмотренных выше эпизодах речь шла об использовании представителями бюргерской верхушки пребывания у кормила власти в корыстных целях и самого тривиально-го казнокрадства. Однако дело могло принимать и другой оборот.

В качестве примера приведем следующий эпизод. В том же 1462 году «один из ратманов Аугсбурга (по фамилии) Рем был направлен правящим советом в резиденцию местного епископа в Диллинген, чтобы от имени городских властей выкупить у него (некоторые торговые) пошлины в городе Аугсбурге». Рем же, «действуя вопреки приказу, купил пошлины для себя и своих наследников». В таких действиях Рема правящий совет не без основания увидел узурпацию собственных прерогатив и, «когда он вернулся», вывел из своего состава и принял постановление, запрещавшее всем, без исключения, Ремам «на вечные времена» заседать в правящем совете города⁵⁷. В данном случае, как мы видим, один из представителей старинного патрицианско-купеческого рода Аугсбурга был наказан за попытку овладеть принадлежавшими местному епископу прерогативами, которые являлись рудиментом сеньориального режима в городе. Поэтому вполне понятно, почему поведение Рема вызвало «праведный гнев» членов правящего совета и резкое осуждение со стороны большинства бюргеров.

В контексте последнего эпизода особенно примечателен конфликт с общиной и правящим советом города Петера Эгена⁵⁸, который в середине XV в. был одним из богатейших купцов и бюргером Аугсбурга. Этот купец, происходивший из старинного патрицианского рода, был аноблирован императором, возведен в сословие «имперского рыцарства» и «стал называть себя Петером фон Аргоном». Об Эгене также известно, что он неоднократно избирался бургомистром, используя высшую в магистрате должность в целях личного обогащения и укрепления авторитета своей власти. Эген завладел правом сбор городских пошлин и регалией на чеканку монеты, чтобы таким путем занять место феодального сеньора города. Все это и явилось главной причиной изгнания из города энергичного и властолюбивого олигарха, совмещавшего занятия коммерцией с политикой. Он был обвинен в покушении на бюргерские вольности и права, автономию города⁵⁹ и «вынужден был, – по словам

Буркарда Цинка, – провести остаток жизни в изгнании»⁶⁰. Как свидетельствуют другие источники, судьба была к Эгену еще более безжалостной⁶¹.

Приведенные выше примеры, как преуспевающие «честные и набожные бюргеры» использовали участие в городском самоуправлении в корыстных целях, не были единичными эпизодами, и их число можно было бы умножить. Но все эти эпизоды не определяют основополагающих параметров характеристики нарождавшейся торговой буржуазии, поскольку неприкрытое ограбление общественной казны и использование публичных должностей для удовлетворения политических амбиций было все же скорее исключением, чем правилом, или, по крайней мере, не являлось источником генезиса крупных состояний для большинства аугсбургских купцов, банкиров и предпринимателей. Другое дело, что молодая буржуазия, принимая активное участие в общественной жизни, имела возможность оказывать влияние на политический курс правящего совета города, который в те времена по сути дела обладал суверенными полномочиями субъекта государственной власти. Именно это влияние создавало благоприятные условия для деятельности торговых компаний, что и объясняет интерес к таким аспектам политики магистрата Аугсбурга, как налоговая политика, отношение к массовым общественным движениям, позиция магистрата в политических и конфессиональных конфликтах того времени.

«Реконструируя» социальный облик «бюргеров-буржуа» эпохи раннего капитализма, обратимся в первую очередь к установлению их отношения к налоговой политике магистрата. В известном смысле налоговая политика была ключом к извлечению выгод из торговой и промышленной деятельности, повышению нормы прибыли и рентабельности предприятий купцов и капиталистов. Налоговая политика в крупных городских центрах экспортного ремесла и торговли определенно служила одним из рычагов первоначального накопления, так как она открывала бюргерской верхушке источник обогащения за счет широких слоев населения, ускоряя процесс их пауперизации. В Аугсбурге существовали следующие виды налогообложения: 1) подушный или «малый налог» (*stüra minor*), который взимался со всех жителей города, независимо от их социального статуса и имущественного положения; этим налогом облагались и те горожане, чье положение сборщики налогов определяли как «неимущие» (*habnitzen*); 2) имущественный налог, который бюргеры вносили в городскую казну по установленным магистратом ставкам с движимой и недвижимой собственности; 3) различные косвенные налоги и пошлины (*Ungelt, Torungelt, Marcktgelt* и другие), которые взимались прежде всего с товаров первой необходимости (зерна, вина, мяса, дешевых тканей), а также – с текстильного сырья (хлопка и льняной пряжи). Введение или повышение этих поборов болезненно отражалось на положении большинства жителей города, что вызывало недовольство и противодействие налоговой политике властей с их стороны.

История Аугсбурга в переходную от Позднего Средневековья к Раннему Новому времени эпоху буквально заполнена непрерывной борьбой, которую вело за изменение самой системы налогообложения подавляющее большинство горожан⁶². Если бюргерская верхушка, стоявшая у кормила власти, стремилась увеличить поступления в казну от косвенных налогов, служивших основным источником пополнения доходной части городского бюджета, цеховые ремесленники и мелкие торговцы, напротив, выступали за отмену косвенных налогов и требовали введения высоких налогов на движимую и недвижимую собственность зажиточных и богатых бюргеров. Еще осенью 1397 г. в «городе Аугсбурге поднялась и распространилась большая вражда, недовольство и неповиновение; случилось это, – по словам очевидца событий, – ... (по причине) возмущения (горожан) введением косвенного налога». Недовольство налоговой политикой магистрата зашла так далеко, что возникла реальная угроза больших беспорядков. Недовольные введением косвенного налога горожане заявили, что единственным средством преодоления «неповиновения и противодействия» (*unwillen und widerwertigkeit*) может стать только отмена властями косвенных налогов, которые впредь бюргеры вообще «не должны никому ни давать, ни платить»⁶³. И магистрат вынужден был пойти на уступки недовольным и объявить об отмене косвенных налогов. Только это привело к «умиротворению в общине города» и восстановлению гражданского мира.

Конфликты, причиной которых был налоговый гнет, в Аугсбурге постоянно возникали и в первой половине XV в., но антиналоговое движение достигло апогея в начале второй половины этого столетия. В 1461 г. в обстановке тревожной внешнеполитической ситуации перед магистратом возникла задача изыскания крупных денежных средств для укрепления обороноспособности города. Рассказ хрониста Гектора Мюлика не оставляет сомнения в том, за чей счет решалась эта задача. «Тогда был введен, – пишет он, – здесь на все косвенный налог: с мешка пшеницы, (поступающей) на мельницу, – 16 пфеннигов; со ржи, овса, ячменя, если их продают бюргеры, – по 8 пфеннигов с шаффеля; такой же косвенный налог взимается с того, что поступает бюргерам в виде оброка, а они продают (это) здесь или за городскими стенами; такой же большой косвенный налог (был введен) на бумазею, полотна, сукна и воску»⁶⁴. Введение налогов на товары первой необходимости стало причиной повышения цен на них, что все тяжестью ложилось прежде всего на широкие слои городского населения. Правда, на этот раз упомыная выше мера магистрата оказалась не в состоянии покрыть чрезмерно возросших расходов городского казначейства. По этой причине решено было прибегнуть к принудительной продаже городских рент. Прибегая к такому шагу, магистрат особенно был озабочен тем, чтобы не ущемить интересов богатых и зажиточных бюргеров, в том числе владельцев торговых компаний. Руководствуясь именно этим мотивом, правящий совет города принял постановление о выплате

тем, «кто приобрел ренты на срок жизни», по 1 гульдену с каждых 8 гульденов (то есть 12,5 процентов годовых), и тем, кто купил ренты («на срок двух жизней»), по 1 гульдену с 10 гульденов (то есть 10 процентов годовых)⁶⁵. Выплаты высоких процентов по городскому займу превращали ренты в выгодный и достаточно надежный источник инвестиций капитала. Бремя пополнения городской казны должна была нести основная масса горожан – цеховые ремесленники и мелкие торговцы.

Через несколько лет (в 1466 г.) в Аутсбурге снова произошли «большие беспорядки и волнение, причиной которых опять стало введение косвенных налогов на торговлю зерном и тканями»⁶⁶. Мюлих замечает по этому поводу: «Так возникли большие неприятности в цехах ...» Застрельщиками движения, направленного против налогового законодательства правящего совета города, выступили булочники. «Булочники пришли к ткачам, после чего и ткачи также не пожелали признавать (косвенных налогов)». Необходимо также обратить внимание и на тот факт, что на состоявшемся в эти дни собрании ткачей, как утверждает городской хронист, присутствовало около семисот человек⁶⁷, что и придало антиналоговому движению массовый характер. Основное требование стихийно возникшего оппозиционного политике магистрата движения сводилось к полной отмене косвенного налогообложения⁶⁸, тогда как правящий совет, а вместе с ним зажиточные и богатые бюргеры, энергично выступали против этого требования⁶⁹. О подоплеке социальных интересов участвовавших в конфликте сил с предельной откровенностью говорит еще один хронист, Буркард Цинк. «Простой народ, – как он полагает, – не желал давать косвенного налога, а намерен был обложить большим налогом (движимые) состояния и недвижимую собственность (зажиточных и богатых бюргеров) с тем, чтобы не были чрезмерно отягощены ни бедные, ни богатые»⁷⁰. Однако победа в этом конфликте оказалась все же за «партией богатых», представители которой занимали ключевые посты в правящем совете города и определяли политику последнего. Поражение потерпела, можно сказать, «партия бедняков», хотя ее и поддерживало большинство горожан. Когда недовольство политикой магистрата зашло так далеко, что «некоторые горожане стали отказываться от бюргерских прав и в значительном числе покидать (город)», правящий совет принял решение, обязывавшее каждого эмигранта внести в городскую казну налог в полуторном размере. «Таким образом, – по словам Мюлиха, – это выселение было приостановлено». Здесь следует особо обратить внимание на тот факт, почему политикой магистрата были недовольны ткачи-бумазейщики. Последние жаловались властям, что бедственное положение «заставило их продать всю бумазею одному человеку, так как никто (из них) не имел денег, чтобы заплатить налоги»⁷¹. Так тяжелый налоговый пресс ускорял процесс разорения мелких цеховых ремесленников-ткачей, которые, по всей видимости, стали жертвами купца, выступившего в роли скупщика

готовых изделий. К сожалению, городские анналы не сохранили имени этого куша-предпринимателя.

Статистические данные о прямом и косвенном налогообложении в Аугсбурге конца XV – первой половины и начала второй половины XVI в. позволяет сделать вывод о роли налоговой политики магистрата, на которую в условиях первоначального накопления и генезиса капитализма сильное влияние оказывала нарождавшаяся торговая буржуазия. С этой целью обратимся к данным таблицы (см.: Табл. 12).

Таблица 12

Имущественная дифференциация населения Аугсбурга
(конец XV – середина XVI вв.)*

Годы	Общее число налогоплательщиков	Из них неимущих		Малоимущих и среднего достатка		Зажиточных и богатых	
		в абсолютн. цифрах	в процентах	в абсолютн. цифрах	в процентах	в абсолютн. цифрах	в процентах
1448	5351	2331	41.7	2849	55.1	171	3,2
1512	5479	2476	42.2	2773	50.6	230	4,2
1526	6097	3291	53.9	2535	41.7	271	4,4
1540	7155	3749	52.3	3016	42.2	390	5,5
1554	8242	4382	53.2	3341	40.5	519	6,3

* Hartung J. Die augsburgische Vermögenssteuer und die Entwicklung der Besitzverhältnisse im XVI Jahrhundert //JGVV. 1898. Bd. 22. H. 2. S. 171.

Материалы податных кадастров, представленные в таблице, убедительно свидетельствуют о процессе пауперизации городского населения. Число пауперов и «неимущих ремесленников» в абсолютных цифрах к 1554 г. по сравнению с 1498 г. выросло с 2331 до 4382 человек, то есть увеличилось почти вдвое; в это же время в относительных цифрах численность данной категории населения достигла 53,2 процента от общего числа налогоплательщиков, то есть выросла на 11,5 процента. Данные за эти же годы указывают на относительное сокращение численности мелких и среднего достатка бюргеров (с 55,1 до 40,5 процента), то есть на 14,6 процента. В те же десятилетия первой половины XVI в. выросло число зажиточных и богатых бюргеров: в абсолютных цифрах с 171 до 519, то есть примерно втрое; в относительных – с 3,2 до 6,3 процента от числа городских налогоплательщиков, то есть в два раза. В этой связи представляет интерес следующий факт. По свидетельству венецианского посла при императорском дворе в Вене Алоиса Мочениго, статьи доходов бюджета Аугсбурга в конце первой половины XVI в. ежегодно состав-

ляли около 300 тыс. гульденов⁷², тогда как поступления в городскую казну от прямых налогов равнялись в 1540 г. 10 и в 1541 г. 14 процентам от этой суммы⁷³, то есть основным источником пополнения доходной части городского бюджета продолжали оставаться сборы от косвенных налогов.

Система существовавшего в XV- XVI вв. в городе налогообложения была выгодной прежде всего для богатых бюргеров, так как ставку прямого налога с 0,5 до 1 процента с имущества можно назвать низкой. К тому же, принесение один раз в шесть лет присяги сопровождалось оценкой имущества не чиновниками магистрата, а самим налогоплательщиком, что вело к утайке последней части состояния от фиска. «Дневник» Лукаса Рема свидетельствует о том, что такая практика была обычным явлением. Этот аугсбургский купец и предприниматель неоднократно давал ложную клятву, скрывая от сборщиков налогов часть принадлежавшего ему имущества (точные сведения о котором чиновникам магистрата было бы трудно получить даже при их большом желании) и регулярно не платил налогов со значительной части своего состояния⁷⁴. Впрочем, подобным образом поступали и другие представители бюргерской верхушки Аугсбурга. Так, владельцы компании Вельзеров, о чем сообщает тот же Лукас Рем, обладая собственностью (движимой и недвижимой, денежными инвестициями) в 400 000 гульденов, платили налоги лишь с состояния в 120000 гульденов⁷⁵, то есть только с 30 процентов своей собственности. Такая практика, естественно, способствовала умножению богатств нарождавшейся торговой буржуазии и, напротив, усиливала податный гнет (прежде всего в виде косвенных налогов) на широкие слои городского населения.

В условиях напряженной социально-политической обстановки, антимонопольного законодательства рейхстагов и территориальных властей, критики деятельности компаний-монополистов со стороны широких кругов обществности, богатейшие купцы, банкиры и предприниматели-капиталисты прилагают максимальные усилия, чтобы получить налоговые льготы и привилегии. В 1535 г. Фуггеры, а еще через год и Паумгартнеры⁷⁶, были освобождены от обязанности принесения присяги о размерах своих состояний. Они получили право платить налоги по твердо установленной для них ставке. В обоих случаях власти аргументировали свое решение не только крайней «разбросанностью» предприятий самих богатых местных купцов и банкиров, но и тем, что последние, будто бы, «сами не могут знать, какие у них состояния»⁷⁷. Эта уступка со стороны магистрата позволяла, например Фуггерам, на законных основаниях вносить в городскую казну налоги не более, чем с 1/8 или даже 1/10 части своих состояний⁷⁸. В 1549 г. финансовая плутократия Аугсбурга, стремясь извлечь максимальную для себя выгоду из победы Карла V над протестантами, добилась издания правящим советом города декрета, который освобождал от принесения присяги банкиров, плативших налог в 600 гульденов и более. Однако тут же следует отметить, что действие этого декрета рас-

пространялось всего лишь на десять самых богатых семейств Аугсбурга⁷⁹, и, следовательно, не затрагивало положения большинства городских «бюргеров-буржуа».

Итак, приведенные выше факты дают достаточно веские основания для вывода, что правящий совет Аугсбурга, проводя жесткую налоговую политику по отношению к средним и даже малоимущим слоям городского населения, в то же время не только отвергал принцип прогрессивно-подходящего налогообложения, но и делал в этом вопросе серьезные уступки богатейшим семействам города. Поэтому податное «ограбление» основной массы городского населения также и в Аугсбурге определенно являлось одним из рычагов первоначального накопления, хотя вряд ли имело значение решающего фактора в процессе генезиса крупных бюргерских состояний. Вместе с тем нельзя не отметить, что и при решении других злободневных вопросов экономической жизни магистрат этого города довольно последовательно проводил политику в интересах нарождавшейся торговой буржуазии, особенно ее верхушки, которую составляли ненавистные большинству горожан «угнетатели народа» – «монополисты» Фугтеры, Вельзеры, Паумгартнеры и владельцы других крупных торговых компаний.

Ярким примером защиты интересов купцов-капиталистов в политике магистрата может служить также позиция правящего совета города в вопросе об использовании городскими ткачами «чужой пряжи» (из льна-долгунца). «3 февраля (1490 г.), – сообщают продолжатели хроники Гектора Мюлиха, – ткачей привели в ратушу большие неприятности и недоразумения»⁸⁰. Причину этих «неприятностей и недоразумений» поясняет хроника корпорации ткачей. Она рассказывает, что события начались «после того, как в 1481 г. некоторые купцы завезли сюда зеленый или, как его называют, лен-долгунец и продали его ткачам. Это новшество было благоприятно принято (всей) общиной, в том числе и цехом ткачей, который первое время (охотно) покупал и раздавал лен-долгунец (мастерам), полагая, что он будет служить большим подспорьем в их пропитании»⁸¹. Однако вскоре ситуация прояснилась и обнаружила, что практика с этим льном поставила экономически самостоятельных до того ремесленников-ткачей в зависимость от купцов-раздатчиков, импортировавших сырье в Аугсбург с «дальних рынков». «По этой причине, – утверждает Пауль фон Штеттен-старший, – многие мастера цеха ткачей стали считать, что лен-долгунец наносит ущерб и разорителен для пропитания не одних только мастеров». И это понятно, если принять во внимание, что магистрат буквально принуждал городских ремесленников производить ткани из прусского льна-долгунца (das kam aus Preussen) не считаясь с их желанием и возможностями⁸². Власти в такой ситуации посчитали, что события развиваются в опасном для них направлении, и поэтому Матеус Зандер, «ткач, который особенно противился тому, чтобы здесь пряли из (этого) льна», с нарушением обычной судебной процедуры, как пишут продолжатели хроники Мюлиха, был приго-

ворен к смертной казни и публично обезглавлен, как «самый злостный подстрекатель» к неповиновению властям и в «назидание другим ткачам»⁸³.

Крайние меры, которые использовал магистрат, по словам городских хронистов, произвели «должное впечатление» на ткачей и заставили их, правда, как оказалось, только на время, отказаться от («мятежных действий»), между тем мир в корпорации ткачей, продолжавшийся около десяти лет, в 1501 г. был нарушен, когда конфликт разразился с еще большей силой, так как «... в цехе ткачей (снова) имели место неприятности из-за льна-долгунца». На этот раз ткачи, разуверившись в надежде найти защиту и поддержку у городских властей, «самовольно» переизбрали «цеховой комитет», приняли решение, запрещавшее закупать лен-долгунец на городском рынке, и взяли на себя обязательство «всеми силами препятствовать его покупке теми, кто (это делает) в Донауверте или других местах». По свидетельству той же хроники, около трехсот мастеров поддержали это требование, и только 13 мастеров корпорации выразили желание производить ткани из льна-долгунца. Интересно, что в числе этих тринадцати мастеров назван и Ганс Пиммель, который уже тогда входил в число богатейших бюргеров Аугсбурга и позже, как известно, принял активное участие в раннекапиталистическом предпринимательстве в горном деле Тироля. Что же касается магистрата, «вопреки требованию большинства (ткачей)», он принял относительно льна-долгунца распоряжок, «который существовал и раньше», обязав ткачей использовать для производства тканей на экспорт только пряжу из этого сорта льна⁸⁴. Жесткая позиция городских властей была обусловлена острой конкуренцией на рынке, которая предъявляла соответствующие требования к качеству изделий, отношение большинства цеховых мастеров к этому «новшеству» – борьбой за экономическую самостоятельность мелких товаропроизводителей.

События, происходившие в корпорации ткачей Аугсбурга на рубеже XV-XVI вв. проливают достаточно яркий свет на характер социально-экономических отношений в этом городе. Они не оставляют сомнения в том, что правящий совет города проводил политику защиты интересов купцов-предпринимателей и цеховой верхушки, в том числе корпорации ткачей, представители которой уже «ручным ремеслом не занимались» и выступали в роли так называемых «раздатчиков» сырья и скупщиков полуфабрикатов (пряжи) или готовых изделий. Однако зажиточные цеховые мастера и купцы-предприниматели обычно еще не становились творцами мануфактур централизованного типа, поскольку их интересам вполне отвечал тот зачаточный тип капиталистического предприятия, формировавшегося в рамках «системы раздачи», которая, казалось, еще не вступила в непримиримое противоречие с режимом цехового ремесла. И все же, в действительности та же система раздачи на завершающей стадии своего развития перерастала в мануфактуру по преимуществу рассеянного типа. Экономическая политика аугсбургского магистрата во многом определялась интересами купеческого капитала, что, хотя бы

отчасти, объясняет консерватизм бюргерской верхушки и ее отношение как к экономически самостоятельной прослойке городского населения («среднему классу»), так и «низам» этого населения. Последние включали в свои ряды плебейство средневекового города, многочисленный отряд люмпен-пролетариата и малочисленный – предролетариата. Впрочем, границы между указанными категориями «низов» были подвижными и неустойчивыми. Для властей в эпоху Реформации большое значение при определении бедности и оказания благотворительной помощи беднякам приобрела дифференциация последних на тех, «кто добровольно впал в нищету», и на тех, кто оказался в состоянии бедности «по обстоятельствам жизни». В то же время нельзя не отметить, что большинство тех и других уже являлись «социальными продуктами» процессов первоначального накопления и генезиса капитализма.

Вполне очевиден и тот факт, что вступление городов в переходную от феодализма к капитализму, от средневековой к индустриальной цивилизации эпоху было сопряжено с чрезвычайно болезненным процессом пауперизации значительной части их населения. Это обстоятельство подталкивало правящую олигархию «кунтешской республики» – Аугсбурга – к принятию мер социальной профилактики, которые, с ее точки зрения, должны были сохранить существующий правопорядок. Страх перед народным бунтом не только усиливал политический консерватизм верхушки городского бюргерства, но и побуждал ее к энергичным поискам средств противодействия радикальным и экстремистским элементам и созданию находившейся под контролем городских властей гибкой системы благотворительности.

Признание калек, стариков, нищих, бедняков и благотворительность вообще была обычным для социальной жизни средневекового города явлением. Благотворительность первоначально носила по преимуществу частный характер⁸⁵ или в роли ее организатора выступали учреждения католической церкви. Однако рост пауперизма и социальной напряженности в городской общине побудили власти встать на путь концентрации благотворительных средств в своих руках. Магистрат Аугсбурга еще до Реформации неоднократно издавал законодательные акты, которые были призваны упорядочить благотворительную деятельность, преследуя при этом прежде всего социальные цели. Так, в 1491 г. правящий совет города принял постановление, обязывавшее производить раздачу денег и съестных припасов нуждающимся три раза в неделю в строго установленных местах. Это же постановление совета обрекало на изгнание из города «чужих бродяг, которые собрались здесь в большом числе». Впрочем, вспомоществование получали отнюдь не все и «свои нищие», так как определенные властями к такой милости выдавались особые жетоны «с той целью, чтобы отличить больных и калек от здоровых бездельников»⁸⁶. Таким образом, еще в начале 90-х годов XV в. магистрат Аугсбурга попытался отделить, по его мнению, действительно нуждающихся в благотворительной помощи и достойных этой помощи от тех, «кто еще может работать». Ре-

формация дала дополнительный импульс такому направлению преобразованию городской благотворительности⁸⁷. Весной 1522 г. правящий совет Аугсбурга рассмотрел на одном из своих заседаний вопрос об организации благотворительной помощи и опубликовал декрет «о призрении нищих и калек». С целью неукоснительного соблюдения «нового порядка» совет назначил комиссию (из числа членов правящего совета), «каждый из которых имел по слуге»⁸⁸. О социальной направленности принятого властями декрета вполне определенно высказывался хронист Вильгельм Рем, по словам которого, «таким способом они (члены комиссии, – Ю.Н.) нашли немало людей, (раньше) получавших милостыню, в которой теперь им было отказано»⁸⁹. Причем благотворительной помощи в первую очередь лишились «неблагоденные и неблагодарные бедняки».

Во время Крестьянской войны законодательство о призрении калек и нищих приобрело для «богатства и власть имущих» еще большую актуальность. В принятом магистратом в 1525 г. декрете сказано: «Совет постановил, что отныне, чтобы бедные люди больше не ходили за милостыней как в старину от дома к дому, и никто из бедных школяров не попрошайничал (в домах бюргеров), поставить в каждой церкви по несколько слуг, которые должны ходить перед (церквями) и собирать для всех бедняков милостыню в общий мешок. Постановили также: установить кружки в церковных дворах у Св. Петра и Св. Морица, куда складывать милостыню, и поставить для этого трех благочестивых мужей, которые должны иметь списки бедных людей и давать каждому (из них подавание), кто испытывает в том нужду»⁹⁰. Идея централизации благотворительной деятельности, с которой бюргерская оппозиция выступала еще в конце XV в., была реализована на практике только в ходе реформационного движения. Реализация этого требования отвечала интересам прежде всего зажиточных и богатых бюргеров, так как новая система благотворительности, по убеждению ее творцов, создавала общественный иммунитет, охранявший «богатый Аугсбург» от притязаний со стороны «обездоленного шлебса». Новая система устанавливала жесткий контроль властей над благотворительной деятельностью, что позволяло исключать из списков нуждающихся в помощи «неблагоденных» и «неблагодарных» бедняков. С другой стороны, заслуживает внимания и тот факт, что реформа благотворительности имела целью принудить к труду «здоровых бездельников». Это уже было ответом на вызовы раннего Нового времени, которое ознаменовалось наступлением капитализма с его принципиально отличным от Средневековья отношением к труду.

Однако реформа благотворительности и особенно ее централизация в руках власти не вызвала единодушного одобрения и поддержки всех представителей бюргерской верхушки. Когда осенью 1525 г. умер Раймунд Фуггер, его брат, Антон Фуггер, выполняя последнюю волю покойного, распорядился раздать беднякам съестные припасы и одежду. Это намерение Антона Фуггс-

ра не встретило понимания и поддержки со стороны правящего совета, который приказал, как утверждает близко стоявший к Фуггерам хронист Клеменс Зендер, чтобы «такой похвальный обычай был отменен, и что все это (добро) он (Антон Фуггер) должен сдать в общую кассу»⁹¹. К такому распоряжению совета Антон Фуггер отнесся враждебно. Он не выполнил приказа властей и «по истечении некоторого времени тайно через чужих людей раздал беднякам то, что завещал (им) покойный брат на сумму в 5 тысяч гульденов»⁹². В эти же голодные годы Фуггеры доставили из своей сеньории в Вайсенхорне зерно и, действуя вопреки запрету магистрата, продали это зерно «по цене более низкой, чем оно стоило на самом деле», но только – «своим слугам и ремесленникам». И даже этой адресной благотворительной акцией Антон Фуггер, по словам Георга Прея, «снискал любовь простого народа»⁹³.

Широкие демагогические жесты, к которым время от времени прибегали Фуггеры (как, впрочем, владельцы и других крупных компаний) ради достижения вполне определенных политических целей (о которых см. ниже), можно объяснить, помимо прочего, следующим. Если магистрат, концентрируя в своих руках благотворительные средства, исходил из интересов не только сохранения существующего порядка, но и решал задачу реформы церкви, Фуггеры являлись сторонниками старой католической церкви и частной средневековой по форме и содержанию благотворительности. При этом необходимо иметь в виду, что Фуггеры, постоянно находясь под огнем критики противников «монополий», в то же время обладали достаточными материальными ресурсами, чтобы регулярно покупать расположение городского плебса, для которого подачки «отцов города» зачастую являлись единственным источником существования.

В рассматриваемых выше эпизодах ясно проявились разногласия в рядах самой правящей олигархии. Однако угроза социальной опасности, исходившая не только от городских «низов», но и средних слоев бюргерства, побуждала к солидарности различные группировки городской верхушки. Движение «цеховой демократии» в 70-е годы XV в. во главе с Ульрихом Шварцем⁹⁴ может служить наглядным подтверждением существования такой опасности. С 1469 по 1478 г. Ульрих Шварц – «сын плотника и цеховой старшина солеваров»⁹⁵ – семь раз подряд избирался «бургмистром от цехов»⁹⁶. Причем авторитет и популярность Шварца среди горожан оказались так велики, что он утверждался в этой высшей в городском магистрате должности по несколько раз подряд в явное нарушение правовой нормы «Цеховой грамоты», которая фактически служила «городской конституцией».

Однако источники довольно глухо говорят о программе общественного движения⁹⁷, во главе которого стоял Ульрих Шварц, хотя и не вызывает сомнения, что она была направлена против патрицианско-олигархического режима, предполагала перемены, которые улучшили бы положение средних слоев городского населения и реформирование существующих институтов

власти – городского суда и правящего совета. Поэтому можно понять тревогу, с которой Гектор Мюлих пишет, что «дело дошло до того, что все (в городе) совершалось по его (Шварца) желанию»⁹⁸. Клеменс Зендер даже категорически заявляет, что «он (Шварц) также держал себя с каждым (бюргером) как князь, убийца и вор, и это (само по себе было) достойно виселицы»⁹⁹. Неприязнь и даже ненависть, с которой отзываются об Ульрихе Шварце хронисты, имели под собою определенные основания: Шварц бросил вызов подлинным хозяевам «купеческой республики» и предложил изменить существующий правопорядок в интересах «среднего класса» городского населения – бюргерства.

Борьба Шварца с правящей олигархией привела его к конфликту с братьями Фиттелями, один из которых, по имени Ганс, «...часто занимал (в прошлом) должность бургомистра и только что вернулся из Вены от императора ...» По инициативе бургомистра Ульриха Шварца братья Ганс и Линхарт были привлечены к суду как «предатели» и противники преобразований. По вердикту городского суда они при стечении «множества народа» были обезглавлены на центральной площади города Перлах¹⁰⁰. Казнь Фиттелей послужила поводом для вмешательства в ход событий самого императора Фридриха III Габсбурга, который в письме ландфогту Верхней Швабии Сигизмунду фон Паппенгейму выразил большое недовольство таким оборотом дела и введением в городе «странных порядков». Паппенгейм поспешил отдать соответствующее распоряжение городскому фогту Аугсбурга Георгу Отту¹⁰¹. Отт привлек к заговору против Шварца несколько членов правящего совета города, в том числе, что для нас представляет, пожалуй, особый интерес, таких преуспевающих аугсбургских купцов и банкиров, как Бартоломеус Вельзер, Сигизмунд Госсенброт, Петер Герварт и Бернхард Релингер. Заручившись поддержкой последних, фогт арестовал бургомистра Ульриха Шварца во время заседания правящего совета города¹⁰².

18 апреля 1478 г. бургомистр Ульрих Шварц, совсем недавно «обладавший властью, какой (никогда) никто не имел в городе», и вместе с ним старшина корпорации булочников Иос Тагланг по приговору городского суда были повешены¹⁰³. Преследованиям и репрессиям подверглись также ближайшие сторонники и сподвижники казненного бургомистра. Различные меры наказания (изгнание из города, поражение в бюргерских правах и лишение права заседать в правящем совете) были наложены судом на таких активных участников оппозиционного движения цехового бюргерства и соратников Шварца, как плотник Маркс Ноймюллер, пивовар Бартоломеус Эльзас, розничные торговцы-крамеры Бартоломеус Шнейдер и Вагнер, солевар Георг Зельд, кузнецы Михаэль Шмидт и Кройцер, ткач по фамилии Гетц, «коробейник» (der Hucker) – торговец съестными припасами Иос Пфлюгель, кожевник Мартин Майер, старшина цеха портных и розничных торговцев тканями (gewandschneider) Бессингер, мясники Ганс Шварлин и Ганс Гут¹⁰⁴. В движе-

нии бюргерской оппозиции активное участие принял и бургомистр «от общины» (von den burgern) патриций Иос Онзорг, который, по всей видимости, по приговору уже известного нам «Тайного суда», вынесенному ему заочно аугсбургской олигархией, пал от руки наемного убийцы вскоре после казни Шварца¹⁰⁵. «На вечные времена» из города были изгнаны также патриции Маркс Хофмайер и Вильгельм Хангенор¹⁰⁶. Конечно же, о подлинных мотивах, которыми руководствовались эти патриции, вступая на путь борьбы, можно судить лишь предположительно. Это могло быть стремление свести личные счеты, честолюбивые надежды или, возможно, и искреннее сочувствие тяжелому положению своих сограждан и желание оказать им помощь. В то же время нет сомнения в том, что перемены, происходившие в экономической жизни Аугсбурга, выбивали из привычной колеи и отдельных представителей городской верхушки, которая в силу этого обстоятельства не проявила единодушной солидарности в критической ситуации. Принципиальное значение имеет и тот факт, что зарождавшаяся буржуазия по причине прежде всего недостаточной социально-политической «зрелости» отнеслась к движению «цеховой демократии» враждебно и приняла активное участие в его подавлении. Между тем это движение не вдохновлялось к действию «обездоленным плебсом» и уравнительными идеями, а представляло собою в первую очередь движение широких слоев городского населения, которое выражало интересы и настроения мелких и средних собственников, вставших на путь борьбы с правящей олигархией. Причем некоторые из этих собственников придерживались «прокапиталистической ориентации», что, в частности, выразилось в их попытках создания мануфактур¹⁰⁷.

Еще одним камнем преткновения в отношениях между владельцами крупных торговых компаний и городской общиной являлся вопрос о так называемых «монополиях». «Антимонопольное» движение в Германии возникло еще в первой половине XV в.¹⁰⁸ Однако только с конца этого столетия оно набрало большую силу и приобрело характер действительно массового общественного движения¹⁰⁹, которое объединяло в своих рядах представителей разных социальных слоев. В центре критики и осуждения общественным мнением «монополий» оказалась деятельность аугсбургских торговых домов, прежде всего Футтеров и Хохштеттеров. Однако у крупных торговых компаний были не только беспощадные критики, но и ревностные защитники.

Глава аугсбургских гуманистов и секретарь правящего совета города, искушенный в политике и коммерции Конрад Пойтингер, выступая против законов, которые осуждали, ограничивали или даже запрещали деятельность крупных торговых компаний, апеллировал к принципу «личной пользы», который, по его словам, определяет линию поведения человека «во всех делах». С точки зрения Пойтингера, «только личная польза является побудительным стимулом (деятельности человека), только отношение к прибыли как проявлению личной пользы – подлинный мотив проявления риска, действий и тру-

да). Поэтому Пойтингер требовал свободы предпринимательской деятельности и одобрительно относился к любой хозяйственной инициативе, подвергая резкой критике «цеховое принуждение», ограничения со стороны властей на занятия ремеслом и торговлей. Цеховые уставы и регламенты он называл «вмешательством в установленный (Богом) порядок вещей». Отсюда Пойтингер выводил право каждого человека на благополучие и богатство¹⁰. Таким образом, с его точки зрения, крупные торговые компании и особенно Фуггеры олицетворяли своей деятельностью свободу предпринимательства, цехи же выступали в роли антипода последнего и всеми силами стремились надеть узду на эту свободу, нарушая тем самым закон «божьей справедливости». Если иметь в виду перспективу «долгого времени» и в этой перспективе торжество капитализма, Пойтингер был прав. Но верно ли он распределял роли участников в надвигающейся исторической драме? Правильно ли определял вектор движения к ценностям постсредневековой цивилизации? Между тем полемика и противоборство сторонников и противников «монополий» новый импульс дала Реформация, которая полемике гуманистов с ортодоксами средневекового католического консерватизма придала соответствующую наступающему Новому времени религиозно-идеологическую направленность и перенесла эту полемику в самую гущу общественной жизни. То что раньше было объектом богословского или научного спора, теперь стало достоянием сознания и «простых людей». Это перенесло спор о «свободе воли» из области теории на практическую основу, то есть из спора о дефинициях он превратился в дискуссию о сущности «земного бытия» и о необходимости его изменения, причем не только «божьей волей», но и силами человека.

5.3. ТОРГОВАЯ БУРЖУАЗИЯ И РЕФОРМАЦИЯ

Переход от средневековой к индустриальной цивилизации совершался под влиянием многих факторов, в том числе являлся результатом изменения отношения человека к труду и богатству. В Средние века в труде видели прежде всего тяжкое наказание человека Богом за первородный грех, а в богатстве – скорее «божью милость», чем объект, приобретенный личными усилиями человека. Согласно официальной доктрине католической церкви и христианской морали, бедность ценилась больше, чем богатство, и добровольно впадавший в нищету не только не осуждался общественным мнением, но и занимал в нем достойное место, так как считалось, что такой человек следует примеру «нищего Христа» и стоит ближе богача к «спасителю рода человеческого». Авторы реформационных учений при рассмотрении категории «бедности», напротив, признавали заслуживающей сострадания и всяческой поддержки только людей, впадших в «нищету по обстоятельствам жизни», или «нищету по нужде»¹¹. В немалой мере развитие рыночных отношений и особенно процессы первоначального накопления и генезиса капитализма также вступа-

ли в очевидное противоречие с идеологическими установками средневекового католицизма. Уже Конрад Пойтингер, как мы видели, высказывался на этот счет достаточно определенно и откровенно. Вполне очевидно, что вступавшая на историческую сцену буржуазия не разделяла и не могла следовать средневековым представлениям о богатстве и аскетическом образе жизни.

С другой стороны, еще до Реформации в бюргерской среде под влиянием прежде всего идеологии гуманизма возникло стремление к рациональному истолкованию церковных догматов, таинств и обрядов. Об этом, в частности, свидетельствует выступление с проповедями в 1497 г. в кафедральном соборе Аугсбурга викария этого собора Бернхарда Штунца, выходца из семейства известных купцов и горнопромышленников. Он подвергал критике церковные обряды и «церемонии», которые были связаны с верой в «чудеса». Аугсбургский епископ Фридрих, посетивший одну из проповедей Штунца, заявлял, что «народ после такой проповеди отпадает от веры, впадает в сомнения и заблуждения, поскольку не может знать, какой веры придерживаться». Прибегая к такой оценке проповеди Штунца, епископ связывал ее с линией общественно-го поведения «воинственно настроенных людей, которые больше ищут мести и вражды, чем мира и единения», которым, будто бы, предназначались эти проповеди. С мнением епископа трудно согласиться, так как проповеди Штунца находили понимание и одобрение со стороны ряда богатых и влиятельных бюргеров¹¹², сомневавшихся в «некоторых странных обычаях в церкви» и в необходимости сохранения за нею несметных богатств, особенно монастырского землевладения. Все это красноречиво указывает на состояние кризиса, в котором находилась католическая церковь на рубеже XV-XVI вв. Реформация и последовавшие за нею социальные и политические конфликты придали большой размах и необычную остроту кризису, который имел далеко идущие последствия.

Сам инициатор Реформации и основоположник протестантской церкви Мартин Лютер посетил Аугсбург осенью 1518 г. Он прибыл сюда 7 октября, чтобы принять участие в публичном диспуте с папским легатом Казтано. Однако пребывание Лютера в городе оказалось недолгим: ночью с 20-го на 21-е октября, когда возникла реальная угроза ареста, реформатор спешно покинул Аугсбург. Вместе с тем пребывание Лютера в городе в течение всего двух недель и его диспут с Казтано успели произвести сильное впечатление на бюргеров. Почва для успеха дела Лютера здесь была вполне подготовлена, поскольку недовольство католической церковью к тому времени охватило широкие слои городского населения, а антиримское движение приобрело массовый характер. Один из бургомистров Аугсбурга тех лет Ульрих Релингер-старший, немало сделавший для успеха этого движения в городе, также находился тогда в рядах горячих приверженцев Лютера¹¹³. Как себя повела в такой критической ситуации патрицианско-купеческая городская верхушка?

Факты не оставляют сомнения в том, что бюргерской верхушке Аугсбурга были присущи черты менталитета людей Средневековья: ее представители, отличаясь большим консерватизмом, неоднократно выражали неприятие насильственных средств разрешения как конфессиональных разногласий, так и социально-политических конфликтов. При этом они отвергали саму возможность насилия прежде всего по отношению к себе, но допускали насилие по отношению к другим. Поэтому неприятие насилия в теории отнюдь не всегда получало адекватное подтверждение на практике. Так, во время рыцарского восстания в 1522 г. правящий совет Аугсбурга оказал помощь Швабскому Союзу и отправил во Франконию тридцать боевых коней, десять пушек и мушкетов, нанял для участия в походе против рыцарской армии пятьсот ландскнехтов¹¹⁴. Известие о разгроме рыцарской армии и подавлении восстания доставило неподдельную радость богатым бюргерам, для которых рыцари были извечными врагами. Однако недалекое будущее принесло городской верхушке новые переживания и испытания.

Когда во время Крестьянской войны начался поход опального герцога Ульриха Вюртембергского, стремившегося, по словам Клеменса Зендера, «с помощью крестьянского мятежа, которому он оказывал поддержку, благожелательное (внимание) и помощь, вернуть свои утраченные владения», городские власти Аугсбурга направили против герцога отряд в 700 ландскнехтов¹¹⁵. Значительную финансовую помощь аугсбургский магистрат оказал и архиепископу Зальцбурга, когда в его владениях вспыхнуло восстание горняков и крестьян¹¹⁶. Бургомистр Аугсбурга Ульрих Арцшт, выходец из семейства «щехового бюргерства», в качестве представителя «городского сословия» в штаб-квартире Швабского Союза в Ульме сыграл заметную роль в подавлении крестьянского движения¹¹⁷. Деятельность Арцшта получила оценки современников, которые, между прочим, показывают, что не все бюргеры поддерживали репрессивные меры властей против крестьян. Один из городских проповедников-лютеран сравнивал в связи с этим Арцшта с палачом, который «сам сдирает (со своей) жертвы шкуру и милосерден как собака»¹¹⁸. Вильгельм Рем называл Арцшта «неотесанным дремучим человеком»¹¹⁹. Бюргерская верхушка в своем консерватизме, оказалась, однако, достаточно дальновидной, чтобы увидеть в волнениях и восстаниях, вспыхнувших в германских землях, смертельную для себя угрозу. Впрочем, события развивались таким образом, что уже ничто, казалось, не могло оградить городскую верхушку от рецидивов социальной опасности. С другой стороны, враждебное отношение бюргерской верхушки Аугсбурга к попытке первого опыта буржуазных преобразований революционными средствами может служить показателем не только неприятия городской знатью Аугсбурга насилия в качестве способа таких преобразований, но и, если так можно сказать, слабости в ее рядах радикальных элементов прокапиталистической ориентации, которые взяли бы на себя смелость осуществления буржуазных преобразований.

Впрочем, поступательный ход исторического процесса был сильнее конфессиональных пристрастий и политического консерватизма средневекового бюргерства. Реформация уверенно прокладывала себе путь в южно-германских землях. Казалось, что в Аугсбурге лютеранская церковь быстро утвердится и будет играть заглавную роль. Но правящий совет города, в котором сторонники Лютера получили на выборах большинство мест, проводил реформационные преобразования робко, вяло и непоследовательно. Это, в частности, можно объяснить и тем, что в городе образовалось несколько религиозно-политических группировок, которые ориентировались на различные течения в реформационном движении. По мнению Ф.Г. Шуберта, в Аугсбурге верными католической церкви оставалось большинство владельцев крупных торговых компаний, к лютеранской церкви примкнула значительная часть городских бюргеров, а среди городской бедноты особой популярностью пользовались уравнилельные идеи учения анабаптистов¹²⁰. Эта схема, однако, верна лишь в самых общих чертах, так как в действительности конфликты и противостояние на конфессиональной почве трудно совместить с прокрустовым ложе шубертовской схемы. Аугсбургский магистрат, вполне сознавая важность вопроса, значение которого далеко выходило за рамки теологических споров, попытался взять религиозную жизнь городской общины под свой контроль. 28 апреля 1520 г. правящий совет города привел к присяге местных книгопечатников и создал «цензурный комитет», который принял распоряжение, запрещавший что-либо печатать без разрешения этого «комитета» «относительно заблуждений, которые могут произойти между духовенством (то есть католиками) и докторами священного писания» (то есть лютеранами)¹²¹. По словам Вильгельма Рема, такое решение было принято «благодаря стараниям (Якоба) Футтера¹²². Это обвинение, по всей видимости, близко к истине.

В созданный правящим советом «цензурный комитет» наряду со сторонниками и последователями Лютера вошли также такие ревностные защитники католической церкви, как сам Якоб Фугтер и его личный адвокат и секретарь городского совета Конрад Пойтингер. Задача «комитета» состояла прежде всего в том, чтобы воспрепятствовать распространению нежелательной для властей публицистической литературы, которая во время Реформации пользовалась в среде горожан большой популярностью.

Принятые властями меры, Впрочем, оказались панацеей, которая была уже не в состоянии охладить накал страстей, достигший апогея в августе 1524 г., когда они переросли в массовое стихийное общественное движение¹²³. Поводом для выступления горожан явилось решение магистрата (от 3 августа того же года) об изгнании из Аугсбурга монаха-бенедиктинца Иоганна Шиллинга, который выступал с проповедями перед народом у одних из городских ворот¹²⁴. Это решение правящего совета привело горожан в состояние крайнего психического возбуждения и недовольства, и 6 августа толпа народа «чис-

лом в 1200 человек)¹²⁵ появились на площади Перлах перед зданием ратуши. Собравшаяся толпа избрала депутацию представителей тринадцати (из семнадцати) цехов, которые направились в ратушу на переговоры с порядком перепуганными ратманами. Депутация от цехов, возложив вину за изгнание монаха на Якоба Футтера¹²⁶, потребовала немедленно вернуть изгнанника в город¹²⁷. Проповеди последнего, однако, по мнению властей, были настолько опасными, что даже в критической ситуации ратманы попытались убедить горожан, чтобы они приняли проповедника «лютеровской веры» Урбана Региуса «или кого-нибудь другого, кто знает (Священное) Писание также хорошо, как тот, и – даже лучше»¹²⁸. Но это предложение было отвергнуто криками возмущения, в толпе собравшихся на площади горожан поднялся «очень большой ропот», так как «они желали иметь (проповедником только) монаха и никого другого»¹²⁹. Между тем события приобрели настолько опасный для бюргерской верхушки характер, что в тот же день 6 августа «после полудня Футтеры удрали из города в Биберах»¹³⁰. В развитии августовских событий 1524 г. в Аугсбурге общественное мнение отводило Футтерам самую неприглядную роль. Впрочем, гнев и ненависть горожан были обращены не только против Футтеров, но и других местных олигархов. Об этом свидетельствует тот факт, что 6 августа подверглись нападению дома и произошли погромы лавок еще нескольких богатых купцов¹³¹. На несколько дней (с 6 по 8 августа) кормила выпали из рук правящей олигархии, и в городе установилось безвластие.

Однако стихийное движение, не проявив необходимой для успеха организованности, не сумело овладеть положением. Между тем власти, оправившись от испуга, действуют энергично. Они 9 августа созывают к ратуше всех состоятельных бюргеров. Последние явились в доспехах и с оружием в руках. Магистрат направил в городские монастыри патриция Матеуса Лангенмантеля за лошадьми и повозками для доставки на площадь Перлах артиллерии¹³². Все эти меры позволили легко рассеять толпу небооруженных людей и «бросить зачинщиков беспорядков в тюрьму»¹³³. Магистрат, защищавший интересы богатых купцов и предпринимателей, одержал победу, которую, однако, вряд ли можно назвать бесспорной и окончательной. На это указывает хотя бы тот факт, что «подстрекатели к мятежу», ткачи-бумазейщики Ганс Кагер и Ганс Шпайзер, из боязни возникновения новых волнений и для «устрашения плебса» по приказу правящего совета и в нарушение обычной судебной процедуры тайно были казнены 15 сентября 1524 г. По словам Вильгельма Рема, это было сделано, «чтобы (снова) не зазвонили колокола»¹³⁴, и «простой народ» опять не появился на площади Перлах. Правда, хронист Георг Прей называет в числе казненных и скорняка Пауля Вестермайера, который «дурно отзывался о правящем совете (города)». По словам того же хрониста, участники августовских событий были также «первыми адептами новой веры», которые «подверглись в Аугсбурге такому преследованию»¹³⁵. Причем Прей

определенно имел в виду не лютеран или цвинглианцев, а участников радикального направления в реформационном движении, известных под названием «садовых братьев» (gartenbrüder). Позднее именно «садовые братья», о чем свидетельствуют источники, образовали в городе общину анабаптистов.

Почему же проповеди Иоганна Шиллинга вызвали такую реакцию неприятия у правящего совета города и почему последний так жестоко обошелся с наиболее ревностными почитателями монаха-проповедника? Ответ на этот вопрос, по всей видимости, следует искать не столько в теологии Шиллинга, сколько в социально-политическом содержании его проповедей, в которых он говорил о верховенстве общины над правящим советом и допускал возможность установления общности имущества¹³⁶. К таким публичным проповедям горожане не остались равнодушными. По этой же причине богатые бюргеры (причем как католики, так и лютеране) менее всего в эти тревожные дни были озабочены конфессиональными разногласиями, поскольку тех и других объединял страх перед перспективой восстания «низов» городского населения. Причину поражения таких городских движений Ф. Энгельс не без основания видел в том, что плебейская оппозиция «... объединяла в себе разложившиеся составные части старого феодального и цехового общества и еще неразвившиеся, едва пробивавшиеся наружу, зарождавшегося буржуазного общества» и не могла рассчитывать на успех без тесной связи и опоры на крестьянское движение¹³⁷. Примкнувшие к плебейству мелкие и среднего достатка бюргеры также не располагали четкой программой действий, к тому же, оппозиция пришлось иметь дело с сильным противником, располагавшим большими материальными ресурсами и политическим влиянием.

Однако властям Аугсбурга в дальнейшем постоянно приходилось сталкиваться с чрезвычайно трудными задачами, которые возникали по мере выдвижения различными группировками городского населения требования реформы церкви. Влияние среди них учения Лютера, особенно на начальном этапе Реформации, преобладало, но не было единственным. Здесь нашли благодатную почву и другие реформационные учения. Во-первых, значительное влияние на развитие реформационного движения в городе оказал Андреас Карлштадт, посетивший Аугсбург в конце 1524 г. Во-вторых, популярностью здесь также пользовались проповеди последователей цюрихского реформатора Ульриха Цвингли¹³⁸. Судья Швабского Союза по фамилии Ильсунг, происходивший из старинного патрицианско-купеческого рода города и называвший всех «простолюдинов» «грубым плебсом», утверждал, что помыслы последних сводятся к тому, чтобы «стать швейцарцами»¹³⁹. Мнение Ильсунга происходило из того обстоятельства, что на исходе Средних веков Швейцарский Союз для жителей Южной Германии был географически близким и политически привлекательным идеалом свободы и даже «мужицкого правления», который, как о том свидетельствуют источники, порождал у них политические иллюзии и желание «жить по-швейцарски». Вряд ли такие настроения разде-

ляла бюргерская верхушка Аугсбурга, хотя и ее представителей порою можно было увидеть в самой гуще событий в рядах «смутьянов» и «бунтарей», которые вели открытую борьбу с католической церковью.

Выходцы из семейств городской верхушки Аугсбурга приняли активное участие в развернувшемся в городе с конца 20-х годов XVI в. иконоборческом движении. Так, в марте 1529 г. на четыре недели в одну из башен городских ворот по распоряжению магистрата был посажен и опгтрафован на крупную сумму в 300 гульденов Сигизмунд Вельзер, которому инкриминировалось участие в ночном погроме одной из церквей города¹⁴⁰. 12 августа 1531 г. «Ульрих Релингер-младший¹⁴¹ с помощью слуги тайно вынес из капеллы Св. Отмера и разбил распятие»¹⁴². 1 февраля 1533 г. Маркс Эхем, также представитель семейства богатых купцов и предпринимателей Аугсбурга, «с двумя подручными» проник в церковь Св. Морица и «испортил алтарь»¹⁴³. Уже эти факты красноречиво свидетельствуют о том, аугсбургское бюргерство стремилось к упразднению пышного и дорогостоящего убранства католических церквей, в чем находило поддержку со стороны молодой буржуазии, выдвигавшей из своих рядов борцов против «дорогой» католической церкви и за «дешевую» протестантскую церковь.

Участники реформационного движения не только требовали устранения из церкви богатого убранства, но и среди них звучали голоса, требовавшие отмены «правила целибата», то есть безбрачия «белого духовенства». В этой связи примечателен следующий эпизод. 15 июня 1525 г. в Аугсбурге с большим торжеством была отпразднована свадьба одного из идеологов «лютеровской партии» в городе Урбана Региуса (Ригера)¹⁴⁴, который женился на молодой служанке церкви Св. Анны. В свадебной процессии можно было увидеть представителей бюргерской верхушки – Кристофа Герварта, Лукаса Вельзера и самого бургомистра Аугсбурга Ульриха Релингера-старшего¹⁴⁵. В этот день противники целибата праздновали не только свадьбу Региуса, но и победу над одним из «вредных обычаев старой церкви». Между тем всего два года назад (в 1523 г.) «вдохновители» и организаторы свадьбы католического священника Якоба Грисбийтеля, молодым буржуа Кристофу Эхему, Антону Рудольфу и Марксу Пфистеру пришлось расплачиваться за это крупными денежными штрафами и заключением на несколько недель в башню городских ворот¹⁴⁶.

О напряженности общественной атмосферы в Аугсбурге того времени свидетельствует также появление здесь адептов двух конфессий протестантской церкви – лютеранской и цвинглианской, – с одной стороны, и экстремистских сект – с другой. Так, например, из сообщения хрониста Клеменса Зендера следует, что «из лютеровской и цвинглианской сект в Аугсбурге возникло содомическое товарищество, главой и руководителем которого оказался Сигизмунд Вельзер, разрушитель распятия». Вельзер и его единовсрцы, по всей видимости, были анабаптистами. Любопытно, что ближайшим сподвижником вожака секты являлся плотник (его фамилии хронист не называет) из

Оберхаузена, «с которым он (Сигизмунд Вельзер) вместе блудил»¹⁴⁷. Обвинение в аморальном поведении могло быть инсинуацией враждебно относящегося к адептам «новой веры» (так называли анабаптистов), современника и очевидца событий, хотя полигамия и даже половые извращения и на самом деле имели место в то время в некоторых сектах либертинского толка, примкнувших к движению анабаптистов. С этим «плотником» и «многими содомитами ... он (Сигизмунд Вельзер) бежал весной 1532 г. из Аугсбурга в Цюрих», после того как «они (анабаптисты) утратили в Аугсбурге всякое влияние и стали (совсем) бессильными»¹⁴⁸.

Выпавшие по тем или иным причинам из привычной жизненной колее маргиналы и радикально-экстремистские элементы, как известно, образовали в Аугсбурге сообщество так называемых «садовых братьев». Причастность последних к августовским событиям 1524 г. вполне вероятна, мнение же Ф. Рота о начавшемся в том же году крещении «садовых братьев» представляется сомнительным¹⁴⁹. На самом деле произошло это, по всей видимости позже – только после Крестьянской войны. Клеменс Зендер, внимательно следивший за перипетиями «конфессионального размежевания» в родном городе, уделяет внимание в своей хронике и анабаптистам. По его словам, секта анабаптистов образовалась здесь только весной или летом 1527 г. и к осени того года насчитывала в своих рядах более тысячи человек¹⁵⁰. Ф.Г. Шуберт утверждает, что этот год вообще стал апогеем движения анабаптистов в Аугсбурге¹⁵¹. С этим мнением Шуберта вполне можно согласиться. Хронист Георг Прей сообщает, что в 1527 г. магистрат начал принимать решительные меры против анабаптистов, так как (в противном случае) их секта могла разрастись слишком сильно¹⁵². И далее хронист обращает особое внимание на тот факт, что «примерно в течение года многие мужчины и женщины днем и ночью тайно собирались в некоторых домах, садах, трактирах и других местах, приносили друг другу братскую клятву верности, делились друг с другом всем, кто что имел, имуществом и деньгами. Среди них были и богатые (люди), однако бедных, которым нечего было терять, намного больше, чем богатых. Кое-кто из них продавал (даже) латы, мечи и ткацкие станки». Полученные таким образом средства они использовали на оказание помощи бедствующим единоверцам, желая при этом только одного: «проповедовать слово (самого) Господа»¹⁵³, бросая ради этого дела свои семьи с женами и детьми. По распоряжению правящего совета города было арестовано около десяти наиболее активных проповедников анабаптизма¹⁵⁴. И здесь мы становимся свидетелями весьма любопытного факта: оказывается, что «глава анабаптистов» (*ain hauptmann der widertauffer*) – это Эйтельганс Лангенмантель¹⁵⁵, представитель одного из самых старинных и влиятельных патрицианских родов Аугсбурга. После разгрома властями общины «садовых братьев» Эйтельгансу удалось бежать из города, но он был арестован в Лейтерсхофене одним из командиров Швабского Союза бароном Дипольтом фон Штейном и по его приказу без

следствия и суда казнен вместе со слугой, служанкой и двумя деревенскими батраками¹⁵⁶. Этот эпизод еще раз показывает, с одной стороны, насколько сложной и противоречивой была обстановка в Аугсбурге; с другой, – остроту конфликтов, в которые оказались вовлечены не только «низы», но и «верхи» городской общины. Причем линия социального поведения представителей последних далеко не всегда укладывается в «прокрустово ложе» жесткой противоположности «классовых интересов».

В фактах и событиях, о которых речь шла выше, нетрудно разглядеть картину, присущую эпохе первоначального накопления и генезиса капитализма. На одном полюсе – блеск, великолепие и несметные богатства семейств городской верхушки, наживших огромные по тому времени состояния в кредитно-банковских операциях, международной торговле и раннекапиталистическом предпринимательстве; на другом полюсе – бедность и нищета большинства городского населения, которое, отчаявшись изменить свое положение к лучшему в открытом противоборстве с «власть и богатства имущими», встало на путь создания анабаптистской общины, в которой «все должно стать общим». Переход отдельных представителей бюргерской верхушки на сторону угнетенных и обездоленных лишь усиливает общую картину состояния кризиса, имущественного неравенства и социальных контрастов в самой городской общине.

Именно на этой почве имущественного неравенства и социальных контрастов возникло движение анабаптистов, которому в 1527 г. в Аугсбурге хотя и был нанесен тяжелый удар, оно, однако, и после него не прекратило существования, и уже в 1531 г. вновь «секта анабаптистов настолько разрослась, что магистрату пришлось немало потрудиться, чтобы воспрепятствовать ее (дальнейшему) росту»¹⁵⁷. И все же искоренить анабаптизм полностью властям не удалось и на этот раз. В 1533 г. в Аугсбург из Страсбурга прибыл один из идеологов (апостолов) «мирного» (или непротивленческого) направления в движении анабаптистов Каспар Швенкфельд, и среди его прозелитов мы обнаруживаем имена «бургомистра Ульриха Релингера-старшего, одного из Штеттенов и очень богатого бюргера Георга Регеля»¹⁵⁸. «Один из Штеттенов» это, по всей видимости, ни кто иной, как Йорг фон Штеттен. Он с друзьями 17 июня 1533 г. тайно вынес (из церкви Св. Ульриха и Афры) и разбил большую купель (для крещения младенцев), а осколки продал (некоему) мастеру Марку за 49 гульденов»¹⁵⁹. В этом происшествии участие Йорга Штеттена в иконоборческом акте удивительным образом совмещается во времени и пространстве, можно сказать, с его хозяйственной расторопностью.

Приведенные выше факты не только дают представление о необычайной сложности и большой напряженности общественных противоречий на религиозной почве, но и проливают свет на роль в конфликтах отдельных представителей бюргерской верхушки. Картина, однако, будет неполной и неточной, если не затронуть вопроса о позиции в религиозно-политических конфликтах

того времени владельцев крупных торговых компаний Аугсбурга и прежде всего Фугтеров, которые добровольно возложили на себя бремя лидеров и финансистов «католической партии». В этой связи представляет интерес борьба Фугтеров за отстранение назначенного, между прочим по их же протекции, священника одной из городских церквей Иоганна Шпайзера, который, будто бы, «без всяких причин перестал проповедовать (католическую веру) с того самого времени, как стало распространяться учение Мартина Лютера»¹⁶⁰. И в 1525 г. «к великой радости господ Фугтеров» на место Шпайзера был назначен Отмар Нахтигаль, который прославился не только неустанной борьбой с анабаптистами, но и яростными нападками на лютеран, за что, кстати, в конце концов и был изгнан из города¹⁶¹. Заслуживает внимания и тот факт, что на «средства господ Фугтеров» был восстановлен алтарь в церкви Св. Морица¹⁶², разрушенный, как мы знаем, в феврале 1533 г. Марксом Эхемом и его «подручными». Между тем инициатива «господ Фугтеров» имела продолжение, и «22 мая 1533 года братья господ Раймунд и Антон Фугтеры пришли в церковь Св. Морица со своими добрыми друзьями, очистильщиками хлопка, служащими и ремесленниками, что доставило большую радость христианам-католикам, старым, молодым и детям». Ремесленники, пришедшие к церкви «по приказу господина Антона Фуггера, хитростью заставили пономаря открыть двери храма»¹⁶³. В этой связи примечателен тот факт, что участниками событий выступают ремесленники, действующие по приказу Антона Фуггера, а также многочисленная клиентелла торгового дома, материальные формы зависимости которой от Фугтеров «в силу жизненных обстоятельств» превращают этих людей в ревностных приверженцев старой католической церкви.

Однако события уже приняли такой оборот, что стали менее всего подвластны личным желаниям «господ Фугтеров». В том же 1533 г. после долгих колебаний и проволочек правящий совет, в котором в большинстве, как известно, были протестанты, наконец «набрался смелости» и объявил лютеранство официальной религией имперского города Аугсбурга¹⁶⁴. В силу данного обстоятельства и благодаря стараниям все того же неутомимого Маркса Эхема, заручившегося поддержкой одного из двух правящих бургомистров (Ульриха Релингера-старшего), финал событий, о которых речь шла выше, на первый взгляд, оказался несколько неожиданным. Действия Фугтеров были признаны незаконными, что и явилось поводом для неприятных объяснений последних с магистратом. «29 мая 1533 г. господин Антон Фуггер был вызван в ратушу, где он дал показания о причинах бунта, вынужден был дать клятву на городской книге¹⁶⁵ и на ее (основании) должен был подвергнуться наказанию. Но они (члены правящего совета) его помиловали за его же торговлю, ради его (самого) и его богатства, которым он милостиво (делился) с бедняками и большими здесь и в других местах. Поскольку же он не мог быть оставлен совсем без наказания как невиновный, он должен был на другой день, 30 мая, отправиться на 7 дней и ночей в башню Геттингенских городских ворот, где и

остаться». Правда, и это наказание было ему снижено («до двух дней заключения в башню» при условии уплаты штрафа в 25 гульденов)¹⁶⁶. О причине столь мягкого приговора, вынесенного правящим советом города, в котором заседали большинство протестантов, католику Антону Футтеру, достаточно ясно, как мы видели, сказал хронист Клеменс Зендер. Но и это символическое наказание вызвало гневную тираду монаха-бenedиктинца. «Так отец отечества, – негодует Зендер, – оставаясь верным его императорскому величеству и всем сословиям Римской империи, заседавшим на рейхстагах, был наказан без вины, тогда как бунтарь и еретик Эхем остался совсем ненаказанным»¹⁶⁷.

Такой неблагоприятный для «римской церкви» и ее приверженцев ход событий не поколебал уверенность Антона Футтера в возможности реставрации католицизма в городе. Он полагал, что для достижения такой цели можно использовать все средства. Вскоре представился случай, чтобы испытать это на практике. Всю весну и в начале лета 1534 г. в Аугсбурге ощущался острый недостаток продовольствия, и многие горожане голодали, и тогда «господа Футтеры пришли в магистрат и сделали общине города (следующее) предложение: если она пожелает удалить из города новых проповедников (протестантов – Ю.Н.) и восстановить старую мессу, то они (Футтеры), не считаясь со своими расходами и убытками, продадут жителям города различные продовольственные товары». Используя тяжелое положение, в котором оказался город, Футтеры без тени смущения предлагают продать бедствующим согражданам, причем по ценам ниже рыночных, зерно, мясо, вино, молочные продукты и даже дрова, но только при условии реставрации в городе католицизма. На этот раз они просчитались, «так как (правящий) совет, обдумав это предложение, ответил Футтерам, что он того (делать) не желает»¹⁶⁸. Тогда же правящий совет города ограничил католическую мессу местами, строго установленными к тому городскими властями, а в 1537 г. католические церкви в Аугсбурге вообще были закрыты по распоряжению магистрата¹⁶⁹.

Казалось бы, что дело, за которое боролись Футтеры и владельцы других крупных компаний, потерпело сокрушительное поражение. Но самые богатые бюргеры Аугсбурга, которых называли «отцами города» или даже – «отцами отечества», продолжали борьбу за реставрацию «старой церкви» не только в родном городе, но в союзе с Габсбургами – и в пределах всей Империи, поскольку за спорами о преимуществах различных вероисповеданий ршался вопрос о политической власти и, следовательно, протекции со стороны властей и выгодных контрактах. И время показало, что планы Футтеров и тех, кто шел с ними в одном строю, основаны на трезвой оценке политической обстановки как в Аугсбурге, так и в Германии в целом. В ходе конфессиональной борьбы, развернувшейся со второй половины 30-х годов XVI в., стало в достаточной мере очевидным, что за разногласиями на религиозной почве более или менее отчетливо проступала политическая ориентация различных группировок городского бюргерства. Эта ориентация, в свою очередь, в значи-

тельной степени определялась, как показал ход событий, экономическими интересами владельцев крупных торговых компаний.

В начале 1536 г. в Аугсбурге решением магистрата был образован «тайный совет» (или «военная коллегия»). В него вошли: бургомистр «от патрициата» Вольфганг Релингер и бургомистр «от цехов» Иоганн Хейнцель, бывший бургомистр Ульрих Релингер-старший, Манг Зайц и Цимпрехт Хофер¹⁷⁰. Именно «тайный совет» принял роковое решение о вступлении Аугсбурга в Протестантский Союз¹⁷¹. В мае того же года «тайным советом» в Шмалькальден, превратившийся к тому времени в политический центр протестантской оппозиции, была направлена секретная миссия¹⁷². Этот шаг окончательно определил военно-политическую позицию Аугсбурга и вскоре привел город в лагерь антигабсбургской коалиции. Однако разразившийся через десять лет вооруженный конфликт, получивший название «первой Шмалькальденской войны», показал, что решение о вступлении города в эту коалицию отнюдь не было свидетельством единодушия аугсбургского бюргерства. По крайней мере некоторые богатые и влиятельные представители городской верхушки Аугсбурга не были склонны разделять и поддерживать политический курс «тайного совета».

Подлинным идейным вождем и политическим лидером «протестантской партии» в Аугсбурге являлся Ганс Герброт. Этот нувориш и «выскочка» из корпорации скорняков был тесно связан кредитно-финансовыми сделками как с князьями-протестантами, так и с французским королевским двором¹⁷⁴. К тому же, он пользовался большой популярностью среди горожан и поддержкой цеховой верхушки. «Партия Герброта» считала войну с Карлом V неизбежной. Значительным влиянием обладала и «партия», которую возглавляли Ганс Вельзер, Георг Герварт и Себастьян Нейдхарт¹⁷⁵. Принадлежавшие им компании активно вели торговые и банковские операции во Франции (особенно в Лионе) и опасались, что неблагоприятное стечение обстоятельств может нанести непоправимый урон их интересам в этой стране. В силу данной причины лидеры последней «партии» полагали, что политика неприсоединения к военно-политическим союзам, которую проводил в жизнь в то время Нюрнберг, по их мнению, может служить образцом для подражания. Фуггеры, Паумгартнеры и большинство членов семейства Вельзеров делали все возможное для того, чтобы не только предотвратить участие родного города в войне с императором, но превратить Аугсбург в послушное орудие политики Габсбургов. Правда, Г. фон Пельниц вполне резонно полагает, что конфессиональные войны не отвечали коренным интересам торгового дома Фуггеров¹⁷⁶. Действительно, война, как таковая, могла заинтересовать Фуггеров только в том случае, если она велась за реставрацию католицизма и приоритеты политической власти Габсбургов. Владельцы компаний Фуггеров, Паумгартнеров и «большинство Вельзеров» видели в Габсбургах гаранта инвестиций этих компаний в многочисленные предприятия как в германских землях,

так и далеко за их пределами. В то же время владельцы упомянутых выше компаний отнюдь не играли роли борцов за объединение самих германских земель, а история конфессиональных войн в Германии в середине XVI в. убедительно свидетельствует о том, что деньги Фуггеров, Паумгартнеров и владельцев других южно-немецких компаний сыграли не последнюю роль в развязывании политических конфликтов и религиозных войн. В таких условиях желание Антона Фуггера «быть сторонником императора и папы, оставаясь одновременно хорошим бюргером Аугсбурга»¹⁷⁷, оказалось несбыточной мечтой.

Глубокий раскол в рядах городского бюргерства, опасность, исходящая от социальных движений городских «низов» и «среднего класса» (которые, впрочем, до сих пор остаются «белым пятном» как в отечественной, так и западной историографии), необычайно сложная международная политическая обстановка и внутреннее положение в самой империи Габсбургов, находившейся в состоянии религиозных (гражданских) войн и борьбы с императором князей-протестантов, первые симптомы стагнации и упадка в экономике германских земель (под влиянием как географических открытий, так и начальной стадии кризиса горнорудной промышленности, причинами которого являлось исчерпание природных ресурсов и другие факторы) – все это толкало верхушку аугсбургской торговой буржуазии на путь политической реакции. Еще 8 января 1544 г. представитель старинного патрицианского семейства города Георг Герварт, только что в очередной раз избранный на должность бургомистра, выступил с предложением о реорганизации Большого и Малого советов города. По его мнению, для членов Малого (правлящего) совета следовало ввести имущественный ценз, а заседания Большого совета обязаны были посещать не все члены цеховых «комитетов двенадцати» (швельферы), а лишь четверо из них по очереди. На этот раз попытка «урезания цеховой демократии» не имела успеха. Члены правящего совета решили, что «все должно оставаться, как это было по старинному обычаю»¹⁷⁷. Однако победа императора в первой Шмалькальденской войне коренным образом изменила политическую обстановку и в Аугсбурге. В ходе этой войны обнаружилась крайняя робость и нерешительность, граничащая с политической трусостью, бюргерской верхушки Аугсбурга, в том числе ее представителей «прокапиталистической ориентации».

Во время очередных выборов правящего совета Аугсбурга в 1546 г. многие ратманы настойчиво просят их освободить их от занимаемых общественных должностей и не избирать на следующий срок¹⁷⁸. За этим последовало бегство из города его богатейших семейств, в том числе Фуггеров, Вельзеров и Паумгартнеров, которые «в глубокой тайне» финансировали подготовку похода имперской армии против родного города¹⁷⁹. При этом нельзя не обратить внимания и на тот факт, что ни Фуггеры, ни Вельзеры так и не отважились на открытый разрыв с городскими властями из опасения за свои состоя-

ния и, вероятно, в такой же тайне как и императору, предоставляли займы и магистрату Аугсбурга. Одни лишь Паумгартнеры, несмотря на настойчивые просьбы правящего совета, призывавшего Паумгартнеров «исполнить свой бюргерский долг перед нашим городом (и) вашим отечеством» в это трудное время вооруженных конфликтов и «оказать (городу финансовую) помощь»¹⁸⁰, наотрез отказали в кредите городскому казначейству, что явилось, между прочим, основанием для ареста их имуществ в самом Аугсбурге. Однако «принципиальность» Паумгартнеров, пожалуй, была единственным примером такого поведения: обычно же владельцы крупных компаний проявляли заботу в первую очередь о личных интересах и этими интересами прежде всего определяли линию своего поведения.

Победа Карла V над князьями-протестантами в первой Шмалькальденской войне побудила городскую верхушку от имени патрицианской корпорации обратиться к императору с проектом реформы политического устройства Аугсбурга. Смысл проекта сводился к обоснованию требования упразднения «сехового правления» и реставрации свергнутого массовым народным движением почти два столетия тому назад «патрицианского правления». По мнению авторов проекта, «древнейший, могучий и повсюду известный город, имеющий так много старинных заслуженных патрицианских родов, управляется грубым и неотесанным плебсом»¹⁸¹. Однако не следует преувеличивать заботу инициаторов политического переворота о «старинных заслуженных родах», так как на самом деле авторы проекта имели в виду прежде всего обоснование в соответствии с представлениями того времени легитимности власти богатейших людей города. На цехи же возлагалась ответственность за религиозный раскол городской общины, который, будто бы, искусственно ими разными способами поддерживался и привел к тому, что «среди плебса стали раздаваться голоса, призывавшие к разделу имуществ (католической) церкви между бедняками»¹⁸². Поэтому движение городских «низов» если и не сыграло сколько-нибудь значительной роли в политической жизни Аугсбурга в середине XVI в., оно же, ввергнув в состояние страха верхушку городского бюргерства, оказало влияние и на линию ее общественного поведения. В проекте реформы политического устройства города речь шла о том, что рядовые ремесленники вообще не могут участвовать в заседаниях магистрата, так как «бедные цеховые мастера, занимая общественные должности, отнимавшие у них много времени, довели до плачевного состояния свое ремесло, некогда приносившее пропитание им и их семьям»¹⁸³. Авторы проекта обращают внимание и на политическую подоплеку событий: в то время как Фугтеры, Вельзеры и Паумгартнеры, отмечают они, были верны его величеству и предоставили ему на подавление мятежа значительные средства, Якоб I ерброт дал обоим князьям-разбойникам Саксонии и Гессена¹⁸⁴ те самые деньги, на которые они только и смогли (так долго) продолжать войну с его Величеством¹⁸⁵.

Роль посредника, в переговорах аугсбургских патрициев с императором Карлом V взял на себя Антон Фуггер, который, между прочим, всего лишь десять лет тому назад (в 1538 г.) сам стал патрицием. Поэтому послание не обходит молчанием и многочисленных обид, будто бы причиненных «цеховым правлением» богатейшему в Аугсбурге семейству. В послании сказано, что хотя благодеяния, которые Фуггеры оказывали беднякам и калекам, известны всем, «... покойный Раймунд Фуггер по совершенно незначительной причине подвергся нападению за городскими стенами в своем замке со стороны множества людей из общины, особенно ткачей, был арестован, заключен в башню (городских ворот), где он оказался вместе с господином Антоном Фуггером»¹⁸⁶. Таким образом, «всем известные благодеяния господ Фуггеров» не смогли предотвратить острых конфликтов первых аугсбургских богачей с городской общиной, хотя эти «благодеяния» и были направлены прежде всего на достижение именно этой цели.

Политический переворот в Аугсбурге был результатом заговора представителей богатейших семейств города, в первую очередь владельцев крупнейших торговых домов Фуггеров, Вельзеров и Паумгартнеров, которых поддерживали Габсбурги. Императорский указ 1548 г., почти дословно повторявший мотивацию политической реформы послания аугсбургских патрициев Карлу V, в числе причин изменения политического устройства города называет «возникшие страшные бунты и волнения», «непослушание Его императорскому Величеству», «вражду, гнев и непристойности в самой коммуне», и упреждает «цеховое правление» на том основании, что при нем в магистрате заседали «совершенно неспособные к управлению люди, которые гораздо больше помышляли о повседневном труде и пропитании, чем об общей пользе»¹⁸⁷. Поэтому императорским указом предписывалось с целью устранения недостатков в управлении городом, «насколько это возможно, с помощью и при содействии Его императорской милости, восстановить прежнее счастливое состояние, которое (всеми доступными средствами) и поддерживать»¹⁸⁸. И это «счастливое состояние», по замыслу инициаторов переворота, достигалось путем возвращения к давно минувшему прошлому и реставрации «патрицианского правления», казалось бы, ставшему достоянием истории еще в начале второй половины XIV в. (в 1368 г.).

Напряженная политическая ситуация 30-х и 40-х годов XVI в. как в Аугсбурге, так и в Империи побудила владельцев крупнейших торговых компаний, поскольку возникла реальная угроза их интересам, принять активное участие в событиях, чтобы оказать по возможности влияние на их результаты. Заслуживает внимания в связи с этим политическая судьба Ганса Якоба Фуггера, который, в отличие от других представителей этого семейства, никогда не занимавших публичных общественных должностей в городе, в нарушение этой традиции в 1542 г. «... был избран членом цехового правящего совета Аугсбурга и затем в течение четырех лет занимал должность сборщика нало-

гов, но когда ... в 1546 г. разразилась Шмалькальденская война, он вместе со всеми Футтерами в целях личной безопасности бежал в Пассау. После победы императора Карла V он с большой помпой возвратился в (родной) город. После же того как Его императорское Величество в силу веских причин упразднило в Аугсбурге цеховое правление и (был назначен) новый магистрат из старых патрициев, что было в обычае много лет тому назад, этот господин Ганс Якоб Футтер был назван (патрициями) и назначен императором первым (правлящим) бургомистром и занимал эту должность много лет, пока не стал членом Тайного совета (при самом императоре)»¹⁸⁹.

Установление власти богатейших в городе семейств и упразднение «цехового правления» имело следствием, причем в ближайшей исторической перспективе, по Ф. Броделю, «короткого времени», утрату Аугсбургом политической автономии. Как сами владельцы крупных торговых компаний, так и люди, представлявшие их интересы в «высокой политике», захватив власть в городе, связывают свои интересы с династией Габсбургов. Такая политическая ориентация аугсбургского купечества во многом объясняет трагедию немецкой буржуазии переходной от феодализма к капитализму исторической эпохи.

5.4. КУПЦЫ-КАПИТАЛИСТЫ И ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Историческая роль крупного купечества в качестве предшественника торговой буржуазии Нового времени не может быть верно осмыслена без исследования характера отношений этой небольшой прослойки городского бюргерства к тем институтам, которые можно назвать становыми хребтами структуры средневекового общества. Такими институтами являлись феодальное землевладение¹⁹⁰ и средневековая корпоративность. Прежде всего обратимся к решению первой задачи.

Разнообразная экономическая деятельность аугсбургских компаний (торговая, финансовая и промышленно-предпринимательская) приносила этим компаниям, как мы знаем, достаточно высокую норму прибыли. Это открывало перед владельцами предприятий возможность инвестиций части прибыли в различные формы недвижимой собственности, в том числе землевладение. Так, например, Ганс Паумгартнер-младший в течение двадцати лет (с 1526 по 1545 г.) приобрел, по подсчетам К.О. Мюллера, земельных владений и различных земельных рент на сумму в 185036 гульденов, то есть в среднем он ежегодно инвестировал в эту собственность около 9250 гульденов¹⁹¹. Еще более крупными по масштабам были земельные приобретения Фугтеров. Впрочем, в землевладение инвестировали деньги владельцы и других торговых компаний Аугсбурга.

На основании имеющихся в распоряжении исследователя источников можно говорить об инвестициях аугсбургских бюргеров в следующие объекты в аграрном секторе экономики.

1. Поля, луга, покосы, лесные участки, рыбные ловли и т.п., не являвшихся самостоятельными хозяйственными комплексами.

2. Двор (ain hof), с которого крестьянин (или арендатор фермерского типа), выступая в роли держателя (или арендатора) земли, выполняют в пользу бюргера-землевладельца определенные договором (контрактом) обязательства.

3. Церковные десятины, различные поборы и платежи сеньориального происхождения, пошлины и доходы от «служб», получателями которых выступают бюргеры.

4. Феодалные поместья (или сеньории), права на которые у бюргеров могли быть различными.

Теперь обратимся к рассмотрению свидетельств источников.

В описи имуществ компании Фуггеров за 1527 г. содержится запись о «стоимости 10 югеров леса, 7,5 югеров поля, находящихся в Лангенпрейхене, в 121 гульден. Лес, называемый Штетнерским, стоит 450 гульденов»¹⁹². Та же опись устанавливает стоимость луга, который один косарь может косить в 4 дня («4 tagwerk») и находится недалеко от биберахского рынка, в 120 гульденов. «Небольшой лужок» у геттингенских ворот Аугсбурга приобретен Фуггерами у купца Ульриха Линка за 48 гульденов¹⁹³. В описи имуществ Ганса Паумгартнера-младшего и его супруги Фелиции (урожденной Релингер) от 7 июля 1522 г. названо поле у деревни Берген стоимостью в 150 гульденов, а поле у Йорга Рейтера они же приобрели за 200 гульденов. В такую же сумму оценена мельница в Раппольсхаузене¹⁹⁴. В опись их имуществ от 30 января 1534 г. включены ленные держания, приобретенные у аугсбургского епископа, среди которых «45 югеров поля, которые (они) получили за долги от аббата монастыря Св. Ульриха и Афры в Аугсбурге, Шолленбергский лес, а также участок леса в 19,5 югеров, называемого Кенсбергским, что у Тирдорфа» (этот участок леса оценен в 100 гульденов)¹⁹⁵. В 1526 г. Паумгартнеры покупают покосы (9,5 tagwerk gross), расположенные недалеко от деревни Берген, за 350 гульденов¹⁹⁶. Список таких земельных приобретений аугсбургских купцов и банкиров легко можно было бы продолжить, но для нас здесь важнее другое. Во-первых, во всех упомянутых выше эпизодах речь идет об объектах земельной собственности, которые не являлись самостоятельными хозяйственными комплексами. Во-вторых, возможно предположение, что бюргеры становились получателями рент с покосов, лесов и лугов, которые в недавнем прошлом входили в состав земель альменды, но права на них были или проданы самими крестьянскими общинами, или узурпированы феодалами. И, наконец, в-третьих, экономическая эксплуатация всех этих земельных владе-

ний со стороны бюргеров обычно ограничивалась присвоением традиционных чиншей и рент.

Другим объектом поземельных сделок выступал «двор» (hof), который являлся самостоятельным крестьянским или фермерским хозяйством. Уже упомянутая выше опись имуществ футтеровской компании 1527 г. содержит сведения о том, что компания купила «два двора» в Оттельриде у бюргера Аугсбурга Вильгельма Ульшtedта за 800 гульденов, а два «двора» в сельской округе Швабмюнхена у бюргера того же Аугсбурга и представителя семейства известных купцов и предпринимателей Бернхарда Лаугингера – за 700 гульденов¹⁹⁷. Стоимость «дворов» была различной. Их цена зависела прежде всего от величины надела пахотной земли, покосов и лугов, характера хозяйства «дворов», конъюнктуры на рынке недвижимости, величины следующих с «дворов» земельных рент и места расположения «дворов». Так, в описи имуществ Паумгартнеров (1522 г.) цена принадлежавшего им «двора» в Отмарсхаузене названа в 332 гульдена, а двух «дворов» в Альтенсхофене – всего в 280 гульденов¹⁹⁸. «Двор» Паумгартнеров в Отмарсхаузене включал 27 югеров пашни, покосы и луга в «24 tagwerken». Держатель еще одного «двора» Паумгартнеров в Анриде ежегодно платил оброк в 40 осьмин овса. Продажа этого овса на рынке приносила владельцу земельной ренты доход примерно в 50 гульденов. Если принять оброк с этого «двора» за капитализированную ренту, окажется, что «двор» стоил около 1000 гульденов. Судя по высокой цене «двора» и специализации его хозяйства на производстве только одной культуры (овса), в документе, вероятно, речь идет не о крестьянском, а фермерском хозяйстве. И еще одна любопытная деталь относительно «двора» Паумгартнеров в Отмарсхаузене: если опись 1522 г. установила его цену в 332 гульдена, то в своем завещании от 31 июля 1540 г. Ганс Паумгартнер-младший «повысил» ее до 425 гульденов¹⁹⁹. К сожалению, нет ясности, случилось ли повышение стоимости «двора» в результате роста «цены на землю» (на 13,4 процентов) или это произошло в результате расширения хозяйственного комплекса самого «двора». Обращает на себя внимание и тот факт, что преобладающей формой ренты, которую платили держатели бюргеро-землевладельцам, были натуральные оброки. Причем бюргеры-землевладельцы явно не проявляли заинтересованности в редукции оброков в денежные платежи. Дело в том, что, выступая в роли продавцов сельскохозяйственных продуктов на рынке, бюргеры извлекали двойную выгоду: присваивали земельную ренту и получали торговую прибыль.

Интересен в этой связи «Дневник» Лукаса Рема, содержащий сведения о «дворах» аугсбургского купца и предпринимателя в Верингене, Отмарсхаузене, Гурлахе и Киссингесе, которые можно представить в таблице (см.: Табл. 13). Любопытно также отметить, что «дворы» были приобретены еще в конце XIV в. в качестве ленных держаний прадедом автора «Дневника» Гансом Ремом-старшим и в начале XV в. «пролонгированы» его дедом Гансом Ремом-

младшим. Из деловых записок Лукаса и Ганса-младшего Ремов следует, что натуральные платежи преобладали среди чиншей, взимавшихся с этих «дворов», хотя держатель «двора» в Киссингене Ульрих Шерер, кроме оброков зерновыми культурами, птицей, яйцами и сыром, платил ренту также и деньгами, которые вносил за аренду лугов. Шерер арендовал у аугсбургского бюргера дополнительно к наделу «9,5 tagwerken» покосов. За них Шерер ежегодно платил 2 гульдена и 2 крейцера, а «сверх того» арендовал еще «5 лужков», за каждый из которых давал их владельцу по 2 гульдена 26 крейцеров и по 40 куриных яиц ежегодно. Общая сумма платежей Шерера за покосы и «лужки» равнялась 14 гульденам 12 крейцерам. Поэтому вполне достоверна гипотеза, что Шерер вел хозяйство майерского (или фермерского) типа, которое специализировалось на производстве мясо-молочных продуктов. Об этом, в частности, свидетельствует хотя бы тот факт, что земельная рента, которую Шерер платил Ремам, составляла значительную сумму почти в 50 гульденов (49 гульденов 46 крейцеров), в то время как другие три держателя вносили вместе ренты стоимостью лишь 48 гульденов 20 крейцеров (в среднем по 16 гульденов каждый), что ненамного больше платежей, которые Шерер платил за одни лишь покосы и «лужки». Не только все

Таблица 13

Земельная рента с «дворов» Лукаса Рема*

Местонахождение «дворов»	Держатели	Натуральные оброки и другие платежи в шаффелях, метценах и штуках	Стоимость годовой ренты в гульденах и крейцерах
1. Веринген	Матеус Гайер	6 шаф. ржи, 9 шаф. овса, 6 шаф. пшеницы, 8 «осенних петухов», 200 яиц, 1 метцен гусиного сала	23,00
2. Отмарсхаузен	Вейт Гайер	2 шаф. пшеницы, 5 шаф. ржи, 5 шаф. овса, 3 гуся, 2 петуха, 6 куриц, 100 яиц, 1 метцен гусиного сала	11,50
3. Гурлах	Ганс Зелингер	16 шаф. пшеницы, 6 шаф. ржи, 6 шаф. овса, 7 шаф. ячменя, 120 денариев чинша, 2 гуся, 100 яиц, 1 метцен гусиного сала	18,30
4. Киссинген	Ульрих Шерер	4 шаф. пшеницы, 4 шаф. ячменя, 12 шаф. ржи, 12 шаф. овса, «луговые деньги», 6 гусей, 8 «осенних петухов», 200 яиц, 20 сыров	33,43

* Rem Lucas. Tagebuch aus den Jahren 1494-1541 / Hrsg. von B. Greiff// Jahresbericht des Historischen Vereins von Schwaben und Neuburg. Augsburg. 1861. S. 59-61.

упомянутые выше хозяйственные комплексы в виде «дворов», но и отдельные луга и покосы аугсбургские бюргеры приобретали в качестве ленных владений у феодалов Южной Германии. Так, и в данном случае Лукас Рем «держал двор» в Отмарсхаузене от аугсбургского епископа, «двор» в Гурлахе – от баварского герцога, верховным собственником 2/3 «двора» в Верингене являлся тот же епископ и 1/3 этого «двора» некий рыцарь по фамилии фон Гогенек²⁰⁰. Все эти обстоятельства побуждают обратить внимание на особенности функционирования «системы феодализма» в условиях позднесредневекового общества и начальной стадии кризиса самой этой «системы».

Вполне очевиден и тот факт, что уже в XV-XVI вв. земельная собственность подвержена перемещениям от одного владельца к другому и стала объектом рыночных операций купли-продажи. О превращении земли в товар и активной роли в этой ее метаморфозе убедительно свидетельствует тот факт, что особенно часто на рынке в качестве покупателей и продавцов земли выступали бюргеры, в то же время земля еще не утратила характера условной феодальной собственности. Скупка же бюргерами владений не только у разорявшихся мелких дворян, но и у испытывавших острую нужду в деньгах крупных феодалов, в том числе князей, была одним из проявлений начальной стадии кризиса вассально-ленных отношений и разрушения феодальной сеньории классического типа. Наглядной тому иллюстрацией может служить следующий пример. В 1448 г. бюргер Аугсбурга Петер Либер продал Петеру Эгону (фон Аргону) за 250 гульденов ленное держание, приобретенное в свою очередь Либером несколько лет тому назад у местного патриция Генриха Фогеля. Поскольку же верховным собственником земли в данном эпизоде являлся аугсбургский епископ, в канцелярии последнего и состоялась сделка купли-продажи. Покупатель при этом брал на себя соответствующие обязательства перед епископской кафедрой, которые состояли в том, чтобы «... быть верными нашему божьему дому и нашим наследникам, блюсти наше благочестие, отвращать убытки и беспрекословно выполнять все, чем обязан держатель лена по праву и справедливости своему сеньору»²⁰¹. Таким образом бюргер и купец становился получателем оброков, рент и чиншей, следующих с приобретенного им владения, но отнюдь не юридическим его собственником. Торговый капитал расшатывал феодальные поземельные связи старого типа, превращал землю в объект купли и продажи, продолжая, однако, ее эксплуатацию в подавляющем большинстве случаев вполне феодальными методами. Это свидетельствует об устойчивости самой системы феодализма, фундаментом которой являлся особый вид собственности на землю.

Третьим типом приобретений купцов и буржуа, который правда лишь с оговорками можно связывать с их правами на землю, являются церковные десятины, торговые пошлины, «отчужденные», казалось бы, от непосредственных прав на землю различного рода ренты и чинши, в том числе «сеньориального происхождения» и «доходные службы». В этой связи отметим, что по

крайней мере в XVI в. обладание церковными десятинами в Южной Германии светскими лицами стало таким же обычным явлением, как и получение бюргерами доходов, источником которых были сеньориальные прерогативы, права и привилегии. Обратимся к свидетельствам источников на этот счет.

В описи имущества Паумгартнеров 1522 г. десятина в Вайнписсингене, «что вблизи Шенбах», оценивается в 152 гульдена²⁰², а из описи их имущества 1534 г. мы узнаем, что эта десятина приносит ее владельцам доход в 14 шаффелей пшеницы ежегодно²⁰³. Из завешания Ганса Паумгартнера-младшего от 1540 г. следует, что он получал половину доходов от сбора церковных десятин в деревнях Алинген, Фертинген, Антценхофен и Ортельсфинген. Стоимость этих десятин оценивается в завещании в 1600 гульденов²⁰⁴. Новое завещание Ганса Паумгартнера-младшего, составленное через девять лет (в 1549 г.) содержит указание на то, что глава одной из крупнейших аугсбургских компаний является «светским попечителем» церковей в Зеу у Фюссена, Кеттерсхаузене, Бабенхаузене и владеет там же большой и малой церковными десятинами²⁰⁵, которые он купил у монастыря Штамс в Тироле за 15000 гульденов²⁰⁶. Паумгартнеры получали также доходы со «службы» (dienst) Кельтерн в том же Тироле и здесь же им принадлежали и церковные десятины²⁰⁷. Они же обладали церковными десятинами в сельской округе города Швабмюнхена²⁰⁸. Лукас Рем также владел десятинами в Зеу и Киссингене, приносящими ему ежегодно доход в 11 гульденов и 15 крейцеров²⁰⁹, что позволяет оценить их стоимость примерно в 225 гульденов. И еще один эпизод. В 1518 г. Фуггеры стали светскими попечителями нескольких церковей в Аугсбурге и владельцами шести церковных бенефициев, которые ежегодно приносили им доход в 700 гульденов²¹⁰. Если принять эти доходы за капитализированную ренту, окажется, что приобретение церковных бенефициев обошлось Фуггерам в сумму около 14000 гульденов.

Владельцы крупных торговых компаний, не ограничиваясь обладанием указанными выше источниками доходов «феодално-сеньориального происхождения», вступают на путь приобретения деревень и даже сеньорий. Особенно энергично занимаются «сбором земель» Фуггеры. Они приобщаются к землевладению еще во второй половине XIV в., но первые значительные земельные приобретения это семейство совершает при жизни Ульриха и Якоба Фуггеров в конце XV – начале XVI в. В дальнейшем при Антоне Фуггере (во второй четверти XVI в.) землевладение в их практике получает такой колоссальный размах, что в конце концов становится лейтмотивом деятельности этой компании. Анонимный автор «Семейной хроники Фуггеров» аккурратно перечисляет земельные владения, приобретенные представителями этого семейства. В этой связи заслуживает внимания оценка им деятельности Якоба Фуггера-богатого: «Для себя лично и для фуггеровской компании, – пишет хронист, – он приобрел, приказал вновь отстроить многие графства, сеньории, замки, деревни и местечки. Он присоединил к фуггеровским владе-

ниями от имени императора Максимилиана такие сеньории вместе с замками и деревнями, как Шмихен, Унтерберген, Генрихсхофен и другие к ним (относящиеся) имущества». Кроме того, «этот господин Якоб Фуггер имел также на первых порах сеньорию Кирхберг вместе с несколькими деревнями и фогтствами, большой красивый охотничий заповедник с лесами», а также – «... сеньорию Биберах с рынком, несколькими деревнями и местечками, а также замок и другие постройки». Этот же родоначальник знаменитого торгового дома Южной Германии приобрел «княжеский город» Вайсенхорн вместе с прилегающими к нему сеньориями Маркштеттен и Пфаффенхофен²¹¹. На масштабы этих футтеровских приобретений указывает тот факт, что в графство Кирхберг входили 60 деревень, в сеньорию Вайсенхофен (кроме самого города) – еще 12 хуторов, в сеньории Пфаффенхофен и Биберах – по 12 деревень, а в сеньорию Шмихен – 3 деревни²¹². Однако перечисленными выше земельными приобретениями Фуггеры не ограничились.

В 1514 г. они выступили в роли покупателей владений на реке Лех бывших имперских фогтов Верхней Швабии из старинного дворянского рода фон Паппенгеймов, которыми последние обладали еще с XIII в. Владения Паппенгеймов включали уже известные нам по «Семейной хронике Фуггеров» замок и рыночное местечко Биберах с деревнями Лангенпрейхен, Эйзенбрехтсхофен и Файнхофен. Покупная цена этих земельных владений контрагентами сделки после долгих переговоров была установлена в 32000 гульденов, из которых 20000 гульденов Фуггеры выплачивали братьям Георгу и Гансу фон Паппенгеймам наличными, а 1200 гульденов оставались в банке Фуггеров в качестве депозитного вклада, по которому последние обязывались выплачивать 600 гульденов²¹³, то есть по 5 процентов годовых.

Опись имущества 1527 г. оценивает стоимость землевладения футтеровской компании в 57018 гульденов²¹⁴. Однако эта цифра намного ниже действительной, так как учитывает собственность только самой компании и не включает недвижимость (в том числе землю), которая принадлежала членам семейства Фуггеров. Очевиден и тот факт, что при Антоне Фуггере земельные приобретения стали поглощать все большую часть банковской, торговой и промышленной прибыли предприятия. Так, покупка в конце 20-х и 30-е годы XVI в. нескольких сеньорий у Вальтера фон Гурмгейма стоила Фуггерам огромной по тому времени суммы в 275000 гульденов. Эти их новые владения, по словам анонимного хрониста семейства, представляли собою «... города и замки следующих названий: Альфинген, Штеттенфельс, Кирхберг и Эгисхаузен, которые включали значительное число деревень, хуторов, дворов и виноградников вместе с другим (недвижимым) имуществом и судебными правами»²¹⁵. Тогда же Антон Фуггер купил у правящего совета Донауверта «городской лен» за 6600 гульденов и у представителя семейства бывших аугсбургских патрициев Ульриха Бургтрафа «прекрасную деревню Глотт» за 16400 гульденов²¹⁶. При совершении поземельных сделок Фуггеры прилагали нема-

ло усилий, чтобы «округлить и приумножить» свои владения в сельских округах таких городов, как Кирхберг и Вайсенхорн. Ради достижения этой цели они в 1538-1539 гг. приобрели у Йорга и Гауденца фон Рехбергов сеньорию Бабенхаузен за 61495 гульденов наличными и ежегодную «вечную ренту» в 635 гульденов²¹⁷, то есть эта сеньория обошлась Футтерам в 74195 гульденов.

И даже эти далеко неполные данные дают основание для вывода, что в феодальное землевладение Антоном Футтером в течение немногим более десятилетия было инвестировано 372195 гульденов. Поэтому земельное приобретение чем дальше, тем больше стало играть роль фактора, определяющего характер экономической деятельности и линию социально-политического поведения представителей семейства Футтеров. Как утверждает Г. фон Пельниц, с середины XVI в. в деятельности компании Футтеров окончательно возобладала тенденция, направленная на создание крупного земельного комплекса. Решение этой задачи приобретает значение лейтмотива всей их практики²¹⁸. К аналогичному выводу приходит и другой историк – Г. Зимнагер, исследовавший футтеровские завещания XVI в.²¹⁹ Изменение характера деятельности Футтеров имело следствием соответствующую этому изменению их «социальную метаморфозу» из рядов ранней буржуазии в ряды феодального дворянства.

Если еще в конце XV и начале XVI в., когда компанию возглавлял Якоб Футтер, а затем некоторое время и при Антоне Футтере, инвестиции в землевладение являлись в известном смысле побочным продуктом и служили показателем успешной деятельности компании, а сами Футтеры выступали не только в роли банкиров, оптовых торговцев, но и промышленных капиталистов. Однако по истечении времени Футтеры изымают капиталы из различных промышленных предприятий и торговли, инвестируя их в землевладение. Это означало не только радикальное изменение характера деятельности компании, но и «социальное перерождение» самих Футтеров из купцов и капиталистов в крупных землевладельцев и феодальных сеньоров. Отсюда не следует, что Футтеры были единственными из владельцев компаний, кто проделал, образно выражаясь, обратный путь от капитализма к феодализму и из рядов буржуазии эпохи раннего капитализма к титулованному дворянству. Феодальное землевладение на исходе Средних веков и в начале Нового времени продолжало оставаться тем магнитом, который притягивал к себе преуспевающих купцов и предпринимателей. Это можно проиллюстрировать и на других примерах.

Постоянный интерес к приобретению различных земельных владений, в том числе крупных комплексов (сеньорий), как известно, проявляли и Паумгартнеры²²⁰. Так, 12 марта 1535 г. эрцгерцог Фердинанд Габсбург продал Гансу Паумгартнеру-младшему за 40000 гульденов сеньорию и замок Эрлбах (поблизости от имперского города Ульма) со всем, что «установлено и определено в урбариях, (хозяйственных) книгах и регистрах». Правда, Габсбурги

сохраняли здесь за собою административную власть и высшую уголовную юрисдикцию²²¹. Тогда же Ганс Паумгартнер-младший выступил в роли покупателя у братьев Генриха и Йорга фон Швангау, а также супруги последнего Иоанны (урожденной фон Аргон, или Эген), «имперского лена» с баналитетными правами на охоту (wildbann) и рыбные ловли у Фюссена на реке Лех, замок Хоэншвангау, горные пастбища, десятины и торговые пошлины. Стоимость всех этих приобретений Паумгартнеров была оценена в 31000 гульденов²²². В 1537 г. эрцгерцог Австрии продал им же за 8100 гульденов рыцарский замок и сеньорию Оберхаузен²²³. Согласно завещанию Ганса Паумгартнера-младшего (1540 г.), стоимость земельных приобретений торгового дома Паумгартнеров к тому времени составила сумму в 179195 гульденов, причем, по подсчетам автора этих строк, большая часть данной суммы (117619 гульденов, или около 66 процентов стоимости землевладения Паумгартнеров) была инвестирована в такие крупные земельные комплексы, как сеньории и деревни²²⁴. Инвестиции в землевладение совершали богатые бюргеры и владельцы других торговых компаний.

По свидетельству Пауля фон Штеттена-младшего, аугсбургские купцы и предприниматели, выходцы из патрицианского семейства города Герварты к середине XVI в. владели 13 сеньориями²²⁵. Причем большинство этих сеньорий не были их родовыми владениями, а приобретены за деньги в конце XV – первой половине XVI в. В 1524 г. бюргер Аугсбурга Георг Штеттен и его супруга Сусанна, урожденная Фугтер (дочь Ульриха Фугтера), купили у баронессы Урсулы фон Риттер замок и деревни Боксперг, Лаугна и Рогтен со всеми имуществом и лесами²²⁶. На путь приобщения к феодальному землевладению встали и бывшие ткачи Пиммели. Еще Леонхард Пиммель в первой четверти XVI в. (точная дата не известна) купил сеньорию Оберхаузен поблизости от города Вайсенхорна, а его братья Антон и Ганс Пиммели приобрели в середине того же столетия у баронов фон Гумленбахов деревню Норндорф на берегу реки Лех и сеньорию Мойтинг, расположенную поблизости от городских стен Аугсбурга²²⁷. Уже приведенные здесь примеры достаточно убедительно свидетельствуют о том размахе, который получило участие в феодальном землевладении аугсбургских «бюргеров-буржуа». Поэтому теперь обратимся к ключевым вопросам, ответы на которые проливают свет на мотивы участия последних в землевладении и характер бюргерского землевладения.

Вопросы принципиальной научной значимости, затрагивающие наиболее существенные стороны бюргерского землевладения переходной эпохи от Средних веков к Новому времени, от феодализма к капитализму, можно сформулировать следующим образом:

- 1) какими путями и с помощью каких средств бюргеры приобщались к феодальному землевладению;
- 2) насколько в экономическом отношении эффективными и прибыльными были инвестиции бюргеров в землевладение;

3) какими были экономические результаты и социальные последствия превращения купцов, банкиров и предпринимателей-капиталистов в феодальных землевладельцев.

Попытаемся дать ответы, насколько это позволяют сделать источники и достижения современной историографии, на каждый из поставленных здесь вопросов.

1. Вполне очевиден тот факт, что уже по крайней мере с середины XV в. земельная собственность, особенно в сфере экономического влияния крупных торгово-промышленных центров, вовлекалась в рыночные отношения и становилась объектом закладов и операций купли-продажи, что, собственно говоря, и открывало «высочкам из цехов», чьи предки добывали себе средства на жизнь, к примеру, упорным трудом за ткацкими станками или с помощью других «ручных ремесел», к землевладению. Если в большинстве случаев документы публично-правового характера фиксируют лишь сам факт поземельных сделок, исключения из этого правила проливают свет на обстоятельства и причины перемещения земельной собственности из одних рук в другие. Ипотечная задолженность Габсбургов, князей и дворян была мощным рычагом и одной из первопричин, объясняющих, каким образом купцы и банкиры становились владельцами различных земельных комплексов. К примеру, Габсбурги, задолжав тысячу гульденов своему банкиру и казначею княжеской администрации Нижней Австрии бюргеру и патрициу Аугсбурга Гансу фон Штеттену, берут на себя обязательство выплатить по кредиту «... с нашего замка Зальденбург и нашей службы Ратмансдорф, находящихся в нашем княжестве Крайна, со всеми их доходами, рентами, чиншами, службами, лесами, лугами Вишвайдена и со всем, что к ним относится». Эти владения должны были оставаться в управление Штеттенов до тех пор, пока кредитор (Ганс фон Штеттен) не получит всей суммы по долговому обязательству эрцгерцогов²²⁸. Во время вооруженного конфликта в 1504 г. между баварскими герцогами и пфальцграфом Рейнским «магистрат Аугсбурга предоставил заем герцогу Альбрехту Мюнхенскому в 8400 гульденов под залог графства Швабею», причем деньги магистрату на этот заем дал Ганс Паумгартнер-старший²²⁹. В таких случаях зачастую ни император, ни территориальные князья, не говоря уже о мелкопоместном дворянстве, оказывались не в состоянии погасить задолженность в установленный договором срок, и тогда владельцами земли становились магистраты городов или банкиры, вышедшие из рядов «бюргеров-буржуа». Именно таким образом, в частности, Фуггеры прибрали к своим рукам графство Кирхберг.

2. Сведения о прибыльности инвестиций бюргеров в землевладение скупы и отрывочны, что не позволяет дать точный и исчерпывающий ответ на данный вопрос. Впрочем, некоторые факты на этот счет достаточно выразительны. Так, анонимная городская хорника Аугсбурга сообщает, что в 1469 г. «... господин Манг, маршал, купил у семейства Лангенмантелей за 9

тысяч гульденов (сеньорию) Вертунген со всеми судебными правами и доходами и стал ежегодно получать (с нее доход) в 400 гульденов»²³⁰. Несложно подсчитать, что прибыль составила 4,4 процентов с инвестированного в эту сеньорию капитала. По свидетельству Лукаса Рема, земельные владения стоимостью в 2000 гульденов приносили ему ежегодно доход в 97 гульденов²³¹. Этот доход, опять-таки, составил невысокую норму прибыли в 4,85 процента. И, наконец, в 1525 г. Фуггеры получили с графства Кирхберг и сеньорий Вайсенхорн, Пфаффенхофен и Бибербах доход всего в 3151 гульден, то есть менее 3 процентов с инвестированного в них капитала²³². Подобные факты единичны, но все же делают возможной гипотезу, что норма земельной ренты обычно значительно ниже нормы банковской, торговой или промышленно-предпринимательской прибыли. Поэтому непосредственная экономическая выгода не может служить достаточным объяснением настойчивого стремления купцов и банкиров, умевших считать деньги, особенно когда речь шла о личной выгоде, к приобретению земельных владений. Отсюда можно заключить, что для бюргеров не менее важным, чем материальная выгода, мотивом инвестиций в землевладение было поддержание социального престижа и приобщение к еще окончательно не утраченному авторитету феодального дворянства в обществе того времени.

3. Хотя в XVI в. аграрный строй в деревне и цеховой режим ремесла в городе вступили в стадию кризиса и обнаружили признаки упадка и разложения, землевладение продолжало сохранять большую притягательную силу, которая и побуждала аугсбургских банкиров, купцов и предпринимателей инвестировать капиталы, казалось бы, в малоприбыльные предприятия. Дело, однако, в том, что земля хотя и приносила невысокую прибыль, была более надежной, чем коммерция и промышленное производство, сферой инвестиций капитала. Земля, к тому же, обещала преимущества, привилегии и права, которые открывали перед выходцами из «третьего сословия» возможность подняться по лестнице социальной иерархии и занять место рядом с представителями господствующего класса. И это вполне сознавали аугсбургские банкиры, добиваясь за услуги, которые они оказывали Габсбургам, аноблирования, титулов баронов и даже графов. Аугсбургские бюргеры не довольствовались ролью только получателей земельной ренты, которая следовала им с приобретенных владений, а стремились к сосредоточению в своих руках в полном объеме прав и привилегий феодальных сеньоров. Так, например, аугсбургский бюргер Георг фон Штеттен получил в 1527 г. привилегию от императора Карла V «... заключать в темницу и вершить суд над всеми злонамеренными лицами в судебном округе Боксперг»²³³. Якоб Фуггер стал не только феодальным землевладельцем в графстве Кирхберг и других своих владениях, но и император передал ему во всех этих территориях права низшей и высшей юрисдикции и даже «права королевской охоты»²³⁴. Жители Пфаффенхофена и Вайсенхорна принуждались имперскими властями к тому, чтобы они, как под-

данные Фугтеров, немедленно принесли присягу «новым господам»²³⁵. В Вайсенхорне Якоб Фуггер оставил в силе прежние полицейские порядки, установленные еще баварскими герцогами, в которых немало места отводилось тому, чтобы чиновники сеньориальной администрации строго следили за посещением прихожанами воскресной мессы. Делать это они должны были ради того, чтобы не возникало положения, когда «церкви пусты, а кабаки полны». Как и подобает феодальному сеньору, 3 апреля 1506 г. Якоб Фуггер принял «присягу верности» у бургомистра Вайсенхорна а затем, как бы попутно, ограничил «городские вольности»²³⁶.

К появлению «новых господ» в графстве Кирхберг отнеслись враждебно и выступили с протестом местные дворяне (рыцари), которые категорически отказались приносить вассальную присягу Фуггерам²³⁷. Конфликт с Фуггерами побудил этих дворян обратиться к императору Максимилиану с просьбой освободить их от присяги «какому-то бюргеру» (то есть Якобу Фуггеру), и хотя Максимилиан, которого историки называли «последним рыцарем на императорском троне», встал на сторону Фугтеров, дворяне продолжали упорно отказываться от присяги. В 1514 г. депутация из пяти рыцарей Кирхберга неожиданно появилась в ратуше Аугсбурга. Рыцари надеялись, что правящий совет этого имперского города положит конец «угнетению» их древних родов Фуггерами. Магистрат Аугсбурга, судя по всему, не оправдал их надежд и не защитил от Фугтеров. Однако судебная тяжба Фугтеров с рыцарями Кирхберга, не желавшими признавать Фугтеров сеньорами графства, продолжалась еще и в 1523 г.²³⁸ и завершилась только в 30-е годы XVI в. Рыцари в конце концов вынуждены были подчиниться власти «каких-то бюргеров», как они высокомерно называли Фугтеров.

Оказавшись в роли феодальных сеньоров, Фугтеры постоянно вели судебные тяжбы за заповедные леса, пастбища и рыночные местечки с общиной Вайсенхорна, соседними феодалами и крестьянами²³⁹. В такой же роли, впрочем, выступали и другие бюргеры. В этой связи любопытен следующий эпизод. В феврале 1516 г. Вильгельм Рем получил вердикт Имперского палатного суда о его владельческих правах на земли общего пользования (альменду) и особенно лесные угодья на территории «крестьянской общины деревни Берген». По словам хрониста, «крестьяне желали пользоваться (лесом) против моей воли» и вели тяжбу с бюргером-землевладельцем в судах различных инстанций еще с 1498 г., то есть тяжба продолжалась почти два десятилетия. Рем все же добился, чтобы крестьяне Бергена пользовались лесными угодьями «не по праву», а только «из милости»²⁴⁰, то есть с согласия самого Рема и, по всей видимости, за особую плату.

Привело ли, однако, участие бюргеров в землевладении к развитию раннекапиталистических форм ведения сельского хозяйства? По мнению Н.В. Савиной, «Фуггеры ... выступали по преимуществу в качестве пассивных потребителей феодальной ренты»²⁴¹. Признавая определенную правомерность

такого вывода, в то же самое время нельзя не отметить, что бюргеры-землевладельцы, выступая прежде всего в старых одеждах получателей земельной ренты или феодальных сеньоров, порою все же имели непосредственное отношение к возникновению по крайней мере прототипов фермерских хозяйств в деревне²⁴². К тому же, сеньориальные прерогативы позволяли владельцам земли извлекать отличную от традиционных рент и оброков материальную выгоду. Так, к примеру, те же Фуггеры использовали сеньориальную власть над городом Вайсенхорном и его сельской округой для создания примитивной капиталистической мануфактуры в бумажном производстве (в рамках отношений так называемых «раздач»)²⁴³.

В этой связи несомненный интерес представляет конфликт, имевший место в 1549 г. в судебном округе Имст графства Тироль и бросающий достаточно яркий свет на отношения собственности в условиях господства «системы феодализма». О самом конфликте мы узнаем прежде всего из текста жалобы местных горнопромышленников (Gewerken) Ганса Шустера, Георга Кехта и Галли Райха, с которой они обратились к эрцгерцогу Фердинанду Габсбургу.

Жалобщики сообщают князю, что ими было открыто новое богатое месторождение железной руды и они получили право на его разработку от горного судьи в Имсте Конрада Хабсрштока и трех присяжных рудников святых Линхарта, Георга и Иоанна. Казалось бы, все было сделано с соблюдением закона. По крайней мере горнопромышленники делают упор в своей жалобе именно на это обстоятельство. Однако дальше события приняли неожиданный для предпринимателей оборот, так как, «когда мы (Шустер и его коллеги — Ю.Н.), согласно нашему местному обычаю рудников и забоев, отправили на работу двух наших горняков, его благородие господин Ганс Паумгартнер-младший, барон, попечитель Хозншвагау, не имея на то ни права, ни приказа княжеской администрации, осмелился с помощью нескольких своих слуг снять тех наших рабочих с разработок и продержать под арестом в замке Швангау в течение 14 дней». Жалобщики, вполне сознавая, с какими трудностями может быть сопряжена их деятельность, если регальные права окажутся у баронов Паумгартнеров, продолжают: «Как исконные местные жители мы не желаем признавать (никакого) другого господина и желали бы получить этот рудник в аренду только от вас, Ваше величество, как князя земли, (по-скольку) знаем и верим, что также никакой другой рудник и место (горных разработок) не могут принадлежать никому другому, кроме Вашего величества, как графа Тироля». Более того, предприниматели выражают убеждение, что если администрация графства не примет действенных мер по защите их интересов, «по этой причине собственность и суверенитет вашего королевского величества будут умалены или (даже) упразднены, а позиции Паумгартнеров усилены». Казалось бы, доводы, которые приводят тирольские предприниматели, и на самом деле были достаточно вескими: в их жалобе речь идет

не только о их личных, но и княжеских интересах, которые, по их мнению, ущемлялись действиями Паумгартнеров. Однако чиновник бергамта, к которому попала жалоба, не нашел ничего другого, как написать на оборотной стороне листа документа: «Направить господину Паумгартнеру»²⁴⁴. Эта лаконичная резолюция красноречиво свидетельствует, на чьей стороне была княжеская администрация.

Управляющий поместьями Паумгартнеров в Швагау (подпись под документом неразборчива) в письме в адрес местных властей по поводу инцидента и «жалобы предпринимателей из Ройти» выражает удивление, как «эти двое, Кехт и Райх, так лгут, а Шустера без обиняков называет «кляузником и клятвопреступником»²⁴⁵. На запрос княжеской администрации Верхней Австрии (от 29 сентября 1549 г.) отвечают также сыновья и наследники только что умершего барона Ганса Паумгартнера-младшего Ганс Йорг и Давид Паумгартнеры, которые в своем ответе указывают на тот факт, что тирольские предприниматели направили «тайно на работу несколько горняков и также тайно вывозили руду, похищая ее у нас» (то есть Паумгартнеров). Свои права собственности на руду Паумгартнеры обосновывали тем, что на территории, на которой Шустер и его товарищи повели разработки, баронам Паумгартнерам принадлежат все права на землю и ее недра²⁴⁶. И на самом деле, по императорской привилегии от 27 июня 1541 г. Паумгартнеры получили право на ведение горных разработок на всех территориях принадлежавших им сеньорий в Тироле лично или в компании с другими горнозаводчиками, но при одном неременном условии: они обязаны были получить рудники в ленные держания от графа Тироля и эрцгерцога Австрии²⁴⁷. Смысл же конфликта, в ходе которого Паумгартнеры ссылались на свои сеньориальные привилегии, сводился к тому, что аугсбургские бюргеры и купцы, являвшиеся одновременно землевладельцами и горнопромышленниками, стремились во что бы то ни стало прибрать к своим рукам богатый железный рудник, прибегая к столь удивительному с современной точки зрения и обычному для того времени способу борьбы с конкурентами. Таким образом, инцидент в судебном округе Тироля Имсте проливает свет еще на одну сторону бюргерского землевладения. На его основании можно заключить, что верховным собственником недр Тироля и обладателем регальных прав на горные разработки действительно являлся граф Тироля. Графство же принадлежало эрцгерцогу Австрии из династии Габсбургов, находившихся в сильной финансовой зависимости от аугсбургских банкиров, в том числе Паумгартнеров. Именно данное обстоятельство и предопределило исход конфликта Паумгартнеров с мелкими горнопромышленниками в Имсте в пользу первых.

5.5. БЮРГЕРЫ-БУРЖУА И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОРПОРАЦИИ

Корпоративность была характерной чертой социальной жизни средневекового города. Этой корпоративности присущи такие «родовые признаки», как уравнительство, монополии на занятия профессиональной деятельностью, регламентация ремесленного производства и рыночных отношений, коллективистский тип общественного сознания, находивший выражение в стремлении бюргеров следовать традиционным нормам поведения и быть такими, как все. Принцип корпоративности получал также воплощение в обязательном членстве полноправных жителей города (бюргеров) в торгово-ремесленных или патрицианских объединениях²⁴⁸. Корпоративность сдерживала проявления индивидуализма и инициативы в организации новых форм общественного производства, но не могла остановить их вовсе. Движение города по пути прогресса все же постепенно подтачивало и разрушало устои средневековой корпоративности. Правда, перемены происходили медленно и привели к окончательному преодолению устоев средневековой корпоративности только в Новое время. Поэтому прежде чем нанести последний штрих в портрет аугсбургских купцов-капиталистов и «бюргеров-буржуа» XV- XVI вв., следует сказать об их отношении к корпорациям, которые являлись естественным продуктом исторического развития средневекового города. Такой экскурс позволит пролить дополнительный свет на причины политического консерватизма городского бюргерства, в том числе «бюргеров-буржуа», и особенности их менталитета на социально-психологическом уровне.

Цеховой переворот 1368 г., как известно, явился сильным ударом по позициям аугсбургского патрициата и положил конец его монополии на власть, хотя патрициат и не перестал играть заметной роли в политической жизни города в XV- XVI вв. Дело в том, что «цеховая революция», как называют события 1368 г. некоторые историки, завершилась политическим компромиссом, оставившим патрициям одну из двух должностей бургомистра и представительство в правящем совете города. Патриции сохранили позиции в качестве привилегированной прослойки городской знати, группировавшейся вокруг «Питейного клуба господ» (Herrentrinksstube), доступ в который был открыт только для избранных²⁴⁹. В рассматриваемый здесь период времени «Клуб господ» хотя и оставался хранителем кастового духа, присущего патрицианской корпорации, сохранить свою организацию неизменной был попросту не в силах. Это нашло отражение как в социальном составе членов «Клуба», так и в изменении его общественных функций. Если первоначально главной задачей «Клуба» была организация развлечений, танцев и рыцарских турниров, участие в которых долгое время было делом чести для каждого патриция и знатного бюргера²⁵⁰, теперь функции «Клуба» изменились. Примерно с середины XV в. городская верхушка начинает утрачивать интерес к этому мужественному виду спорта Средневековья. Городские анналы донесли до нас

весть о том, что последний рыцарский турнир в Аугсбурге состоялся в 1494 г.²⁵¹ Охлаждение интереса бюргерской верхушки к рыцарским турнирам, служившим способом поддержания социального престижа и местом проявления личных качеств знатного человека Средневековья, объясняется прежде всего тем, что именно в XV столетии на смену городским ополчениям, в которых обязаны были принимать участие все полноправные бюргеры, пришли профессиональные отряды наемников-ландскнехтов.

Опасность, которую для правящей олигархии Аугсбурга представляла деятельность в 70-е годы XV в. радикально-бюргерской оппозиции во главе с Ульрихом Шварцем, побудила олигархическую верхушку города предпринять меры для расширения социальной базы своей власти. Именно с этой целью в 1478 г. была основана корпорация «*Mehrer der Gesellschaft*», в которую вошли купцы и предприниматели, нажившие большие состояния главным образом благодаря активному участию в бурно развивавшейся тогда бумазеейной промышленности как в городе, так и его сельской округе, а также в торговле той же бумазеей на международных рынках. Правда, претенденты на вступление в названную выше корпорацию должны были обладать не только необходимыми для поддержания социального престижа средствами, но и «иметь хорошее происхождение и состоять в родстве с патрициями»²⁵². Все члены этой корпорации получали доступ в «Клуб господ». Поэтому реформа 1478 г. была попыткой оживления деятельности и повышения общественной значимости самого «Клуба господ». Последний, по верному замечанию Г. фон Пельница, стал местом деловых контактов и своего рода торгово-финансовой биржей Аугсбурга²⁵³. Корпорации, подобные аугсбургской «*Mehrer der Gesellschaft*», существовали и в других городах Южной Германии²⁵⁴, где они играли заметную роль в общественной жизни и являлись средством расширения социальной базы власти на ее муниципальном уровне.

Однако создание корпорации последнего типа для правящей олигархии Аугсбурга была лишь первым шагом на пути расширения ее социальной базы. В 1538 г., то есть спустя 60 лет после реформы 1478 г., «новая знать» города, сумевшая к тому времени сконцентрировать в своих руках крупные состояния, добилась проведения реформы и самой патрицианской корпорации. Решением правящего совета Аугсбурга, которое было поддержано авторитетом имперской власти, сильно поредевшая и буквально «дышащая на ладан» патрицианская корпорация была пополнена за счет самых богатых и влиятельных бюргеров, причем как из числа бывших патрициев, так и наиболее преуспевающих представителей «цехового бюргерства»²⁵⁵. Так в городскую элиту влились Фуггеры и другие богатые купцы, банкиры и капиталисты. Это было попыткой сделать патрицианскую корпорацию способной дать ответы на вызовы неумолимо наступающего Нового времени и подготовить почву, как оказалось, для упразднения «цехового правления» и реставрации «патрицианского правления». Однако означало ли это возвращение к давно минувшему

прошлому и торжество ценностей средневековой западноевропейской цивилизации на данном отрезке исторического времени?

Реформа патрицианской корпорации Аугсбурга побуждает обратить внимание на конфликт, имевший место во время ее реорганизации. Этот конфликт бросает достаточно яркий свет на характер корпоративности в средневековом городе. Суть конфликта в следующем. В список претендентов на прием в патрицианскую корпорацию магистратом были включены Давид Детигкофер, Георг Регель и Амбрознус Юнг. Однако появление жен и дочерей этих бюргеров в помещении «Клуба господ», который, кстати, служил местом, где, как утверждает Пауль фон Штеттен-старший, происходили «карнавалы богатых и знатных невест», вызвало возмущение патрициев, а незадачливые аристократки были выдворены из «Клуба»²⁵⁶. Отметим также, что Давид Детигкофер являлся патришем Меммингена, банкиром и купцом, который участвовал вместе с аугсбургским купцом и предпринимателем Матеусом Манлихом в левантийской торговле, и лишь недавно поселился в Аугсбурге²⁵⁷. Тот же Пауль фон Штеттен-старший в приложении к своему труду («История Аугсбурга») приводит как жалобу Давида Детигкофера на действия патрициев, так и письмо в магистрат по поводу этого инцидента за подписями патрициев Антона Фуггера, Антона Рудольфа, Маркса Эхема и Маркса Пфистера. Детигкофер жалуется, что его жена и дочь не были допущены в «Клуб господ» по той причине, что он женат на дочери аугсбургского купца Симона Манлиха, который не входил ни в патрицианскую корпорацию, ни в ее «дочернее образование» (*Mehrer der Gesellschaft*)²⁵⁸. Вполне возможно, что быстрое продвижение Детигкоферов по иерархической лестнице социальной структуры городского сообщества, нарушавшее привычный порядок вещей, и послужило причиной недовольства консервативно настроенной аугсбургской городской верхушки.

В письме патрициев, адресованных правящему совету, действия членов «Клуба господ» оправдываются ссылками на «вольную корпорацию, которой никто не может угадывать, кого принимать или не принимать в свои ряды»²⁵⁹. В этой связи заслуживают внимания два обстоятельства. Во-первых, потомок крестьян и деревенских ткачей Антон Фуггер, только что сам ставший патришем, выступает в роли ревностного защитника средневековой корпоративности. Во-вторых, такие, казалось бы, непримиримые противники в противостоянии на конфессиональной почве, как католик Антон Фуггер и протестант Марк Эхем выступают в этом конфликте единым фронтом. Патрицианская корпорация и после реформы 1538 г., наследовав стиль жизнедеятельности своей предшественницы, решительно противилась попыткам бюргеров проникнуть в свои ряды. Сошлемся в этой связи на такой пример. Преуспевающий страбургский купец и предприниматель Ульрих Линк, переселившись в Аугсбург, в 1527 г. женился здесь на патрицианке Магделене Герварт, в 1539 г. был аноблирован Фердинандом Габсбургом, а в 1541 г. попытался,

между прочим по протекции того же Фердинанда, стать членом патрицианской корпорации Аугсбурга. Однако патрицианская корпорация отклонила ходатайство самого Линка и протекцию эрцгерцога, напомнив Линку, что сначала он должен стать членом «*Mehrer der Gesellschaft*», добиться избрания в правящий совет города, и только после этого уже сама корпорация вправе поставить вопрос о его приеме в свое сообщество²⁶⁰. Таким образом, «реформированное» объединение аугсбургского патрициата продолжало следовать жестким правилам средневековой корпоративности, которые были ей присущи издавна. Именно по этой причине богатый купец, капиталист и буржуа не был допущен даже на порог патрицианской корпорации Аугсбурга.

Впрочем, таким же духом корпоративной исключительности отличалась и купеческая гильдия Аугсбурга, в которую входили крупные оптовые торговцы, действовавшие главным образом на международных рынках Европы и даже за ее пределами. В том же 1544 г. с жалобой в магистрат обратились местные купцы Филипп Вальтер, Якоб Крафт, Симон Манлих, Марк Мюллер, Ульрих Лифштеттер, Магкс и Себастьян Швабы, которым было отказано в приеме в купеческую гильдию, хотя все они обладали необходимой для этого недвижимой собственностью и оборотными средствами для ведения торговли значительных масштабов. Когда же магистрат потребовал от купеческой гильдии, чтобы она объяснила свою позицию, старшина гильдии дал ответ, содержащий мотивацию отказа, можно сказать, стандартного порядка: «По древнему обычаю никто не имеет права обязать гильдию принимать в свои ряды того, кого она принимать не желает»²⁶¹. Таким образом, патрицианская корпорация и купеческая гильдия, объединявшие не только самые знатные, но и самые богатые семейства города, являлись объединениями, доступ в которые другим бюргерам был закрыт, или, по крайней мере, сильно затруднен. И эта тенденция корпоративной (или даже социальной) исключительности особенно ярко себя проявляет к середине XVI в. Подобные же правила корпоративности действовали и в других торгово-ремесленных цехах города, что могло быть отражением процесса так называемого «замыкания цехов». В этом же факте можно видеть реакцию городского бюргерства на кризис ценностей уходящей средневековой цивилизации. Силы, которые продолжали ориентироваться на ценности последней, по всей видимости, не сознавая того, на интуитивном уровне пытались создать преграды на пути утверждения ценностей приходящей ей на смену постсредневековой цивилизации.

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что торгово-ремесленные корпорации Аугсбурга (особенно в экспортных отраслях) примерно с середины XV в., когда германские земли вступают в полосу экономического подъема и возникновения на его волне явлений раннего капитализма, шаг за шагом утрачивают контроль над производством и рыночными отношениями. Функции регулирования ремесла и торговли сосредотачиваются в руках правящего совета, экономическая политика которого все с большей очевидностью про-

водится в интересах купцов-экспортеров на «дальние рынки» изделий городской промышленности и «капиталистов-раздатчиков» в экспортных ее отраслях. В то же самое время цехи, вплоть до кризиса середины XVI в. и последовавшего за ним «закрyтия цехов» и упразднения «цехового правления» в 1548 г. указом императора Карла V, играют ведущую роль в политической жизни Аугсбурга, что находит выражение в их активном участии во всех учреждениях городского самоуправления и особенно в правящем (Малом) совете, в котором представители торгово-ремесленных корпораций обладают большинством мест и замещают одну из двух должностей правящего бургомистра.

Коллизии социально-политической борьбы и религиозный раскол как в Аугсбурге, так и других городах Южной Германии, помимо прочего, свидетельствуют и о том, что инновации в сфере материального производства, которые тесным образом связаны с явлениями раннего капитализма, долгое время не получали признания в общественном мнении горожан (прежде всего на уровне их обыденного сознания). Это находило отражение и в линии поведения горожан. Дело в том, что общественное сознание средневекового бюргерства, как известно, по преимуществу носило коллективистский характер. Бюргер сознавал себя в первую очередь частью большого или малого коллектива (городской общины, церковного прихода, религиозного братства, торгово-ремесленной или патрицианской корпорации, рода или семьи). Он подчинял свои интересы интересам коллектива (принципу «общей пользы»). Индивидуализация общественного сознания человека Средневековья, бюргера в том числе, была долгим и даже мучительным процессом²⁶², который происходил прежде всего под влиянием перемен в жизни общества. Среди этих перемен особенно большое значение имели изменения в общественном производстве. Эти перемены затрагивали положение и даже порою выбивали из привычной жизненной колеи представителей различных слоев тогдашнего общества, в том числе городской верхушки. В этой связи интересна точка зрения аугсбургского купца и хрониста Буркарда Цинка, который еще в конце 60-х годов XV в., осмысливая перемены, с осуждением писал о «новшествах» и сожалением – о «добром старом времени», когда, как он полагал, «наши предки счастливо жили в справедливом равенстве» Теперь же, по его словам, все изменилось: «справедливое равенство» нарушено, поскольку «каждый ищет только личную выгоду, и никто не стремится к общей пользе» (*gemeine nutz*)²⁶³. Однако, вопреки мнению Цинка, стереотипы общественного поведения, присущие менталитету человека Средневековья, еще долго давали о себе знать в различных жизненных ситуациях и на разных уровнях общения людей и в эпоху начавшихся перемен. В частности, эти стереотипы, как показала А.Л. Ястребицкая²⁶⁴, проявлялись в линии поведения людей, занимавшихся раннекапиталистическим предпринимательством, и на этом только что открытом поле деятельности, где стереотипы поведенческого характера продолжали играть роль сдерживающего прогресс фактора. Эмансипация общественного

сознания бюргерства, в том числе предпринимателей-капиталистов, от стереотипов и правил поведения уходящей средневековой цивилизации заняла отрезок времени «большой протяженности» и завершилась лишь в эпоху Просвещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 484.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV-XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 14, 18, 65, 67, 71-73.

³ Ястребицкая А.Л. «Низшие социальные слои» ... С. 294.

⁴ Зомбарт В. Современный капитализм. М., 1903. Т. 1. Полумтом 1. С. 306.

⁵ Там же. С. 299.

⁶ Там же. С. 231-232.

⁷ См.: Paul von Stetten-jungere. Geschichte der adelichen Geschlechter ...

⁸ Зомбарт В. Современный капитализм ... С. 288.

⁹ Strieder J. Zur Genesis ... В этой связи заслуживает внимания тот факт, что еще до появления труда Я. Штридера теория В. Зомбарта о происхождении крупных бюргерских состояний вызвала возражения и критику Ф. Койтгена, который, опираясь на свидетельства источников по преимуществу по истории ганзейских городов, оспаривал ее правомерность и указывал на появление этих состояний отличным от теории Зомбарта образом (см.: Keutgen F. Hansische Handelsgesellschaften, vomehmlich des XVI. Jahrhunderts // VSWG. 1905. Bd. IV. S. 288).

¹⁰ Впервые налоговые кадастры Аугсбурга конца XV- XVI вв. были введены в научный оборот архивариусом этого города Л. Буффом (см.: Buff A. Augsburg im Renaissancezeit. Bamberg, 1892). Через несколько лет эти же кадастры станут источниковой базой для серии статей Я. Хартунга.

¹¹ Strieder J. Zur Genesis ... S. 39.

¹² Ibid. S. 134. Уже после второй мировой войны точку зрения Я. Штридера по существу разделял глава западногерманских историков-урбанистов Э. Машке, по мнению которого, в большинстве случаев обогащение городских ремесленников произошло благодаря их участию в торговле, банковско-кредитных операциях, возникновению, развитию и широкому распространению отношений «раздач». Ярким тому примером, как полагает Машке, может служить судьба «высочки из цехов» Якоба Герброта, скорняка по профессии, занимавшегося сначала торговлей пушниной, затем – ювелирными изделиями и, наконец, – банковской деятельностью, которая и стала для него источником большого богатства. Еще более выразительны, о чем уже сказано выше, примеры обогащения выходцев из «простых ремесленников» корпорации ткачей Аугсбурга. Здесь «стартовый капитал» Фугтеры и другие пионеры раннего капитализма в германских землях «заработали» прежде всего участием в формировании в текстильном производстве (особенно ярко это проявилось в бумазейной промышленности) «системы раздач» (см.: Maschke E. Verfassung und soziale Kräfte der deutschen Stadt des Späteren Mittelalters, vomehmlich in Oberdeutschland // VSWG. 1954. Bd. 46. S. 440-442, 445.

¹³ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 1.

¹⁴ Fortsetzungen des Hector Mülich ... S. 342.

¹⁵ Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 252, 270-274. 279-280, 283-287.

¹⁶ Strieder J. Zur Genesis ... S. 213.

¹⁷ Chronik der Familie Fugger ... S. 3.

¹⁸ Furger F. Verlagssystem ... S. 57 ff.

¹⁹ Zink ... S. 128.

²⁰ Цит. по: Strieder J. Zur Genesis ... S. 130.

²¹ Pölnitz G., von. Augsburger Kaufleute ... S. 194.

²² Зомбарт В. Современный капитализм ... С. 230.

²³ Strieder J. Zur Genesis ... S. 130. Проблема проявления «капиталистического духа» на социально-психологическом и идеологическом уровнях и его реализация в практической деятельности человека заняла центральное место в трудах М. Вебера, который отводил этике протестантизма исключительную роль в становлении капитализма (см.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Он же. Избранные произведения. М., 1990. С. 68-69, 97 след.; 186 след.; Он же. Протестантские секты и дух капитализма // Там же. С. 283 след.). О социологии и методологии истории Вебера см.: Неусыхин А.И. «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Под знаменем марксизма. 1927. № 9, 12; Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего Средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958. С. 29-31. 96-112; Он же. Вебер //СИЭ. 1963. Т. 3. С. 17-18; Гутнова Е.В. Историография ... С. 343-346; Мизес Л., фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 330-331; Некрасов Ю.К. Реформа или революция? ... С. 51, 278 (прим. 75); Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 20. 21, 385.

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770. 2: Там же. С. 726.

²⁶ О многообразии проявлений категории «бедности» и положении «низов» в западноевропейских позднесредневековых городах см.: Ястребицкая А.Л. «Низшие социальные слои» ... С. 296-317.

²⁷ Hartung J. Die augsburger Vermögensteuer und Entwicklung der Besitzverhältnisse im XVI. Jahrhundert // JGVV. 1895. Bd. 19. H. 4. S. 171, 173, 183.

²⁸ Strieder J. Zur Genesis ... S. VIII.

²⁹ См.: Эпштейн А.Д. Из истории Аугсбурга ...

³⁰ Там же. С. 164.

³¹ См.: Некрасов Ю.К. К социально-экономической истории Аугсбурга в XV веке // Проблемы германской истории. Вологда. 1973. Вып. 2. С. 152-153, 156, 159; Он же. Происхождение ... С. 142 след.; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 162-163, 219-222.

³² Эпштейн А.Д. Из истории Аугсбурга ... С. 165.

³³ Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на тот факт, что позиция самого А.Д. Эпштейна по вопросу о месте и роли купца-раздатчика в судьбах аугсбургской текстильной промышленности не отличается последовательностью. Отрицая, что этот тип купца-раздатчика играл какую-либо позитивную роль в возникновении и развитии даже зачаточных форм капиталистической мануфактуры, он же при рассмотрении другого эпизода из экономической истории Аугсбурга отмечает такую трансформацию ремесленного производства, неизбежным следствием которой стало разложение цеховой организации ремесла если не по внешним признакам, то по существу, поскольку купец, по его же (Эпштейна) словам, «... вторгается в самый цех и в качестве его полноправного члена превращает принадлежавшее ему сырье в «предмет труда» для

большинства членов цеха и, таким образом, становится покупателем труда». «Члены цеха остаются собственниками лишь орудий труда – ткацких станков» (см.: Эпштейн А.Д. Из истории Аугсбурга ... С. 144). Известно также, что порою «члены цеха», утрачивая и «орудия труда – ткацкие станки», оказывались в безысходной кабале у купцов-капиталистов. О таких фактах сообщают как городские хроники, так и другие источники.

³⁴ См.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации... С. 261-262, 271, 283-286.

³⁵ Эпштейн А.Д., Из истории Аугсбурга ... С. 147.

³⁶ Там же. С. 146.

³⁷ Zink ... S. 133-134.

³⁸ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 30-42. Необходимо принять во внимание, что в «Дневнике» Лукаса Рема речь идет именно о торговой прибыли как компании Вельзеров и Фелинов. так и предприятия, которое основал сам автор «Дневника» после того, как покинул компанию Вельзеров. Дело в том, что доходы от банковских операций, личного участия в «консорциуме» Футтеров и Вельзеров по аренде имущества «Мазетрагос», земельных рент он выделяет в своих рабочих записках в отдельные разделы.

³⁹ Лукас Рем хотя и был, по сравнению с Футтерами или Вельзерами, «капиталистом второго ранга», его деятельности также присущи достойные внимания и весьма примечательные черты. Во-первых, он принял участие в организации первой колониальной экспедиции в Индию. 1 августа 1504 г. Лукас Рем от имени владельцев компании Вельзеров и других торгово-банковских домов заключил контракт с португальским королем, по которому купцы и банкиры обязывались снарядить за свой счет три каравеллы. Эти каравеллы 25 марта 1505 г. отправились в плавание с эскадрой вице-короля Индии Франческо де Альмейды. Финансирование по снаряжению трех каравелл взял на себя «консорциум» аугсбургских, генуэзских и флорентийских банкиров, но большая часть инвестиций в это предприятие, как известно, пришлась на долю Вельзеров. Секретарь правящего совета Аугсбурга того времени и глава кружка местных гуманистов Конрад Пойтингер писал после успешного завершения в 1506 г. экспедиции Альмейды, что «это предприятие принесло нам, аугсбуржцам, большую славу, так как мы оказались первыми немцами, которые достигли берегов Индии». Во-вторых, через несколько лет после завершения экспедиции в Индию Лукас Рем выступил в роли организатора крупного плантационного хозяйства по выращиванию сахарного тростника и производству сахара на острове Мадейра (см.: Welsler H., von Bartholomeus Welsler //LB. 1956. Bd. 4. S. 136; Idem. Lucas Rem (1481-1541) //LB. 1958. Bd. 6. S. 171, 174-175; Zorn W. Augsburg ... S. 157).

⁴⁰ В этой связи представляют интерес результаты деятельности нюрнбергской компании «Петер Имхоф и братья», купцов-предпринимателей примерно того же «ранга», что и Лукас Рем. Прибыль компании Имхофов в 1488-1489 гг. составила 9 процентов, в 1501 г. – 13 процентов, а среднегодовая норма прибыли за отрезок времени в пятнадцать лет (1508-1522 гг.) – 8,5 процентов годовых (см.: Müller J. Gesellschaftliche und Gewinnanteile Endres Imhofs als Teilhaber Handelsgesellschaft «Peter Imhofs und Gebrüder» von 1508-1522 //VSWG. 1916. Bd. 13. S. 168-169).

⁴¹ См.: Strieder J. Zur Genesis ... S. 46, 86-87, 108-109, 140, 160-161, 166, 193, 201.

⁴² Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger ... Bd. 1. S. 227-231.

⁴³ Так, среднегодовая норма торговой прибыли компании Бессерперов из Меммингена в 1522-1528 гг. равнялась примерно 7 процентам /см.: Westermann A. Memminger

Handel ... S. 21). Эта норма прибыли ниже той, которую А.Д. Эпштейн называет «весьма умеренной прибылью». Однако норма торговой прибыли большинства крупных аугсбургских компаний была выше «весьма умеренной прибыли» (то есть 7,6 процентов годовых).

⁴⁴ Zink ... S. 162: «... so wolt er doch verkaufen, in daucht als solt mer werden gelten».

⁴⁵ Ibid. S. 163.

⁴⁶ Sender ... Beilagen. S. 329.

⁴⁷ Preu ... S. 48.

⁴⁸ Sender ... S. 220.

⁴⁹ Heer F. Augsburgs Bürgerum in Aufstieg Augsburgs zur Weltstadt (1270 bis 1530) // «Augusta 955-1955» ... S. 115.

⁵⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 353.

⁵¹ Сведения на этот счет можно почерпнуть из труда Давида Лангенмантеля (см.: Langenmantel ... S. 51-56).

⁵² Hartung J. Die Augsburgs Zuschlagsteuer von 1475: Ein Beitrag zur städtischen Steuerwesen, sowie sozialen und Einkommenverhältnisse am Ausgang des Mittelalters// JGVV. 1895. Bd. 19. H. 1. S. 135.

⁵³ Pölnitz G., von. Die Fugger. Frankfurt am Main, 1960. S. 195.

⁵⁴ Zink ... S. 239.

⁵⁵ Ibid. S. 240.

⁵⁶ Ibid. S. 274-275; Anonyme Chronik ... S. 514.

⁵⁷ Sender ... S. 38.

⁵⁸ Прологом острого конфликта «бургомистра от цехов» (von den zunften) Петера Эгена с магистратом и общиной города была его ссора, которая произошла, по словам одного из современников событий, «на почве личной неприязни» с коллегой по должности – «бургомистром от общины» (von den burgern) патрицием Генрихом Лангенмантелем. Во время конфликта с Лангенмантелем Эген, поскольку стали известны городским властям и достоянием гласности его политические планы, целью которых, по официальной версии, являлось свержение с помощью, по всей видимости, баварских герцогов, правящего совета и установление диктатуры личной власти, бежал в Ульм. По поручению городских властей Аугсбурга в Ульм приезжали, чтобы добиться возвращения Эгена в родной город, власти которого намерены были отдать его под суд, аугсбургские ратманы Штефан Хангенор и Симон Целлер. Однако их визит не увенчался успехом. Тогда правящий совет Аугсбурга лишил Эгена бюргерских прав и запретил ему «до конца жизни» возвращаться в город (см.; Некрасов Ю.К. Социальная борьба в Аугсбурге в середине и начале второй половины XV века // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2. С. 438; Он же. Происхождение ... С. 150; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 190. 191; Nübling E. Die Reichsstadt Ulm am Ausgang des Mittelalters (1378-1556): Ein Beitrag zur deutschen Städte- und Wirtschaftsgeschichte. Ulm, 1904. Bd. 1. S. 204-205).

⁵⁹ Zink ... Beilagen, S. 413: «... von uberfarung unser freihaiten pen und schaden».

⁶⁰ Zink ... S. 206.

⁶¹ Протокол заседания правящего совета Аугсбурга и хроника хорошо осведомленного в «городских тайнах» Гектора Мюлиха содержат свидетельства о том, что магистрат не ограничился изгнанием Петера Эгена. Дело в том, что сам Эген, как мы знаем, обвинялся в организации заговора против правящего совета города, в свою очередь Эген выдвинул «встречный иск» с обвинениями в адрес правящей олигархии

Аугсбурга и обратился с ним в Имперский палатный суд, заседание которого по этому иску было назначено на 4 октября 1452 г. Однако аугсбургские олигархи, можно сказать, «сыграли на опережение», и еще 12 сентября того же года «тайный суд» (Fehmgericht) заочно вынос Эгену смертный приговор и тот пал от руки наемного убийцы по дороге из Ульма в Вену на заседания суда (см.: Zink ... Beilagen. S. 405, 406, 413-414; Müllich ... S. 145). По всей видимости, обвинения Эгена в адрес правящей верхушки Аугсбурга имели под собою достаточно веские основания. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что спустя примерно десять лет после гибели Эгена в начале 60-х годов с разоблачениями правящей олигархии выступил бежавший из города секретарь правящего совета Аугсбурга Генрих Эрлбах, который обвинил олигархов в забвении общественных интересов и расхищении городской казны. Олигархи, увидев в выступлении Эрлбаха серьезную для себя угрозу и действуя по привычному стандарту, в свою очередь обвинили Эрлбаха в заговоре «против законной власти», добились сначала ареста Эрлбаха, а затем после длительного тюремного заключения в Регенсбурге и его казни в 1472 г. (см.: Zink ... S. 296; Müllich ... S. 222; Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 209).

⁶² См.: Некрасов Ю.К. Социальная борьба в Аугсбурге ... С. 444; Он же. Происхождение ... С. 152.

⁶³ UB der Stadt Augsburg ... Bd. 2. S. 277: «... nymer geben noch sy werdem muten sulen».

⁶⁴ Müllich ... S. 169.

⁶⁵ Ibid. S. 172.

⁶⁶ Zink ... S. 119.

⁶⁷ Müllich ... S. 209.

⁶⁸ Zink ... S. 120: «... das man das ungelt wolt gantz abzulassen».

⁶⁹ Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 197.

⁷⁰ Zink ... S. 121.

⁷¹ Müllich ... S. 210.

⁷² Hartung J. Die augsburger Vermögensteuer ... S. 169-170.

⁷³ Ibid. S. 174. Подробнее о процессе имущественной и социальной дифференциации населения Аугсбурга в XIV-XVI вв., положении различных прослоек этого населения и налоговой политике магистрата этого города см.: Некрасов Ю.К. К социально-экономической истории Аугсбурга ... С. 156-159; Он же. Происхождение ... С. 147-149; Он же. Эволюция социального строя ... С. 195-198; Он же. Эволюция социального строя и отношения собственности... С. 54-63; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 215-222, 230 след., 312-326.

⁷⁴ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 30-42; 73-75.

⁷⁵ Ibid. S. 19.

⁷⁶ Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter... S. 203 ff.

⁷⁷ Hartung J. Die Belastung des augsburgischen Grosskapital durch des Vermögensteuer in XVI. Jahrhundert //VSWG. 1898. Bd. 22. H. 1. S. 121.

⁷⁸ Müller K.O. Quellen ... S. 38.

⁷⁹ Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... Urkunden. S. 456.

⁸⁰ Fortsetzungen des Hector Müllich ... S. 409.

⁸¹ Цит. по: Strieder J. Zur Genesis ... S. 142.

⁸² Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 232.

⁸³ Fortsetzungen des Hector Müllich ... S. 434.

⁸⁴ Ibid. S. 436. См. также: Некрасов Ю.К. Возникновение и развитие системы раздач ... С. 51-52; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 101-102, 164.

⁸⁵ В Аугсбурге первые шаги по созданию независимого от католической церкви фонда благотворительности были сделаны в начале второй половины XIV в. В роли учредителя этого фонда выступил богатый купец и патриций Ульрих Ильсунг, который 23 сентября 1355 г. пожертвовал на содержание богадельни при церкви св. Якоба 300 фунтов пфеннигов. В 1364 г. он же выкупил долговое обязательство магистрата, задолжавшего городскому кафедральному собору 1280 фунтов пфеннигов, и на эти деньги учредил ренту в 40 фунтов пфеннигов. Ильсунг распорядился, чтобы на последнюю сумму четыре раза в году, то есть каждый раз по 10 фунтов пфеннигов, «всем бедным людям» в строго установленные сроки и отведенных для этого властями местях по распоряжению последних слуги магистрата раздавали «по одному пфеннигу милостыни» (10 фунтов пфеннигов=200 шиллингов=2400 пфеннигов). Таким образом, благотворительный вклад Ульриха Ильсунга предполагал оказание помощи 2400 городским беднякам. М. Бисле, изучавший историю благотворительности в средневековом Аугсбурге, утверждает, что «вечная рента» Ульриха Ильсунга была первым крупным вкладом в формирование системы благотворительности за рамками церковной организации. Причем долгое время этот вклад оставался примером, который не находил последователей (см.: *IB der Stadt Augsburg ... Bd. 2. S. 60-61, 121, 221-222; Die Chronik der Gründung der Stadt Augsburg ... S. 308; Müllich ... S. 3; Bisle M. Die öffentliche Armenpflege der Reichsstadt Augsburg mit Berücksichtigung einschlägigen Verhältnisse in anderen Reichsstädten Südwestdeutschland. Paderborn, 1904. S. 42*)

⁸⁶ Paul von Stetten-ältere. *Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 232*. Аналогичные явления можно было наблюдать и в других городах Южной Германии. Так, правящий совет Ульма в мае 1498 г. образовал специальную комиссию, которая с помощью нанятых властями для этой цели слуг должна была переписать всех нищих в самом городе и его окрестностях, а также – повсюду в обширной сельской округе города, чтобы по возможности установить, кто из них в состоянии работать (см.: Nübling E. *Die Reichsstadt Ulm ... Bd. 1. S. 372-373*).

⁸⁷ См.: Штекли А.Э. От приютов милосердия к работным домам //СВ. 1984. Вып. 47. С. 100-115; Евдокимова А.А. Законодательство Фрейбурга в Брейсгау о нищих и бродягах (XVI в.) // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (X-XVI вв.). Вологда. 1985. С. 114-127; Дятлов З.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV – XVI вв. //Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1898. С. 53-61. 161-163; Он же. Реформа городской благотворительности в Германии (1522-1524 гг.) //Германская история эпохи Реформации ... С. 36-53; Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 201-210, 213-222.

⁸⁸ Wilhelm Rem. *Cronika der newer geschichten ... S. 172*.

⁸⁹ Ibid. S. 173.

⁹⁰ Sender ... S. 164.

⁹¹ Ibid. Beilagen. S. 393.

⁹² Preu ... S. 59-60.

⁹³ Ibid. S. 60.

⁹⁴ Первым в отечественной историографии об Ульрихе Шварце и возглавляемом им оппозиционном олигархическому режиму общественном движении сказал А.Д. Эпштейн (см.: Эпштейн А.Д. Из истории Аугсбурга ... С. 163-164). Затем к исследованию данного сюжета обратился автор этих строк (См.: Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV- XVI вв. (По материалам имперского города Аугсбурга) //Проблемы германской истории. Вологда, 1971. Вып. 1. С. 118-119; Он же. Радикально-бюргерская оппозиция в Аугсбурге в 70-е годы XV в.: Ход движения и социальный состав участников //СВ. 1975. Вып. 38. С. 129-148; Он же. Происхождение ... С. 142-161; Он же. Реформа или революция? ... С. 118-119; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 326-328). О «цеховой демократии» и механизме действия институтов политической власти в городах Западной Европы в Средние века см.: Хачатурян Н.А. Политическая организация средневекового города ... С. 333-335; Сванидзе А.А. Стратегия удержания власти ... С. 80 след.; Некрасов Ю.К. Происхождение ... С. 153-159; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ...С. 366-375.

⁹⁵ Müllich ... S. 260: «... und was aims zimmermann sun und was zunftmeister under salzvertigen».

⁹⁶ Langenmantel ... S. 53-54.

⁹⁷ О программе деятельности бюргерской оппозиции в Аугсбурге во главе с Ульрихом Шварцем, которая была направлена не только на установление «справедливых порядков» в соответствии с вызовами времени, но и отчасти и на возвращение к нормам «древнегородской демократии» см.: Некрасов Ю.К. Происхождение ... С. 153-159; Он же. Реформа или революция? ... С. 119.

⁹⁸ Müllich ... S. 260: «... und kam also auf, was er wol, das hatt ain furgang».

⁹⁹ Sender ... S. 41.

¹⁰⁰ Müllich ... S. 257.

¹⁰¹ Ibid. Beilagen. S. 432.

¹⁰² Ibid. S. 433-435.

¹⁰³ Müllich ... S. 260.

¹⁰⁴ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 218.

¹⁰⁵ Sender ... S. 41. См. также: Некрасов Ю.К. Радикально-бюргерская оппозиция ... с. 144.

¹⁰⁶ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ...S. 218. Ср. также: Некрасов Ю.К. Радикально-бюргерская оппозиция ... С. 144-145.

¹⁰⁷ См.: Некрасов Ю.К. К социально-экономической истории Аугсбурга ... С. 153-154; Он же. Радикально-бюргерская оппозиция ... С. 139 след.; Он же. Реформа или революция? ... С. 85, 87; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 160-163. 168-169. 192 (Прим. 173).

¹⁰⁸ Выступления против монополий в городах Южной Германии имели место еще в первой половине XV в. Так, в 1425 г., по всей видимости, под влиянием «примера Цюриха», где была запрещена деятельность любых компаний, в Констанце возникло общественное движение, направленное против компаний-монополистов. Участники движения требовали роспуска таких компаний. Однако тогда антимонопольное движение, которое началось в Констанце, не нашло отклика и не получило поддержки со стороны других городов Озерного края, не говоря уже о всей Швабии. Поэтому движение оказалось скоротечным, не привело к практическим результатам и не оставило

заметного следа в жизни швабских городов (См.: Ammann H. Konstanzer Wirtschaft nach Konzil // Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensees. Konstanz. Bd. 69. S. 88).

¹⁰⁹ См.: Савина Н.В. Купеческие компании ... С. 196 след.

¹¹⁰ Bauer C. Konrad Peutinger und der Durchbruch neuen ökonomischen Denken in der Wende zur Neuzeit // «Augusta 955-1955» ... S. 224-224.

¹¹¹ Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschland // Gesellschaftliche Unterschichten in Südwestdeutschen Städte. Stuttgart, 1967. S. 53.

¹¹² Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft ... S. 312-315.

¹¹³ Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte. Bd. I: 1517-1530. München, 1901. S. 59, 62; Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg // «Augusta 955-1955» ... S. 284-286.

¹¹⁴ Sender ... S. 153.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Ibid. S. 160-161.

¹¹⁷ Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg ... S. 285.

¹¹⁸ Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte ... S. 83.

¹¹⁹ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 21: «Der Artzt was ain grober raucher man».

¹²⁰ Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg ... S. 284.

¹²¹ Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte ... S. 69.

¹²² Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 137: «... der Fugger bracht zuwegen».

¹²³ В ходе августовских событий 1524 г. в Аугсбурге противостояние «верхов» и «низов» достигло опасной степени напряженности. Плебейско-бюргерская оппозиция возлагала в ходе событий на владельцев крупных компаний, особенно Футтеров, вину не только за изгнание популярного в народе монаха-проповедника Иоганнеса Шиллинга, но и за бедственное положение большинства жителей города. Вожак и идеологи стихийно возникшего массового общественного движения обвиняли владельцев этих компаний как в росте цен на товары первой необходимости, так и вообще во всех «смертных грехах» и многочисленных бедах, которые обрушились на городскую бедноту в те беспокойные времена. В связи с этим участники движения добивались роспуска всех торговых компаний и требовали, чтобы «каждый торговал (только) от своего имени» (подробнее см.: Нскрасов Ю.К. Южно-немецкий город в начале Крестьянской войны // ЕГИ. 1978. м.. 1979. С. 276-283; Он же. Реформа или революция? ... С. 170-171).

¹²⁴ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 205.

¹²⁵ Preu ... S. 28.

¹²⁶ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 206; «... das gab man die schuld den Fugger».

¹²⁷ Preu ... S. 28.

¹²⁸ Ibid. S. 29.

¹²⁹ Ibidem; «... sie wollen den munch und kain ander». «Монах-проповедник» Иоганнес Шиллинг, скорее всего помимо своей воли, стал ключевой фигурой событий в Аугсбурге в августе 1524 г. Дело в том, что на этом этапе общественного движения (до начала самой Крестьянской войны 11 сентября того же года) требование свободы евангелической проповеди «нового учения», как отмечает М.М. Смирин, носило форму «борьбы за популярных народных проповедников» (См.: Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955.

С. 291 след.; Он же. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978. С. 112 след. Ср. также: Некрасов Ю.К. Реформа или революция? ... С. 169-170).

¹³⁰ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 206: «... also zoch der Puggen nach altag aus der statt gen Biberbach».

¹³¹ Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte ... S. 133.

¹³² Sender ... S. 158.

¹³³ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 207.

¹³⁴ Ibid. S. 208: «... dass man die sturmglögen nicht laub».

¹³⁵ Preu ... S. 32: «... sie sind ersten cristen zu der etlichen verfolgung».

¹³⁶ Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg ... S. 287, 291-292.

¹³⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 355.

¹³⁸ Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg ... S. 290.

¹³⁹ Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte ... S. 108: «...sie wollen schweizer werden». Значение «швейцарского примера», на что историки, опираясь на свидетельства источников, давно уже обратили внимание, состояло в следующем. «Простые люди» Южной Германии тогда видели в Швейцарском Союзе идеальное общественное устройство, в котором, как они полагали, была реализована их многовековая мечта о свободе (то есть жизни «без господ»). Именно в силу данного обстоятельства «простые люди» сопредельных с швейцарскими кантонами территорий Германии выражали искреннее желание «самим стать швейцарцами» (см.: Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. С. 106, 108; Некрасов Ю.К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения ... С. 88-89 (прим. 25); Гутнова Е.В. Западноевропейский регион ... С. 303; Иванов В.В. Содержание и характер памфлета «К собранию простого крестьянства»//Памфлеты Крестьянской войны в Германии. Ижевск. 1992. С. 56; Elben A. Vorder-österreich und seine Schutzgebiet im Jahre 1524: Ein Beitrag zur Geschichte der Bauernkrieges. Stuttgart, 1880. S. 73; Waas A. Der Bauer im Kampf un Gerechtigkeit ... S. 221; Hoyer S. Zu den Ursachen des Bauernkrieges und zu Problem seines Verlaufs //ZfG. 1976. H. 6. S. 678 ff.).

¹⁴⁰ Sender ... S. 215-216.

¹⁴¹ Автор цитируемого документа определенно имел в виду Ульриха Релингера-младшего, сына Ульриха Релингера-старшего. Последний, как известно, неоднократно в годы Реформации избирался бургомистром Аугсбурга, являлся убежденным противником католической церкви, сторонником реформационного движения и «евангелического церкви», сыграл заметную роль в выборе городом антигабсбургской ориентации и его участия в первой Шмалькальденской войне на стороне Протестантского Союза.

¹⁴² Sender ... Beilagen. S. 333.

¹⁴³ Ibid. S. 340.

¹⁴⁴ Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg ... S. 287, 290.

¹⁴⁵ Sender ... S. 176.

¹⁴⁶ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 294-295.

¹⁴⁷ Sender ... Beilagen. S. 344: «... mit den er zu schaffen hat gehept».

¹⁴⁸ Ibid. S. 345.

¹⁴⁹ Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte ... S. 120. Сегодня можно считать вполне установленным фактом, что первое крещение в Цюрихе в недавнем прошлом сподвижником Ульриха Цвингли Конрадом Гребелем, священника расположенной на

берсу Цюрихского озера поблизости от города деревни Цолликон Георга Блаурока состоялось 21 января 1525 г. Вскоре после этого события в Цолликоне появилась первая в истории Реформации община анабаптистов. Именно с этого времени крещение вступающих в общины адептов «новой веры» (так тогда называли себя анабаптисты) стало обязательным условием вступления в их ряды и отличительным признаком анабаптизма как такового. Отсюда следует, что географическим пунктом рождения анабаптизма являлся Цюрих и его сельская округа (см.: Некрасов Ю.К. Томас Мюншер и швейцарские анабаптисты об идее общности имущества // История социалистических учений. М., 1987. С. 228; Он же. Реформа или революция? ... С. 252; Он же, Васильева М.В. Анабаптисты после Крестьянской войны // Германская история эпохи Реформации... С. 120; Die älteste Chronik der Hutterischen Brüder (Hrsg. von A.J.F. Zieglschmidt. New York, 1943. S. 42-47; Blanke F. Brüder in Christo: Die Geschichte der ältesten Tauggemeinde: Zollikon 1525. Zürich, 1955. S. 21-22).

¹⁵⁰ Sender ... S. 186.

¹⁵¹ Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg ... S. 291.

¹⁵² Preu ... S. 36: «... wann die sect wolt zu lang werden».

¹⁵³ Ibidem.

¹⁵⁴ Sender ... S. 160.

¹⁵⁵ Об Эйтельгансе Лангенмантеле, его литературном творчестве, социальной утопии «царства божьего на земле» и путях претворения этой идеи в жизнь, общественной деятельности, судьбе Эйтельганса и его сподвижников см.: Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Т. 2: Коммунизм в германской реформации. М., 1919. С. 148-149; Schubert F.H. Die Refarmation in Augsburg ... S. 291; Westermayer F. Eitelhans Langenmantel // LB. 1955. Bd. 5. S. 142 ff.

¹⁵⁶ Sender ... S. 201.

¹⁵⁷ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 327.

¹⁵⁸ Heer F. Augsburger Bürgertum ... S. 126.

¹⁵⁹ Sender ... Beilagen. S. 354-355.

¹⁶⁰ Pölnitz G., von. Jacob Fugger ... Bd. 1: Quellen und Eri'au-terungen. S. 454.

¹⁶¹ Ibid. S. 590-591.

¹⁶² Sender ... Beilagen. S. 341.

¹⁶³ Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg ... S. 295.

¹⁶⁴ Sender ... Beilagen. S. 357.

¹⁶⁵ По всей видимости, городской хронист имел в виду «Цеховую грамоту» 1368 г., которая увидела свет после победы ремесленников и мелких торговцев над патрициями и в то же время была результатом политического компромисса между победителями и побежденными, на протяжении почти двух столетий (до 1548 г.) она служила фактически «конституцией» позднесредневекового Аугсбурга, в которой не только были зафиксированы права и обязанности бюргеров, но и установлен новый политический режим» – «цеховое правление» (см.: UB der Stadt Augsburg ... Bd. 2. S. 149 ff.).

¹⁶⁶ Sender ... Beilagen. S. 343-344.

¹⁶⁷ Ibid. S. 344.

¹⁶⁸ Ibid. S. 379.

¹⁶⁹ Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg ... S. 295.

¹⁷⁰ Sender ... Beilagen. S. 399; Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 339-340.

¹⁷¹ Langenmantel ... S. 63.

¹⁷² Этот эпизод в политической истории позднесредневековой «Священной Римской империи немецкой нации» имел своим следствием развязывание религиозных (гражданских) войн между католиками и протестантами, ареной которых в конце первой половины XVI в. стали германские земли (см.: Чуянов А.Ф. Становление Протестантского Союза в Германии (20-е – 30-е гг. XVI в. // Проблемы эволюции общественного строя и международные отношения в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997. С. 77-79, 93, 99; Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии ... С. 79-80).

¹⁷³ Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger ... Bd. 1. S. 234.

¹⁷⁴ Ibid. S. 199, 219, 221-222.

¹⁷⁵ Pölnitz G., von. Die Fugger ... S. 197.

¹⁷⁶ Ibid. S. 206.

¹⁷⁷ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 371.

¹⁷⁸ Ibid. S. 386.

¹⁷⁹ Ibid. S. 399.

¹⁸⁰ Müller K.O. Quellen ... S. 49-50.

¹⁸¹ Langenmantel ... S. 63.

¹⁸² Ibid. S. 71.

¹⁸³ Ibid. S. 77.

¹⁸⁴ Ibid. S. 78. Авторы документа, который приводит в своей «Истории правления в Аугсбурге» Давид Лангенмантель, определенно имсют в виду князей-протестантов курфюрста Иоганна-Фридриха Саксонского и ландграфа Филиппа Гессенского. Оба князя действительно приложили немалое сил, проявили большую энергию в формировании антигабсбургской коалиции и показали себя убежденными политическими противниками императора Карла V (см.: Чуянов А.Ф. Становление Протестантского Союза ... С. 97, 99).

¹⁸⁵ Langenmantel ... S. 70.

¹⁸⁶ Ibid. S. 79.

¹⁸⁷ Ibid. S. 78; Mair ... S. 77. Принцип «общей пользы» в XV-XVI вв. стал «общим местом» в немецкой публицистике и хронографии. Об идеологии и социальном содержании этого принципа см.: Дятлов В.А. «Общая польза» в немецком обществе XV-XVI вв. // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 1995. Вып. 2. С. 69-84. Ср. также: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 167, 306, 380-387.

¹⁸⁸ Mair ... S. 79.

¹⁸⁹ Die Chronik der Familie Fugger ... S. 41-42.

¹⁹⁰ В отечественной историографии проблема бюргерского землевладения на материале источников Южной Германии затрагивается в трудах В.А. Ермолаева, Т. М. Негуляевой, Ю.К. Некрасова, Н.В. Савиной и А.А. Евдокимовой (см.: Ермолаев В.А. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бурграфства // СГ. 1968. Вып. 1. С. 77-93; Негуляева Т.М. Формирование свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XII – начале XIV века // Там же. С. 61-76; Она же. Эволюция земельной собственности в средневековом Страсбурге (XII-XIV вв.) // Проблемы германской истории ... Вып. 2. С. 169-177; Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии ... С. 136-151; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 296-298, 375-379; Савина Н.В. О характере эксплуатации земельных владений Фуггерами в первой половине XVI в. // СВ. 1977. Вып. 41. С. 173-186; Она же. Южно-

немецкий капитал ... С. 266-286; Евдокимова А.А. Изменение характера поземельных операций швабского бюргерства (XV- XVI вв.) //СВ. 1987. Вып. 47. С. 139-152). Проблему бюргерского землевладения в условиях генезиса капитализма на примере Магдебурга рассматривает и историк ГДР Х. Харниш (см.: Harnisch H. Bauern – Feudaladel – Städtebürgertum. Weimar, 1980. S. 146-149 ff.). О роли бюргерского землевладения в историческом процессе переходной от Средних веков к Новому времени эпохи также см.: Котельникова Л.А. Крестьянство и город //История крестьянства в Европе. М. 1986. Т. 2. С. 82-84; Ястребицкая А.Л. Германия //История Европы. Т. 3. С. 68. 76-77.

¹⁹¹ Müller K.O. Quellen ... Vorwort. S. 12.

¹⁹² Inventur ... S. 35.

¹⁹³ Ibid. S. 86.

¹⁹⁴ Müller K.O. Quellen ... S. 13-15.

¹⁹⁵ Ibid. S. 30-32.

¹⁹⁶ Ibid. S. 64. Под «1 tagwerk» имеется в виду луг, который один козарь в состоянии сносить в течение рабочего дня.

¹⁹⁷ Inventur ... S. 86.

¹⁹⁸ Müller K.O. Quellen ... S. 13-15.

¹⁹⁹ Ibid. S. 30-32.

²⁰⁰ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 50-51.

²⁰¹ Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... Urkunden. S. 403.

²⁰² Müller K.O. Quellen ... S. 13-15.

²⁰³ Ibid. S. 30-42.

²⁰⁴ Ibid. S. 41-44.

²⁰⁵ Ibid. S. 61.

²⁰⁶ Ibid. S. 68.

²⁰⁷ Ibid. S. 41-44.

²⁰⁸ Ibidem.

²⁰⁹ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 61.

²¹⁰ Roth F. Augsburgs Reformationgeschichte ... S. 45.

²¹¹ Die Chronik der Familie Fugger ... S. 28.

²¹² Pölnitz G., von. Jacob Fugger ... Bd. 1: Quellen und Erläuterungen. S. 549.

²¹³ Ibid. S. 312.

²¹⁴ Inventur ... S. 85.

²¹⁵ Die Chronik der Familie Fugger ... S. 63.

²¹⁶ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 141. О семействе бурграфов также см.: Некрасов Ю.К. От средневековой и индустриальной цивилизации ... С. 233, 235, 236, 256.

²¹⁷ Pölnitz G., von. Anton Fugger ... Bd. 1. S. 167.

²¹⁸ Pölnitz G., von. Die Fugger ... S. 226.

²¹⁹ Simnacher H. Die Fuggertestamente des XVI. Jahrhunderts. Tübingen, 1960. S. 137.

К теме футгеровского землевладения, которое уже давно привлекло внимание исследователей, также специально обращались немецкие историки Т. Дювель и Г. фон Пельниц, французский – Р.Мандру, отечественный – Н.В. Савина /см.: Düvel T. Gütererwerbungen Jacob Fugger der Reichen. Leipzig; Berlin, 1913; Pölnitz G., von. Jacob Fugger ...; Anton Fugger ...; Mandrou R. Les Fugger propriétaires an Swebe 1560-1618. Paris, 1960; Савина Н.В. О характере эксплуатации ... С. 173 след.; Она же. Южно-

немецкий капитал ... С. 273-283). Проблему футтеровского землевладения затрагивал и автор этих строк (см.: Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса ... С. 140-142; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 295-298, 357 (прим. 287, 288)). Феномен футтеровского землевладения отражает извилистый путь немецкой буржуазии, которому известно и движение в обратном от исторического прогресса направлении – от капитализма к феодализму. Именно в ходе этого, фигурально выражаясь, «попятного движения» произошла метаморфоза Футтеров из бюргеров, купцов и капиталистов во владетельных князей. Однако было ли это возвращением самих Футтеров в прошлое, во времена «седого Средневековья»? На этот вопрос вряд ли возможно дать однозначный ответ. Дело в том, что в эпоху головокружительного возвышения потомков грабенских крестьян и ткачей вступал в действие механизм смены цивилизаций и наступало другое время – постсредневековой цивилизации, в сферу влияния которого и попали Футтеры.

²²⁰ «Каталог» земельных приобретений семейства Паумгартнеров в XVI в. составила Н.В. Савина (см.: Савина Н.В. Южно-немецкий капитал ... Приложение. Табл. 27. С. 322-324). Савиной учтены 23 поземельных сделки Паумгартнеров. В 10 случаях различные земельные комплексы были приобретены ими, можно сказать, на рынке недвижимой собственности в результате операций купли-продажи, в 13 случаях речь шла о закладе земли, причем только в 2 случаях земля была выкуплена ее владельцами, в остальных 11 – стала собственностью Паумгартнеров. Заслуживает внимания и тот факт, что в 4 случаях Паумгартнерам удалось изъять приобретенные ими за деньги земельные комплексы из системы вассально-ленных отношений и превратить в свою «полную собственность», что равнялось 17,4 процентов от общего числа поземельных операций. В большинстве же случаев Паумгартнеры получали земельные владения, приобретенные также за деньги, только «на ленном праве».

²²¹ Müller K.O. Quellen ... S. 45-46.

²²² Ibid. S. 68.

²²³ Ibid. S. 41-44.

²²⁴ Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 106.

²²⁵ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 298.

²²⁶ Strieder J. Zur Genesis ... S. 145.

²²⁷ Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... Urkunden.

S. 417.

²²⁸ Sender ... S. 107.

²²⁹ Müller K.O. Quellen ... S. 46.

²³⁰ Anonyme Chronik der Stadt Augsburg ... S. 518.

²³¹ Lucas Rem. Tagebuch ... S. 29.

²³² Pölnitz G., von. Jacob Fugger ... Bd. 1. S. 549.

²³³ Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 306.

²³⁴ Pölnitz G., von. Jacob Fugger ... Bd. 1. S. 166.

²³⁵ Ibid. S. 180. Текст этой присяги гласил буквально следующее: «Я свято обещаю и присягаю, что буду послушен, верен и покорен как благородному и честному господину Якобу Футтеру и его наследникам, так и попечителям и должностным лицам, а также тем, кого он поставит на свое место; (обязуюсь) также давать и выплачивать ренты, чинши и (выполнять) другие (новинности), блости его (Якоба Футтера) пользу и благочестие, (отвращать) убытки, давать все, что должен верно и беспрекословно исполнять подданный своему господину по древнему обычаю, а также (выполнять) то,

что пожаловал мосу господину его Величество римский король по закладной грамоте».

²³⁶ Ibidem.

²³⁷ Ibid. S. 540.

²³⁸ Ibid. S. 540-541.

²³⁹ Ibid. S. 314-316.

²⁴⁰ Wilhelm Rem. Cronika der newer geschichten ... S. 50: «... das sie aus gunst darein miben».

²⁴¹ Савина Н.В. Южно-немецккий капитал ... С. 281.

²⁴² Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 344 (прим. 158), 345 (прим. 166), 377.

²⁴³ Савина Н.В. Южно-немецккий капитал ... С. 282-283; Pöinitz G, von. Die Anfänge der Weissenhomer Barchentweberei unter Jacob Fugger //Festschrift für H.Lierrmann. Eriangen, 1964. S. 209-214.

²⁴⁴ Müller K.O. Quellen ... S. 106-107.

²⁴⁵ Ibid. S. 107.

²⁴⁶ Ibid. S. 109: «... grund, boden und obrigkeit».

²⁴⁷ Ibid. S. 219.

²⁴⁸ См.: Сванидзе А.А. Средневековые города //История Европы. Т. 2. С. 243-244; Бойцов М.А. Города Германии ... С. 81; Харитонович П.Э. Ремесло, цех и миф //Город в средневековой цивилизации ... Т. 2. С. 119-123; Уваров П.Ю. Социальное единство ... С. 175-176.

²⁴⁹ Ditt P. Studien ... S. 195. Из приведенных Д. Диром архивных материалов известно, что в «Питейный клуб господ» Аугсбурга в 1425 г. входили 7 обладавших бюргерскими правами, движимой и недвижимой собственностью в городе сельских дворян, 25 патрициев и 42 представителя «цехового бюргерства». Следовательно, «Клуб господ» в том году состоял из 74-х полноправных членов. Из представителей цеховой верхушки доступ в этот «Клуб» имели только богатые и зажиточные бюргеры, состоявшие в родстве с патрицианскими семействами города. Заслуживает внимания и тот вполне очевидный факт, что крупные оптовые торговцы и преуспевающие цеховые мастера «непатрицианского происхождения» образовывали, пожалуй, самую влиятельную фракцию в «Клубе господ», в котором патриции составляли лишь третью часть его членов и, следовательно, были далеки от того, чтобы играть в этом «Клубе» руководящую роль. Отсюда можно заключить, что «Клуб господ», являвшийся своего рода «теневым кабинетом» правящего совета Аугсбурга, объединял патрицианско-олигархическую верхушку города. Именно в руках представителей этой верхушки сосредотачивалась большая часть богатств и вместе с ними – политическая власть в городе. Любопытно также отметить, что картина отношений между семействами городской элиты Аугсбурга около 1425 г., сведения о которых можно почерпнуть из источников, обнаруживают достаточно близкую аналогию семейно-родственным и публичным связям, правилам поведения в среде так называемого «жирного народа» (popolo grasso) во Флоренции в том же XV в. (см.: Гис, Френсис и Джозеф. Брак и семья в Средневековье. М., 2002. С. 283-303; Краснова И.А. Брак и семья в городе Флоренции XIV-XV веков //Город в средневековой цивилизации ... Т. 2. С. 213-219).

²⁵⁰ Paul von Stetten-jungere. Geschichte der adelischen Geschlechter ... S. 142.

²⁵¹ Ibid. S. 143-144.

²⁵² Ibid. S. 137.

²⁵³ Pölnitz G., von. Augsburgur Kaufleute ... S. 191.

²⁵⁴ Так, к примеру, в Равенсбурге корпорация под названием «Der Gesellschaft zum Esel» (Товарищество у осла), возникшая еще в начале второй половины XIV в., объединяла в своих рядах в первую очередь крупных оптовых торговцев. Причем ее членами были как бюргеры, являвшиеся патрициями и торговцами «купеческой гильдии», так и цеховые мастера, нажившие состояния благодаря участию в «дальней торговле» и распространении производственных отношений так называемых «раздач» в текстильной промышленности. Необходимо обратить и на тот факт, что упомянутые выше цеховые мастера или сами владели торговыми компаниями, или самостоятельно занимались коммерческой деятельностью на германских и международных рынках Европы. Поэтому примечательно, что среди таких мастеров особенно заметным было представительство из корпорации ткачей; некоторые из таких мастеров не только Равенсбурга, но и Констанца приняли активное участие в основании и деятельности «Большого купеческого товарищества», или «Большой (Равенсбургской) компании». Еще более выразительные примеры цеховых мастеров, преуспевавших в торговле и предпринимательстве, можно почерпнуть из истории ткачей Аугсбурга, где «выскочки из цехов, в том числе корпорации ткачей, в XV-XVI вв. играли заметную роль в экономической жизни города и далеко за его стенами, входили в аристократические сообщества городской верхушки (патрицианскую корпорацию и «Mehrer der Gesellschaft»). В Констанце аналогичным по назначению названной выше равенсбургской корпорации «Товарищество у осла» являлось объединение «Zur Katze» (У кошки), в Линдау – «Zum Süunfzen» (У грешников), в Меммингене – «Zum Löven» (У льва) (см.: Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft ... Bd. 1. S. 209, 211, 212; Некрасов Ю.К. От средневековой и индустриальной цивилизации ... С. 283-289, 293-308). При этом необходимо иметь в виду, что все они, в отличие от торгово-ремесленных и патрицианских корпораций не обладали «конституционными» политическими правами и не делегировали официальных представителей в правящие советы городов, то есть формально не являлись властными институтами. Это, однако, не означало, что эти объединения не оказывали влияния на политику магистратов. К тому же, такие объединения выполняли и другие функции. В частности, они служили связующими звеньями между правящими советами и городскими общинами, между патрициатом и цехами, между олигархической верхушкой и «средним классом» городского населения. Выполняя последнюю функцию, эти объединения способствовали поддержанию гражданского мира в общинах, правопорядка и равновесия между различными социальными и политическими силами в средневековых городах Южной Германии. Принимая во внимание, вероятно, именно эти обстоятельства, правящая олигархия Аугсбурга создала сообщество городской знати под непереводаемым на русский язык наименованием «Mehrer der Gesellschaft».

С другой стороны, нельзя не учитывать и того факта, что корпоративность, присутствующая средневековому городу, уже с XV в. превратилась в тормоз на пути прогресса в общественном производстве. В новых исторических условиях, когда набирали силу явления раннего капитализма, защитники корпоративности в любом факте инноваций и частной инициативы в экономической жизни общества (главным образом в предпринимательской деятельности) видели прежде всего поправку «справедливого равенства» и забвение принципа «общей пользы», следование которому будто бы делало счастливой жизнь их отцов и дедов. Ревнители «седой старины» вели с нарушителями принципов «справедливого равенства» и «общей пользы» (в их тогдашнем понимании).

ответственности ментальности человека Средневековья) и проявлениями «свободы выбора» неустанную борьбу не столько в теории, сколько на практике (см.; Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 379-380). Рассматривая явления, которые по существу отражали процесс «капиталистического перерождения» средневековых торгово-ремесленных корпораций, следует иметь в виду и другую его сторону. Дело в том, что выражением кризиса средневековой корпоративности являлся процесс так называемого «закрывания цехов», который в значительной мере был реакцией мелкоотварной организации ремесленного производства на возникновение тех же явлений раннего капитализма. Причем явления раннего капитализма стали фактом реальной действительности раньше всего в экспортных отраслях текстильной промышленности (см.: Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки ... с. 97-98, 100; Корхов Ю.А. Цехи //СИЭ. 1975. Т. 14. С. 761; Харитонович Д.Э. Ремесло, цех и миф ... С. 122-123; Смирнова Е.П., Сушкевич Л.П. Федосик В.А. Средневековый мир ... С. 366-367), откуда эти явления распространились и на другие отрасли народного хозяйства. В настоящей монографии они рассмотрены в Главе четвертой на примере горного дела.

²⁵⁵ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... Urkunden. S. 423-424; Paul von Stetten-jüngere. Geschichte der adelichen Geschlechter ... S. 155; Zorn W. Augsburg ... S. 127.

²⁵⁶ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... Urkunden. S. 424-425.

²⁵⁷ Volkmann E. Germanische Handel ... S. 265.

²⁵⁸ Paul von Stetten-ältere. Geschichte der Stadt Augsburg ... S. 353.

²⁵⁹ Ibid. S. 252.

²⁶⁰ Ibid. S. 378-379.

²⁶¹ Ibid. S. 376.

²⁶² Гуревич А.Я. Человек Средневековья ... С. 696.

²⁶³ Zink ... S. 74.

²⁶⁴ См.: Ястребицкая А.Л. Трудящиеся ... С. 421.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, необходимо обратить внимание прежде всего на следующее: его хронологические рамки совпадают по времени с начальной стадией движения Западной Европы от феодализма к капитализму, от средневековой к индустриальной (или прединдустриальной) цивилизации. Одним из главных препятствий на пути движения общественного производства по траектории прогресса являлся режим корпоративного ремесла в средневековых городах с его жестким ограничительным регулированием правил экономической деятельности, в которых долгое время сохранялись уравнивательные тенденции. Выдающуюся роль в преодолении этого анахронизма сыграли торговые компании. Последние в условиях экономического подъема, который со второй половины XI в. переживали германские земли, от торговли и банковско-кредитных операций, действуя вопреки правил корпоративного ремесла и торговли, переходили к инвестициям в общественное производство. Поэтому деятельность этих компаний оказалась тесным образом связана с явлениями раннего капитализма и зарождением капиталистического предпринимательства. Этот переход на практике оказался долгим и трудным.

Рассмотрение организации и структуры торговых компаний Южной Германии XV-XVI вв., их коммерческой, банковской и промышленно-предпринимательской деятельности дает основание во владельцах и пайщиках этих предприятий, которые, казалось бы, по своим личностным качествам и социальному статусу оставались бюргерами средневекowych городов, все же видеть (принимая во внимание их коренные интересы и характер экономической деятельности, а в ней определенное место занимало и раннекапиталистическое предпринимательство), прямых предшественников буржуазии Нового времени. Поэтому владельцев и пайщиков компаний можно было бы назвать «бюргерами-буржуа». С целью обоснования возможности употребления данной дефиниции обратимся к результатам настоящего исследования.

Как было установлено, преобладающим типом южно-немецких торговых, а отчасти и торгово-промышленных предприятий XV-XVI вв. являлось «торговое товарищество» (Handelsgesellschaft), которое по своей организационной структуре могло быть: 1) «семейной» компанией», то есть объединять узкий круг членов одного семейства; 2) включать в качестве пайщиков и участников лиц, не состоявших в родстве; 3) торговое товарищество также могло представлять собою компанию «смешанного» типа, то есть включать в свой состав в качестве участников и пайщиков как членов одной или нескольких состоящих в кровном родстве семей, так и «третьих лиц», которые не были связаны друг с другом родственными узами. Обязательным условием функционирования торгового товарищества являлось участие его пайщиков в повседневной деятельности предприятия, как тогда говорили, «трудом и капиталом», что предполагало внесение в кассу предприятия установленной договором об уч-

реждении компании денежной суммы в ее «основной капитал» и участие в ее работе в роли агента предприятия, что означало выполнение возложенных на него предприятием обязанностей и соблюдение его уставных норм, затрагивающих не только профессиональную деятельность пайщика, но и порою некоторые стороны личной жизни.

Объединение нескольких банкиров, купцов, а иногда и капиталистов, которые ошибочно отождествляются некоторыми современными историками-экономистами и историками права с «консорциумами» (или концернами) Нового и Новейшего времени, на самом деле не являлись постоянно действующими предприятиями. Появление таких объединений было вызвано к жизни существованием средневековых монополий, возникновением и развитием «откупной системы», особого порядка торговли отдельными видами товаров (в частности, благородными металлами). По форме это были соглашения купцов, банкиров и предпринимателей с представителями имперских властей, княжескими администрациями или друг с другом для проведения одной ограниченной во времени конкретной целью и географическим пространством крупной банковско-коммерческой операции.

Исследование структуры торговых компаний имело также целью установление механизма управления этими предприятиями, правового положения пайщиков, форм капитала и способов распределения прибыли. С внешней стороны система управления торговлей складывается, по всей видимости, на протяжении нескольких столетий развития европейской торговли в Средние века, находит выражение в лаконичной формуле: «централ» – фактория (или филиал) – представительство. Смысл этой формулы сводится к предельной централизации и полному подчинению «младших компаньонов», факторов и других служащих компаний диктату «правителей» (*regierer*) и «старших компаньонов» (*obristen*). Внутренняя структура этих компаний хотя и была продолжением развития средневековых форм и традиций, в то же время содержала элементы, которые создавали достаточно благоприятную почву для спекулятивных операций с целью умножения торговой прибыли, а вместе с нею – повышения рентабельности предприятий. Последнее обстоятельство в какой-то мере объясняет, почему этим предприятиям удавалось приспособливаться к непростым условиям переходной от феодализма к капитализму эпохи. Стремление к извлечению максимальной прибыли толкало владельцев этих предприятий на путь раннекапиталистического предпринимательства. Однако таким был выбор не всех компаний.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что не всегда форма соответствовала содержанию, организационная структура определяла характер деятельности торговых компаний. Если Равенсбургская компания как по роду своей экономической деятельности, так и по организационной структуре продолжала оставаться средневековым предприятием, другие крупные компании Южной Германии, прежде всего аугсбургские, как известно, сделали вы-

бор в пользу раннекапиталистического предпринимательства в текстильной промышленности и горном деле. Это, однако, также не привело к радикальным переменам в организации самих торговых компаний, продолжавших, по крайней мере по форме, следовать «средневековой модели» предпринимательского поведения, приспособлявая к этой старой форме новые виды своей экономической деятельности.

Между тем торговая деятельность компаний Южной Германии на страницах настоящей монографии рассмотрена по преимуществу на примере Равенбургской компании по той причине, что только ее деятельности как на рынках германских земель, так и рынках других стран Западной Европы можно проследить по подлинным документам повседневной коммерческой практики. Эта практика других торговых предприятий может служить лишь фоном, на котором протекала деятельность Равенбургской компании. Правда, тут же следует оговориться, что обращение к практике этих других, особенно аугсбургских компаний, вносит существенный корректив в общую панораму деятельности южно-немецких торговых предприятий на рынках Западной Европы и даже за ее пределами. Однако такие экскурсы в монографии носят в целом все же эпизодический характер.

Отличительной чертой деятельности не только Равенбургской компании, но и других предприятий Южной Германии была торговля между географически отдаленными пунктами. Однако в то же время такая торговля лишь отчасти носила посреднический характер. Дело в том, что торговые компании экспортировали на внешние рынки изделия отечественной промышленности (полотна, бумазею, металлы и металлические изделия) и одновременно поставляли для нужд отечественной текстильной промышленности сырье и полуфабрикаты (хлопок, льняную и шелковую пряжу, красители), выполняя тем самым важную производственную функцию, без чего трудно представить текстильное производство в германских землях на рубеже XV-XVI вв.

Участие в международной торговле компаний Южной Германии может служить, с одной стороны, хотя и косвенным, но вполне достоверным свидетельством размещения производительных сил и разделения труда в европейском экономическом пространстве второй половины XV – первой половины XVI в., с другой – показателем несомненных успехов горнорудной, металлургической, металлообрабатывающей и отчасти текстильной промышленности германских земель. Участие же этих предприятий в посреднической торговле не оставляет сомнения в том, что тогда немецкое купечество продолжало извлекать выгоды из географического положения самой Германии, находившейся в центре торговых путей континентальной Европы. Эти выгоды оно постепенно утрачивает с середины XVI в. в связи с географическими открытиями и перемещением торговых путей на Атлантическое побережье Европы. Однако на первом этапе процесса формирования мирового рынка компании Южной

Германии приняли активное участие в этом процессе и даже сыграли в нем заметную роль.

Участие богатых купцов и преуспевающих цеховых мастеров городов Южной Германии и их сельских округ в раннекапиталистическом предпринимательстве начинается с попыток создания и распространения предпринимательскими элементами еще в XIV в. производственных отношений в рамках так называемых «раздач» (Verlagen), которые со второй половины XV в. перерастают в «систему раздач» (Verlagsystem). Эта «система» на рубеже XV-XVI вв. представляла собою примитивную форму капиталистической мануфактуры рассеянного типа в текстильной промышленности (особенно бумажном производстве), порою с централизацией одной или нескольких операций производственного цикла¹. Аккумулированные главным образом в торговле, банковско-кредитных операциях и в «раздачах» в текстильном производстве денежные средства открыли перед владельцами торговых компаний перспективу инвестиций в раннекапиталистическое предпринимательство в горном деле австрийских владений Габсбургов. Исследование деятельности этих компаний в роли «откупщиков» металлов и капиталистов-предпринимателей в этой отрасли народного хозяйства приводит к следующим выводам.

Этапы экспансии и характер деятельности торговых компаний в горных промыслах были обусловлены тем обстоятельством, что Габсбурги обладали регальными правами на эксплуатацию в своих владениях горных богатств. Побудительным мотивом и первым шагом на этом пути для компаний стали кредитно-банковские контракты с австрийской администрацией, именно на почве таких контрактов получила развитие система откупов металлов. Она возникла по той причине, что торговые компании оказались способными мобилизовать в кратчайшие сроки крупные денежные средства, в которых Габсбурги испытывали острую нужду для реализации курса своей политики. С другой стороны, проистекавшие из регальных прав платежи и монополия на торговлю благородными металлами служили для княжеского казначейства своеобразным фондом погашения задолженности по финансовым сделкам за счет освобождения кредиторов от таких поборов, как «обмен» и «оброк». Стремление же к получению максимальной прибыли побуждало владельцев компаний к переходу от деятельности откупщиков и торговцев металлами к инвестициям как в княжеские, так и в принадлежавшие горным товариществам предприятия (прежде всего шавильни). Такой ход событий открывал перед компаниями возможность овладения условиями труда и средствами производства (сначала плавильными предприятиями, а затем и рудниками). И такая перспектива в значительной степени была реализована на практике.

Деятельность торговых компаний в Тироле, Каринтии и Крайне может служить примером, свидетельствующим о метаморфозе купеческого капитала, который был аккумулирован в банковско-кредитных операциях, торговле

(в том числе металлами) и эксплуатации мелких производителей в рамках «системы раздачи» в текстильном ремесле, в промышленный капитал в горных промыслах. В этих промыслах основными формами функционирования капитала, который трансформировался из купеческого в промышленный, были следующие: 1) приобретение и строительство плавильных, толчей и механизмов для откачки воды и подачи свежего воздуха в забои и шахты; 2) участие в разработке рудников и добыче руды. Переход к промышленному предпринимательству в ряде случаев предполагал инвестиции компаний в сложную для того времени и дорогостоящую технику, приобретение которой было не под силу старым горным товариществам, занимавшимся добычей руды. В качестве побочного продукта деятельности компаний в горном деле выступала торговля продовольственными товарами, салом для освещения забоев и шахт и скобяными изделиями, включавшими орудия труда горняков. Эта деятельность компаний оказалась связана с появлением так называемой «Tucksystem», то есть оплатой наемного труда товарами первой необходимости. Такая система была обычным явлением в эпоху мануфактурного капитализма и получила широкое распространение в горнорудной промышленности австрийских владений Габсбургов. Еще одним направлением деятельности компаний являлось создание для своих горных предприятий энергетической (топливной) и строительной базы. Эта их деятельность имела широкий общественный резонанс: вырубка лесов, дым и пепел от возведенных на деньги компаний больших плавильных с несколькими печами вызвали недовольство и протесты жителей горных деревень и городов. Деятельность компаний нарушала равновесие в отношениях между человеком и природой, существовавшего в Западной Европе на протяжении многих столетий Средневековья и буквально еще на пороге вступления западноевропейского общества в индустриальную цивилизацию остро поставила в повестку дня экологическую проблему.

В то же самое время вряд ли есть основания торговые компании Южной Германии XV-XVI вв. безоговорочно относить к предприятиям капиталистического типа, поскольку их участие в горнорудной промышленности тесным образом переплетается и находится в непосредственной зависимости от их коммерческой деятельности на международных рынках в роли крупных оптовых торговцев и банковско-кредитных операций как с Габсбургами, так и другими княжескими дворами. Причем торговая и банковская деятельность имела для этих компаний первостепенное значение и данным родам экономической деятельности у них обычно подчинено промышленное предпринимательство. Именно поэтому владельцев компаний можно назвать промышленными капиталистами в тесном смысле этих слов только с оговорками. Они скорее все же являют собою особый тип крупной торговой буржуазии переходной от феодализма к капитализму эпохи.

В отдельной главе настоящей монографии ее автор обращается, опираясь на свидетельства источников главным образом по истории имперского города Аугсбурга, к проблеме генезиса немецкой буржуазии XV-XVI вв. Итоги рассмотрения данного сюжета сводятся к следующим положениям.

Прежде всего необходимо отметить, что социальная природа крупного купечества, которое, правда с известными оговорками, все же может рассматриваться в качестве предшественника торговой буржуазии Нового времени, сложна и противоречива. Дело в том, что это купечество, являясь составной частью социальной структуры позднесредневекового города, еще многими видимыми и невидимыми нитями связано с «системой феодализма», то есть с ее политической властью, социально-правовыми институтами и официальной идеологией (средневековым католицизмом). Вместе с тем настоящие и особенно будущие (в первую очередь экономические) интересы этого купечества по ряду принципиальных позиций являли собою противоположность интересам господствующего класса феодального общества, историческая роль купечества представляет интерес и с другой стороны.

Экономические интересы богатых бюргеров Аугсбурга, купцов в том числе, рано вступают в противоречие с правилами и нормами простого товарного производства, получившими наиболее полное воплощение в режиме цехового ремесла, который сдерживал проявления индивидуализма, инноваций и частной инициативы в экономической жизни общества. Несоответствие деятельности купцов-предпринимателей режиму цехового ремесла особенно ярко проступает, когда речь идет о их роли организаторов предприятий мануфактурного типа в текстильной промышленности и тем более – капиталистов-горнопромышленников. Однако в этой связи необходимо еще раз подчеркнуть следующее. Во-первых, экономическая деятельность представителей бюргерской верхушки находится в прямой зависимости и подчинена их интересам банкиров и оптовых торговцев. Во-вторых, местное купечество, которое по роду своей экономической деятельности может быть, хотя и с некоторыми оговорками, отнесено к нарождавшемуся классу буржуазии, еще не создало своих исторических задач и в силу данного обстоятельства мы обнаруживаем несоответствие между характером экономической деятельности владельцев торговых компаний, которая, хотя бы отчасти, была раннекапиталистической, с одной стороны, социально-политической их ориентацией в качестве представителей этого нового для того времени класса и уровнем их сознания – с другой². Владельцы торговых компаний еще не в состоянии были решать злободневные вопросы современности в интересах капитализма и ценностей новой, еще только приходящей на смену средневековой индустриальной цивилизации.

Исследование социальной природы немецкой торговой буржуазии XV-XVI вв. показывает преемственность на генетическом уровне между этой буржуазией и средневековым бюргерством. Торговая буржуазия того времени

была тесно связана как со средневековыми по своему характеру городскими корпорациями, так и феодальным землевладением. Последнее служило богатым бюргерам (купцам и банкирам) прежде всего средством поддержания социального престижа, успешного продвижения вверх по иерархической лестнице феодального общества и политической карьеры³. Данное обстоятельство проливает свет на позицию торговой буржуазии во время Крестьянской войны и на ее отношение к общественным движениям эпохи Реформации, перед которой, в частности, стояла задача претворения в жизнь многовековой мечты городского бюргерства о «дешевой церкви». С другой стороны, социальные мотивы программных установок представителей радикального направления в реформационном движении, прозвучавшие во время Крестьянской войны, когда в повестку дня выдвигались требования преобразования всего общественного строя и передела имущества в пользу бедных, сильно напугали и во многом предопределили политический консерватизм бюргерской верхушки городов Южной Германии, в том числе Аугсбурга.

Противостояние между католиками и протестантами, которое переросло в общегерманский политический кризис, привело к расколу и в рядах городской верхушки Аугсбурга (купцов, банкиров и предпринимателей-капиталистов). Одна ее группировка во главе с Фуггерами ориентировалась на Габсбургов, которым, однако, так и не удалось сыграть прогрессивной исторической роли, выпавшей на долю абсолютных монархий, к примеру в Англии и Франции. Общественным идеалом другой группировки бюргерской верхушки являлся политический сепаратизм, служивший знаменем средневекового бюргерства, которое еще «не созрело» для того, чтобы поступиться своими сословными привилегиями, завоеванными в борьбе с феодальным дворянством, во имя реализации на практике идеи национального единства. Впрочем, в Германии в то время вряд ли существовали необходимые условия для реализации программы государственной централизации на общенациональном уровне. Причинами тому были сильно укоренившаяся в германских землях политическая раздробленность и отсутствие политической силы, способной решить такую задачу. Об этом же свидетельствуют итоги участия городского бюргерства в общественных движениях эпохи Реформации, которое еще раз подчеркнуло политическую несостоятельность буржуазии как общественного класса. Это и было одной из главных причин неудачи революции и крупных социально-политических преобразований в германских землях XVI в.

Купцов и капиталистов Южной Германии этого времени отделяет, можно сказать, от буржуазии эпохи первых в истории победоносных антифеодальных революций – нидерландской и особенно английской – глубокая пропасть⁴. Если немецкие купцы и капиталисты в 1525 г. в большинстве своем испытывали прежде всего чувства страха и ненависти к любым общественным движениям, которые выступали за коренные преобразования церкви, государства и общества, голландские и английские буржуа, напротив, уже

сами апеллируют к широким народным массам, не без основания в борьбе с феодальным дворянством и официальной церковью представляя свои собственные интересы как общенародные. К тому же, ранняя немецкая буржуазия, точнее, та ее часть, которая была тесными узами (прежде всего экономических интересов) связана с Габсбургами, стремившимися к реализации космополитических планов создания «мировой христианской монархии», оказалась далека от национальной идеи, что еще более углубляло отчуждение между нею и немцами, которые так или иначе разделяли идею национального единства и централизованной государственной власти. И все же, это не дает основания считать, что буржуазии как таковой на рубеже XV-XVI вв. в Германии не существовало. Там, где есть капитализм, есть и буржуазия⁵. Другое дело, что она тогда еще пребывала в эмбриональном состоянии, переживала начальную стадию формирования в общественный класс, находилась под преобладающим влиянием ценностей уходящей средневековой цивилизации, которые продолжали в значительной степени определять как линию предпринимательского поведения, так и социально-психологический менталитет представителей этого класса. Ранняя немецкая буржуазия XV-XVI вв. еще не успела в достаточной степени усвоить ценности только еще рождавшейся постсредневековой цивилизации. Хотя при решении ряда жизненно важных для себя вопросов эта буржуазия, правда, пока еще только на уровне социальной интуиции уже ориентируется на ценности новой цивилизации, она, однако, еще не была способна возглавить общенародное движение за преобразование всего общественного строя и сыграть роль, перефразируя положение известного исторического документа («Манифеста коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса), «могилищика феодализма»⁶. Поэтому, когда речь идет о богатых купцах, банкирах и капиталистах Южной Германии XV-XVI вв., руководствуясь научной точкой зрения, наиболее корректным и соответствующим реальной действительности того времени было бы употребление дефиниции «бюргеры-буржуа». Последних можно сравнить с людьми, которые, фигурально выражаясь, вступив одной ногой в Новое время, другой – остались в Средних веках. В силу объективно сложившихся обстоятельств они оказались не только очевидцами, но и участниками исторической драмы смены цивилизаций⁷. Однако сам механизм смены цивилизаций только еще вступал в действие и, как показал ход событий, движение самих германских земель к рубежам постсредневековой цивилизации, сталкиваясь на своем пути с многочисленными препятствиями, протекало медленно и долго не набирало оборотов, которые создавали бы условия, необходимые для успешного действия механизма смены цивилизаций, одним из проявлений которого должна была стать метаморфоза «бюргеров-буржуа» в общественный класс буржуазии. Впрочем, последний сюжет уже находится за хронологическими рамками настоящего исследования, которое все же обращено к начальной стадии движения германских земель от феодализма к капитализму, от Средних веков к

Новому времени. Исследование этого сюжета требует привлечения других источников, относящихся к другому времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К сюжетам, которые свидетельствуют о тесной связи деятельности крупных торговых компаний с развитием производственных отношений в рамках так называемых «раздач» и явлениями раннего капитализма в текстильном производстве и некоторых других отраслях народного хозяйства в городах и их сельских округах не только Южной Германии, но и в Юго-Восточной Франции автор настоящей монографии обращается на ее страницах, хотя здесь эти сюжеты не являлись для него специальными объектами исследования.

² К такому выводу автор этих строк пришел в опубликованной еще в начале 70-х годов минувшего столетия статье (см.: Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии ... С. 155-156). Этот вывод привлек внимание историка ГДР М. Майера, который выразил согласие с данной трактовкой проблемы генезиса немецкой буржуазии (см.: Meyer M. Die Haltung der Vertreter Freien- und Reichsstädten auf den Reichstagen von 1521 bis 1526 // JbGF. 1981. Bd. 5. S. 189-190).

³ Противоположного мнения по вопросу принципиальной значимости мотивации участия «бюргеров-буржуа» в феодальном землевладении придерживается Н.В. Савина. Она полагает, что богатых купцов, банкиров и предпринимателей-капиталистов это землевладение привлекало в первую очередь по соображениям экономического порядка, то есть в качестве надежного, привычного и выгодного для них сектора инвестиций капитала (см.: Савина Н.В. О характере эксплуатации ... С. 211-212; Она же. Южно-немецкий капитал ... С. 276. 292). Как полагает автор этих строк, Савина не придает должного значения и не уделяет достаточного внимания социально-психологическому фактору – стремлению преуспевающих «бюргеров-буржуа» к поддержанию социально-политического престижа, их желанию и возможности подняться вверх по иерархической лестнице феодального общества и занять место рядом с представителями господствующего класса или сделать карьеру на государственной (имперской или княжеской) службе. Путь к такому социальному «возвышению», то есть продвижению в ряды «благородных сословий» этого общества (прелатов церкви и особенно дворянства) и к успеху в политической деятельности «бюргерам-буржуа» могло открыться только их личное участие в феодальном землевладении. Экономический расчет если и имел здесь место, то явно не играл той роли, какую отводит ему Савина, хотя бы по той причине, что норма торговой прибыли и ставка банковского процента значительно превышали норму земельной ренты. Более обстоятельную аргументацию возражений Савиной автора этих строк см.; Некрасов Ю.К. Советский историк ... С. 347; Он же. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 295-298, 378.

⁴ Проблема происхождения и начальной стадии формирования немецкой буржуазии в общественный класс, ее идеологических установок и менталитета, в том числе предпринимательского поведения, как на теоретическом, так и социально-психологическом уровнях до сих пор, строго говоря, остается «белым пятном» в отечественной историографии. Систематических усилий для ее решения не предпринималось. Существование самой буржуазии в германских землях на рубеже XV-XVI вв. скорее априорно постулировалось, чем обосновывалось на исследовательском уровне. Поэтому парадоксальная, казалось бы, точка зрения А.Д. Эпштейна на Реформацию и

Крестьянскую войну как «буржуазную революцию без буржуазии», формально не получив признания, фактически не опровергалась. Правда, в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого столетия к этому сюжету обращались историки ГДР – А. Лаубе и уже упоминавшийся выше М. Майер. Однако и их усилия в данном направлении, носившие, можно сказать, лишь эпизодический характер, были не в состоянии пролить достаточно яркий свет на социальную природу и менталитет немецкой буржуазии на начальной этапе ее исторического пути (см.: Laube A. Herausbildung von Elementen Handels- und Manufacturbourgeoisie und deren Rolle in der deutschen frühbürgerlichen Revolution //JbGB. 1978. Bd. 1. S. 281-283, 285-287, 289-290; Meyer M. Die Haltung ... S. 200-201, 203, 214). Поэтому в настоящей монографии ее автор, не претендуя на широкие обобщения, все же затрагивает обозначенную выше проблему.

⁵ Обоснование данного положения см.: Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации ... С. 84, 92-102, 108-110, 136-137, 142-143. 163-165, 205 след., 383 след.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 436.

⁷ См.: Яковец Ю.В. История цивилизаций ... С. 51 след.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Раннеевропейский капитализм / Пер. М.П. Лесникова //Хрестоматия по социально-экономической истории Еворпы в Новое и Новейшее время. Под ред. В.П. Волгина. М.; Л., 1929.

«Земское Устройство Тироля» /А.Ф. Чуянов. Михаэль Гайсмайер и его «Земское Устройство» //Германская история эпохи Реформации: исследования и документы. Вологда, 1993.

«Acta Tirolensia». Bd. 3: Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Deutschland 1525 /Hrsg. von H. Wopfner. Innsbruck. 1908.

Die älteste Chronik der Hutterischen Bruder / (Hrsg. von A.J.F. Zieglschmidt. New York. 1943.

Anonyme Chronik der Stadt Augsburg (1368-1483)//CDS. 1894. Bd. 22 (3).

Die Chronik der Familie Fugger von Jahre 1599 /Hrsg. von Chr. Meyer. München. 1902.

Die Chronik von der Gründung der Stadt Augsburg bis zum Jahre 1447 // CDS. 1865. Bd. 4 (I).

Das Einkaufsbüchlein der Nürnberger-Lübecker Kaufmann Mülch aus den Frankfurter Fastenmesse der Jahre 1495 /Hrsg. von F. Rörig //Idem. Wirtschaftskräfte im Mittelalter. Weimar. 1959.

Der Fondaco dei Tedeshi in Venedig und deutsch-venetienischen Handelsbeziehungen im Mittelalter. Bd. 2: Urkunden /Hrsg. von H. Simonsfeld. Stuttgart. 1887.

Fortsetzungen der Chronik Hector Mülch von Deme, Walther und Rem //CDS. 1894. Bd. 23 (4).

Geschichte der mittelalterlichen Handel und Verkehr zwischen Westdeutschland und Italien. Bd. 2: Urkunden /Hrsg. von A. Schulte. Leipzig. 1900.

Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft /Hrsg. von A. Schulte. Bd. 2-3: Urkunden. Stuttgart; Berlin. 1923.

Inventur der Firma Fugger aus den Jahre 1527/Hrsg. von A. Strieder. Tübingen. 1905.

Langenmantel David. Historie des Regiments in Augsburg. Frankfurt, Leipzig. 1725.

Mair Paul Hector. Chronica, angefangen nach Christie vnseres lieben herrn und haylands geburt, als man zalt M.D.XIII jar //CDS. 1917. Bd. 32 (10).

Mülch Hector. Die Chronik der Stadt Augsburg (1368-1487)//CDS. 1892. Bd. 22 (3).

Oberdeutsche Kaufleute in den ältesten Tiroler Raitsbücher: 1288-1370 /Hrsg. von Bastian. München. 1931.

Preu Georg-ältere. Die Chronik augsburger Malers //CDS. 1906. Bd. 29 (9).

Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges / Hrsg. von G.Franz. München. 1963.

Quellen zur Handelsgeschichte der Paumgartner von Augsburg (1480-1570) /Hrsg. von K.O.Müller. Wiesbaden. 1955.

Rem Lucas. Tagebuch aus den Jahren 1494-1541 /Hrsg. von B. Greiff //Jahresbericht des Historischen Vereins von Schwaben und Neuburg. Augsburg. 1861.

Rem Wilhelm. Cronika der newer geschichten //CDS. 1894. Bd. 25 (5).

Sender Clemens. Die Chronik der Stadt Augsburg von den älterten Zeiten bis zum Jahre 1536 //CDS. 1894. Bd. 23 (4).

Stetten Paul-ältere, von. Geschichte der Freyen Reichsstadt Augsburg. Frankfurt; Leipzig. 1743.

Stetten Paul-jungere; von. Geschichte der adelichen Geschlechter in der Freyen Reichstadt Augsburg. Augsburg. 1762.

Urkundenbuch der Stadt Augsburg. Bd. 2 /Hrsg. von Chr. Meyer. Augsburg. 1878.

Welthandelsbräuche /Hrsg. von K.O. Müller. 2.Aufl. Wiesbaden. 1962.

Zink Burkard. Die Chronik der Stadt Augsburg: 1368-1468 //CDS. 1868. Bd. 5 (2).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамсон М.Л., Сказкин С.Д. Италия в XVI – первой половине XVII в. // Всемирная история. М., 1959. Т. IV.

Адо А.В. Крестьянство в буржуазных революциях XVI-VIII вв. //История крестьянства в Европе. Т. 3.

Алексеев В.М. Тридцатилетняя война, Л., 1961.

Алексеев В.М. Тридцатилетняя война //История Европы. Т. 3.

Балакин В.Д. Швабский союз городов: 1376-1389 //Город в средневековой цивилизации ... Т. 4.

Баткин Л.М. Письмо читателя //СВ. 1955. Вып. У1.

Бахрушин С.В., Сказкин С.Д. Дипломатия в XVI в. // История дипломатии. М., 1959. Т. I.

Берюкович В.В., Люблинская А.Д. Возвышение феодально-абсолютистской Франции //Всемирная история. М., 1959. Т. IV.

Бойцов М.А. Города Германии до конца XI века // Город в средневековой цивилизации ... Т. I.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV-XVI вв. Т. 3: Время мира. М., 1992.

Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. //Он же. Избранные произведения. М., 1990.

Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма. Там же.

Всемирная история. Учебник для вузов /Под ред. Г.В. Поляка, Л.И. Марковой. М., 1997.

Гензис капитализма в Позднее Средневековье в Англии и Германии. М., 1979.

Германская история эпохи Реформации; исследования и документы. Вологда, 1993.

Гис Френсис и Джозеф. Брак и семья в Средние века. М., 2002.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан; Т. 3: Человек внутри городских стен; Т. 4: Extra muros. Город, общество, государство. М., 1999-2000.

Григорьян Ю.М. Горная промышленность и горнорабочие Германии в конце XV и в XVI в. Канд. дисс. М., 1955.

Григорьян Ю.М. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии //ВИ. 1958. № 1.

Гуревич А.Я. Человек Средневековья //История Европы. Т. 2.

Гуревич А.Я. Средневековый купец //Город в средневековой цивилизации... Т. 2.

Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. Учебник. М., 1995.

Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974.

- Гутнова Е.В. Западноевропейский регион в XI-XV вв. //История Европы. Т. 2.
- Данилов А.И. Проблемы аграрной истории Раннего Средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958.
- Дашилов А.И. Вебер //СИЭ. 1963. Т. 3.
- Дмитрисева О., Пименова Л., Шукуров Р. От Средневековья к Новому времени. Экспериментальный учебник для VIII класса. М., 1997.
- Дятлов В.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV-XVI вв. //Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.
- Дятлов В.А. Реформа городской благотворительности в Германии (1522-1524 гг.) //Германская история эпохи Реформации ...
- Дятлов В.А. «Общая польза» в немецком обществе XV-XVI вв. //Вестник Удмуртского университета. Ижевск. 1995. Вып. 2.
- Евдокимова А.А. Изменение характера и структуры земельных операций швабского бюргерства (XV-XVI вв.) //СВ. 1984. Вып. 47.
- Евдокимова А.А. Законодательство Фрейбурга в Брейсгау о нищих и бродягах (XVI в.) //Социальные отношения ...
- Ермолаев В.А. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургрэфства //СГ. 1968. Вып. 1.
- Ермолаев В.А. Гейльброннская программа: Программа радикального немецкого бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986.
- Зомбарт В. Современный капитализм. М., 1903. Т. 1. Полутом 1.
- Иванов В.В. Содержание и характер памфлета «К собранию простого крестьянства» //Памфлеты эпохи Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992.
- Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии Нового времени. Минск, 1984.
- Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989.
- История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992; Т. 3: От Средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.) М., 1993.
- История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма; Т. 3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., 1986.
- История Франции в трех томах. Т. 1. М., 1970.
- Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.
- Катушкина Л.Г. Итальянские войны //История Италии в трех томах. Т. 1 М., 1970.
- Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Т. 2: Коммунизм в германской реформации. М., 1919.
- Копосов Н.Е. Франция //История Европы. Т. 3.
- Корхов Ю.А. Купечество //СИЭ. 1968. Т. 8.
- Корхов Ю.А. Торговый капитал //Там же. 1974. Т. 14.
- Корхов Ю.А. Цехи //Там же.
- Котельникова Л.А. Крестьянство и город //История крестьянства в Европе ... Т. 2.
- Котельникова Л.А., Ролова А.Д. Италия //История Европы. Т. 3.
- Краснова И.А. Брак и семья в городе Флоренции XIV-XV вв. //Город в средневековой цивилизации ... Т. 2.

Ладюри, ле Руэ. Королевская Франция: От Людовика XI до Генриха IV (1460-1610). М., 2004.

Левинсон К.А. Чиновники в городах Южной Германии: опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000.

Ленин В.И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // Он же. Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 1.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Там же. Т. 3.

Лесников М.П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV века // УЗ МГорПИ. 1948. Т. УШ. Вып. 1.

Люблинская А.Д. Источниковедение истории Средних веков. Л., 1955.

Люблинская А.Д. Столетняя война и народные восстания XIV-XV веков // История Франции ... Т. 1.

Майер В.Е. Деревня и город в Германии в XIV-XV вв.: Развитие производительных сил. Л., 1979.

Майер В.Е. Крестьянство в Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.

Малов В.Н. Великие географические открытия. Международные отношения конца XV-XVI вв. // История Европы. Т. 3.

Маркс К. Капитал. Т. 1, 3, 4 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23; Т. 25. Ч. 1-2; Т. 26. Ч. 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Там же. Т. 4.

Мацек Й. К дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // ВИ. 1958. № 4.

Мацек Й. Крестьянский сейм в Инсбруке (12 июня – 21 июля 1525 года) // СВ. 1962/63. Вып. XXI-XXII.

Мизес Л., фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М., 1994.

Мишина И.А., Жарова Л.Н. Становление современной цивилизации. Ч. 1: История Раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.). Учебное пособие для старших классов общеобразовательной школы. М., 1995.

Негуляева Т.М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XII-XIV вв. // СГ. 1968. Вып. 1.

Негуляева Т.М. Эволюция земельной собственности в средневековом Страсбурге (XII-XIV вв.) // Проблемы германской истории ... Вологда, 1973. Вып. 2.

Негуляева Т.М. Зарождение правосознания и чувства личности у немецких бюргеров в XII-XIII вв. // Город в средневековой цивилизации ... Т. 3.

Некрасов Ю.К. Большая Равенбургская компания на рынках Западной Европы (последняя четверть XI – первая треть XVI в.) // Вопросы всеобщей истории. УЗ ВГПИ. 1967. Т. 32.

Некрасов Ю.К. Горные предприятия аугсбургских торговых компаний в Тироле и Каринтии в первой половине XVI в. // УЗ ВГПИ. 1968. Т. 34. Вып. 2.

Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии в XV-XVI вв. (по материалам имперского города Аугсбурга) // Проблемы германской истории. Вологда, 1971. Вып. 1.

Некрасов Ю.К. Проблемы раннего капитализма в Германии в освещении М.М. Смирнова // ЕГ И. 1971. М., 1973.

Некрасов Ю.К. Социальная борьба в Аугсбурге в середине и начале второй половины XV века // Проблемы германской истории ... Вологда, 1973. Вып. 2.

- Некрасов Ю.К. Радикально-бюргерская оппозиция в Аугсбурге в 70-е годы XV в.: Ход движения и социальный состав участников //СВ. 1975. Вып. 38.
- Некрасов Ю.К. Происхождение и программа деятельности радикально-бюргерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы XV в. //СВ. 1975. Вып. 39.
- Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. //Проблемы экономического и политического развития стран Европы в Античную эпоху и Средние века. М., 1975.
- Некрасов Ю.К. Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии //СВ. 1977. Вып. 41.
- Некрасов Ю.К. Южно-немецкий город в начале Крестьянской войны (май – сентябрь 1524 г.) //ЕГИ. 1976. М., 1977.
- Некрасов Ю.К. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хроники XVI в. //ЕГИ. 1977. М., 1978.
- Некрасов Ю.К. Возникновение и развитие системы раздат в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV-XVI вв. //Генезис капитализма в Англии и Германии ...
- Некрасов Ю.К. Сельские промыслы и ранний капитализм (по материалам текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV-XVI вв.) Развитие капиталистической мануфактуры ...
- Некрасов Ю.К. Советский историк о «германском варианте» раннего капитализма //СВ. 1984. Вып. 47.
- Некрасов Ю.К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне //Социальные отношения ...
- Некрасов Ю.К. Цеховое ремесло и ранний капитализм: об одном аспекте дифференциации ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV-XVI вв. //СГ. 1986. Вып. 6.
- Некрасов Ю.К. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты об идее общности имущества //История социалистических учений. М., 1987.
- Некрасов Ю.К. Эволюция социального строя городов Швабии и Швейцарского Союза в XIV-XVI вв. //Классы и сословия средневекового общества, М., 1988.
- Некрасов Ю.К. Городские хроники XV-XVI вв. как источники по истории Германии //Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда. 1995.
- Некрасов Ю.К. Эволюция социального строя и отношения собственности в средневековом городе XIV-XVI вв. (на примере Швабии и Швейцарского Союза) //Проблемы эволюции ...
- Некрасов Ю.К. Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI века. Вологда. 1998.
- Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации: Позднесредневековый город и ранний капитализм (по материалам Швабии и Швейцарского Союза XIV-XVI вв.). Вологда, 2003.
- Некрасов Ю.К., Васильева М.В. Анабаптисты после Крестьянской войны //Германская история эпохи Реформации ...
- Некрасова Е.К. Характер экономической деятельности торгового дома Фугтеров //Известия академического института материальной культуры. М.; Л., 1934.
- Немилов А.Н. К вопросу о формировании раннекапиталистического производства в Нюрнберге //СГ. 1974. Вып. 2.

- Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1978.
- Немилов А.Н. Образ города в немецкой гуманистической культуре XV-XVI вв. //Город в средневековой цивилизации ... Т. 1.
- Неусьхин А.И. «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки //Под знаменем марксизма. М., 1927. № 9, 12.
- Новицкий Г.Н. Университеты //СИЭ. 1973. Т. 14.
- Норден А. Некоронованные властители. М., 1978.
- Подоляк Н.Г. Ганза //Город в средневековой цивилизации ... Т. 4.
- Полянский Ф.Я. Отношение цехов к капитализму в период их расцвета //ВИ. 1947. № 7.
- Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII-XV вв. М., 1952.
- Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
- Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война //СИЭ. 1973. Т. 14.
- Потанина Л.Б. Организация ремесла во Франкфурте-на-Майне во второй половине XIV – первой половине XV в. //УЗ МГПИ. 1968. № 294.
- Проблемы германской истории. Вып. 2: Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 15-17 октября 1971 г. Вологда, 1973.
- Проблемы эволюции общественного строя и международные отношения в истории западноевропейской цивилизации. Вологда. 1997.
- Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI-XVII вв. М., 1981.
- Ролова А.Д. Италия //История Европы. Т. 3.
- Ролова А.Д. Торговое делопроизводство: бухгалтерия, торговые книги, переписка //Город в средневековой цивилизации ... Т. 2.
- Рутенбург В.И. Очерки по истории раннего капитализма: Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951.
- Рутенбург В.И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV-XV вв. //СВ. 1955. Вып. VI.
- Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне Нового времени (очерки). Л., 1974.
- Рутенбург В.И. Истоки Риссорджименто: Италия в XVII-XVIII вв. Л., 1980.
- Савина Н.В. Два типа купеческих компаний Южной Германии на рубеже XV-XVI вв. //СВ. 1973. Вып. 37.
- Савина Н.В. Южно-немецкий торгово-ростовщический капитал в горном деле за пределами германских земель (XVI в.) //СВ. 1976. Вып. 40.
- Савина Н.В. О характере эксплуатации земельных владений Фугтерами в первой половине XVI в. //СВ. 1977. Вып. 41.
- Савина Н.В. Купеческие компании и общественное движение в Германии в первой трети XVI в. //Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. М., 1979.
- Савина Н.В. Южно-немецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
- Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в Средние века. М., 1976.
- Сванидзе А.А. Торговые компании //СИЭ. 1973. Т. 14.
- Сванидзе А.А. Ярмарки //СИЭ. 1976. Т. 16.
- Сванидзе А.А. Средневековые города //История Европы. Т. 2.

Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы //Город в средневековой цивилизации ... Т. 1.

Сванидзе А.А. Торговые компании // СИЭ. 1973. Т. 14.

Сванидзе А.А. Торговля и купечество: контуры «общественного обмена веществ» западноевропейского Средневековья //Там же. Т. 2.

Сванидзе А.А. Стратегия удержания власти: к вопросу о «демократии» в средневековом городе XV века //Там же. Т. 4.

Сидорова Н.А. Франция во время Столетней войны. Жакерия //Всемирная история. М. 1957. Т. III.

Сказкин С.Д. Франция в первой половине XVI века //История Франции ... Т. 1.

Сказкин С.Д., Барг М.А., Лавровский В.М. (Рец.) Эпштейн А.Д. История Германии от Позднего Средневековья до революции 1848 года. М., 1961 //ВИ. 1963. № 7.

Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955.

Смирин М.М. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации //ВИ. 1957. № 6.

Смирин М.М. Социальные отношения в горной промышленности Фрейбергского района Саксонии в 40-х – 80-х годах XV в. //СВ. 1961. Вып. XX.

Смирин М.М. Развитие социальных противоречий в горной промышленности Саксонии в конце XV – начале XVI в. //Генезис капитализма в промышленности. М., 1963.

Смирин М.М. Социальная борьба в горных районах Саксонии в конце XV – начале XVI в. и во время Великой крестьянской войны //СВ. 1963/64. Вып. 24-25.

Смирин М.М. Борьба горнорабочих Тироля и социально-политическая программа Михаила Гайсмайера //СВ. 1966. Вып. 29.

Смирин М.М. Гайсмайр М.М. //СИЭ. 1968. Т. 4.

Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV- XVI вв.). М., 1969.

Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерк из истории гуманистической и реформационной мысли. М., 1978.

Смирнова Е.Д., Сушкевич Л.П., Федосин В.А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск, 1999.

Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (X-XVI вв.). Вологда, 1985.

Стам С.М. О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии //УЗ СГУ. 1954. Т. 39. Вып.: Исторический.

Стам С.М. Чем же в действительности была Реформация в Германии? //ВИ. 1958. № 4.

Стоклицкая-Герешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города XIV-XV вв. М.; Л., 1936.

Стоклицкая-Герешкович В.В. Немецкий город в эпоху Крестьянской войны //Вестник МГУ. Сер. обществ. науки. 1950. Вып. 2.

Стоклицкая-Герешкович В.В. К вопросу о раннем капитализме во Флоренции XIV в. //СВ. 1954. Вып. V.

Тушина Е.В. Городское землевладение //Город в средневековой цивилизации ... Т. 2.

- Уваров П.Ю. Интеллектуалы и интеллектуальный труд в средневековом городе //Там же.
- Уваров П.Ю. Община горожан: структура и конфликты //Там же. Т. 3.
- Уваров П.Ю. Социальное единство и социальный контроль внутри городских стен //Там же.
- Фараджева С.А. Политика саксонских курфюрстов в горном деле (вторая половина XVI – начало XVII в.) //Из истории западноевропейского Средневековья. М., 1972.
- Фараджева С.А. К вопросу об эволюции «дирекционного принципа» в горном деле Саксонии XVI в. //СВ. 1977. Вып. 41.
- Фараджева С.А. Раннекапиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в. //Генезис капитализма в Англии и Германии ...
- Фараджева С.А. Зарождение раннекапиталистических отношений в горнорудном производстве Саксонии в XVI в. //Развитие капиталистической мануфактуры ...
- Харитонович Д.Э. Ремесло, цех и миф //Город в средневековой цивилизации ... Т. 2.
- Хачатурян Н.А. Эволюция государства в средневековой Европе до конца XV в. //История Европы. Т. 2.
- Хачатурян Н.А. Политическая организация средневекового города //Город в средневековой цивилизации ... Т. 1.
- Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV вв. М., 1963.
- Чайковская О.Г. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет //ВИ. 1956. № 12.
- Чистозонов А.Н. Исследовать явления в их исторической самобытности и связях //СВ. 1955. Вып. VI.
- Чистозонов А.Н. Генезис капитализма: Проблемы методологии. М., 1985.
- Чуркина И.В. Развитие торговли и промышленности в Словении в XVI в. //Генезис капитализма. М., 1965.
- Чуянов А.Ф. Политическое содержание «Земского Устройства» Михаэля Гайсмайера //Социальные отношения ...
- Чуянов А.Ф. Михаэль Гайсмайер и его «Земское Устройство» //Германская история эпохи Реформации ...
- Чуянов А.Ф. Становление Протестантского Союза в Германии (20-е -30-е годы XVI в.) //Проблемы эволюции ...
- Шаркова И.С. Итальянские войны //СИЭ. 1965. Т. 6.
- Штекли А.Э. От приютов милосердия к работным домам //СВ. 1984. Вып. 47.
- Штекли А.Э. Реформация и Крестьянская война в Германии //История Европы. Т. 3.
- Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 2.
- Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.
- Энгельс Ф. К «Крестьянской войне» //Там же. Т. 21.
- Эпштейн А.Д. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. //СВ. 1953. Вып. IV.
- Эпштейн А.Д. Из экономической и социальной истории Аутсбурга в XV и начале XVI в. //СВ. 1957. Вып. X.

Эпштейн А.Д. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии как буржуазной революции //ВИ. 1958. № 8.

Эпштейн А.Д. История Германии от Позднего Средневековья до революции 1848 года. М., 1961.

Юркина В.И. К вопросу о положении свободного и присяжного ремесла в Нюрнберге //УЗ МОПИ. 1963. Т. 133.

Юркина В.И. К вопросу юридического и экономического положения подмастерьев в Нюрнберге в Средневековье //Там же. Исторический факультет. 1965. Т. 121. Вып. 5.

Яковец Ю.В. История цивилизаций. 2-е изд. Учебное пособие для студентов вузов гуманитарного профиля. М., 1997.

Ястребицкая А.Л. О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города XV-XVI вв. //Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. 1958. № 3.

Ястребицкая А.Л. Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV-середины XVI века //СВ. 1964. Вып. 24.

Ястребицкая А.Л. Материальная культура и образ жизни в Европе на исходе Средневековья //История Европы. Т. 3.

Ястребицкая А.Л. Германия // Там же.

Ястребицкая А.Л. «Низшие социальные слою»; бедность и бедняки //Город в средневекковой цивилизации ... Т. 2.

Ястребицкая А.Л. Tryckerren и Trycker/Verleger в немецком книгопечатании XV-XVI веков: предприниматели и предпринимательское поведение //Другие Средние вена: К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000.

Abel W. Zur Entwicklung des Sozialprodukts in Deutschland im XVI. Jahrhundert //JNÖS. 1961. Bd. 173.

Abel W. Massenarmut und Hungerkrisen in vorindustriellen Europa: Versuch einer Synopsis. Hamburg; (West-) Berlin. 1974.

Ammann H. Die Wirtschaftsstellung St. Gallen im Mittelalter //Aus Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: Gedächtnisschrift für Geor von Below. St. Gallen. 1928.

Ammann H. Konstanzer Wirtschaft nach dem Konzill //Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensees. Konstanz. 1950. Bd. 69,

Ammann H. Die Anfänge der Leinenindustrie der Bodensees //Alemannische Jahrbuch. Lahr/Schwarzwald. 1953.

Ammann H. Oberdeutsche Kaufleute und Anfänge der Reformation in Genf //ZFLG. 1954. Bd. 13.

Ammann H. Die wirtschaftliche Stellung Reichsstadt Nürnberg im Spätmittelalter. Nürnberg, 1970.

«Augusta 955-1955»: Studien zur Wirtschafts- und Kulturgeschichte der Reichsstadt Augsburg. Augsburg. 1955.

Bauer C. Unternehmung und Unternehmungsform im Mittelalter und beginnenden Neuzeit //Münchener volkswirtschaftlichen Studien. NF. Jena. 1936. H. 23.

Bauer C. Konrad Peutinger und Durchbruch neuen ökonomischen Denkens in der Wende zur Neuzeit //«Augusta 955-1955»...

Bauernkrieg und Michael Gaismair. Innsbruck. 1982.

Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg: 1524-1526. Berlin. 1965.

Bisler M. Die öffentliche Armenpflege der Reichsstadt Augsburg mit besonderer Berücksichtigung der einschlägigen Verhältnisse in anderen Reichsstädten Südwestdeutschland. Paderborn, 1904.

- Blanke F. Brüder in Christo: Die Geschichte der ältesten Taufgemeinde: Zollikon 1525. Zürich. 1955.
- Bothe P. Geschichte der Stadt Frankfurt am Main. Frankfurt. 1910.
- Buff A. Augsburg in der Renaissancezeit. Bamberg. 1898.
- Czok K. Die Bürgerkämpfe und Chronistik im deutschen Spätmittelalter: Ein Beitrag zur Herausbildung bürgerlichen Geschichtswissenschaft //ZfG. 1962. H. 3.
- Deutsche Geschichte. Bd. I: Von den Anfängen bis 1789. Berlin. 1967.
- Dietrich R. Untersuchungen zur Frühkapitalismus im Mitteldeutschen Bergbau und Metallhandel //JBGMO. 1958/61. Bd. IX-XII.
- Dietz A. Frankfurter Handelsgeschichte. Frankfurt (Main), 1910.
- Dirr P. Clemens Jäger und seine Augsburger Ehrenbücher und Zunftchroniken //ZHV. 1910, Bd. 36.
- Dirr P. Studien zur Geschichte der Augsburger Zunftverfassung: 1368-1548 //ZHV. 1913. Bd. 39.
- Dobel F. Über Bergbau und Handel des Jacob und Anton Fugger in Kärnten und Tirol (1495-1560) //ZHV. 1892. Bd. 9.
- Düvel T. Die Gütererwerbungen Jacob Fugger der Reichen. Leipzig; Berlin. 1913.
- Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger: Geldkapital und Creditverkehr im XVI. Jahrhundert. 2. Aufl. Bde 2. Jena. 1922.
- Eiben A. Vorderösterreich und seine Schutzgebiet in Jahre 1524: Ein Beitrag zur Geschichte des Bauernkrieges. Stuttgart, 1880.
- Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 4. Aufl. Darmstadt, 1956.
- Furger F. Verlagssystem als Organisationsform der Frühkapitalismus im Textilgewerbe. Stuttgart. 1927.
- Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsbeziehungen des Mittelalters. Lübeck, 1922.
- Grigorian Ju.M. Aus der Geschichte des Genesis der kapitalistischen Verhältnisse in Deutschland: Bergbau XV. und XVI. Jahrhunderten //ZfG. 1959. H. 9.
- Häbler K. Die Geschichte der Fuggerischen Handlung in Spanien. Weimar. 1897.
- Harnisch H. Bauern – Feudaladel – Städtebürgertum: Untersuchungen über den Zusammenhang zwischen Feudalrente, bauerliche Warenproduktion und Ware-Geldbeziehungen in Magdeburger Börde und dem nordöstlichen Harzvorland von der frühbürgerlichen Revolution bis zum Dreissigjährigen Krieg. Weimar. 1980.
- Hartung J. Die Augsburger Zuschlagsteuer 1475: Ein Beitrag zur städtischen Steuerwesen, sowie der sozialen und Einkommenverhältnisse am Ausgang des Mittelalters //JGVV. 1895. Bd. 19. H. 1.
- Hartung J. Die augsburgischen Vermögensteuer und die Entwicklung der Besitzverhältnisse im XVI. Jahrhundert //JGVV. 1895. Bd. 19. H. 4.
- Heer F. Augsburger Bürgertum im Aufstieg Augsburgs zur Weltstadt: 1270 bis 1530 //«Augusta 955-1955» ...
- Heitz G. Zu einigen wirtschaftlichen Fragen zur frühbürgerlichen Revolution //Die frühbürgerlichen Revolution ...
- Heyd W. Geschichte Levanthandel im Mittelalter. Stuttgart. 1879. Bd. 2.
- Honold W. Die Meraner Artikel. Tübingen. 1936.
- Hoyer S. Zu den Ursachen des deutschen Bauernkrieg und zum Problem seines Verlaufs //ZfG. 1976. H. 6.
- Hue O. Die Bergarbeiter im Mittelalter. Berlin. 1910.
- Jäger A. Beitrag zur tirolisch-salzburgischen Bergwerkgeschichte //AÖG. 1875. Bd. 53.

- Jahnsen M. Anfänge der Fugger (bis 1494). Leipzig. 1907.
- Jahnsen M. Jacob Fugger der Reichen. Leipzig. 1910.
- Joachimsen P. Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einfluss des Humanismus //Beiträge zur Kulturgeschichte und Renaissance. Leipzig; Berlin. 1910, H. 6.
- Isser-Gaudententurro M. Schwatzer Bergwerksgeschichte //Schwatzer Berg- und Huttengeschichte. Innsbruck. 1904/06. Bd. 52-53.
- Kelbert H. Die Berufsbildung der deutschen Kaufleute im Mittelalter. Berlin. 1956.
- Kern E. Studien zur Geschichte des augsburger Kaufmannshauses des Höchstetters. Leipzig; Berlin. 1935.
- Keutgen F. Hansische Handelsgesellschaften, vornehmlich des XVI. Jahrhundert //VSWG. 1906. Bd. IV.
- Kiessling R. Bürgerliche Gesellschaft und Kirche im Spätmittelalter: Ein Beitrag zur Strukturanalyse der oberdeutschen Reichsstadt Augsburg, 1971.
- Lamprecht K. Verständniss der wirtschaftlichen und sozialen Wandlungen in Deutschland von XIV. bis XVI. Jahrhundert //VSWG. 1893. Bd. I.
- Laube A. Zum Problem des Bündnisses von Bergarbeiter und Bauern im deutschen Bauernkrieg //Der Bauer im Klassenkampf: Studien zur Geschichte der deutschen Bauernkrieg und der bauerliche Klassenkämpfe im Spätfudalismus. Berlin. 1975.
- Laube A. Herausbildung von Elementen einer Handels- und Manufacturbourgeoisie und deren Rolle in deutschen frühbürgerlichen Revolution //JbGF. 1977. Bd. I.
- Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin. 1974.
- Lesnikov M.P. Die livländischen Kaufmannschaft und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des XV-ten Jahrhunderts //ZfG, 1958. H. 2.
- Liermann M. Zur Rechtsgeschichte der Fuggerischen Stiftungen //ZWLg. 1955. Bd. 18.
- Lorenz O. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jahrhundert. Stuttgart. 1886.
- Lutge F. Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart. 1963.
- Lutzmann I. Die augsburger Handelsgesellschaft Hans und Marqward Rosenberger: 1535-1560. Berlin. 1937.
- Macek J. Der Tiroler Bauernkrieg und Michael Gaismair. Berlin. 1965.
- Mandrou R. Les Fugger propriétaires an Swebe (1560-1618). Paris. 1960.
- Maschke E. Verfassung und soziale Kräfte der deutschen Stadt des Späteren Mittelalters, vornehmlich in Oberdeutschland //VSWG. 1954. Bd. 46.
- Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschland //Gesellschaftliche Unterschichten in südwestdeutschen Sädnten. Stuttgart. 1969.
- Maschke E. Mittelschichten in deutschen Städten des Mittelalters //Städtische Mittelschichten. Stuttgart. 1972.
- Menke J.B. Geschichtsschreibung und Politik in der deutschen Städte des Spätmittelalters //JbKG. 1950/60. Bd. 33-34.
- Meyer M. Die Haltung der Vertreter der Freien- und Reichsstädten auf den Reichstagen 1521 bis 1526 //JbGP. 1981. Bd. 6.
- Mittenzwei I. Bemerkungen zum Chrakter von Reformation und Bauernkrieg in Deutschland //Die frühbürgerlichen Revolution ...
- Mommert P. Geschichte der Nationalökonomie. Jena. 1927.

Muller J. Gesellschaftsreisen und Gewinnteile Endres Imhofs des Älteren als Teilhaber Handelsgesellschaft «Peter Imhof und Gebrüder» von 1508-1522 //VSWG. 1916. Bd.13.

Norden A. Herrscher ohne Krone. Berlin. 1975.

Nübling E. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter: Urkunden und Darstellung. Leipzig. 1890.

Nübling E. Die Reichsstadt Ulm am Ausgang des Mittelalters (1378-1556): Ein Beitrag zur deutschen Städten- und Wirtschaftsgeschichte. Ulm. 1904. Bd. I.

Peterka O. Zum handelsrechtlichen Inhalt der Gesellschaftsverträge Jacob Fugger der Reichen //Zeitschrift für gesammte Handels- und Konkursrecht. Stuttgart. 1913. Bd. 73.

Pölnitz G., von. Jacob Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutschen Renaissance. Bde 2. Tübingen. 1949/57.

Pölnitz G., von. Fugger und Hansc: Hundertjährige Kampf um Ostsee und Nordsee. Tübingen. 1953.

Pölnitz G., von. Augsburg Kaufleute und Bankherren des Renaissance //«Augusta 955-1955» ...

Pölnitz G., von. Anton Fugger: Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutsche Renaissance. Bde 2. Tübingen. 1958/63.

Pölnitz G., von. Die Fugger. Frankfurt am Main. 1960.

Pölnitz G., von. Die Anfänge der Weissenhomer Barchentweberei unter Jacob Fugger //Festschrift für H. Liermann. Erlangen. 1964.

Rörig F. Mittelalterliche Wirtschaft: Blüte und Ende Wirtschaftsperiode //Idem. Wirtschaftskräfte im Mittelalter. Weimar. 1959.

Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte. Bd. I: 1517-1530. München. 1901.

Scheuermann L. Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten. München; Leipzig, 1929.

Scheurle A. Wangen im Allgäu: Das Werden und Wachsen der Stadt. Wangen, 1950.

Schmidt H. Die deutschen Städtechroniken als Spiegel der bürgerlichen Selbstverständnisse im Mittelalter. Göttingen, 1958.

Schmoller G. Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung //JGVV. 1890/93.

Schnith K. Die Augsburg Chronik des Burkard Zink: Eine Untersuchung zur reichsstädtischen Geschichtsschreibung des 15. Jahrhundert. München, 1958.

Schubert F.H. Die Reformation in Augsburg //«Augusta 955-1955» ...

Schulte A. Geschichte der Grossen Ravensburger Handelsgesellschaft: 1380-1530. Bd. I: Darstellung. Berlin, 1923.

Simmacher H. Die Fuggertestamente des 16. Jahrhunderts. Göttingen, 1960.

Simonsfeld H. Der Fondaco dei Tedesci in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen im Mittelalter. Stuttgart, 1887.

Soetbeer A. Edelmetallproduktion und Wertverhältnisse zwischen Gold und Silber seit dem Zeit Entdeckung Amerikas bis zum Gegenwart. Gotha, 1880.

Srbick R.H., von. Geist und Geschichte von deutschen Humanismus bis zum Gegenwart. München; Leipzig. 1950. Bd. I.

Steinmetz M. Die frühbürgerlichen Revolution in Deutschland (1476-1535): Thesen //Die frühbürgerlichen Revolution ...

Stolz O. Geschichte der Landes Tirol. Innsbruck. 1935. Bd. I.

Stolz O. Geschichte des Zollwesens, Verkehr und Handel in Tirol und Voralberg. Innsbruck. 1952.

Strieder J. Die sogenannte Furligung, eine Institution des deutschen Gesellschaftsrechtes im Zeitalter der Frühkapitalismus //VSWG. 1912. Bd. 12.

Strieder J. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. München; Leipzig. 1925.

Strieder J. Zur Genesis des modernen Kapitalismus: Forschungen zur Entstehung des grossen bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgand des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zunächst in Augsburg. 2.Aufl. München. 1935.

Strohmer W., von. Oberdeutsche Hochfinanz: 1350-1450. Wiesbaden. 1970.

Suhle A. Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhundert. Berlin. 1971.

Tremel F. Der Frühkapitalismus in Innerösterreich. Graz, 1954.

Tremel F. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Österreichs. Wien, 1969.

Volkmann E. Germanische Handel und Verkehr im Mittelalter. Würzburg, 1925.

Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit: 1300-1525. München, 1954.

Welser H.; von. Bartolomeus Welser //LB. 1954. Bd. 4.

Welser H., von. Lucas Rem: 1481-1541 // LB. 1958. Bd. 6.

Werner T.G. Das Fremde Kapital in Annaberger Bergbau und Metallhandel des 16. Jahrhundert; Mit Berücksichtigung Kuxspekulation und der Verhältnisse in anderen erzgebirgischen Bergstädten //Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Ältertumskunde. Dresden. 1936/37. Bd. 57-58.

Westermann A. Die Zahlungeinstellung der Handelsgesellschaft der Gebrüder Zangmeister in Memmingen //VSWG. 1908. Bd. 7.

Westermann A. Zur Geschichte Memminger Weberzunft und ihre Erzeugnisse im 15. und 16. Jahrhunderten //VSWG. 1914. Bd. 12.

Westermann A. Memminger Handel und Handelsgesellschaften um die Wende von Mittelalter zur Neuzeit //MGBI. 1920. Bd. 6.

Westermayer F. Eitelhans Langenmantel //LB. 1955. Bd. 5.

Wiessner H. Geschichte Tirol und Kärnten Edelmetallbergbaus. Klagenfurt, 1950.

Wolfstrigl-Wolfskron M.; von. Die Tiroler Bergbau: 1301-1665. Innsbruck, 1903.

Wopfner H. Die Lage Tirols zu Ausgang des Mittelalters und die Ursachen des Bauernkrieges. Berlin; Leipzig, 1905.

Worms St. Schwatzer Bergbau im XV. Jahrhundert. Wien, 1904.

Zorn W. Augsburg: Geschichte einer deutschen Stadt. Augsburg, 1955.

Zycha A. Zur neusten Literatur über Wirtschafts- und Rechtsgeschichte des deutschen Bergbau //VSWG. 1907/08. Bd. 5-6.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт
ВИ – Вопросы истории. Москва
ГДР – Германская Демократическая Республика
ЕГИ – Ежегодник германской истории. Москва
МГПИ – Московский государственный педагогический институт
МГорПИ – Московский городской педагогический институт
МГУ – Московский государственный университет
МОПИ – Московский областной педагогический институт
СВ – Средние века. Москва
СГ – Средневековый город. Саратов
СГУ – Саратовский государственный университет
СИЭ – Советская историческая энциклопедия. Москва
УЗ – Ученые Записки
АÖГ – Archiv für Österreichische Geschichte. Wien
CDS – Die Chroniken der deutschen Städte von 14. bis 16. Jahrhunderten. Leipzig; Stuttgart; Gotha; Göttingen
JbGF – Jahrbücher für Geschichte Feudalismus. Berlin
JbGNO – Jahrbücher für Geschichte Mittel- und Ostdeutschland. Tübingen
JGVV – Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. Leipzig
JNÖS – Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena, Göttingen
LB – Lebensbilder aus der Geschichte Bayerischen Schwaben. München
MGBI – Memminger Geschichtsblätter
NF – Neue Folge
UB – Urkundenbuch
VSWG – Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart
ZfG – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin
ZHV – Zeitschrift des Historischen Vereins für Geschichte Schwaben und Neuburg. Augsburg
ZWLГ – Zeitschrift für Württembergische Geschichte. Stuttgart

[1+0=00]

Юрий Клавдиевич Некрасов

**ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ И БУРЖУАЗИЯ
ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ
В НАЧАЛЕ ПУТИ ОТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
К ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
1450 – 1550**

Монография

Подписано к печати 17. 05. 2005 г. Формат 60x84 1/16. Бумага «SvetoCopy». Печать – ризограф.
Уч.-изд. л. 21,0. Усл. печ. л. 17,0. Тираж 100 экз.

160035, Вологда, С. Орлова, 6, ВГПУ, изд-во «Русь»
Отпечатано: ООО «ИПЦ «Легия»,
160031, Вологда, Октябрьская, 19, к. 116.
Переплет: ООО ПФ «Полиграфист», 160035, Вологда, Челюскинцев, 3